От Бузулука до Праги

Людвик Свобода

SHOUT
SHARE
IT

- Свобода Людвик

Свобода Людвик
От Бузулука до Праги

Свобода Людвик
От Бузулука до Праги
Авторизованный перевод с чешского
Переводчики Грачев С. И. и Петров Ф. П.
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Генерал армии Людвик Свобода - бывший командир 1-го Чехословацкого армейского корпуса - рассказывает в своих воспоминаниях о формировании на советской земле в годы второй мировой войны чехословацких частей и об их участии в боях с фашистскими захватчиками на советско-германском фронте. Подробно описываются бои чехословацких войск у села Соколова, южнее Харькова, у Киева и Белой Церкви, участие 1-го Чехословацкого армейского корпуса в Карпатско-Дуклинской операции и в боевых действиях по освобождению Чехословакии. Автор приводит много примеров боевого содружества советских и чехословацких воинов и их героических подвигов в боях с гитлеровцами.

Содержание

Предисловие
От автора
За границей
1. Роковой год измены
2. Оккупанты пришли
3. Через Польшу в Советский Союз
4. Мы забрасываем парашютистов с территории СССР
Батальон
1. В путь
2. В Бузулуке
3. Эшелон № 22904
4. На фронт
5. Соколово
6. Контрудар
7. История раненого бойца
8. После первого боя
Бригада
1. Мы создаем бригаду вопреки интригам Лондона
2. Снова на фронт
3. На Днепре

4. Наступаем!
5. Наступление продолжается
6. Шесть дней и шесть ночей в боях
7. Под Жашковом
Корпус
1. С фронта на Волынь
2. Черновицы
3. Словакия восстала
4. У маршала Конева
5. Предательство
6. Начало боев в Карпатах
7. Кровавая высота 534
8. Вверх на Гирову гору!
9. Перед нами граница Чехословацкой Республики
В родной стране
1. Первые бои в Восточной Словакии
2. Эмигранты в Лондоне снова интригуют
3. Западно-Карпатская операция
4. С парашютно-десантной бригадой в Словацкие горы
5. Чехословацкий Маресьев
6. В разведку, в тыл врага
7. От Ондавы к Липтовскому Микулашу
8. Через Большую и Малую Фатру на Мораву
9. 1-я Чехословацкая смешанная авиационная дивизия в боях
10. Танковая бригада идет в бой
11. Бои за стальное сердце республики - Моравскую Остраву
12. Партизанская одиссея
13. Парад на Староместской площади
Примечания

Предисловие

Книга известного военного деятеля Чехословацкой Социалистической Республики генерала армии товарища Л. Свободы "От Бузулука до Праги" посвящена истории создания на территории СССР чехословацких воинских частей - основы Народной армии Чехословакии, развитию и укреплению братских отношений между народами Советского Союза и ЧССР, боевому содружеству вооруженных сил наших стран в борьбе против нацистской Германии. Книгу делает весьма ценной то, что в ней отражены многие важные вопросы минувшей войны и что написана она активным участником борьбы с германским фашизмом, командиром доблестных чехословацких формирований, действовавших на советско-германском фронте плечом к плечу с Советской Армией.

Ныне, когда западногерманский империализм, опираясь на

поддержку правящих кругов США, Англии и Франции, открыто требует восстановления германского рейха в довоенных границах и снаряжается для военных авантюр, воспоминания товарища Свободы приобретают особое звучание. Они возвращают нас к тому суровому и тяжелому времени, когда в гигантских сражениях, развернувшихся на советско-германском фронте, решалась судьба не только наших народов, советского и чехословацкого, но и всего человечества, решался вопрос освобождения целых стран и народов от коричневой чумы.

Под руководством Коммунистической партии советский народ и его доблестные Вооруженные Силы одержали всемирно-историческую победу над германским фашизмом, и эта победа оказала огромное воздействие на ход мирового развития. Разгромив гитлеровские орды, Советская Армия принесла народам Европы освобождение от немецко-фашистского ига. Народы Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы взяли власть в свои руки и приступили к строительству социализма. Сокрушив немецкий фашизм, советский народ и его Вооруженные Силы с честью выполнили свою интернациональную, освободительную миссию, снискав признательность и уважение во всем мире.

Книга "От Бузулука до Праги" начинается с описания трагических событий, последовавших за преступной мюнхенской сделкой, когда Англия, Франция и Соединенные Штаты Америки отдали ее на растерзание немецко-фашистскому зверю, надеясь, что, получив Чехословакию, Гитлер двинет свои силы на восток, против Советского Союза. С болью и возмущением пишет автор об этом гнусном предательстве по отношению к свободолюбивому чехословацкому народу, совершенном при полном непротивлении буржуазного правительства Чехословакии, которое было послушно воле правящих кругов западных стран.

Свидетель минувших событий и крупный военный специалист, автор убедительно разоблачает ложь, распространяемую мюнхенцами и буржуазными фальсификаторами истории, будто бы у Чехословакии не было выхода перед лицом гитлеровской угрозы. Л. Свобода на фактах показывает, что к осени 1938 года чехословацкая армия являлась одной из наиболее подготовленных армий Европы, что гитлеровская военная машина в то время еще не обладала бесспорным превосходством ни по количественному составу, ни в техническом оснащении. Чехословацкие войска вполне могли противостоять немецким фашистам в случае их нападения и защитить территорию своего государства до прихода на помощь союзных советских войск.

Все вооруженные силы гитлеровской Германии состояли в 1938 году из 35 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 4 легких, 3 горно-стрелковых дивизий и 1 кавалерийской бригады. Им противостояло 45 хорошо вооруженных, исполненных патриотического духа чехословацких дивизий. Чехословакия располагала большим количеством первоклассного артиллерийского и стрелкового вооружения. Помимо всего этого, Чехословакия имела на своих границах с Германией мощные оборонительные сооружения. Так что положение Чехословакии в 1938 году было отнюдь не безнадежным, как уверяли мюнхенцы. К тому же, подчеркивает генерал Свобода, гитлеровская армия почти не располагала обученным резервом.

Буржуазное правительство Чехословакии объясняло свою капитуляцию тем, что страна перед лицом угрозы нападения Гитлера якобы осталась в одиночестве, без поддержки союзников. Оно скрыло от чехословацкого народа тот факт, что Советское правительство выразило готовность оказать военную помощь Чехословакии, даже если Франция нарушит условия франко-чехословацкого договора. Идя на поводу у империалистов Англии, Франции и США, буржуазные правители Чехословакии отказались от помощи СССР и, таким образом, предали национальные интересы своей страны.

Мюнхенская сделка позволила Гитлеру полностью оккупировать Чехию и Моравию и присоединить их к германской империи в качестве протектората. На территории Словакии было создано марионеточное государство во главе со словацкими фашистами, состоявшими на службе у Гитлера.

Правительства США, Англии и Франции признали и одобрили захват гитлеровцами Чехословакии. Они ограничились лишь формальными нотами по поводу того, что Гитлер с ними "не проконсультировался".

Советский Союз был единственным государством, которое выступило в защиту прав Чехословацкой Республики, ее свободы и независимости. Советское правительство отказалось признать расчленение и захват гитлеровцами Чехословакии и выразило резкий протест против свершившейся фашистской агрессии. На протяжении всего последующего времени Советский Союз твердо и неуклонно осуществлял политику, направленную на освобождение Чехословакии от гитлеровского гнета.

В тяжелый период фашистской оккупации чехословацкий народ был лишен политических прав. Нацистские разбойники расхищали его национальные богатства. В стране господствовал фашистский террор. В гестапо и концентрационных лагерях гитлеровцы истязали и убивали тысячи чехословацких патриотов.

Но народ Чехословакии не склонился перед иноземными поработителями. Под руководством славной Коммунистической партии Чехословакии трудящиеся развернули героическую борьбу против немецких оккупантов и их пособников как внутри страны, так и за ее пределами, борьбу неравную, которая велась в труднейших условиях. Лучшие сыны и дочери Чехословакии, члены Коммунистической партии, встали в первые ряды движения Сопротивления. Борьба чехословацких патриотов приобрела особенно большой размах после вероломного нападения гитлеровцев на Советский Союз.

Чехословацкие коммунисты, все передовые люди страны видели в Советском Союзе, в героических действиях его славных Вооруженных Сил решающий фактор разгрома гитлеровской Германии и освобождения своей страны. Каждый новый успех Советской Армии на решающем советско-германском фронте вливал в эту борьбу новые силы, придавая ей еще больший размах и активность.

Коммунистическая партия Чехословакии явилась организатором и заботливым воспитателем чехословацких воинских частей, создаваемых на территории Советского Союза.

Покойный президент Чехословацкой Республики Антонин Запотоцкий говорил: "Во время нацистской оккупации Чехословакии - в это самое тяжелое время нашей современной истории - Советский Союз был нашей единственной надеждой и поддержкой. Смелость и храбрость советских людей в борьбе против фашистских захватчиков придавали силу и упорство нашим борцам за свободу, нашим партизанам в Словакии и Чехии. Смелость и храбрость советских людей передавались бойцам нашего 1-го Чехословацкого армейского корпуса, который сначала на советской земле, а потом на земле своей Родины боролся против фашизма за свободу, за истинно народную Чехословацкую Республику"{1}.

С самого начала Великой Отечественной войны Советское правительство заявило, что считает Чехословакию своим союзником, и выразило готовность к совместным действиям в войне против фашистской Германии.

Соглашения между СССР и Чехословакией от 18 июля 1941 года и 27 сентября 1941 года определили порядок формирования чехословацких воинских частей в СССР и военного сотрудничества советских и чехословацких войск. Снабжение чехословацких воинских частей оружием, боеприпасами, снаряжением, а также различными материалами и денежными средствами, несмотря на трудности военного времени, взяло на себя Советское государство, предоставив для этой цели

чехословацкому правительству специальный заем. Оказание помощи Чехословацкой Республике в деле организации воинских частей правительство Советского Союза осуществляло в момент величайшего напряжения всех сил советского народа, который в тот период вел один на один тяжелейшую борьбу против вооруженных до зубов немецко-фашистских полчищ.

Автор книги "От Бузулука до Праги" рассказывает о возникновении, росте и укреплении чехословацких воинских частей на территории СССР в период Великой Отечественной войны, о героических подвигах их личного состава на фронтах; об интригах чехословацкого эмигрантского правительства, которое, следуя политике правящих кругов западных стран, думало в первую очередь о том, чтобы вновь утвердить в Чехословакии старые буржуазные порядки.

Генерал Л. Свобода подробно описывает боевой путь чехословацких военных формирований, рассказывает о мужестве и героизме чехословацких солдат и офицеров, плечом к плечу с воинами Советской Армии беззаветно боровшихся на советско-германском фронте за общее правое дело. Какая это неодолимая сила народы, объединившиеся в тесный союз во имя самых светлых и справедливых идей, против сил агрессии, угнетения и рабства!

Первая чехословацкая воинская часть (1-й отдельный батальон) в Советском Союзе была сформирована из чехословацких граждан в феврале 1942 года в городе Бузулуке Оренбургской области. Во главе ее был поставлен замечательный патриот Л. Свобода.

Помимо необходимого материального и военно-технического обеспечения, Советское правительство направило в чехословацкий батальон военных инструкторов, которые оказали большую помощь в обучении его личного состава. В результате всесторонней поддержки и помощи со стороны советского народа, а также самоотверженных усилий чехословацких воинов 1-й батальон уже к осени 1942 года в основном завершил курс боевой подготовки. Его командование от имени всех солдат и офицеров обратилось к Верховному Главнокомандованию Вооруженных Сил СССР с просьбой направить батальон на фронт. Эта просьба была удовлетворена. 30 января 1943 года 1-й Чехословацкий отдельный батальон в составе 979 солдат и офицеров, в том числе 38 женщин, был направлен на один из участков Воронежского фронта, в район Харькова, где шли напряженные бои с немецко-фашистскими войсками.

Прибытие чехословацких патриотов явилось радостным событием для воинов Воронежского фронта. Солдаты, сержанты и

офицеры хорошо сознавали значительность того факта, что плечом к плечу с ними против ненавистных фашистских захватчиков будут сражаться братья-чехословаки. Командование, Военный совет фронта видели в воинах 1-го батальона представителей славного чехословацкого народа, основу его будущей армии. Все мы гордились тем, что первая чехословацкая воинская часть была включена в состав нашего фронта и здесь получила боевое крещение. Нам было понятно политическое значение присутствия в наших рядах воинов-чехословаков; как командующий фронтом, я сознавал ответственность за правильное отношение к этой части и ее использование в боях.

Батальон прибыл на Воронежский фронт в то время, когда гитлеровские войска пытались организовать контрнаступление против продвигающихся на запад советских войск. Военный совет фронта принял решение поручить чехословацкому батальону оборону важного участка - в районе села Соколово, на северном берегу реки Мжи, юго-западнее Харькова.

Личный состав чехословацкого батальона показал отличную боевую выучку, офицеры действовали умело, солдаты под их командованием сражались храбро. Во взаимодействии с советскими гвардейцами чехословацкие воины отбивали яростные атаки немецких автоматчиков, поддерживаемых десятками танков. В первый день боев за Соколово противник потерял 19 танков, 6 бронетранспортеров и 300 человек убитыми. В тяжелых и упорных боях с превосходящими силами гитлеровцев отличился весь батальон. Особый героизм, стойкость и мужество проявил личный состав 1-й роты, командиром которой был замечательный сын чехословацкого народа, бесстрашный воин и патриот надпоручик Отакар Ярош. Рота надпоручика Отакара Яроша отразила многократные танковые атаки врага и нанесла гитлеровцам большие потери. Несмотря на огромный численный перевес сил противника, 1-я рота не отступила ни на шаг, ее командир, дважды раненный, продолжал руководить боем и своим примером воодушевлял воинов.

Командование Советской Армии, Советское правительство высоко оценили мужество и героизм, проявленные личным составом 1-го Чехословацкого батальона в этом бою. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года 86 солдат и офицеров батальона были награждены орденами и медалями Советского Союза. Бесстрашному командиру 1-й роты Отакару Ярошу, павшему под Соколовом смертью героя, было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Ярош - первый иностранный воин, удостоенный этой высокой награды. Светлая память о подвиге Отакара Яроша и его товарищей будет

вечно жить в сердцах чехословацких и советских граждан.

Боевые действия под Соколовом сыграли значительную роль в развитии антифашистской борьбы чехословаков, в укреплении боевого содружества советских и чехословацких войск.

В мае 1943 года между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой было заключено новое соглашение, по которому Чехословакии предоставлялось все необходимое для содержания бригады на территории СССР в период войны. Осенью 1943 года 1-я Чехословацкая бригада включилась в боевые действия советских войск в районе Киева.

Это был период, когда после разгрома немецко-фашистских полчищ на Курской дуге продолжалось мощное наступление Советской Армии. Под ударами наших войск гитлеровские дивизии откатывались на запад. Уже были освобождены две трети захваченной оккупантами нашей территории.

Войска 1-го Украинского фронта готовились к освобождению столицы Украины - Киева. Чехословацкая бригада под командованием Л. Свободы была включена в состав 51-го стрелкового корпуса 38-й армии. 5 ноября 1943 года 1-я Чехословацкая отдельная бригада совместно с частями 136-й и 240-й советских стрелковых дивизий атаковала позиции противника северо-западнее Киева на направлении главного удара.

Как и в боях за Соколово, чехословацкие воины в сражении за Киев, а впоследствии в боях под Белой Церковью, Жашковом и на других направлениях проявили образцы мужества и отваги, они показали себя достойными боевыми соратниками своих советских братьев по оружию. Приказом Советского Верховного Главнокомандования личному составу частей и соединений, отличившихся в боях за Киев, в том числе 1-й Чехословацкой бригаде, была объявлена благодарность. Бригада была награждена орденом Суворова II степени, многие чехословацкие солдаты и офицеры отмечены орденами и медалями СССР, а двоим из них - поручику Антонину Сохору и поручику Рихарду Тесаржику - было присвоено звание Героя Советского Союза.

В апреле 1944 года Советская Армия вышла на государственную границу с Чехословакией. Чехословацким воинам представилась возможность с оружием в руках принять активное участие в освобождении родной земли от фашистских захватчиков.

Советское правительство, разделяя стремление чехословацких патриотов внести возможно больший вклад в дело освобождения Чехословакии, удовлетворило их просьбу увеличить количество чехословацких воинских частей на

территории СССР.

В мае 1944 года началось, а в июле того же года закончилось формирование 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Советское правительство вновь предоставило все необходимое для вооружения и снаряжения его частей и соединений. Так за короткий срок в тяжелых условиях военного времени на территории СССР из отдельного батальона выросло крупное соединение чехословацкой армии. Это оказалось возможным благодаря братской помощи Коммунистической партии и Советского правительства, благодаря большой работе, проводимой Коммунистической партией Чехословакии.

Под влиянием исторических побед Советской Армии росло и ширилось национально-освободительное движение народов стран, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками. По мере продвижения советских и чехословацких воинов к границам Чехословакии приближалось ее освобождение от ненавистного фашистского ига. Это вливало новые силы в героическую борьбу чешских и словацких патриотов в тылу немецких войск. 29 августа 1944 года в Словакии вспыхнуло вооруженное восстание против гитлеровцев и их словацких прихвостней.

8 сентября 1944 года началось наступление советских войск в Карпатах, в нем участвовал 1-й Чехословацкий армейский корпус. 6 октября 1944 года вместе с советскими войсками корпус в районе Дукельского перевала вступил на территорию Чехословацкой Республики. Началось освобождение Чехословакии от фашистских оккупантов.

Наступление 38-й армии, в состав которой входил чехословацкий корпус, развивалось в очень трудных условиях горно-лесистой местности. Положение осложнялось тем, что в результате предательства командования словацких войск, дислоцированных в восточной части Словакии, противнику удалось разоружить две словацкие дивизии, которые должны были включиться в борьбу против гитлеровцев и ударом в тыл немецко-фашистских войск содействовать наступлению советских и чехословацких соединений с фронта. Это позволило противнику сосредоточить значительные силы и на некоторое время задержать продвижение наших войск.

Несмотря на огромные трудности и тяжелые условия, в которых развивалась Карпатско-Дуклинская операция, советские и чехословацкие воины уже в первых боях нанесли сильные удары по немецко-фашистским войскам. Советским и чехословацким войскам помогали словацкие партизанские отряды, которые громили тыловые коммуникации противника, уничтожали

воинские эшелоны, взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, истребляли вражеских солдат и офицеров.

К концу ноября 1944 года наступающие советские и чехословацкие соединения с боями заняли ряд населенных пунктов на чехословацкой территории и вышли к реке Ондаве.

Генерал армии Л. Свобода правдиво показывает, как чехословацкое эмигрантское правительство, которое и раньше мешало развертыванию чехословацких частей на территории Советского Союза, попыталось запретить пополнение личного состава частей корпуса за счет населения освобожденной чехословацкой территории. Оно хотело не усиления, а ослабления чехословацких воинских частей. Его пугало боевое настроение солдат и офицеров, укрепление авторитета и рост влияния Коммунистической партии Чехословакии среди чехословацких воинов. Буржуазное правительство в Лондоне понимало, что ему не удастся использовать эти воинские формирования в реакционных целях после того, как Чехословакия будет освобождена. Вместо боевых патриотических частей оно намеревалось создать полицейские отряды, которые в послевоенный период можно было бы использовать в интересах класса буржуазии для подавления революционных выступлений трудящихся. Однако эти замыслы провалились.

Чехословацкие патриоты под руководством Коммунистической партии Чехословакии, при широкой помощи Советского правительства развернули большую работу по укреплению и подготовке корпуса к новым боям за полное изгнание гитлеровцев с чехословацкой территории. Части корпуса пополнились молодыми воинами, призванными на освобожденной территории Словакии. В короткий срок была сформирована новая бригада, 1-й Чехословацкий авиационный полк был реорганизован в авиационную дивизию.

Начало 1945 года ознаменовалось могучим наступлением наших Вооруженных Сил на всем протяжении советско-германского фронта. Наши войска, громя отступающие фашистские армии, вышли на подступы к Берлину. Войска 2-го и 4-го Украинских фронтов, в составе которых действовали соединения и части 1-го Чехословацкого корпуса, успешно продвигались на запад, освобождая территорию Чехословакии. Нанося по фашистским захватчикам удар за ударом, советские и чехословацкие соединения освободили города Лученец, Прешов, Кошице, Спишска Нова Вес, Левоча, Попрад и многие другие крупные населенные пункты. В марте 1945 года были освобождены города Зволен и Комарно, в апреле - Брно, Моравска Острава и столица Словакии - Братислава. Фронт

неудержимо приближался к столице Чехословакии - Праге. Население освобожденных чехословацких городов и деревень с радостью и воодушевлением встречало героических советских и чехословацких воинов.

Гитлеровская военная машина была разбита, фашистская Германия капитулировала. В это время находившаяся на территории Чехословакии крупная группировка немецко-фашистских войск под командованием генерал-фельдмаршала Шернера, стремясь уклониться от капитуляции перед Советской Армией, оказывала яростное сопротивление наступающим советским и чехословацким войскам.

5 мая 1945 года трудящиеся Праги восстали против оккупантов. Их героической борьбой руководила Коммунистическая партия Чехословакии. Гитлеровцы бросили против повстанцев многочисленные войска. Над Прагой нависла угроза варварского разрушения. Тогда восставшие обратились за помощью к Советской Армии. По приказу Верховного Главнокомандования на помощь населению чехословацкой столицы из-под Берлина были направлены две танковые армии. Советские танкисты, проделав 350-километровый марш, утром 9 мая 1945 года вступили на улицы Праги. Советская Армия, принесшая свободу братскому чехословацкому народу, спасла от разрушения его древнюю столицу.

В течение двух последующих дней советские войска совместно с чехословацкими патриотами освободили все оставшиеся в руках гитлеровцев чехословацкие города и заставили капитулировать вражеские дивизии.

Разгромом остатков немецко-фашистских войск на территории Чехословакии закончилась война в Европе.

17 мая 1945 года в Праге на Староместской площади состоялся первый после освобождения страны парад чехословацких войск. Ликующий народ радостно приветствовал воинов чехословацкого соединения, которые плечом к плечу с советскими войсками прошли славный путь от Соколова до Праги и совместно пролитой кровью в боях с общим врагом навечно скрепили братскую дружбу советского и чехословацкого народов.

С величайшим подъемом и трудовым энтузиазмом народ Чехословакии под руководством компартии приступил к строительству новой жизни на освобожденной земле.

С тех пор прошел сравнительно небольшой исторический срок. Чехословацкий народ под руководством своей Коммунистической партии проделал огромную созидательную работу и построил мощный бастион социализма Чехословацкую Социалистическую Республику.

Подобно тому как в военные годы наши народы совместно боролись против общего врага, так и теперь, в мирное время, в братском содружестве с народами других стран могучего социалистического лагеря, рука об руку строят они новую счастливую жизнь, решительно борются за прочный мир во всем мире.

Чехословацкая Социалистическая Республика вместе с другими социалистическими странами является участником Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Советский народ гордится тем, что чехословацкая Народная армия родилась и закалилась в тесном боевом содружестве с Советской Армией в совместной борьбе против общего врага - германского фашизма. В сердцах советских людей вечно будет жить память о наших боевых соратниках - воинах 1-го Чехословацкого армейского корпуса, о славных чехословацких партизанах, о героях Словацкого народного восстания.

Чехословацкие воины в боях с врагами своей родины показали образцы мужества и героизма, ныне в социалистической Чехословакии они показывают образцы самоотверженного труда. Из рядов отважных солдат и офицеров чехословацких воинских формирований, которые начали свой боевой путь в далеком заволжском городе Бузулуке, вышли крупные военные работники. Среди них товарищи Б. Ломский, О. Рытирж, В. Янко и многие другие.

Боевое содружество наших армий выдержало самые суровые испытания, эта братская дружба крепнет с каждым днем, она нерушима.

Трудящиеся Чехословацкой Социалистической Республики видят в советско-чехословацкой дружбе залог своей национальной независимости, государственной целостности и своих успехов. Первый секретарь КП Чехословакии товарищ А. Новотный, выступая на XXII съезде КПСС, сказал: "Весь этап строительства нашего социалистического общества исполнен проявлениями глубокой братской дружбы народов Советского Союза к чехословацкому народу, нашедшей в течение прошлых лет свое выражение в большой политической и моральной помощи, оказываемой Чехословакии. Тот факт, что мы можем опираться на Союз Советских Социалистических Республик, позволяет нам с уверенностью намечать наши цели и является гарантией безопасности нашей страны"{2}.

Как подчеркивается в решениях исторического XXII съезда КПСС, дальнейшее укрепление единства социалистических стран, повышение их могущества и обороноспособности является одной

из самых важных задач. Это полностью относится к отношениям между Советским Союзом и Социалистической Чехословакией.

"Дружба между нашими странами, основанная на принципах пролетарского интернационализма, взаимной всесторонней поддержки, - говорил Н. С. Хрущев в своей речи при встрече партийно-правительственной делегации Чехословакии 2 июля 1958 года, - отвечает коренным жизненным интересам наших народов, интересам всего социалистического лагеря в целом. Вместе с тем эта сердечная и нерушимая дружба способствует делу укрепления мира в Европе, как и во всем мире"{3}.

Вооруженные Силы Советского Союза, чехословацкая Народная армия, армии других социалистических стран стоят в едином боевом строю. Они объединены, глубокой преданностью всепобеждающему учению марксизма-ленинизма, делу коммунизма.

Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Чехословакии проявляют неустанную заботу об укреплении оборонной мощи своих стран, об оснащении своих вооруженных сил современной техникой и оружием, и эта забота воодушевляет личный состав наших армий на решение самых сложных и трудных задач, обеспечивающих жизненные интересы СССР, ЧССР и всех стран социалистического лагеря.

Книга генерала Л. Свободы представляет несомненный интерес для широкого круга советских читателей. Ее с вниманием прочтут воины армии и флота участники минувшей войны и наша молодежь. Страницы этой книги правдиво, с большой искренностью расскажут читателям о мужестве, отваге и самоотверженности чехословацких патриотов, о величии боевой дружбы советских и чехословацких воинов, закаленной в совместной борьбе с злейшим врагом народов - германским фашизмом, о братской помощи и поддержке, которую оказал советский народ чехословацкому народу в его справедливой борьбе за свободу и независимость своей родины.

Героические события, описанные в книге, являются замечательным свидетельством непреоборимой силы идей пролетарского интернационализма, они напоминают о необходимости высокой бдительности народов к происками империалистической реакции.

Интересы защиты каждой из стран социализма от посягательств империалистов в современных условиях неотделимы от вопроса о безопасности социалистического лагеря в целом. "Советский Союз, - говорится в Программе КПСС, - считает своей интернациональной обязанностью обеспечивать

вместе с другими социалистическими странами надежную защиту и безопасность всего социалистического лагеря". Пока существуют империалистические агрессоры, мы должны быть начеку, держать порох сухим, укреплять и совершенствовать оборону социалистических стран, их вооруженные силы.

Маршал Советского Союза Ф. ГОЛИКОВ

От автора

"Мы с огромным удовлетворением можем отметить, - говорил Н. С. Хрущев на X съезде Коммунистической партии Чехословакии, - что взаимоотношения между народами наших стран, начиная с древних времен и до настоящего времени, всегда основывались на искренней и горячей дружбе. Особенно окрепла дружба между советским и чехословацким народами в годы второй мировой войны. Мы помним битвы в районах Соколово, Белая Церковь, Жашков и других городов и сел Советского Союза, где советские и чехословацкие воины плечом к плечу сражались против общего врага. Советские люди помнят, что героические чехословацкие воины вместе с нашей славной Советской Армией участвовали в освобождении столицы Советской Украины древнего города Киева... Я не раз видел в боевой обстановке чехословацкие части и хорошо знаю, как доблестно они сражались. Героическую борьбу против оккупантов вели партизаны Чехословакии, действовавшие совместно с советскими партизанами. Горы Словакии, улицы и площади Праги, долины Грона, Вага, Влтавы и Лабы, поля и леса Чехословакии орошены кровью чешских, словацких и советских воинов, совместно пролитой ими в борьбе за честь, свободу и независимость наших народов"{4}.

В годы второй мировой войны в Советском Союзе родились первые части чехословацкой Народной армии. Личный состав этих частей в смертельной схватке человечества с фашизмом безоговорочно встал на сторону советского народа и вместе с Советской Армией сражался против гитлеровских орд.

О создании и боевом пути этих частей я и написал эту книгу. Это не роман, а повествование о всех важнейших и знаменательных событиях, связанных с рождением чехословацкой Народной армии на территории нашего самого верного друга - Советского Союза, о боевом пути первых частей наших новых вооруженных сил. Это был долгий путь, чехословацкие воины прошли его в течение 26 месяцев ожесточенных боев против немецко-фашистских войск. Наш боевой путь был долгим, но славным. Он начался в Советском Союзе, в приуральском городе Бузулуке, Оренбургской области, и окончился в столице Чехословакии - освобожденной Праге. На пути между этими

двумя городами чехословацкие воины прошли Советскую Украину, с боями преодолели покрытые лесами Карпатские горы, пробились через Словакию с ее разлившимися реками и горными кряжами Большой и Малой Фатры и через польскую Силезию и Моравию вышли к нашей родной Праге.

Книгу "От Бузулука до Праги" я написал в основном для молодежи Чехословацкой Социалистической Республики, чтобы познакомить прежде всего ее с героизмом многих десятков чехословацких воинов - сынов и дочерей чешского и словацкого народов и парней и девчат из Закарпатской Украины. Герои книги - не вымышленные люди, а те, кто в смертельной схватке человечества с фашизмом взяли в руки оружие и вместе с Советской Армией сражались за свободу советского, польского и чехословацкого народов. В этой титанической борьбе они не жалели ни сил, ни крови, а когда нужно было, они, ни минуты не колеблясь, готовы были отдать свою жизнь за победу над врагом.

Но не только поэтому я написал эту книгу. Рассказывая о мужестве чехословацких воинов, сражавшихся вместе с советскими воинами на советско-германском фронте, я преследовал и другую цель. Мне хотелось на вечные времена запечатлеть то, что так сблизило и сроднило наши народы, показать, где и как ковалась дружба народов Союза Советских Социалистических Республик и народов Чехословацкой Социалистической Республики, та дружба, которая глубокими корнями уходит в национальную историю обеих наших братских стран.

Дружественные отношения между нашими странами взаимно развивались еще в эпоху национального возрождения, в период борьбы с чужеземным владычеством и особенно окрепли в революционных боях. Плечом к плечу с русским пролетариатом в рядах Красной Гвардии и Красной Армии с оружием в руках сражались тысячи чехов и словаков, защищая Октябрьскую революцию, молодое Советское социалистическое государство освобожденных рабочих и крестьян. Совместно пролитая кровь советских и чехословацких бойцов во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР и особенно в годы Великой Отечественной войны еще более укрепила чехословацко-советскую дружбу. В результате этой совместной борьбы родилась наша свобода, наше счастливое социалистическое сегодня и еще более счастливое коммунистическое завтра.

Действительно, без братской помощи со стороны Советского правительства, Коммунистической партии Советского Союза, Советского Верховного Главнокомандования и советского народа

в вопросе формирования чехословацких воинских частей на территории СССР наше войско никогда бы не родилось. Лондонская клика Бенеша немало сделала для того, чтобы сорвать формирование и участие в боях чехословацких частей на территории Советского Союза против гитлеровских полчищ. Бенеш и его эмигрантское буржуазное правительство справедливо опасались, что совместная борьба советских и чехословацких воинов против общего врага еще больше укрепит чехословацко-советскую дружбу. Но то, чего они больше всего опасались, случилось. Благодаря большой и действительно братской моральной поддержке и бескорыстной материальной помощи советского народа, его правительства и армии, а также благодаря поддержке московского руководства КПЧ, вопреки воле лондонского правительства Бенеша, но в полном соответствии с требованием и желанием чехословацких патриотических сил в СССР и на оккупированной врагом родине, возникла и развилась на территории Советского Союза чехословацкая воинская часть.

Благодаря широкой советской помощи и поддержке она из отдельного батальона выросла в армейский корпус. Все наши победы на полях сражений на советско-германском фронте в тяжелые годы Великой Отечественной войны неразрывно связаны с той огромной помощью и поддержкой, которые оказывали нам Советское правительство, весь советский народ и советское Верховное Главнокомандование. И этого наш народ, по воле которого родившееся в СССР чехословацкое войско после освобождения славной Советской Армией Чехословакии стало основой его вооруженных сил, ставших на защиту мирного труда, никогда не забудет!

О совместных боях чехословацких и советских воинов, плечом к плечу сражавшихся во время Великой Отечественной войны и проливавших кровь во имя свободы своих народов, вписавших своими боевыми подвигами новые славные страницы в историю наших братских армий, рассказываю я в своей книге, чтобы отныне и навеки осталось свидетельство о нерушимой чехословацко-советской дружбе, закаленной в огне боев второй мировой войны!

Л. СВОБОДА

Никогда не забудем, как легко мы утратили свободу и как тяжело, ценой великих усилий и огромных жертв нашего и особенно советского народа, мы добывали ее вновь!

За границей

1. Роковой год измены

Еще и сегодня нередко можно слышать вопрос: могли ли мы в 1938 году защитить Республику от агрессии Гитлера, в тот

момент когда немецкие войска уже оккупировали Австрию, а французское правительство, уклонившись от выполнения франко-чехословацкого договора, с молчаливого согласия Англии и Америки отдало Чехословакию на съедение фашизму? На этот вопрос можно ответить совершенно определенно: да, с помощью Советского Союза мы могли бы отстоять тогда нашу независимость!

После окончания второй мировой войны и освобождения Чехословакии мне довелось участвовать в Нюрнбергском процессе над гитлеровскими военными преступниками. Тогда меня особенно интересовал вопрос, каково же было в 1938 году действительное соотношение сил Чехословацкой Республики и нацистской Германии.

Бывший начальник главного штаба гитлеровских вооружейных сил генерал-фельдмаршал Кейтель на этом процессе заявил: "В период Мюнхена Германия не была подготовлена к вооруженному конфликту. Если бы в. марте 1938 года союзники позволили Чехословацкой Республике провести мобилизацию, Гитлер не смог бы. оккупировать даже Австрию..." Другие гитлеровские министры и генералы также утверждали, что внутреннее положение Германии из-за некоторых экономических трудностей было весьма сложным и Гитлер не осмелился бы напасть на Чехословакию, если бы чехословацкое правительство приняло необходимые меры для отражения агрессии. Это подтверждают и документы того периода. Вот что сообщал наш посол в Берлине президент ту Бенешу: "Экономический спад еще более усилился.

Между Гитлером, генералитетом и политическими деятелями имеются серьезные разногласия. Германия стремится преодолеть экономические трудности усилением импорта. По сравнению с 1936 годом ввоз пшеницы увеличился более чем в пятнадцать раз, кукурузы в шесть раз, овса почти в сорок раз. Народ вынужден туже подтягивать пояс..."

Накануне катастрофы 19 сентября 1938 года от чехословацкого военного атташе в Берлине было получено донесение: "С полным сознанием ответственности заявляю: никаких уступок с нашей стороны, надо стоять твердо!"

А вот соотношение сил Чехословацкой Республики и Германии. В 1938 году Чехословакия имела 45 дивизий; она располагала 2 миллионами обученных солдат. Все вооруженные силы гитлеровской Германии состояли в то время из 35 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 4 легких, 3 горно-стрелковых дивизий и 1 кавалерийской бригады. Общая численность фашистского вермахта составляла 2 миллиона 200 тысяч человек.

(Не надо забывать, что в связи с действием Версальского мирного договора немецкая армия почти не имела обученного резерва.) По этим данным и неспециалист может видеть, что нацисты не располагали необходимыми для наступательных операций силами.

К тому же наши пограничные укрепления были совершеннее хваленой немецкой линии Зигфрида или знаменитой французской линии Мажино. После захвата пограничных районов нацистские саперы пытались взорвать наши укрепления, но безуспешно.

Удельный вес Чехословакии на мировом рынке по продаже оружия и боеприпасов в тот период составлял 40 процентов. 10 наших крупных оборонных заводов могли ежемесячно поставлять 1600 станковых и 3000 ручных пулеметов, 130 тыс. винтовок, 7000 гранатометов, 200 орудий и сотни танков и самолетов. В сентябре 1938 года мы имели вооружение и снаряжение на 50 дивизий.

О том, какая огромная военная добыча досталась тогда противнику, частично свидетельствует признание, сделанное Гитлером 23 апреля 1939 года: "Хочу, чтобы вы имели хотя бы некоторое представление о почти астрономических цифрах, которые дает нам этот международный арсенал (Чехословакия. - Л. С.), расположенный в Центральной Европе. Со времени оккупации мы получили 582 самолета, 581 противотанковую пушку, 2175 орудий всех калибров, 735 минометов, 468 тяжелых танков, 43 тыс. 876 пулеметов, 114 тыс. пистолетов. I миллион 20 тыс. винтовок, 3 миллиона гранат и огромное количество боеприпасов..."

Эти данные наглядно подтверждают, что мы не были безоружными. Мы не были также и в одиночестве, как это внушали народу предатели из нашей буржуазии. Правда, Франция и Великобритания под давлением правительства США не раз отказывались от своих союзнических обязательств. Отдавая Гитлеру Чехословакию, они тем самым якобы сохраняли мир. Так, по крайней мере, эти страны заявляли официально. На самом же деле они просто открывали Гитлеру путь на восток против Советского Союза, который был для них как бельмо на глазу.

Англия и США во многом способствовали возрождению экономического и военного потенциала Германии. При их прямом попустительстве Гитлер овладел почти всей Европой и использовал экономические и людские ресурсы оккупированных стран для создания огромной военной машины. Впоследствии он направил ее против Советского Союза. Всего этого не было бы, если бы правительства западных капиталистических стран в

1938-1939 годах не отвергли многочисленных предложений Советского Союза о принятии решительных мер по пресечению гитлеровской агрессии!

Нет, в 1938 году мы не были одиноки и не были брошены на произвол судьбы. И тогда нас бескорыстно поддерживал Советский Союз. Советское правительство заверило президента Бенеша, что оно выполнит союзнические обязательства и придет на помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция не сохранит верность франко-чехословацкому договору.

Правительство СССР заявило, что Красная Армия немедленно придет на помощь Чехословакии даже в том случае, если панская Польша и королевская Румыния откажутся пропустить советские войска через свою территорию. На границах этих стран Советское правительство сосредоточило 130 дивизий и свыше 5000 самолетов. В Прагу были направлены авиационные специалисты и офицеры ВВС для руководства переброской авиационных парашютно-десантных частей Красной Армии.

Но клика Бенеша не была заинтересована в помощи со стороны СССР. Бенеш не обратился к Советскому Союзу за помощью в соответствии с имевшимся договором, который он, будучи министром иностранных дел, лично подписал 16 мая 1935 года. Более того, эта помощь не была принята, когда Советский Союз предложил ее.

Хотя военная помощь, предложенная Советским Союзом Чехословакии, ни в коей мере не угрожала внутреннему строю нашей страны, она пугала Бенеша больше, чем Гитлера. В этой бескорыстной помощи он увидел опасность "большевизации" Чехословакии. "Я не могу взять на себя ответственность и пустить большевиков в Европу..." - заявил он перед тем как сложить с себя полномочия президента. Не обратился Бенеш и к Лиге Наций. В написанных позднее мемуарах он объясняет это своим нежеланием вмешиваться в ход событий. Однако спустя пять лет ему все-таки пришлось приехать в Москву, чтобы присутствовать при подписании нового договора с тем же самым большевистским правительством. Но к тому времени от рук гитлеровских палачей уже пало 200 тыс. чехов и словаков, а к концу войны эта цифра достигла 360 тыс. человек. Наши жертвы не были бы столь велики, если бы в сентябре 1938 года нацистская третья империя получила должный отпор. И ответственность за это лежит целиком и полностью на Бенеше, чью вину перед народом не сотрет даже время.

Именно Бенеш выпросил у французского и английского правительств соответствующие ноты, в которых в ультимативной форме было высказано требование передать чехословацкие

пограничные области Гитлеру. А чтобы не допустить выступления возмущенных народных масс в критические сентябрьские дни, он назначил главой правительства вместо крупного помещика Годжи генерала Сыровы.

Народ воспринял это назначение с одобрением; "Солдат встал во главе правительства, - говорили в народе. - Этот без боя не сдаст Республику Гитлеру!"

Президент объявил всеобщую мобилизацию - она прошла блестяще. Через несколько часов после объявления приказа о мобилизации армия заняла укрепления вдоль границ. Она была готова совместно с народом защищать родную землю от коричневой чумы (часть войск была уже сосредоточена на границе с Германией после частичной мобилизации в мае 1938 года) и принести во имя свободы любые жертвы.

И вдруг граждане нашей Республики услышали по радио сообщение генерала Сыровы, сделанное им от имени президента и верховного главнокомандующего. Он объявил, что сопротивление превосходящим силам противника бесполезно и что он, как глава правительства, не поведет народ на бойню!

. Это заявление он повторил в Пражском Кремле перед 10 тыс. жителей Праги. Однако мы уже знаем, что генерал Сыровы сознательно обманывал народ, когда говорил о подавляющем превосходстве противника. Действительно, превосходство в силах было, но не на стороне фашистской Германии, а на стороне Чехословакии. Фактическое соотношение сил - 175 чехословацких и советских дивизий против 51 гитлеровских - было хорошо известно не только президенту Бенешу, но и генералу Сыровы - главе правительства, военному специалисту.

29 сентября 1938 года генерал армии Л. Крейчи решительно заявил, что если правительство примет условия Мюнхенского соглашения, то он лично и вся армия отвергнут их, границы не будут открыты врагу и Гитлер получит отпор! Тогда президент Бенеш вызвал генерала Крейчи в Прагу и убедил его в необходимости принять условия Мюнхенского соглашения. 30 сентября 1938 года генерал Крейчи отдал армии приказ открыть границы и отойти из пограничных районов.

Собравшиеся в штабе главнокомандующего высшие офицеры с нетерпением ожидали результата переговоров Бенеша и Крейчи. Когда же стало известно, что и Крейчи изменил, начальник оперативного отдела полковник Птак (казнен во время оккупации) обратился к присутствующим, призывая кого-нибудь из них взять на себя функции главнокомандующего и организовать отпор агрессору. Полковник Птак заявил, что нового главнокомандующего поддержит не только армия, но и

абсолютное большинство населения. Но, к сожалению, среди присутствовавших не нашлось ни одного волевого генерала, который решился бы в этот ответственный момент возглавить армию и защищать Республику от смертельного врага.

Так чехословацкая буржуазия завершила этот акт государственной измены.

В далеком прошлом чехословацкий народ часто страдал из-за предательства панской верхушки. И сейчас, после мюнхенского сговора, когда армия и народ были готовы к защите Республики, их снова предали все те же паны, самые высокопоставленные государственные деятели - президент и министры. И это предательство не имеет себе равных в истории Чехословакии.

Позже Бенеш созвал представителей политических партий и сообщил им о капитуляции. Единственным, кто высказал резкий протест, был Клемент Готвальд. От имени Коммунистической партии Чехословакии он заявил: "Мы не согласны с вами, господин президент. Босые и безоружные абиссинцы сопротивлялись самолетам и танкам Муссолини, а мы капитулируем. Посмотрите, как борется испанский народ! У нас превосходная армия, наш народ полон решимости бороться. Еще и сегодня мы можем показать свою силу. Еще не поздно. Мюнхенские условия не следует принимать!"

Президент Бенеш и правительство трусливого генерала Сыровы капитулировали. Они отдали народ в лапы его смертельного врага гитлеровского нацизма.

Последовало шесть кошмарных лет, более ужасных, чем в любой период средневековья. В тюрьмы были брошены лучшие сыны и дочери чешского и словацкого народов - они стали жертвами жестоких палачей.

Изучив документы 1938-1939 годов, я пришел к неопровержимым выводам. Если бы осенью 1938 года между Чехословакией и фашистской Германией вспыхнула война, мы не были бы разбиты. С помощью Советского Союза мы отстояли бы Республику. Мы предотвратили бы неисчислимые жертвы и разрушения, ведь только в гитлеровских застенках и концентрационных лагерях было убито и замучено около 360 тыс. чехов и словаков. Последствия мюнхенского сговора не закончились оккупацией чешских пограничных районов гитлеровцами. Профашистская Польша захватила Тешинскую Силезию. Фашистская Венгрия оккупировала Закарпатскую Украину, южную и восточную части Словакии. Фашистское правительство изменников словацкого народа Тиссо и Туки, созданное с помощью фашистов и с благословения их фюрера 14 марта 1939 года в Братиславе, разорвало страну на две части.

На нашу родину опустилась зловещая тьма. Наступил период тяжелой борьбы против ненавистных оккупантов. Ее возглавила Коммунистическая партия Чехословакии, смелый защитник прав трудящихся, которая своим смелым выступлением в дни мюнхенского предательства завоевала полную поддержку широких народных масс.

2. Оккупанты пришли

Поздно вечером 14 марта 1939 года на главной улице города Мистек, возле казармы 3-го батальона 8-го пехотного полка, резко затормозил легковой автомобиль иностранной марки. Из него выскочил человек в темном резиновом плаще. Часовой у ворот окликнул:

- Стой! Кто идет?!

Человек быстро приближался к нему.

- Стой! Стрелять буду! - предупредил часовой.

Тут неизвестный выхватил пистолет и несколько раз выстрелил. Часовой в ответ тоже выстрелил, и человек в иностранной форме рухнул на землю.

Немедленно была объявлена тревога. В казармах погас свет. Личный состав быстро построился. Один из присутствующих офицеров скомандовал:

- В ружье! Слушай мою команду!

Солдаты 3-го батальона забаррикадировались, распределили патроны и гранаты и решили стойко оборонять казарму. Они еще не знали, что случилось. Не знали того, что должны были сложить оружие и что на следующий день - 15 марта 1939 года - гитлеровский вермахт оккупирует территорию Чехии и Моравии.

Гитлер вызвал в Берлин президента Гаху и потребовал от него "ходатайства об охране чешских земель". Но сценарий фашистов оказался неточным по времени, и случилось так, что немецкие войска вступили в Остраву на несколько часов раньше, чем было подписано "ходатайство об охране". Наш генеральный штаб еще не успел разослать приказ о капитуляции. Вот почему в городе Мистек произошел бой.

Чешский гарнизон дрался неплохо: у казармы 3-го батальона было убито 18 немецких солдат. Обороняющиеся потеряли несколько человек ранеными. На предложение сложить оружие они ответили огнем и прекратили его только после того, как у них кончились боеприпасы.

В связи с этим мне хочется привести один интересный эпизод.

В 1945 году президент Бенеш приехал в Остраву, чтобы наградить 8-й пехотный полк Чехословацким военным крестом 1939 года, а также вручить награды нескольким военнослужащим

этого полка. Во время церемонии он заметил: "Жаль, что в 1939 году сражалось мало таких полков..."

Кого же Бенеш обвинял в том, что 15 марта Гитлеру не было оказано сопротивления? Оказывается, Гаху! Бенеш утверждал, будто сам он не мог воевать против гитлеризма в 1938 году, хотя имел для этого все возможности, тогда как Гаха, который по его вине не имел возможности предпринять что-либо, должен был сцепиться с оккупантами и защитить Чехию и Моравию.

Не менее интересно и то, что пишет доктор Бенеш по этому поводу в своих мемуарах. Он обвиняет д-ра Гаху и его министра иностранных дел д-ра Хвалковского в том, что 14 марта они проявили политическую слепоту и беспомощность, позволив Гитлеру уговорами и угрозами принудить их к отторжению словацкой территории и дав согласие на создание "протектората Чехии и Моравии".

Далее Бенеш пишет, что Гахе следовало опереться на Польшу, Англию и Францию и защитить родину. Сам он будто бы рассчитывал на это и даже допускал временный выезд правительства за границу.

В книге "Шесть лет изгнания и второй мировой войны" Бенеш пишет: "...Когда-нибудь все станет известно, и наши действия до Мюнхена и в кризисный сентябрь 1938 года снискают нам честь и уважение... После победоносной войны они войдут в историю и будут служить источником большой моральной силы для всего нашего государства и народа".

Я не хочу выносить Бенешу приговор - это право принадлежит нашему народу и истории, - но считаю, что его предательство останется в веках как одно из самых позорных деяний, тогда как единство, самоотверженность и беспримерные героические подвиги нашего народа, навсегда овеянные бессмертной славой, будут воодушевлять новые поколения.

В момент вторжения гитлеровских войск я командовал запасным батальоном 3-го пехотного полка имени Яна Жижки в Кромержиже. Утром 15 марта пришло распоряжение немедленно сжечь все мобилизационные планы, секретные приказы и другие документы.

Оккупанты появились у нас во второй половине дня. Это была моторизованная часть. Несколько офицеров прибыло в штаб, а их подчиненные заняли казармы. Первое, что потребовали немцы, - это мобилизационные планы и списки коммунистов. Мы ответили, что все документы уничтожены. Списки коммунистов сжег еще раньше офицер Зелинка.

Нацистские офицеры осмотрели склады с оружием, но прием их отложили до следующего дня. Этим воспользовались наши

унтер-офицеры. В ночь на 16 марта они выбросили из окон часть стрелкового оружия и затем спрятали его в одном из крестьянских дворов в Минювках, где проживал офицер нашего штаба. Всего было спрятано 27 ручных пулеметов.

В дальнейшем мы неоднократно приобретали оружие для создаваемой нами подпольной группы, причем весьма любопытным способом. Пока какая-то часть чехословацкого оружия не была вывезена в Германию, рядовые немецкие солдаты сами продавали нам его. Так, за ручной пулемет они брали 300 чехословацких крон, за станковый пулемет - до 500 крон.

Полк наш расформировали в несколько дней. Печальное время. Было тяжело от одной мысли, что все наше военное имущество мы должны без боя отдать врагу.

Приступило к работе гестапо. В первую очередь арестовали коммунистов. Для оказания помощи семьям арестованных патриотов в короткий срок была создана группа, которая организовала сбор средств среди зажиточных кромержижских граждан и в учреждениях. Этой работой вплоть до ареста руководил товарищ Ладислав Кафка. Много и успешно потрудились при сборе средств для семей арестованных товарищи Магда Грегрова, Густав Резнер и Вилем Шмида.

Члены нашей группы наладили производство ручных гранат. Специалистом-химиком у нас был учитель Дворжачек из Ивановна, он доставал взрывчатку у остравских горняков.

В районе Кромержижа офицер Зелинка организовал из бывших офицеров, унтер-офицеров и солдат подпольные отделения, взводы и роты. Они были построены по системе троек, чтобы в случае ареста того или иного участника оккупанты не уничтожили всю сеть.

Еще до того как подчиненные мне офицеры перешли на гражданское положение, я созвал их и сказал:

- Здесь нам уже нечего делать. Рано или поздно нас репрессируют. Мы имеем возможность продолжать борьбу за границей!

Забегая вперед, скажу, что многие последовали моему совету и вскоре бежали в Польшу. Встретились мы в Кракове.

В 1936-1939 годах я был начальником курсов по подготовке офицеров и унтер-офицеров запаса, проживающих в районах Кромержижа, Койетина и Злина. Уже в первые дни оккупации многие из слушателей этих курсов приезжали ко мне с одним и тем же вопросом: что делать?

- Так долго продолжаться не может, - говорил я им. - Рано или поздно начнется решительная борьба против оккупантов, хотя сейчас и трудно сказать, когда и как. Большинство

военнослужащих бегут за границу, а вы должны заменить их здесь и в нужный час помочь при формировании воинских частей для борьбы с оккупантами.

В Кромержиже мы создали подпольную организацию, в задачу которой входил сбор сведений о действиях оккупантов и пересылке этих сведений за границу.

Из сообщений печати стало известно, что в Кракове при активной поддержке нашего консула собираются чехословацкие граждане, бежавшие из оккупированных областей Чехословакии. Число переходов через польскую границу увеличилось.

Все чехословацкие офицеры, имеющие не менее десяти лет выслуги, по распоряжению немецкого командования были немедленно уволены из армии. Нам предстояло пройти переподготовку на специальных курсах, а затем поступить на работу в различные учреждения или предприятия. Я избрал курсы в Праге, готовившие специалистов по производству уксуса. Это должно было облегчить мне передвижение по стране.

Уже тогда я твердо решил бежать за границу, но не знал только, как сказать об этом семье. Наконец я ре" шился поговорить с женой. Ее ответ меня успокоил.

- Ты все хорошо взвесил и сам видишь, что оставаться тебе нельзя. В последнее время ты все равно не живешь с нами. Переходи границу, пока есть возможность, а за нас не беспокойся. О детях я позабочусь, они уже подросли. Как-нибудь проживем. Может быть, это продлится недолго.

Словно тяжелый груз спал с моего сердца. Я стал интенсивнее разыскивать людей, организовывающих переходы в Польшу. От одного знакомого из Жалковиц, который вел подпольную работу в Остраве, я получил адрес и пароль.

В субботу 3 июня 1939 года я простился с семьей. Детям, четырнадцатилетней Зое и шестнадцатилетнему Мирeку, я сказал, что еду на курсы в Прагу; это была версия и для гестапо на случай, если бы оно что-нибудь пронюхало.

С одним из офицеров 14-й дивизии мы приехали в Остраву. Там из телефонной будки я позвонил в управление горнозаводской компании и попросил к телефону Мартинека. На его вопрос, в чем дело, я ответил условно: "Хотел бы переговорить относительно торговли с Индией". Мартинек предложил мне навестить его.

В коридоре управления горнозаводской компании мы увидели мужчину, он немедленно провел нас в канцелярию к Мартинеку.

- Приветствую вас, господин генерал! - сказал мне человек, представившийся как Владимир Мартинек.

Я очень удивился и смущенно объяснил, что я не генерал, а подполковник Свобода, и полез в карман за офицерским удостоверением. Мартинек побледнел и беспомощно взглянул на человека, стоявшего у двери. Тот быстро сунул руку в карман, очевидно, за пистолетом. Он был готов немедленно вмешаться.

Недоразумение произошло, потому что пароль для перехода границы был подготовлен для генерала Ингра, но об этом я узнал значительно позже. Владимир Мартинек и Рудольф Кучера недавно узнали, что гестапо пытается раскрыть их сеть. Поэтому меня и моего спутника они приняли за агентов-провокаторов.

Обстановка несколько разрядилась, когда я предъявил Мартинеку свое удостоверение. Просмотрев его, он воскликнул:

- Я ведь тоже из Кромержижа!

Затем он позвонил по телефону и сказал кому-то, что приехал тесть с дядей. Нам Мартинек предложил отправиться в кафе "Европа".

В кафе мы заняли столик и заказали кофе. Немного спустя к нам подсели два подпольных работника и коротко сообщили, что переход через польскую границу пока невозможен. Следующая встреча была назначена на понедельник 5 июня в 10 часов вечера. Я с нетерпением ожидал понедельника. Наконец наступил этот решающий день, и я отправился на вокзал.

Бесконечно долго тянулись минуты до 10 часов вечера. Владимир Мартинек и Рудольф Кучера пришли вовремя. У них уже был подготовлен легковой автомобиль. По дороге к Кунчицам они признались, что эти два дня им потребовались, чтобы проверить нас.

В Кунчицах мы были представлены одному железнодорожнику, который проинструктировал нас и обменял наши кроны на польские злотые. В 22.30 поезд тронулся. Мы ехали в будке товарного вагона до станции Шенов, последней станции на территории протектората. В 23 часа прибыли на место.

Согласно инструкции мы выпрыгнули из будки и спрятались за вагонами поезда, стоявшего на соседнем неосвещенном пути, с волнением ожидая, когда раздадутся шаги кованых сапог немецких пограничников. Неожиданно показался человек в форме чешского чиновника. Он шел прямо к нам. Неужели предательство?

- Не бойтесь! - услышали мы. - Проверки не будет. Немцы перепились по поводу получения дочерью начальника станции аттестата зрелости.

Мы с облегчением вздохнули.

Теперь расскажу о том, как наши друзья переправляли

граждан Чехословакии в Польшу.

Брат Владимира Мартинека, чиновника горнозаводской компании, по имени Отакар, служил на таможне. В созданную им подпольную организацию входили остравские железнодорожники во главе с начальником станции Шенов - Вацлавом Фрыбортом. Они-то и оказывали помощь чехословацким беженцам. Делалось это так. На территорию протектората ежедневно прибывали составы с углем из Тешинской Силезии, оккупированной панской Польшей. На отошедшую к Польше железнодорожную станцию Шумбарк эти составы возвращались до полуночи, в противном случае протекторат выплачивал Польше большой штраф за простой каждого вагона. Часто случалось, что составы возвращались с запозданием, и тогда они шли через станцию Шенов без остановки, но только тихим ходом. В этих случаях фашистская охрана, состоявшая из эсэсовцев дивизии "Мертвая голова", была вынуждена осматривать пустые вагоны на ходу и, естественно, не могла заглянуть в ближние углы, закрытые стенками вагона. Вот этим-то обстоятельством и пользовались наши друзья-железнодорожники. Задержать же поезда не составляло трудности.

Нам удалось благополучно проехать через границу только благодаря счастливому стечению обстоятельств. Уже после войны я узнал, как все это произошло.

Железнодорожники готовили переход через границу генерала Ингра. Но, узнав, что вместо него намерен ехать какой-то подполковник Свобода, братья Мартинек и начальник станции Шенов Фрыборт сами решили бежать за границу, если бы оказалось, что я не тот, за кого себя выдаю. Проверив меня, они успокоились, но для большей безопасности приняли дополнительные меры. В те дни у Отакара Мартинека родилась дочка, а старшая дочь Фрыборта получила аттестат зрелости. Воспользовавшись этим, они инсценировали праздник и пригласили на него фашистских охранников со станции Шенов. "Праздник" затянулся до полуночи, и проверка нашего поезда не состоялась.

5 июня 1939 года в 23.30 поезд тронулся, и мы в тормозной будке вагона пересекли границу. В 23.45 мы были уже на станции Шумбарк, где с удивлением увидели, как польские пограничники высаживали из товарных вагонов еще человек 50 покинувших оккупированную родину. Нетрудно себе представить, что могло бы произойти, если бы наши друзья в Шенове не сумели отвлечь внимание, немецких солдат от поезда...

Отважные железнодорожники перебросили этим путем в Польшу иного наших людей. Из них только в Краков, где

собирались наши военнослужащие, прибыло около 3 тысяч человек. Но было немало и таких, кто уходил из порабощенной страны пешком: под видом туриста или земледельца с мотыгой, лопатой, граблями или косою на плече, как это сделал, например, Отакар Ярош.

3. Через Польшу в Советский Союз

Утром 6 июня 1939 года меня и моего спутника доставили в полицейский участок на станции Чешский Тешин; нас допросили и составили протокол. И на сей раз возникло подозрение - не являемся ли мы агентами немецкого гестапо. Нас задержали. Польским органам было известно, что гестапо переправило через границу двух своих комиссаров, приметы которых в какой-то мере подходили ко мне и сопровождавшему меня офицеру. К счастью, выяснить мою личность случайно помог один из работников польской полиции, который раньше служил в 34-м полку в Границе. В этом городе я преподавал в военной академии и каждый день ходил на службу мимо казарм 34-го полка.

Наконец все было улажено, и 11 июня я смог выедать в Краков к нашему консулу. Я оказался триста десятым гражданином Чехословакии, эмигрировавшим из оккупированной родины и явившимся в краковский эмиграционный центр.

На другой день меня назначили командиром чехословацких подразделений, которые формировались в Польше. Это было трудное для меня время. Профашистское правительство тогдашней Польши встретило нас отнюдь не с распростертыми объятиями. Многих чешских эмигрантов посадили в тюрьму или, что еще хуже, отправили обратно в протекторат и передали прямо в руки гестапо.

Нелегко нам пришлось в Кракове. Несколько недель мы жили на деньги, которые привезли с собой, и на то, что удалось выручить от продажи сотрудникам консульства ценных вещей и одежды. Иногда мы просто теряли голову, не зная, чем кормить наших людей. А их становилось все больше и больше. Из города Пештяны, например, прибыла группа словацких летчиков, недовольных тиссовско-туковским фашистским режимом. Немалую помощь оказывали нам в эти дни жители чехословацкой колонии в Кракове, особенно известный художник. В. Гофман.

Положение несколько улучшилось только после ходатайства нашего вице-консула доктора Гензла. Командир краковского корпуса разместил нас в пустующем военном лагере, расположенном в городе Броновице-Мале, и обеспечил питанием по нормам, положенным в польской армии. Постепенно изменили свое отношение к нам и правительственные органы в Варшаве. Все меньше оставалось людей, которые бы не понимали, что

оккупация Чехословакии только разожгла захватнический аппетит Гитлера и следующей его жертвой, очевидно, явится Польша.

К 15 августа 1939 года в Броновице-Мале сосредоточилось около 3000 эмигрантов-военнослужащих. Чехословацкие представители так называемого "Заграничного движения Сопротивления на Западе" (его центр находился в то время в Париже), решающее слово в котором принадлежало чехословацкому послу Осускому, добивались, чтобы все боеспособные мужчины-эмигранты были отправлены из Польши на запад. Они не желали допустить, чтобы в Польше осталась хотя бы одна чехословацкая воинская часть, которая могла бы уйти в Советский Союз. Часть людей, переправленных нами на запад, по вине руководства "Заграничного движения Сопротивления на Западе" попала в иностранные легионы. И очень многие из тех 2000 человек, которые должны были отплыть во Францию, решили остаться на польской территории. Они предчувствовали, что центр политической и вооруженной борьбы за нашу свободу будет на Востоке, а не на Западе, правители которого позорно предали нас осенью 1938 года.

По соглашению с польским правительством в Польше могли остаться всего 1000 добровольцев. Их направили в учебный лагерь близ Барановичей. Там намечалось формирование 1-й чехословацкой бригады из пяти батальонов. Нападение Германии на Польшу и ее оккупация в течение 18 дней гитлеровскими войсками сорвали наши планы.

Под нажимом нацистских полчищ мы отходили на восток. В Тарнополе наши солдаты, приняв участие в отражении воздушного нападения на город, сбили два фашистских бомбардировщика. Здесь же мы понесли и первые потери: один убитый и несколько раненых.

Через чехословацкого посла в Польше мы обратились в советское посольство с просьбой подготовить переход чехословацких военнослужащих в СССР. Эта задача была возложена на советского военного атташе в Варшаве полковника П. С. Рыбалко, позднее маршала бронетанковых войск, дважды Героя Советского Союза, с войсками которого мы взаимодействовали в нашем первом бою у Соколово и в битве за Киев и с которым в мае 1945 года вновь встретились в Праге, освобожденной 3-й танковой армией под его командованием и 4-й танковой армией под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко.

18 сентября 1939 года наш польский легион{5} встретился на территории Западной Украины с войсками Красной Армии и в тот

же день перешел в Советский Союз. Это было знаменательное событие - мы встретились с преданнейшими друзьями, с советскими людьми, которые сердечно приветствовали и поздравляли нас.

4. Мы забрасываем парашютистов с территории СССР

В Советском Союзе нас разместили сначала в Верховице и Гусятине в казармах советских пограничников, а затем перевели в Каменец-Подольский. В дальнейшем местами нашего пребывания у советских друзей были Оранки (в 365 километрах восточнее Москвы), а затем Суздаль (около 200 километров северо-восточнее Москвы). Почти все наши военнослужащие - а их было немногим меньше 1000 - выразили желание остаться в СССР. Они хотели подготовиться к борьбе с ненавистным врагом. В это время чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне принимало все меры к тому, чтобы вывести нашу группу из СССР, хотя Советское правительство открыто заявило, что мы можем остаться на территории Советского Союза.

Со дня оккупации нашей родины и до момента нападения фашистской Германии на СССР Советское правительство никогда не возражало против переселения наших граждан в Советский Союз из так называемого протектората, Словакии и из Закарпатской Украины. Зато эмигрантское правительство в Лондоне было весьма недовольно этим и старалось мешать переходу чехословацких граждан в Советский Союз.

Этой неблаговидной деятельностью, равносильной измене, в основном занимался президент Бенеш. В одном из своих посланий Советскому правительству он указывал, что чехословацкие солдаты якобы не используются в СССР и что они необходимы для участия в боевых действиях в других местах. Наконец президенту удалось добиться того, что большая часть польского легиона была вывезена во Францию и на Средний Восток, Бенеш, как он пишет в своих мемуарах, понимал, что в скором времени гитлеровская Германия нападет на СССР, и поэтому настойчиво добивался эвакуации чехословацких военнослужащих с советской территории. Безуспешно старался я препятствовать этому вредному маневру: ко дню нападения фашистской Германии на Советский Союз - 22 июня 1941 года - из польского легиона на советской земле осталось лишь 93 человека.

18 июля 1941 года в Лондоне было подписано соглашение между Советским Союзом и Чехословакией о совместных действиях против нацистской Германии. В соответствии с этим соглашением на территории Советского Союза официально разрешалось формирование национальных чехословацких

воинских частей. В октябре нас снова перевели в Оранки.

Но хотя соглашение было подписано еще в середине лета, нам до конца года так и не удалось продвинуться с формированием воинской части ни на шаг. Потребовались дополнительные переговоры с лондонским эмигрантским правительством. Оно согласилось только в январе 1942 года. Правительство Бенеша не торопилось; оно намеревалось создать в СССР лишь небольшую, "символическую" воинскую часть. Сообщение о формировании чехословацкой воинской части в Советском Союзе было опубликовано в начале февраля 1942 года. Колыбелью нашего войска стал город Бузулук, расположенный в 180 километрах восточнее Куйбышева.

* * *

Пока правительство Бенеша умышленно саботировало создание нашей воинской части в Советском Союзе, мы не сидели сложа руки.

Еще до нападения фашистской Германии на СССР мы организовали командирскую учебу, проводили обучение молодых солдат. Было создано несколько курсов для подготовки специалистов. Недалеко от Москвы занимались наши парашютисты, которые затем несколькими группами были заброшены на территорию Моравии и Словакии; это произошло вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. О деятельности парашютистов до сего времени написано мало, хотя она довольно интересна и поучительна. Расскажу об одной из таких групп, которая действовала в районе Кромержижа. Подробности я узнал от жены и знакомых, из воспоминаний участников подпольной борьбы, из архивов гестапо, обнаруженных в Брно и Остраве, и из показаний чиновника гестапо Карла Видермерта, который помогал ликвидировать эту группу парашютистов, а после освобождения Чехословакии был арестован и понес заслуженное наказание.

В группу входили: надпоручик Богуслав Немец, его заместитель Франтишек Рыш, четарж Франтишек Браунер и свободник Ян Касик. Прощаясь с ними в Москве в июле 1941 года, я сказал о важности возложенной на них задачи, посоветовал после приземления укрыться в лесу, некоторое время вообще нигде не показываться и, только раздобыв необходимые документы, найдя жилье и установив надежные связи, устроиться на работу и осторожно приступить к выполнению задания. Подготовку они прошли хорошую.

Ночью 10 сентября 1941 года советский транспортный самолет доставил группу в район Кромержижа.

Парашютисты приземлились недалеко от Држиново, все

благополучно, за исключением Касика, который повредил ногу и поранил лицо. Окровавленный парашют он небрежно спрятал прямо на месте приземления, вблизи дороги. Там же оставил другие вещи и заряженный пистолет. Браунер разыскал радиостанцию, сброшенную с самолета на отдельном парашюте, укрыл и замаскировал ее опавшими листьями под кустом в парке Држиново. Затем каждый из парашютистов отправился по заранее намеченному направлению.

Парашют и пистолет Касика были найдены через несколько дней. Слух об этом быстро разнесся и дошел до жандармского отделения - оно сообщило о находке органам гестапо Пржерова, Оломоуца и Брно. В Држиново прибыла жандармская разведка и более 100 немецких полицейских. Они прочесали и обследовали весь район. Однако кроме парашюта и пистолета, ничего не нашли.

Однажды к паровозному машинисту Алоизу Журеку, проживавшему в Брно на Млынской улице, 56, явился незнакомый человек, предъявил старый чехословацкий паспорт на имя Франтишека Браунера и передал привет от Франтишека Рыша. Браунер сказал Журеку, что с Франтишеком они находились в Советском Союзе и сюда их забросили для выполнения военного задания. Вначале машинист заподозрил в нем провокатора. Но когда тот более подробно рассказал о его родственнике Рыше, Журек поверил и обещал оказывать парашютистам посильную помощь. Браунер просил помочь ему понадежнее укрыть оставленную в парке радиостанцию. На это Журек ответил, что Браунеру следует вернуться в парк и начертить точный план с указанием местонахождения радиостанции. Позднее ее можно будет вывезти. Браунер немедленно вернулся в Држиново. На другой день, придя к машинисту, показал ему на плане место, где спрятана радиостанция. Журек отпросился на два дня с работы и вместе с Браунером отправился в Ивановице - ближайшую от Држиново железнодорожную станцию. На станции к поезду подошли двое юношей, которых со слезами провожали родственники. На расспросы Журека они ответили, что их угоняют на работу в Германию. Тогда Журек осторожно спросил, почему на станции так много жандармов и немецких солдат. Юноши рассказали, что недалеко отсюда кто-то нашел парашют, и вот теперь немцы разыскивают иностранных парашютистов.

Алоиз Журек, который с первых дней оккупации участвовал в движении Сопротивления, решил поехать вместе с Браунером в Пржеров, где была назначена первая встреча четырех парашютистов. Но найти друзей Браунеру не удалось. Тогда

Журек расстался с Браунером и выехал в Кромержиж к машинисту Саханеку, также участнику подпольной группы. Богдан Сах,анек пообещал, что их группа поможет вывезти радиостанцию. Он собрал своих людей у Антонина Райта, который жил в том же доме, что и моя семья. Было решено, что моя жена Ирена и Людмила Райтова отправятся в Држиново и посоветуются там с учителем Дедеком, офицером запаса, которого я когда-то учил на курсах и знал как надежного патриота.

Дедек принял их и выслушал очень внимательно. Он сообщил, что в доме, находящемся недалеко от парка Држиново, разместился эсэсовский штаб и это создает опасность. Однако Дедек выразил готовность немедленно сходить в парк, чтобы своими глазами увидеть место, где спрятана радиостанция.

Через несколько минут Дедек ушел. У сторожа парка он получил разрешение набрать цветов якобы для занятий. Радиопередатчик оказался точно в указанном месте. В парке убирали листья, и, по расчетам учителя, женщины, производящие уборку, могли обнаружить радиостанцию уже на следующий день. Нужно было не теряя времени перенести ее в безопасное место.

Возвратившись в Кромержиж, Ирена и Людмила рассказали об этом членам подпольной группы и вместе с ними обсудили вопрос, как незаметно доставить тяжелую радиостанцию в наш кромержижский домик. Условились, что эту задачу возьмут на себя жандармский прапорщик Франтишек Павличик, врач Дубовский и моя жена. Прапорщик Павличик согласился, Дубовский тоже.

Дальше события развивались так. Дубовский под предлогом посещения одного из своих пациентов выехал в направлении Држиново, но по дороге у него "испортился" автомобиль. Моя жена и прапорщик Павличик отправились к учителю Дедеку, чтобы узнать у него, что делается в парке. Если бы кто-нибудь спросил их, зачем они идут к Дедеку, они ответили бы, что собираются купить меду: у учителя была пасека.

Жена учителя сообщила, что в яблоневой аллее парка прохаживается сторож с собакой, а недалеко от места, где укрыта радиостанция, разместились гитлеровские солдаты, разыскивающие парашютистов.

Действовать нужно было немедленно. Прапорщик Павличик и моя жена решили пойти на риск.

В деревне из затемненных окон дома, в котором расположились гестаповцы, пробивался слабый свет, гитлеровцы еще не спали. Некстати ярко светила луна. Но ждать было нельзя. По плану, который начертил Браунер, и по описаниям Дедека они

вышли к ограде парка как раз в нужном месте. Осмотревшись, Павличик с помощью моей жены перелез через двухметровую кирпичную ограду. Когда он был уже на другой стороне, отчетливо услышал осторожные шаги. У прапорщика замерло сердце. Охрана? Вряд ли. Тогда объявили бы тревогу. Собака? Не может быть - она бы залаяла. Возможно, заяц или дикий кролик. Но тишину больше ничто не нарушало.

Прапорщик уже несколько минут возился за стеной. Внезапно вспыхнул яркий свет карманного фонарика. Трудно передать состояние моей жены.

- Что случилось?

- Ничего! - послышалось в ответ. - Не могу распутать шнуры вокруг дерева, вот и решил воспользоваться фонариком...

Как неосторожно может поступить человек в минуту опасности!

- Разве у вас нет ножа? - шепотом спросила жена.

- Есть, но я совсем позабыл о нем в этой спешке, - донесся ответ из парка.

Через несколько бесконечно долгих минут прапорщик наконец перебросил через стену большой тюк и чемодан, а за ними и парашют. Моя жена намотала на себя парашют и взяла чемодан, а Павличик взвалил себе на плечи радиостанцию, весившую около 80 килограммов.

Пренебрегая опасностью, Павличик и Ирена более пятнадцати минут шли по улице, где на каждом шагу их могли схватить круглосуточно патрулировавшие гитлеровцы.

К счастью, все обошлось благополучно. Радиостанция и чемодан были доставлены в Кромержиж. Той же ночью радиостанция была спрятана под беседкой у нас в саду. Парашют же до конца оккупации пролежал в укромном месте в подвале.

Через три дня к моей жене из Брно приехали парашютист Браунер и ротмистр Ладислав Шпидла, опытный радист. Тут же из нашего дома они установили пробную радиосвязь с советской стороной.

Чтобы фашисты не запеленговали радиостанцию, прапорщик Павличик предложил вести передачи из жандармского отделения в Ратае.

Два раза в неделю, в дни, когда устанавливалась радиосвязь, по кромержижским улицам в сторону Ратае на велосипедах проезжали два человека в форме: прапорщик и ротмистр. На багажниках они перевозили разобранную радиостанцию. И это ни у кого не вызывало подозрения. Вскоре ее перевезли на квартиру учителя Семерада, члена подпольной кромержижской группы, который жил недалеко от жандармского отделения. У учителя

несколько дней скрывались и парашютисты. Когда в районе Ратае появились военные грузовики с антеннами и стало ясно, что немцы решили во что бы то ни стало разыскать тайную радиостанцию, учитель Семерад размышлял недолго. Он отвез ее снова в Кромержиж. Это было сделано в двенадцать часов дня, когда Ратае окружили немецкие солдаты, готовые начать обыск.

Позже, когда над парашютистами и их помощниками нависла угроза ареста, радиостанцию перевезли в Брно. Там осенью 1941 года гестаповцы захватили ее.

Как же все-таки немецкому гестапо удалось выследить наших парашютистов?

Когда после войны мне довелось познакомиться с архивными документами, я увидел, как по-разному вели себя во время оккупации разные люди. Одни добровольно и открыто становились предателями; другие, завербованные на службу в гестапо, изменяли народу тайно; некоторые предавали по принуждению, а многие сохранили твердость до конца, несмотря на жестокие мучения. Среди участников кромержижской подпольной организации были и такие герои, которые, не колеблясь, отдавали жизнь за других. Этих патриотов народ никогда не забудет!

Как же действовали гестаповцы? Летом или осенью 1941 года в Брно был арестован некий Трумпеш - руководитель подпольного движения Сопротивления в округе. На допросе он выдал, что организация подпольного движения в Остраве поручена секретарю городского комитета Народного единства Юштику и что тот ожидает связного из Праги.

В Остраву из Брно прибыл гитлеровский комиссар по уголовным делам и приказал своему подручному в Остраве Видермерту спровоцировать Юштика на встречу якобы со связным из Праги (Видермерт говорил по-чешски).

Видермерт позвонил Юштику из кафе "Феникс", представился гостем из Праги и предложил встретиться в кафе.

Как только Юштик вышел из дома, где он скрывался, его сразу же схватили гестаповцы. Во время пыток он назвал нескольких своих соратников. Среди них был и управляющий крупным табачным складом Иозеф Драгны, через которого осуществлялась связь с парашютистами.

На допросе гестаповец Видермерт представил Юштику дело таким образом, будто бы его арестовали только потому, что он получил от Трумпеша поручение оказать помощь парашютистам. Юштик поверил и, надеясь отвести внимание гестапо в другую сторону, сказал, что его действительно посетил какой-то парашютист и что они условились встретиться в тот день, когда

он был арестован, у здания вокзала в Витковицах.

Юштика доставили в Витковицы на место встречи; многочисленные агенты гестапо заняли вокруг наблюдательные посты. Но парашютист не явился. Юштика отвезли в гестапо и подвергли усиленному допросу. Ночью измученный Юштик, желая покончить жизнь самоубийством, проглотил несколько металлических предметов. Однако врачам удалось спасти его. На дальнейших допросах Юштик описал всех, с кем ему доводилось встречаться. Одним из них был полицейский офицер из Остравы. Гестаповцам эти данные показались недостаточными, и они вновь вызвали на допрос Иозефа Драгны. Однако во время допроса в кабинете Видермерта тот, использовав удобный момент, выпрыгнул из окна и разбился. Драгны предпочел смерть предательству.

Вслед за этим гестапо арестовало жену Иозефа. Та призналась, что у них по просьбе одного полицейского офицера однажды ночевал неизвестный человек. Имя офицера она не знала.

Гестаповцы привезли в Остраву арестованного Трумпеша, и тот уточнил личность неизвестного капитана полиции протектората. Теперь уже не составляло особого труда арестовать офицера и устроить ему очную ставку с Трумпешом. Фамилия офицера была Смекал. Он сознался, что действительно приводил к Драгны одного парашютиста. Гестаповцы вели себя так, будто им все известно, и Смекал рассказал, что заниматься парашютистом ему поручил прапорщик Рыбничек, при этом речь шла о парашютисте Рыше. Рыбничек был немедленно арестован. Вначале он все отрицал. Но Смекал его изобличил и, больше того, сообщил, что забота о другом парашютисте Немеце была поручена управляющему фирмой "Чапута" в Остраве. Как показал на допросе управляющий, он перепоручил заботу о Немеце другому управляющему фирмой - Рольны. Рольны в свою очередь показал, что передал Немеца одному учителю в Марианских горах. Однако учителя арестовать не удалось: он скрылся.

Показания арестованных позволили гестапо установить, кто такой Рыш. Оказалось, они уже интересовались Франтишеком Рышем в первые дни оккупации. Тогда Рыш был одним из участников подпольной группы, помогавшей нашим гражданам переходить через границу Польши. Его выследили, но арестовать не смогли: он ускользнул от гестаповцев, перепрыгнув с чердака на дерево. Потом Рыш бежал за границу.

Действуя подобным образом, остравское отделение гестапо арестовало целый ряд лиц, которые имели связь с парашютистами, но сами парашютисты оставались неуловимыми.

Тогда гестаповцы задумали схватить их с помощью провокаторов. Один из арестованных не только выдал все, что знал, но и стал тайным полицейским агентом... Однако не будем забегать вперед. Посмотрим, как обстояло дело в Кромержиже.

Моя семья уже давно предвидела появление в доме немецкой полиции. Впервые это случилось 2 сентября 1939 года. Тогда по стране прокатилась волна арестов. Очередь дошла и до меня, но я уже давно был в Польше. Наша домашняя работница Филомена Врбецка все знала и, чтобы не сказать лишнего, если придет полиция, каждый день репетировала перед зеркалом:

- Хозяин уехал в Прагу на какие-то курсы, сменил профессию и снялся с учета в полиции.

Она разучивала не только слова, но даже жестикуляцию и мимику. Когда в наш дом пришли четыре немецких полицейских чиновника, Филомена продекламировала выученные фразы довольно удачно. Это подействовало. Однако на вопрос о местонахождении моей жены она дала путаный ответ:

- Пани уехала в гости в Мезиржичи.

- В какие Мезиржичи - в Большие, Валашские или какие-либо другие?

- Я этого не знаю, - заявила Филомена. - Я тут всего лишь домашняя работница. Возможно, пани поехала в Большие или Малые Мезиржичи, я не знаю...

Гестаповцы пошли в полицейскую регистратуру и там выяснили, что я действительно снялся с учета, заявив о переезде в Угерски-Брод (эти данные сообщила полиции моя жена после того, как я уехал). Поскольку Угерски-Брод территориально не входил в район пржеровского гестапо, я выпал из их поля зрения. Потом они не раз принимались разыскивать меня, но безуспешно.

В сентябре 1941 года гестаповцы вновь посетили мой дом. Несмотря на их настойчивые звонки, им долго не открывали, так как в квартире как раз находились парашютисты Немец, Рыш и Браунер, да еще и ротмистр Шпидла. Жена поспешила проводить парашютистов на чердак, откуда они выбрались на крышу и легли там, чтобы их не было видно с улицы. Они подвергались большой опасности, так как уйти с крыши было невозможно. Дочь Зоя быстро убрала все с кухонного стола, где был приготовлен завтрак на четверых. Ротмистра Шпидлу она усадила за стол - он должен был изображать репетитора по математике.

В конце концов двери были открыты. И, к удивлению жены, немецкие полицейские прошли не к нам, а к нашему квартиранту Райту. На этот раз пронесло...

Но через несколько дней незваные гости нагрянули снова. Раздался звонок. Зоя выглянула в окно и сказала им:

- Мамы нет дома. Она пошла в город за покупками.

Ей приказали открыть дверь. На самом деле моя жена была дома и помогала скрыться парашютисту Рышу. С помощью веревки он перебрался на соседнюю плоскую крышу (это потребовало ловкости акробата) и через открытое окно проник в другую квартиру. Там Рыш встретился с четырнадцатилетним Иозефом Дворжаком. Он сказал удивленному мальчику:

- У Свободы - гестапо, и я должен бежать. Молчать умеешь?

Хлопец утвердительно кивнул и сказал, что он скаут.

- Отлично, - проговорил Рыш, - я был в Остраве областным начальником скаутов.

И они пожали друг другу руки. Иозеф Дворжак до окончания войны никому не рассказал об этом эпизоде, даже своим родителям. Так юный патриот помог парашютисту Рышу и моей семье.

Между тем Зоя спрятала под линолеум письмо, с которым моя жена как раз собиралась пойти к прапорщику Павличику, и только после этого пошла открыть дверь. Жена спряталась в чулан. Минуты, проведенные там, показались ей вечностью: она вспомнила, что наверху, в комнате парашютистов, не убран радиоприемник. Незарегистрированный приемник! За одно это чехов во время оккупации приговаривали к смертной казни.

Открыв дверь, Зоя поинтересовалась, что им нужно.

- Мы из государственной полиции, - представился один из полицейских вместо приветствия, и они прошли прямо в комнаты. Тот, кто говорил по-чешски, спросил:

- Ваш отец был офицером, не правда ли? Где он?

- Прошло уже почти два года, как он покинул нас, - ответила Зоя так, как учила мать обоих детей. - В полиции он снялся с учета, как отбывший в Угерски-Брод, и с тех пор не подает о себе вестей, не заботится о нас...

- А имеется ли у вас какая-либо его фотография?

Зоя принесла альбом и протянула его гестаповцам.

Они выбрали несколько моих фотографий, проявив интерес главным образом к тем, на которых я был снят в военной форме, и покинули дом. Но через час или два вернулись. Теперь жена была дома, "покупки" она уже сделала. Как всегда при вторжении гестаповцев, Ирена играла роль несчастной покинутой женщины. Ее начали расспрашивать обо мне. Жена повторила все ту же легенду и добавила:

- Бросил жену с двумя детьми - не хочу и слышать о нем!

- А знаете ли вы, что какой-то подполковник Свобода выступал по московскому радио?

Жена выразила крайнее удивление:

- Что ему там делать? Он же отправился в Угерски-Брод...

- Заладили одно и то же, - перебил ее долговязый гестаповец, - а он за границей.

- Этого я не знаю, - начала сетовать жена, чтобы вернуть гестаповцев к мысли, высказанной перед этим. - Никогда он не говорил мне о своих делах. Не знаю, поймете ли вы, но я и дети никогда не были близки его сердцу...

И, надо сказать, гестаповцы клюнули на такую простую, но оставляющую впечатление уловку. Внимание их к моей семье временно ослабло.

3 октября 1941 года ночью у дверей нашего дома снова кто-то настойчиво зазвонил. Мой сын Мирек посмотрел в окно и увидел на улице группу людей и легковую автомашину. Гестапо!

В доме была объявлена тревога. Наверху спали парашютисты - Немец и Браунер. Они тут же собрали свои вещи, спустились во двор, пробежали через сад к деревянному домику, взяли приставную лестницу, перебрались через четырехметровую стену в ближайший цветник, перетащили за собой лестницу и где-то там ее спрятали. Все это было проделано с невероятной быстротой.

Гестаповцы проявляли явное нетерпение. Они освещали дом фонарями, беспрерывно звонили и стучали в ворота. Наконец из окна раздался заспанный голос:

- Кто там?

- Откройте! Полиция!

Но тут наши вспомнили о своем третьем постояльце - парашютисте Рыше. Он ушел куда-то на встречу с подпольщиками и каждую минуту мог возвратиться...

А может быть, он уже увидел немецкий полицейский автомобиль и понял, какая ему угрожает опасность.

На этот раз гестаповцы опять пришли к Райтам. И уже не за какой-то информацией, а с обыском, так как Райт недавно был арестован по другому делу. Они грубо ругались, выражая недовольство тем, что им долго не открывали. Наши оправдывались тем, что крепко спали. Перевернув у Райтов все вверх дном, гестаповцы ушли.

А теперь вернемся в канцелярию остравского отделения гестапо и проследим, как развивались события дальше.

Гестаповец Видермерт, который вел следствие по делу арестованных, в той или иной мере связанных с парашютистами, прибыл на Вальдштынову улицу в Марианских Горах, где проживала жена парашютиста Франтишека Рыша. Зная некоторые факты о деятельности остравской подпольной группы, Видермерт выдал себя за подпольного участника движения Сопротивления,

который якобы получил задачу связаться с Рышем. Жена парашютиста не проявила осторожности и проговорилась, что ее муж действительно пробыл здесь одну ночь, но затем ушел и она больше о нем ничего не слышала.

Видермерт поблагодарил и больше ни о чем не спросил. А на следующее утро жену Рыша арестовали. Ее допрашивали в присутствии Видермерта.

Гестаповцам удалось арестовать и брата Франтишека - Рудольфа, кладовщика из магазина "Будущность". После войны арестованный Видермерт показал на допросе следующее:

"На первом допросе Рудольф Рыш решительно опровергал обвинение в том, что он в период оккупации встречался со своим братом, бежавшим за границу. После этого его перевели в тюрьму гестапо. Там ночью я его снова допросил. После нескольких ночных допросов Рыш заявил, что если его семье будет гарантирована безопасность, он даст показания. Когда я пообещал ему это, Рыш с плачем признался, что действительно брат заходил к нему и просил продовольственную карточку и продукты. Брат рассказал, что его забросили в Чехословакию и что он приземлился у Држиново, близ Кромержижа, вместе с тремя другими парашютистами. Франтишек просил Рудольфа оказывать всевозможную помощь этим людям, если кто-нибудь из них обратится к нему. Тогда же Рудольф Рыш назвал фамилии парашютистов: Немец, Браунер, Касик и его брат Франтишек Рыш. Браунер и Немец уже обращались к нему с просьбой о продовольственных карточках, которую он выполнил..."

Этим роковым допросом и трусливой изменой Рудольфа Рыша началась трагедия, закончившаяся ликвидацией группы парашютистов и многих других людей, которые им охотно помогали.

Гестаповец Видермерт далее показал:

"После того как Рыш во всем признался, я предложил ему стать агентом гестапо. Его задача состояла в том, чтобы помочь нам выследить разыскиваемых парашютистов. Рыш принял предложение..."

Спустя два или при дня Рудольф Рыш пришел к Видермерту и сообщил, что условился встретиться с парашютистом Немецем в восемь часов вечера в кафе "Феникс".

Рудольф Рыш вошел в кафе и присел рядом с Немецем. Видермерт занял место за столиком напротив. Рыш передал парашютисту продовольственную карточку и затем пошел в туалетную комнату, куда за ним направился и гестаповец. Последний спросил у Рыша, правда ли, что это надпоручик Немец. Предатель подтвердил это и спокойно возвратился к человеку, которого выдал гитлеровским палачам. Ничего не подозревающий Немец расплатился и направился к выходу, в дверях его арестовали два агента гестапо.

Из протоколов остравского отделения гестапо видно, что на

допросе Немец предъявил удостоверение личности на другое имя и решительно отверг предъявленное ему обвинение. И хотя его избивали, он сохранял твердость. Только после "усиленных допросов", как выразился Видермерт, Немец признался и рассказал, чем занимался с момента приземления. В связи с этим, естественно, упомянули и о моей жене, проживающей в Кромержиже. С этого времени она была взята под наблюдение и к ней неоднократно подсылали провокаторов.

Спустя два дня после ареста Немеца в отделение гестапо вновь пришел Рудольф Рыш. Он сообщил, что вечером встретится с парашютистом Браунером, на этот раз в кафе "Электра". Арест Браунера был проведен подобно аресту Немеца. Браунер тоже сначала запирался. Но после очной ставки с Немецем признался и он. Таким же путем гестаповцы выяснили местопребывание третьего парашютиста - Яна Касика, повредившего ногу во время приземления. Касик лечился и жил у своего брата в Отроковицах.

К аресту парашютиста Касика снова был привлечен Рудольф Рыш. В полицейском автомобиле Видермерт отвез его в Отроковицы и там приказал вместе с Касиком отправиться поездом в Остраву, якобы на важную встречу.

В Пржерове гестаповцы сели в поезд, в котором ехал их агент Рудольф Рыш. Он сказал, что Касик - в коричневой рубашке - сидит в соседнем вагоне. Так был арестован третий парашютист. В его лице гестаповцам удалось завербовать нового, еще более подлого агента. Касик рассказал им все до мельчайших подробностей. Остравские гестаповцы хотели его немедленно отпустить, однако их руководители из Брно не согласились: они предложили испытать Касика на заданиях. И Касик действительно показал себя гнусным предателем. Вместе с Видермертом он выехал в Незамыслицы, где жил мой шурин, мельник, у которого иногда встречались парашютисты. Касик пытался выведать что-либо о Франтишеке Рыше, последнем и особенно ответственном парашютисте, у которого был шифр для радиопередач. Потерпев неудачу в Незамыслицах, Касик вызвался посетить мою жену и выведать, что ей известно о Франтишеке Рыше. Но жена сказала, что ничего не знает о Рыше, и предложила Касику наведаться к ней через некоторое время. После такой проверки шеф гестапо города Брно Герцбергер утвердил Касика в качестве тайного агента и разрешил отпустить его на свободу. Касик получил кличку Ян и условный номер МО-18. Его главной задачей было навести немецкую полицию на след четвертого парашютиста, чего бы это ни стоило.

Через несколько дней Касик с гестаповцами Видермертом и Гинтрингером снова приехали в Кромержиж, и Касик отправился

в наш дом. Гестаповцы ожидали его в кафе "Авион" так долго, что даже начали побаиваться, не сбежал ли их агент. Однако произошло нечто иное, также не входившее в планы гитлеровцев.

Когда Касик находился в нашей квартире и расспрашивал о Франтишеке Рыше, позвонил какой-то молодой человек (это был предатель Фердинанд Чиганек) и заявил, что ему надо переговорить с пани Иреной Свободовой. Жена спрятала Касика в погребе под стиральным корытом и пошла открывать. Молодой человек начал доверительно рассказывать, что прибыл из Советского Союза, где служил у пана подполковника, и имеет от него поручение передать привет и установить связь с Рышем. К этому времени мои домашние уже догадывались, что с группой парашютистов не все благополучно (Рыш, Немец, Браунер не появлялись значительное время). Они были подготовлены к любой неожиданности. Мирек побежал в полицейский участок к старшему вахмистру Седлачеку, который входил в подпольную группу. Седлачек поспешил к нам в дом и задержал провокатора. Последний и ему сказал, что он парашютист и партизан. Это подлило масла в огонь.

- Так ты парашютист? Враг империи? - спросил Седлачек провокатора. Тот кивнул:

- Ну подожди же - это тебе будет стоить головы!

И по дороге в полицию он несколько раз ударил провокатора. В полицейском участке эта странная пара столкнулась с гестаповцем Гинтрингером из Остравы, который там что-то проверял. Гестаповец сам допросил "партизана", и тот сообщил, что является сотрудником пржеровского гестапо и что начальство ожидает его в кафе "Авион". Проверка подтвердила его показания, и провокатора отпустили.

В это время моя жена продолжала разговор с Касиком. Она сказала, что визит "партизана" вызывает у нее серьезные опасения и что ей, видимо, пора скрыться. Она попросила Касика в случае его ареста сообщить ей об этом в письме условным шифром. Агент Касик и бровью не повел. Вдобавок он попросил Зою проводить его не на вокзал, а на Гулинское шоссе, чтобы, по его словам, избежать возможной слежки гестапо.

Через несколько минут после ухода Касика явились гестаповцы. Для отвода глаз они прошли к Райтам.

У жены как бы мимоходом спросили, не был ли у нее недавно чужой человек.

- Да, был, - нашлась она. - Заходил неизвестный молодой человек. Он выдавал себя за партизана, и я приняла меры, чтобы его арестовали.

- Это хорошо, фрау Свободова, - похвалил ее парень в

кожаном пальто. А больше никого не было?

- Никого. Я свои обязанности знаю!

- Хорошо, хорошо, фрау Свободова, - язвительно отозвался гестаповец и пошел к жене Райта.

Гестаповцы, не зная, как добраться до Рыша, зашли в тупик. Предприняли еще одну попытку: агента Касика послали на поиски в Брно, где Рыш временами останавливался. К счастью, пребывание Касика в Брно затянулось, иначе моя семья была бы арестована.

Однажды к нам снова позвонили. Открыв дверь, жена увидела парашютиста Браунера, с разбитым лицом и кровоподтеками под глазами. Рядом стоял какой-то парень. Жена сразу догадалась, в чем дело.

- Что вы хотите? - удивленно спросила она. - Что случилось? Не требуется ли врач? - добавила она участливо. Спутник Браунера сказал:

- Я парашютист из Советского Союза. А Браунера вы, конечно, знаете. С нами произошел несчастный случай. Мы должны немедленно переговорить с Франтишеком Рышем!

Браунер незаметно для спутника моргнул ей. Сказать что-либо он боялся. Но этого было достаточно.

- Странно, я вас не знаю. И никакого Рыша не знаю. Уходите отсюда, иначе позову на помощь!

Так гестаповцам не удался и этот коварный прием.

Через минуту прибежала Зоя.

- Был здесь Мальчик? - спросила она, имея в виду Браунера, которого они так называли между собой. Жена грустно кивнула.

- За углом я видела гестаповский автомобиль, а этих двух я встретила, когда шла на занятия, - с трудом переводя дыхание, рассказывала дочь.

Как быть? Жена послала Зою к машинисту Соханеку, члену их группы, чтобы предупредить его об аресте Браунера. Мирек же поспешил в полицейский участок доложить о том, что к ним опять приходили "враги империи".

Прошло еще несколько дней, и в квартире Райтов появился Рудольф Рыш. Представившись, он сказал, что ему надо немедленно поговорить с братом. Пани Райтова позвала мою жену. Рыш вел себя очень подозрительно, словно чужой. Он не пожелал снять пальто, все время стоял, отказался от еды. Возможно, он предполагал, что о нем все известно, и боялся, как бы его не отравили. Выяснить местопребывание брата ему не удалось. Гнусный изменник ушел не солоно хлебавши.

Обманом и провокациями гестаповцы не достигли цели. Тогда они решили выжидать и следить, рассчитывая, что моя

жена невольно наведет их на след Франтишека Рыша или что тот сам придет к ней. Поэтому ее оставили на свободе.

Как раз в эти критические дни нашему квартиранту, арестованному Райту, удалось передать записку из тюрьмы, в которой он сообщал Ирене, что гестапо все известно и что ей следует немедленно скрыться. Родственница Райта Божена Штепанова отвезла записку своей сестре Марии - учительнице в Квасицах, та передала ее сестре Людмиле Райтовой, которая жила в нашем доме. Пани Райтова пошла к врачу Дубовскому, а он поручил ей сразу же уведомить об этом мою жену. Так благодаря действиям членов кромержижской подпольной организации моя жена и дети были своевременно предупреждены.

Жена решила немедленно скрыться. Из дому уходили поодиночке - Зоя с нотами, Мирек со скрипкой, а жена с продуктовой сумкой. Сначала дети, а вслед за ними мать пришли на железнодорожный полустанок и оттуда уехали к брату Ирены в Незамыслицы. Там они переночевали, а на другой день отправились на мою родину, в Грознатин на Чешско-Моравской возвышенности.

Первое убежище им предоставила моя мать и семья Франтишека Неедлы. Примерно через неделю жена оставила семью Неедлы; она сказала, что уезжает к знакомым, как было условлено. За деревней она изменила направление, прошла околицами и остановилась у моей сестры Марии, проживавшей на другом конце деревни. И это было очень кстати...

Дней через десять в Грознатин прибыло отделение гестаповцев разыскивать Ирену Свободову и ее двух детей. Немецкие полицейские оцепили деревню. Обыск начали с семьи Неедлы.

- Wo ist Fran Svobodova?{6}

- Не знаем, была здесь, но уехала. Сказала, что поедет в Прагу...

Тут же последовал допрос. Отделили всех взрослых и разобщили их по одному. Хозяина увели в хлев и там, прежде чем задать первый вопрос, жестоко избили.

- Когда к вам приехала фрау Свободова? - спросили гитлеровцы брата, когда им показалось, что он уже достаточно подготовлен для допроса.

- Примерно с неделю.

- А когда уехала?

- Дня два-три назад.

- С детьми?

- Да, обоих ребят взяла с собой.

- А куда уехала, этого она не говорила?

- Говорила: в Прагу к каким-то знакомым.

- Фамилия этих знакомых? Известна она вам?

- Не знаю, она не сказала, к кому едет. У нее в Праге много знакомых.

Ничего не добившись, гестаповцы прекратили допрос. Посовещались. Показания допрошенных полностью совпадали. Наши родственники заранее условились, что и как они будут отвечать. В приходе гестаповцев никто не сомневался: где еще, как не у моих родственников, они могли искать беглянку.

Кроме Франтишека, никто из семьи Неедлы не знал, что жена пошла не на станцию, а к моей сестре. Поэтому все сошло гладко.

Когда гестаповцы ворвались в дом Неедлы и учинили там допрос, сестра Мария и ее муж об этом еще ничего не знали. Зоя как раз собиралась сходить к бабушке, жившей у Неедлы. Но случай помог избежать беды. Выйдя из дому, она встретила крестьянина-бедняка Франтишека Кудрна, моего друга детства, который видел гестаповцев у дома Неедлы. Он незаметно шепнул Зое об этом.

Жена с дочерью тут же спряталась на сеновале. Они просидели там до вечера, не зная, что односельчанам удалось провести гестаповцев и хитро выпроводить их из деревни. Ограниченность гитлеровских прихвостней облегчила положение.

Закончив допрос у Неедлы, они выслали патруль на станцию выяснить, действительно ли уехала моя жена. Начальник станции проявил большую находчивость.

- Вы случайно не припомните, - строго спросили его по-чешски, - не уезжала ли отсюда дня два назад пани Свободова с детьми?

- Пани Свободова... Па-ни Сво-бо-до-ва, - протянул начальник станции, задумчиво прищурив глаза, что выглядело убедительно. - Ну, конечно, видел, точно видел. Она была с дочуркой и сынишкой.

- А вы не ошибаетесь?

- Ошибка, извините, исключена. Я пани Свободову знаю очень хорошо, она с детьми часто сюда приезжала.

- До какой станции она купила билет?

- Этого, извините, не знаю, не помню.

- Надо полагать, не в Прагу?

Начальник на минуту задумался: "Значит, они ее преследуют. Неужели кто-нибудь проговорился? Предал?" И тут ему в голову пришла счастливая мысль:

- В Прагу билет она не покупала. Определенно не покупала. Я помнил бы это - от нас туда редко ездят.

Гестаповцы тут же заключили: определенно уехала в Прагу,

но схитрила, билет купила в другое место, чтобы сбить нас с толку. Но гестапо не проведешь! В Праге ее и схватим!

Они были настолько восхищены своими умозаключениями, что даже не поинтересовались, не живут ли в Грознатине еще какие-нибудь мои родственники.

26 ноября 1941 года в Незамыслицах вместе с родственниками был схвачен Мирек. В этот день гитлеровцы схватили всех членов подпольных организаций Кромержижа и Остравы, которые были связаны с парашютистами надпоручика Немеца. В Незамыслицах в тюрьму был посажен и Касик, который в камере выдавал себя за патриота, чтобы выведать у заключенных больше подробностей. Этот предатель полностью перешел на службу гестапо, стал сотрудником немецкой полиции. Позднее его отправили на фронт. Путь предателя окончился в Италии.

Арестованных перевезли в Остраву, там их подвергли нечеловеческим пыткам. Гитлеровцы добивались сведений, где скрываются Рыш, моя жена и дочь.

Людмила Райтова, которая после войны вернулась из концентрационного лагеря Равенсбрюк, видела, как гестаповцы допрашивали моего сына Мирена. Они выбили ему зубы, угрожали прикончить, и в то же время обещали выпустить, если он скажет, где мать и сестра, но Мирек был тверд. После войны я получил письмо от рабочего Ярослава Бомского из Радваниц, в котором он написал мне о Мирeке (они вместе находились в заключении).

"...Боже, Мирек мой, - писал Ярослав Бомский, - как только не издевались над тобой гестаповские псы! Их не остановила твоя молодость. Бедняжка, ты был весь в синяках, с заплывшими от побоев глазами, с окровавленным ртом, когда тебя бросили без сознания в камеру. Однако первыми твоими словами, после того как ты пришел в себя, были: "Я им ничего не сказал". Он не плакал, лишь шутя говорил: "Видишь, Ярослав, еще недавно я хотел посмотреть, как выглядит каменный мешок, а теперь уже знаю. Я пролежал там с вывернутыми назад руками день и две ночи". Семнадцатилетний юноша, он вел себя мужественнее многих старших. Никогда не сожалел о выбранном пути, который стоил ему таких страданий. Когда в камере говорили, что кто-то не выдержал, я всегда напоминал им о Мирeке".

Последние слова Мирека записаны в дневнике кромержижского торговца Богумила Бразды, который состоял в подпольной организации. Он тоже был казнен. Вот эти слова: "Когда очень хочется пить, то кажется, что можешь выпить море. Таково желание. Но выпьешь два стакана, и, оказывается, этого

достаточно. Такова действительность".

Вместе с теми, кого фашисты не убили на месте, Мирек был направлен в концентрационный лагерь Маутхаузен с пометкой "возврат нежелателен". 7 марта 1942 года эсэсовский врач вызвал Мирека и сказал, что у него туберкулез и его надо лечить. Эсэсовец сделал ему укол, и мой сын тут же скончался. Эти последние данные сообщил мне после войны профессор И. Чабарт, который в Маутхаузене спал рядом с Мирекoм и был свидетелем того, как 7 марта 1942 года в 5 часов утра сына вызвали на медпункт, откуда он не вернулся.

В Новом Телечкове у Котачека и Кратохвила моя жена и дочь скрывались в подготовленном под полом укрытии. Днем, естественно, они не показывались, лишь иногда ночью родственники выводили их на короткую прогулку. Такая предосторожность была необходима по ряду причин. Гестапо усиленно разыскивало Ирену и Зою. В общественных местах висели их фотографии. За выдачу Ирены и Зои была обещана высокая награда, а за укрытие - смерть. В ближайших к моей родине селах гестапо арестовало многих моих родственников. Арестованных держали как заложников. Кроме того, по несчастному стечению обстоятельств, в этом районе гестапо разыскивало парашютиста Кубиша, одного из тех, что совершили покушение на Гейдриха{7}. Его родственники проживали тоже где-то здесь.

Однажды облава немецких полицейских и солдат закончилась примерно в 200 метрах от дома Котачека, где скрывались моя жена и дочь. В другой раз в дом к Котачекам пришли немецкие инспектора, как раз когда там зарезали поросенка.

Моей семье не раз помогал мой родственник Ян Долежал, крестьянин из Горных Гержманиц. Он снабжал дочь и жену продуктами, ночью ходил с ними на прогулку и на всякий случай выкопал для них укрытие в лесу.

Мирек не возвращался и не давал о себе знать. Ирена послала Яна Долежала в Кромержиж к моему шурину узнать, что случилось с сыном и какова там обстановка.

Близилась весна 1942 года. По времени было утро, но еще не светало. Около одного из кромержижских домов остановился молодой человек, осторожно осмотрелся и быстро нажал кнопку звонка под табличкой с фамилией Страк. В этом доме жила сестра моей жены со своим супругом.

- Ну вот и дождались... - проговорил свояк своей жене, оделся и пошел открывать.

Ждали гестаповцев, которые регулярно наведывались к ним,

полагая, что сюда явится Ирена. При одном из таких посещений они уверяли, что их интересует не пани Свободова, а парашютист. Обещали озолотить семью Страка, если она наведет их на след парашютиста. Свояк делал вид, будто верит им.

- Господа, я верю вам, - сказал он, - верю, что с моей свояченицей ничего не случится. Я убежден, если она появится и я передам ей ваши слова, она вместе со мной придет к вам.

...Страк рассчитывал встретить у дверей, как всегда, гестаповца Видермерта с собакой. Но увидел стройного молодого человека в темном костюме.

- Что вам угодно?

- Вы пан Страк?

Свояк кивнул.

- Дядюшка, я Ян Долежал. Я от тети Свободовой, должен поговорить с вами...

Свояк беспомощно молчал. Что это? Новая ловушка? Он предложил войти. В квартире гость сообщил о моей жене такие подробности, что ему поверили. Долежал сказал, что Ирена скрывается в безопасном месте, и спросил, где Мирек. Не сразу они собрались с духом, чтобы ответить на этот вопрос.

Долежала попросили осторожно рассказать Ирене, что Мирека арестовали гестаповцы и отправили в концентрационный лагерь Маутхаузен.

Мои родственники могли бы рассказать еще многое, но времени не было: осторожность заставила их расстаться. И это было сделано как раз вовремя.

Через несколько минут в квартире снова раздался звонок.

- Пан Видермерт...

- У вас был гость? Не рано ли?

Страк напряженно думал, что ему сказать. Видели гестаповцы Долежала или просто забрасывают удочку?

Гестаповцы подозрительно посмотрели на пепельницу на столе.

- Если вы судите по пеплу, то ошибаетесь. Сейчас я и по ночам курю. Вас жду...

- Ну, а гость здесь все-таки был или нет? - Гестаповец впился глазами в лицо хозяина.

- Гость? Да, гость был.

Страку не хотелось переходить к подробностям, он стремился затянуть разговор, выдумать что-нибудь безобидное и правдоподобное.

- Кто? - допытывались у Страка.

- Придется признаться... - начал он.

Лица гестаповцев, казалось, вот-вот лопнут от напряжения.

- Моя четырнадцатилетняя дочь, вы ее знаете, страдает малокровием, продуктов по карточкам не хватает. И мой брат иногда приносит нам молоко...

Гестаповцы даже побледнели от разочарования. Жена хозяина, сделав вид, что она озабочена беспорядком в квартире, вышла.

- Говори фамилию брата и где он живет! - строго потребовали гитлеровцы.

- Крестьянин Страк из Шелешовиц.

Сейчас шурину нужно было выиграть время: его жена ушла к соседям, и они обязательно помогут. Он привлек внимание гестаповцев к своей библиотеке. Те начали рыться в ней, задавать вопросы, а время шло. Но вот возвратилась жена и незаметно кивнула ему: "Все в порядке".

Гестаповцы ушли как обычно с многозначительным Bis auf baldiges Wiedersehen{8}.

Свояк упал на диван и закрыл глаза. Жена успокаивала его.

Их сосед Франтишек тут же вскочил на велосипед и помчался в Шелешовице. Вскоре он был уже далеко.

Гестаповцы действительно ездили в Шелешовице. Крестьянин Страк после некоторого колебания признался, что был в Кромержиже.

- Что вы там делали?

- Я знаю, что этого нельзя делать, но мне нужно было отвезти племяннице немного молока...

- Как вы были одеты?

- Что на мне было? Темный костюм.

Удовлетворенные такими ответами, гестаповцы ушли.

Ян Долежал вернулся из Кромержижа и рассказал Ирене о положении подпольной группы и судьбе нашего сына. Сказал также и о том, как удачно он избежал опасности. Его участь решили всего какие-нибудь две-три минуты. Моя жена его как-то предупреждала: "Ян, будь осторожен, не дай бог, схватят тебя". В ответ он поклялся, что в случае ареста не проронит ни одного слова, даже если у него из кожи будут вырезать ремни.

Яна Долежала вскоре посетил один дальний родственник и категорически потребовал сказать, где находятся "женщины Свободовы". Ему это требовалось якобы для передачи им паспортов на чужие имена. Если же Ян Долежал не скажет, где эти две женщины, то он выдаст его гестапо.

Этот наивный человек думал, что если он выдаст Ирену и Зою, гестаповцы освободят его жену, взятую в качестве заложницы, которую отправили в концентрационный лагерь (это была моя племянница).

Долежал не предполагал, что имеет дело с человеком, способным докатиться до предательства и стать доносчиком, и по-дружески, как родственник родственника, поставил его на место.

Вскоре "гость" привел в исполнение свою угрозу. Яна Долежала арестовали. Гестаповцы устроили ему очную ставку с предателем, который слово в слово повторил все сказанное при их разговоре. После очной ставки Яна Долежала пытали. Его подвесили за ноги, выбили зубы, искололи все тело, однако Ян не проронил ни слова. Он умер в Маутхаузене.

Подлый доносчик не понимал того, что если бы Ян Долежал не выдержал страшных мук и проговорился, гестаповцы уничтожили бы по меньшей мере десять семей в Грознатине, Телечкове, Горных Гержманицах и Джбаницах у Моравского Крумлова, которые помогали скрываться моей семье. Доносчик рассчитывал, что своим предательством он вызволит жену из концентрационного лагеря, но он жестоко ошибся. Десятки таких бесхарактерных людишек попадали в списки подлежащих уничтожению. Но даже смерть этих гнусных предателей не может искупить их вины, приведшей к гибели замечательных патриотов, каким был и незабвенный герой Ян Долежал.

А вот другой пример мужества наших людей. Однажды батрак Станислав, который работал у крестьянина Дворжака в Телечкове, ехал в поле. Дорогой он вспомнил, что забыл спички, и пошел за ними к Котачекам, но их не оказалось дома. Тогда Станислав пробрался во двор - собака знала его и не залаяла - и вскочил через открытое окно в горницу. Моя жена и дочь не успели спрятаться, так неожиданно появился этот неизвестный им мужчина. Они отвернулись, чтобы он не увидел их лиц, но было поздно. Батрак Станислав узнал их по фотографиям, расклеенным гестаповцами.

- Ведь вы Свободовы, не правда ли? - спросил он, сам крайне удивленный неожиданной встречей.

Жена ответила ему вопросом:

- А вы честный человек?

Он без колебания подтвердил это.

- Тогда дайте мне руку и обещайте молчать о том, что видели нас.

Станислав крепко пожал руку Ирене и торжественно сказал:

- Как чехословацкий солдат запаса, я знаю свой долг и честью клянусь, что никому не скажу о вас. А если вам потребуется укрыться в другом месте, то скажите мне, и я об этом позабочусь.

И действительно, Станислав не выдал мою семью. Он сделал даже больше. Как-то в Рудикове после окончания мессы среди

прихожан распространился слух, что недавно ночью на лугу недалеко от Ославички приземлился иностранный самолет, взял жену и дочь подполковника Свободы и улетел. Слух дошел до немецких властей. Гестаповцы охотно ему поверили и даже приехали посмотреть на место посадки самолета. Гитлеровский наместник в протекторате Франк после боя у Соколова отдал строгий приказ о розыске семьи Свободы. А поскольку розыск по-прежнему оставался безуспешным, гестаповцы, сославшись на случай с самолетом, решили прекратить поиски моей жены и дочери и тем самым уйти от гнева Франка. С того времени жена и дочь могли жить несколько спокойнее, если можно говорить о покое для изгнанников, скрывавшихся три с половиной года в подземелье. Чтобы еще больше дезориентировать гестаповцев, Ирена послала своим знакомым в Кромержиже письмо якобы из Австрии.

Весной 1944 года родственники позаботились о переезде жены и дочери в Джбаницы у Моравского Крумлова. Зоя выехала туда поездом по чужому паспорту, а жену на небольшом грузовике перевезла Фанушка Черная. Во дворе ее дома было уже подготовлено убежище, где Ирена и Зоя прожили до конца войны. Конечно, и здесь было небезопасно. Однажды немецкая уголовная полиция задержала Фанушку Черную за какой-то хозяйственный проступок (она добывала продовольствие для Зои и Ирены), и та была вынуждена дать взятку нацистским чиновникам. После этого гестаповцы каждую неделю приходили к Черным за взятками и устраивали у них пирушки. Нетрудно представить себе состояние жены и дочери, когда они, сидя под полом, слушали, как развлекаются пьяные гестаповцы...

Всего этого я не знал до конца войны. В Польше я довольно часто получал сведения о семье через связных, пробиравшихся в оккупированную Чехословакию. В первые месяцы своего пребывания в Советском Союзе я тоже регулярно получал сообщения о том, что с семьей все в порядке. В 1940 году советские органы советовали мне переправить семью в Словакию, откуда обещали организовать ее переход в СССР. Но мне не хотелось подвергать Ирену и Зою опасности, связанной с переходом границы.

В марте 1942 года у меня в руках оказалась вырезка из газеты, издаваемой в протекторате. В ней приводился список казненных, среди которых значилась Ирена Свободова. Наш посланник в СССР Зденек Фирлингер проверил это сообщение - речь шла не о моей жене.

О трагической смерти сына Мирослава я узнал во время тяжелых боев на Дукле. Об этом написал мне мой земляк Ванек

из Рудикова, проживавший тогда в Словакии. Его письмо участники Словацкого народного восстания переслали в штаб 1-го Чехословацкого корпуса в СССР. О жене и дочери добрые вести передал мне советский писатель Вершинин, когда я уже был членом правительства, созданного в Кошице. Советские разведчики-партизаны 2-го Украинского фронта установили, что Ирена и Зоя находятся под охраной чехословацких партизан где-то на юго-западе Моравии. Разведчики порекомендовали мне написать письмо, которое они брались доставить жене и дочери. И действительно, такое письмо, хотя это кажется невероятным, было переправлено через линию фронта. Ирена и Зоя получили его еще до окончания войны.

После шестилетней разлуки моя первая счастливая встреча с семьей произошла 9 мая 1945 года. Было это в Подивине (Моравия), где тогда размещался штаб нашего корпуса.

* * *

Эту историю об одной из групп движения Сопротивления я коротко рассказал здесь для того, чтобы показать, в каких тяжелых условиях приходилось бороться нашим патриотам в оккупированной Чехословакии. Им угрожали не только откровенные враги - гестаповцы, но и разные подлые элементы в собственных рядах - изменники и тайные агенты гестапо. Я описал эту историю также и для того, чтобы показать, сколько было истинных патриотов, людей смелых и мужественных, даже в одной небольшой группе участников подпольной борьбы.

Около 160 человек арестовали тогда гитлеровцы в Остраве, Кромержиже, Брно и Вельке-Мезиржичи в связи с делом парашютистов надпоручика Немеца. Более 80 мужчин и женщин было казнено по приговорам полевого суда или замучено в концентрационных лагерях. Почти все мои родственники сидели в тюрьме в качестве заложников, и многие из них не дожили до конца войны. Некоторые семьи были уничтожены полностью. Лишь несколько человек, пережив нечеловеческие мучения, возвратились домой. Таких кровавых жертв могло бы и не быть, если бы парашютисты и люди, которым они доверились, проявили большую осторожность и строго соблюдали правила конспирации. И, разумеется, если бы не предатели.

Парашютиста Франтишека Рыша гестаповцам уда-. лось схватить только зимой 1942 года. Он яростно оборонялся, отстреливался, но врагов было много, и они захватили его. Несмотря на зверские пытки, он держался мужественно. Франтишек Рыш и его жена погибли, но ничего не сказали своим мучителям. Позже гестапо уничтожило и его брата Рудольфа. Последний являлся главным виновником провала подпольной

организации; он не только рассказал все, что знал, но добровольно помог гестаповцам выследить и арестовать парашютистов, а также предал их помощников.

Удел предателей - всеобщее презрение. Героев же подпольной борьбы с оккупантами наш народ не забудет никогда!

Батальон

1. В путь

Гитлеровские полчища приближались к столице Советского Союза. Город сосредоточенно готовился к упорной обороне. Заботясь о безопасности иностранцев, Советское правительство в середине октября 1941 года эвакуировало из Москвы дипломатический корпус. Я отъезжал вместе с нашими Зденеком Фирлингером, членами дипломатического представительства и военной миссии - в ночь на 16 октября. Какие только чувства не одолевали меня в ту памятную ночь! Вспоминалось недавнее столкновение с лондонским министром национальной обороны Ингром по вопросу о сохранении костяка командного состава для нашей будущей воинской части. Вспоминалась Москва в первые дни войны. Но главным образом тревожила мысль: что же дальше?

Стоя у окна вагона, я глядел на оживленно снующих по перрону людей, на то, как прощались отъезжающие на фронт солдаты с матерями, женами, детьми и любимыми девушками. Слезы, клятвы, наставления, продолжительные и крепкие пожатия рук, объятия родных и друзей, которых война разлучала надолго, а может быть, и навсегда.

Война...

Вспоминается один момент. Это было летом, через несколько дней после нападения Германии на Советский Союз. Жил я тогда в московской гостинице "Метрополь". Собственно, ничего особенного в тот день не произошло. Просто я был очень утомлен многочасовой дискуссией с офицерами и унтер-офицерами, которых мы пригласили для формирования нашей первой воинской части.

В конечном счете все закончилось благополучно. В тот же день мы отправили на родину несколько групп парашютистов.

Стояла жара. Я подошел к распахнутому окну и с наслаждением вдохнул прогретый солнцем воздух Москвы. Москвы военной. Москвы, от которой так далеко до Праги. "Но придет время, - думал я, - и мы вернемся домой". Я на мгновение закрыл глаза и тут же представил себе, какие трудности нас ожидают. Я увидел длинные фронтовые дороги, по которым нам предстоит с боями пройти тысячи километров, чтобы пробиться к поверженной и измученной родине. Из кого будут состоять наши

воинские части? Каков будет их личный состав? От этого зависит все. Это будет честная и беззаветная помощь нашей маленькой и в то же время великой стране.

Как хотелось полюбоваться сейчас из открытого окна улицами летней Праги и вдохнуть ее свежий теплый воздух! Дождемся ли мы этой минуты? Впрочем, если не мы, то другие обязательно дождутся.

* * *

Вновь возвращаюсь к действительности. В тамбуре вагона наш посланник Зденек Фирлингер беседует с профессором Неедлы, с которым мы познакомились в Советском Союзе, в поезде Москва - Куйбышев. Познакомились и подружились навсегда. Фирлингер, жестикулируя, объясняет обстановку:

- Напав на Советский Союз, Гитлер допустил огромную ошибку и тем самым предрешил свою судьбу... Хотя превосходно моторизованная и механизированная немецкая армия, возглавляемая фанатиками военного ремесла, пока все еще является страшным орудием в его руках...

Несколько дней назад Фирлингер выступал по московскому радио с обращением к народу Чехословакии. Это было в тот день, когда мы узнали, что протектора фон Нейрата сменил гестаповец Гейдрих, столь "блистательно" оправдавший себя в Норвегии.

А здесь? Немцы рвутся к Ленинграду. Израненный, окровавленный и голодный, город героически сражается - несгибаемый, неприступный. Бои на Украине день ото дня становятся все ожесточеннее. Теперь гитлеровцы рвутся к Москве.

Мы едем в Куйбышев, бывшую Самару. Времени терять нельзя.

- Мы должны как можно скорее приступить к формированию части и обучению людей. Какие поступают сведения, Зденек? - спрашиваю я.

- И хорошие и плохие, - отвечает Фирлингер. - С советской стороны все ясно и определенно. Никаких преград. А вот с нашими в Лондоне дело обстоит неважно. Правительство и в первую очередь министерство национальной обороны выдвигают бесконечное количество условий и возражений. Это начинает действовать мне на нервы. Они только говорят и говорят...

- Будто сейчас мирное время, - перебиваю я его. - А ведь они люди военные. Кому-кому, а уж им-то должно быть известно, что такое война.

- Надо полагать, - отвечает Фирлингер. - Но пока они там, в Лондоне, а наш начальник военной миссии господин Пика здесь, в Москве, толкут воду в ступе. Словом, тормозят все дело, как могут...

В ту пору в чехословацкое посольство и военную миссию поступало большое количество писем наших сограждан, проживавших в СССР и других странах, с ходатайством о включении их в состав чехословацкой воинской части. Пришло письмо -и от чехословацких граждан из Ирана. В этой стране, а особенно в ее столице Тегеране, проживало довольно много чехов и словаков: несколько сот человек, из коих многие жили с семьями. Не надо забывать, что некоторые чехословацкие фирмы имели там свои филиалы. Много чехов и словаков работало на стройках, разбросанных по всему Ирану.

Ближний и Средний Восток представлял в то время как бы перекресток, на котором можно было встретить кого угодно: нацистов в качестве представителей дипломатической миссии либо в роли туристов - откровенных шпионов и диверсантов, стремившихся на деле осуществить свои давние мечты, выраженные в словах: "Drang nach Osten!"; англичан, американцев и французов, защищавших такими же методами интересы отдельных монополистических групп. Были здесь и чехословаки, среди которых встречались и судетские потурчинцы, и нацистские наемники, посланные с заданием захватить для своих хозяев филиалы чехословацких фирм в Иране.

Сложность обстановки на Среднем Востоке усугублялась тем, что бывший чехословацкий посланник Фриц раболепно передал свои полномочия немцам, в результате чего в течение продолжительного времени в Иране не было официального представителя свободной Чехословакии. В разнородной массе чехословацких колонистов находились и такие, кто, заискивая перед нацистами, помогали им пересылать своих мятежных соотечественников в так называемый протекторат, прямо в руки гестапо.

Германская миссия стремилась распространить свое влияние на реакционную часть местного населения. С нацистами соперничали западные союзники. В слепой ненависти к Советскому Союзу и те и другие стремились использовать Иран в своих агрессивных целях, главным образом как базу для переброски на территорию Советского государства многочисленных шпионов.

К счастью, среди чехословацких рабочих и служащих было много честных граждан, искренних патриотов своей страны, которые не поддавались на провокации нацистов и их приспешников и поддерживали друг друга. Группа специалистов, работавших на иранских фабриках, пивоваренных заводах, железнодорожном и автодорожном транспорте, в торговле, в министерствах и даже в тегеранском арсенале, взяла на себя

заботу по обеспечению тех, кто лишился работы.

Особо важную роль сыграли наши врачи, многие из которых с 1939 года работали главными врачами хирургических отделений государственных больниц в Тегеране в Мешхеде. Расскажу об одном из них - докторе Шкваржиле. Этот крупный хирург, человек прогрессивный и цельный, приложил немало усилий, чтобы создать в первые годы второй мировой войны своеобразную чехословацкую автономную республику на иранской земле, где было небезопасно. При его участии в Тегеране был организован Чехословацкий комитет. Вначале комитет занимался вопросом экономической помощи чехословацким гражданам, затем развернул оживленную культурную деятельность и, наконец, наладив связи с чехословацкими миссиями в Бейруте и Бомбее, стал заниматься политической деятельностью. По инициативе доктора Шкваржила комитет связался с московским руководством Коммунистической партии Чехословакии, а позднее - с нашим посланником в Куйбышеве Зденеком Фирлингером, с советским послом в Иране и с эмигрантским правительством в Лондоне. Это было уже после нападения Германии на Советский Союз.

Вскоре комитет пошел еще дальше. Поскольку на территории СССР пока не существовало чехословацкой воинской части, комитет провел среди наших граждан, проживающих в Иране, добровольную мобилизацию в Советскую Армию. Обосновавшись в советском посольстве, доктор Шкваржил лично производил запись добровольцев. Одновременно женщины и лица, которые по состоянию здоровья или возрасту не могли служить в армии, собирали средства в фонд обороны Советского Союза и готовили посылки советским воинам. Комитет приступил к изданию газеты, в которой печатались сообщения советского и зарубежного радио и прежде всего информации чехословацкой передачи Куйбышевского радио.

Между тем события приняли трагический характер. В Ираке вспыхнуло реакционное восстание. Его организаторы пытались спровоцировать такое же восстание и в Иране и тем самым подготовить нападение на Советский Союз через иранскую территорию, К концу 1941 года части иранской армии двинулись к границам Советского государства.

В эти напряженные дни, когда стало ясно, что Советский Союз не намерен пассивно взирать на готовящуюся против него агрессию, западные державы поспешили заключить с ним договор о совместных действиях. Были установлены демаркационные линии. Советские, английские и американские войска вступили на территорию Ирана. В Тегеран войска союзников вошли одновременно.

Именно здесь, на Среднем Востоке, после многолетней разлуки с родиной наши люди, а с ними и хирург доктор Шкваржил, впервые встретились с частями Советской Армии. Теперь, казалось бы, все складывалось наилучшим образом, вернее должно было бы так сложиться. Однако лондонское эмигрантское правительство и западные союзники решили все по-своему. Первая их мысль была не о вооруженной борьбе за свободу против фашизма, а об иранском филиале фирмы Шкода. Англичане и французы объявили ее иранский филиал своим военным трофеем. Коллаборационисты, стоявшие во главе филиала, поспешили передать в дар английскому Красному Кресту крупную сумму, рассчитывая таким образом вернуть свою утраченную репутацию, а после ликвидации немецкой миссии перешли на службу к англичанам. Чехословацкое правительство в Лондоне молчаливо согласилось с этой "трофейной" политикой западного союзника и хозяина. Больше того, оно направило в Иран дипломатическое представительство, которое, беспрекословно выполняя волю Лондона, запретило нашим людям выезд в СССР. Этот запрет сохранил силу и позднее, когда в Бузулуке была уже сформирована наша воинская часть. Чехословацким гражданам в Иране приводили в пример дивизии Андерса, пророчили близкий развал советского фронта, а тех, кто прибывал с Ближнего и Среднего Востока в Тегеран, чтобы получить здесь визу на въезд в СССР, объявляли дезертирами, подвергали допросу и отдавали под суд.

Мы знали о наших людях, в том числе и о мужественном докторе Шкваржиле, но встретиться с нашим знаменитым хирургом нам довелось значительно позднее. Оставив молодую жену с двухлетней дочуркой, он перелетел через заснеженную вершину Эльбруса, миновал Кавказ, Баку, Каспийское море, Астрахань, чтобы сменить теплую тегеранскую весну на снежные вьюги Куйбышева. Наконец он очутился среди своих. Встретился с Фирлингером, Властимилом Бореком и его супругой Гедой, В Иране Шкваржил слышал поговорку: "Фарда-иншаллах!" "Завтра, если бог даст", а здесь давал не бог, а простой и упорный, твердый и рассудительный советский человек. И доктор Шкваржил сразу же почувствовал, что он среди своих.

"Здесь объявили, что ты дезертировал, - писала доктору Шкваржилу его жена. - Поэтому теперь ни на меня, ни на нашу дочь не распространяется опека нашей миссии. Но ты не волнуйся, как-нибудь проживем..." Как-нибудь! По мнению Лондона, доктор Шкваржил - дезертир. Вояк Андерса, сбежавших с поля боя, они дезертирами не считали, но хирурга, ушедшего на фронт, объявили дезертиром!

А теперь вернемся к нашему рассказу о поездке из Москвы в Куйбышев в октябре 1941 года.

Только что опубликовано в газетах и передано по радио подписанное 18 июля 1941 года чехословацко-советское соглашение о совместных действиях в войне с Германией. Оно явилось основой создания на территории СССР чехословацких воинских частей. Перед нами сразу словно распахнулись все двери. Бесчисленное количество запросов, невиданный наплыв заявлений. "Война не ждет, торопитесь, формируйте, обучайте, ведите нас на фронт!" - требовали чехословацкие патриоты.

Но легко сказать - торопитесь, ведите на фронт! Министр Ингр, лондонское эмигрантское правительство и Пика не спешили, и такую проволочку можно было объяснить только злым умыслом. Скрывая свои истинные намерения, они лицемерили и политиканствовали. И наши люди, вынужденные бороться сразу и с врагом, и с такими вот соотечественниками, нередко теряли надежду и приходили в отчаяние.

Мы были связаны с полковником Евстигнеевым, занимавшим до генерал-майора Панфилова пост начальника отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР, и с его стороны не встречали никаких препятствий. Знали мы и о том, что делается в советском тылу. Я сам видел не раз, как после окончания смены к воротам заводов подъезжали грузовые машины и увозили рабочих, техников и служащих на всеобуч. Мы знали, что каждый человек, способный носить оружие, ежедневно по три часа занимается военной подготовкой.

Поступали к нам сообщения и о том, как невероятно быстро растут новые заводы, день и ночь выпуская оружие для фронта, новую и превосходную технику: самолеты, танки, орудия и гвардейские минометы. И как гитлеровцы ни старались, их новинки так и не превзошли советские танки Т-34, реактивные минометы "катюши" и "андрюши". Не превзошло их и западное оружие.

Знали мы также, что на восток - на Урал и в Западную Сибирь эвакуировано около 1300 военных заводов и что свыше 2500 построено там вновь.

Весь советский народ поднялся на борьбу, и против него не мог выстоять ни Гитлер, ни его коалиция.

Те оптимистические выводы, которые мы, склонившись над картой, делали в вагоне поезда Москва - Куйбышев, были вполне реальны, хотя гитлеровцы еще наступали. Мы твердо верили, что в ближайшее время на фронте произойдет перелом в пользу Красной Армии. И, как известно, вскоре - 6 декабря 1941 года - советские войска остановили гитлеровцев под Москвой, разбили

их и погнали. Фашисты были оттеснены на запад от Москвы на 200-400 километров.

20 октября мы прибыли в Куйбышев. Туда же был эвакуирован весь дипломатический корпус. В декабре 1941 года в СССР приехал глава тогдашнего польского эмигрантского правительства, находившегося в Лондоне, генерал В. Сикорский. Премьер-министр желал проинспектировать армию Андерса, расквартированную в районе Бузулука. Наша военная миссия предложила мне сопровождать его. Такой "чести" я удостоился, очевидно, потому, что в 1939 году силами чехословацкого легиона организовал противовоздушную оборону города Тарнополя, за что был награжден польским военным крестом. Были приглашены также представители остальных союзнических военных миссий в СССР. Я воспользовался случаем и поехал в Бузулук - в город, где нам предстояло формировать чехословацкие воинские части. Генерала Сикорского сопровождали начальник отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР и заместитель Народного комиссара иностранных дел Советского Союза. Последний попросил председателя Бузулукского городского Совета товарища Иванова освободить для нас на Первомайской улице школьное здание и подготовить несколько помещений в других местах. Но к этим подробностям я еще вернусь, а пока продолжу рассказ о рождении нашей первой воинской части в Бузулуке.

Итак, 12 декабря 1941 года я с полным основанием мог доложить военной миссии в Куйбышеве: "Обеспечены казармами для одного батальона (1100 человек) и запасной роты (300 человек)".

Первая поездка в Бузулук была полезной для меня еще и потому, что мне представилась возможность побывать на торжественном приеме, устроенном генералом Сикорским в честь польской армии. Я и по сей день будто вижу перед собой представителей всех союзнических военных миссий, генерала Сикорского и Андерса... Как мастерски умели они лгать! Как ловко действовали против Советского Союза, как желали от всей души, чтобы он провалился сквозь землю, как подло злоупотребляли искренним доверием советских людей! Противно вспоминать об этом, но подобный урок не прошел для нас даром. Однако и к этой теме я вернусь позднее, при иных обстоятельствах.

В Бузулуке я покинул свиту генерала Сикорского и, не приняв участия в смотре польских дивизий, занялся подготовкой помещений для нашей части. 14 декабря 1941 года я возвратился в Куйбышев. Зденек Фирлингер, всегда и во всем охотно шедший

нам навстречу, отвел в здании миссии временное помещение для 30 человек. Это было весьма своевременно, поскольку в конце ноября и начале декабря к нам стали прибывать первые добровольцы. Если среди них попадались больные, мы их тотчас же отправляли в советские больницы на излечение.

2. В Бузулуке

К середине декабря 1941 года был уже детально разработан договор о создании на территории Советского Союза чехословацких воинских частей. Вскоре переговоры с нашими официальными лицами повел преемник полковника Евстигнеева генерал-майор Панфилов. 8 декабря 1941 года на заседании Смешанной чехословацко-советской комиссии по формированию чехословацких воинских частей на территории СССР он сообщил начальнику нашей военной миссии, что Советское правительство согласно, чтобы в возможно короткие сроки были сформированы отдельный чехословацкий батальон и запасная рота.

28 декабря 1941 года я простился с нашим посланником Зденеком Фирлингером и выехал в Бузулук. До конца 1941 года туда прибыло всего несколько добровольцев.

1942 год мы встретили с большими надеждами. Уже в январе дела пошли веселей. 15 января 1942 года был объявлен набор. Теперь к нам ежедневно прибывали десятки добровольцев - мужчин и женщин. Так Бузулук стал колыбелью нашей новой Народной армии. В то время во многих районах СССР проживали тысячи чехов, словаков и особенно закарпатских украинцев, а также около 45-50 тыс. чехов и словаков - граждан Советского Союза.

Человек, которому сейчас лет 30 или 35, вряд ли помнит тяжелую жизнь большей части трудящихся в домюнхенской Чехословакии. Было время, когда численность безработных в стране доходила до 920 тыс. человек. Если же учесть их семьи, то это означает, что нищета и голод были тогда уделом почти трети населения страны. Неудивительно поэтому, что многие уезжали за границу в поисках заработка, рассчитывая большую часть его посылать своим семьям или надежно осесть в какой-либо стране и потом перевезти туда своих родных. Немало чехов и словаков эмигрировало в Северную и Южную Америку, а кое-кого занесло даже в Африку. Многие уезжали на Дальний Восток и в Австралию. "У чеха всюду братья", - гласит наша пословица. Тысячи чехословацких граждан выехали в Советский Союз и нашли там работу и новое отечество.

Бузулук - небольшой приуральский город. Он напоминает наши города на юге Словакии - на Гане, в Полабской низменности, - только больше по количеству жителей. Тогда в

Бузулуке проживало около 30 тыс. человек.

Там в 1942 году начался боевой путь наших воинских частей, созданных в Советском Союзе. Председатель Бузулукского городского Совета депутатов трудящихся товарищ Иванов принял нас с истинно русской простотой и сердечностью. Нам были переданы три объекта, где и разместились наши первые подразделения. Уже 12 декабря 1941 года мы имели возможность расквартировать в Бузулуке один отдельный батальон, запасную роту, штаб и вспомогательные службы.

К работе приступили в январе 1942 года. Первые добровольцы готовили квартиры для тех, кого ждали позднее. Уже к 5 февраля приехало 88 офицеров, унтерофицеров и солдат, из числа которых были назначены первые командиры.

Через неделю наша часть насчитывала 297 человек личного состава (мужчин и женщин), разумеется, чешской и словацкой национальностей.

Год 1942-й был критическим годом на фронтах Великой Отечественной войны. Хотя 6 декабря 1941 года фашистские войска и были остановлены под Москвой, а затем отброшены на 200-400 километров на запад, они все же сохраняли преимущество в силах и готовились к новому наступлению.

Абсолютное большинство чехословацкого народа, не желающего мириться с предательской мюнхенской капитуляцией 1938 года, считало своим патриотическим долгом внести посильный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии, лишившей Чехословакию свободы и независимости. Длинные списки казненных и замученных свидетельствовали о том, что наш народ истребляется и что его нужно немедленно спасать. Не щадя своей жизни, громить врага на фронте и в тылу, повсеместно уничтожать его живую силу и технику - такова была самая неотложная задача. Это диктовалось самим временем. И если наш народ на своей родной земле не останавливался ни перед какими жертвами и в этой борьбе потерял 360 тыс. лучших сынов и дочерей, то и чехословацкие граждане за границей были обязаны принять участие в великой борьбе с немецким фашизмом. Здравомыслящий человек, настоящий патриот своей родины не мог мыслить и действовать иначе, поскольку дело шло о жизни и смерти в полном смысле слова. Нависала реальная угроза, что в ходе войны население Чехословакии будет в значительной мере истреблено, а в случае если бы Гитлер выиграл войну, окончательно уничтожено. Редкие информации того времени давали нам возможность слегка заглянуть в чудовищные планы нацистских главарей. Сомнений не оставалось. Протекторат и так называемое "Словацкое

государство" были временными формациями, представлявшими по своему характеру нечто среднее между огромным гетто и концентрационным лагерем. И заключенных там ожидали газовые камеры или гибель на принудительных работах.

В те дни нельзя было решать вопрос об освобождении вне связи с фактором времени. Чехословакию требовалось освободить быстро.

Но нашлись люди, которые думали и действовали по-другому. Некоторые из них занимали высокие посты. К ним принадлежали все члены чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, в частности министр национальной обороны генерал Ингр и сам президент Республики Эдуард Бенеш. Верным подручным Ингра был начальник чехословацкой военной миссии в СССР полковник Гелиодор Пика. Целью этих людей и их сообщников было восстановление домюнхенских капиталистических порядков в Чехословакии, а также ослабление Советского Союза в войне с Германией и ее сателлитами. Они никогда не верили в силу СССР, ненавидели его и отнюдь не желали, чтобы именно он освободил Чехословакию. Когда же им все-таки пришлось согласиться с созданием наших воинских частей на территории СССР, они принялись тормозить их формирование и обучение, решительно противились созданию в СССР крупных чехословацких воинских частей и их участию в боях на советско-германском фронте. Их устраивали так называемые символические части. Короче говоря, они хотели показать чехословацкому народу, что за границей есть воинские части, но использовать их хотели только на территории Чехословакии, в случае если бы народ проявил свою волю раз и навсегда покончить с Мюнхеном и мюнхенцами.

Президент Бенеш обращался к народу с призывом "перезимовать", то есть ничего не делать, не вызывать озлобления гитлеровцев, спокойно ждать того времени, когда в Чехословакию в качестве освободителей придут западные союзники.

Об этом же довольно откровенно писал генерал Ингр полковнику Г. Пике 13 октября 1942 года: "...Они (СССР. - Л. С.) считают нынешний период войны решающим и утверждают, что сегодня нужно воевать на всех фронтах, включая и внутренние, как можно более активно, невзирая на жертвы и риск. В нашем положении мы не можем присоединиться к этому мнению, так как по своим последствиям оно поставило бы под угрозу наши возможности в заключительной фазе войны, которая для нас является с точки зрения восстановления государства самой важной. Пусть эта информация будет для Вас руководством при переговорах с Советами по данному вопросу".

Годом раньше, 10 августа 1941 года, такие же мысли были высказаны Г. Пикой в его сообщении Бенешу: "Что касается организации воинских частей, то я особенно не настаивал на ускоренном проведении практических мероприятий, хотя это и признавалось необходимым во время официальных политических переговоров. Во-первых, здесь очень мало возможностей, и я не верю, чтобы они могли сформировать целую дивизию, и, во-вторых, необходимо выиграть время и поберечь наших людей для действия на своей территории".

Совершенно противоположных взглядов придерживались 28 прогрессивных чехословацких деятелей, проживавших тогда в СССР, - коммунистов и некоммунистов. Они призывали к решительной борьбе за свободу Чехословакии, звали народ отомстить врагу за Мюнхен и оккупацию, за казненных и замученных, за нашу молодежь, лишенную возможности учиться, за попрание нашей речи, истории, культуры, за разграбление многомиллиардных богатств и ценностей, созданных руками и разумом чехов и словаков.

В Бузулук приезжали политические эмигранты, которым в 1939 году удалось бежать от расправы гестапо, - коммунисты и некоммунисты, политические и профсоюзные деятели, мужчины и женщины. В числе первых прибыли товарищи, работавшие до того времени в различных районах Поволжья: Эрик Фрешл, Иржи Франк, Франтишек Энгель с женой, Войта Эрбан, Гуго Ковал с женой, Аничка Бенешова, Рудольф Шимачек, Ян Мареш, Леопольд Войтеховский, Имре Клейн, Тибор Фиш. Несколько позднее приехали Ярослав Достал, Матильда Браунова и ее муж, Людвик Ашкенази, Сергей Петрас, Ота Врбски, Бедржих Штейнер, вслед за которым приехала его жена Маруся, Новак и Писарскы, Франтишек Бедржих, Арношт Штейнер, Бернард Менаховский и многие другие. Из города Иваново приехал доктор Армин Широкий.

В Бузулук прибыли товарищи: Кольский, Фиала, братья Константин и Борис Гибнеры, Фейнер, Туряница, Ваш, Лялько, Игнац Шпигл, Змргал, Гарус, Венделин Опатрны, Килиан, Вавра, Рейхл с отцом, старым коммунистом, матерью и сестрой. Приехали музыканты Качерек, Зильбигер и Томан, ставший позднее автором известного марша "Направление - Прага", товарищ Ланцер с женой и тремя сыновьями, Иосиф Гросс с сыном и другие. Из тех, кто находились со мной в Оранках, были назначены первые командиры. Ими стали: Ломский, Рытирж, Янко, Ярош, Шмолдас, Кудлич, Седлачек, Дочкал, Згор, Коваржик, Янда, Дрнек, Тесаржик, Олдржих Квапил, Гинек Ворач, Антонин Сохор, Витек, Команек, Недвидек, Ружичка, Франтишек Немец,

Перны, Блажек, Муха, Иосиф Черны, Войтех Черны, Шафаржик и другие - всего 88 человек.

Значительно усилила нас группа технических специалистов с заводов Шкода, среди которых были инженеры Вогл, Бурда, Рот, Кикелгорн, Бечварж и Флек.

Согласно договору с фирмой Шкода в СССР на строительство машиностроительного завода в Новосибирске приехали восемь шкодовцев. Случилось так, что наши люди смогли приступить к работе только в июне 1941 года, незадолго до начала Великой Отечественной войны. Война потребовала сократить срок монтажа завода с 18 до 7 месяцев. И шкодовцы с честью справились с этой задачей. Досрочно закончив работу, они прибыли в чехословацкую воинскую часть одними из первых. Группу, в которой самым старшим по возрасту был монтажник Рот, возглавлял инженер Вогл. Самому младшему - Рудольфу Бурде - было только 20 лет. Прибыв в Бузулук, эти замечательные специалисты не ждали, пока им поручат какую-либо работу, а взялись за дело сами. Для начала они решили отремонтировать испорченное центральное отопление в школе, которую городской Совет отдал нам под штаб будущей чехословацкой воинской части. Для этого потребовались соответствующие материалы и инструменты. Где взять, чтобы не украсть? - как говорят у нас. И вот добровольцы, осмотревшись, отправились на местный машиностроительный завод имени Кирова.

- Здравствуйте! Мы монтажники из Чехословакии, служим здесь в нашей воинской части.

- Прекрасно. Что же вы хотите?

- Может, разрешите нам сделать кое-какие детали на вашем заводе?

- Отчего же нет? А как вы смотрите на то, чтобы и нам немного помочь?

- Это можно. Только мы люди военные, на это потребуется согласие командира.

Я, разумеется, дал свое согласие. И с этого дня шкодовцы ремонтировали автомашины, налаживали станки, выполняли слесарную работу, монтировали, работали на токарных, револьверных и фрезерных станках. На завод они обычно ходили по три человека, посменно.

Завод работал в три смены. Нередко случалось так, что ребята, отстояв ночную смену, приходили рано утром, наскоро мылись, выпивали по стакану чаю и отправлялись со своими ротами на занятия.

Среди первых наших добровольцев были член Государственного совета, замечательный врач, журналист,

патриот и революционер майор Врбенский с женой и сыном и доктор Ярослав Прохазка, который был направлен к нам Московским руководством Коммунистической партии Чехословакии.

Одновременно в воинскую часть прибыли женщины - Штефа Галбава, три сестры Валентовы, три сестры Тобиашовы с тремя братьями и родителями, две сестры Акермановы, три сестры Пишловы с родителями, Аничка Птачкова с родителями и братом, Ружена Бигелерова с мужем, Власта Павланова, Грета Гольдманова, Мария Лялькова, Соня Бужакерова, Ольшанова с братом, Вера Ружичкова, Иржина Соболова, Тоничка Завеска, Штепа Сохорова, Шифова с мужем, Рита Новакова, Данута Чермакова с родителями и многие другие. Всего в Бузулуке в составе воинской части было 38 женщин. Они пришли к нам добровольно, подобно женщинам времен гуситских войн 500 лет тому назад. Чувство долга привело их в наши ряды, хотя каждая знала, какая опасность грозит ей на фронте. И они остались верными принятому решению, несмотря на нервозные приказы Ингра, запрещавшего участие женщин в боевых действиях. Разумеется, эти приказы преследовали все ту же цель: если не сорвать, то хотя бы задержать отправку 1-го Чехословацкого батальона на фронт. Из 38 женщин 34 стали медицинскими сестрами, без которых батальон не смог бы отправиться на фронт. Для подготовки же мужчин - фельдшеров и санитаров потребовалось бы не менее двух месяцев, причем этих мужчин пришлось бы взять прежде всего из боевых подразделений.

Если бы мы следовали приказам из Лондона, дело не двинулось бы с места. А время требовало от нас действий. Год был очень тяжелый; мы не могли, да и не хотели медлить. Наша воинская часть состояла из людей разных профессий и разных возрастов. Неодинаковым было и их мировоззрение. Здесь были и коммунисты, и люди, враждебно относившиеся к Советскому Союзу, все еще находившиеся под влиянием многолетней антисоветской пропаганды в домюнхенской Чехословакии. Некоторые сомневались в победе советского народа, и им надо было разъяснять, что народу, идущему прямой дорогой к коммунизму, по плечу любые задачи. Поэтому поведению советских людей всегда свойственны последовательность и спокойствие, а сами они упорны, мужественны и героичны как в отдельные исторические моменты, так и в будни. Советские люди отличаются простым и прямым характером, они пытливы и быстры в работе, вежливы в обращении. Советский народ питал глубокие симпатии к нашему народу; наша борьба за свободу Республики сливалась с его борьбой за освобождение своей

родины от немецко-фашистских оккупантов. Советский Союз всегда был решительным противником Мюнхена. Советские люди никогда не верили, что народ, подвергшийся агрессии, без борьбы отдал свою свободу и государство на растерзание врагу. Они с отвращением и презрением относились к капитулянтам и предателям, подобно тому как мужественный воин презирает труса и дезертира.

Добровольцы, прибывавшие в Бузулук с разных концов необъятной советской земли, вступали в воинскую часть не ради какой-то демонстрации, а чтобы воевать, чтобы помочь своему народу смыть позор Мюнхена и быстрее рассчитаться с оккупантами, коллаборационистами и предателями. Сплоченность советских трудящихся, решительность и беспримерная в истории самоотверженность советских людей в тылу, жертвовавших всем для победы на фронте, оказывали сильное влияние на личный состав части. В тот трудный период наши воины чувствовали постоянную заботу советских людей, воинских частей и учреждений, Коммунистической партии и правительства Советского Союза. Большую роль в воспитании личного состава части сыграла кропотливая работа нескольких десятков наших коммунистов. Коммунисты всюду служили примером. Они брали на себя самые трудные задачи и образцово выполняли их. И постепенно предрассудки у некоторых наших воинов рассеялись, а на их место пришли уважение и любовь к Советской Армии, советским людям, к Советскому Союзу в целом.

Читатель понимает, что в Бузулук прибывали не какие-то особенные герои, как это иногда представляют в книгах. Ведь многие из них никогда раньше не были военными. Свыше 80 процентов личного состава должны были начинать изучение военного дела с азов. Были среди них, естественно, и люди, прямо-таки не подходящие для военной службы, которые в мирное время и не думали стать военными. Вот, например, Гуго Редиш. В армии он никогда не служил и о военной славе, откровенно говоря, не мечтал. Был остроумен, образован, немало ездил по свету, побывал во Франции, Греции, Египте. Знал языки: русский, английский, французский, немецкий. Иностранные языки давались ему легко, а вот стрелять или преодолевать препятствия он не мог. Да и возраст его приближался к пятидесяти. Но это был преданный, отважный человек, настоящий коммунист, и он рвался на фронт. Редиша включили в состав 1-го Чехословацкого отдельного батальона и назначили связным надпоручика Отакара Яроша. В бою за Соколово он вел наблюдение с колокольни. Тяжело раненный, Гуго Редиш остался в строю до конца и вместе со своим командиром Отакаром

Ярошем пал смертью храбрых.

В числе первых женщин, прибывших к нам в батальон, мужественных, беззаветно преданных делу борьбы за свободу, была замечательная патриотка Гелена Петранкова. Гелена хорошо знала жестокость фашистов и решила посвятить свою жизнь освобождению народа.

Весной 1937 года член КПЧ с десятилетним стажем Гелена Петранкова уехала в республиканскую Испанию. Она работала фармацевтом в госпитале, была на фронте под Мадридом, участвовала в бою под Гвадалахарой. Бойцы интернациональной бригады знали и любили своего верного друга - поручика Петранкову, которая в невероятно трудных условиях, днем и ночью готовила для них лекарства. Ее помощь получали и раненные при штурме Геруэля, и те, кто пролил кровь в боях за Кастельон-де-ля-Плана. Особенно тяжело ей пришлось в госпитале во время фашистского наступления весной 1938 года. Объединенная интервенция европейского фашизма и Ватикана и попустительство правительств Франции и Англии, проводивших "политику невмешательства", позволили фалангистам генерала Франко достигнуть стратегического преимущества. Республиканские войска были вынуждены отойти. Гелена Петранкова испытала горечь отступления. С фронта она уехала в Каталонию и затем во Францию... Это было для нее большим несчастьем.

В октябре 1938 года отважная женщина возвратилась в Чехословакию в надежде принять участие в борьбе против нацистской Германии. Но ее надеждам не суждено было сбыться. Правительство Бенеша и Сыровы капитулировало. Партия послала Гелену в Словакию, где, находясь в подполье, она мужественно выполняла свой партийный долг. Когда была арестована сестра Гелены и над ней самой нависла угроза фашистской расправы, партия решила переправить ее за границу. Так в конце июня 1939 года Гелена Петранкова нелегально прибыла в Краков. Позже она работала фармацевтом в Советском Союзе, где ее и застала война.

В Бузулуке Гелене поручили создание полевой аптеки. И когда она проходила по улицам приуральского города, смотря на вас внимательными, чуть улыбающимися глазами, вам и в голову не приходило, что это прошла боевая участница гражданской войны в Испании, видевшая на своем веку так много скорби и крови.

Были у нас и другие бойцы интернациональных бригад. Венделин Опатрны командовал одной из ударных групп испанской республиканской армии, совершавших рейды по

глубоким тылам противника, где они сеяли панику среди фашистских войск, уничтожали боевую технику и живую силу неприятеля. За республиканскую Испанию сражались Игнац Шпигель, Карел Вейвода и Франтишек Крал - артиллерист, командовавший батареей на фронте под Мадридом. После ранения Франтишек Крал лежал в полевом госпитале, где работала Гелена Петранкова.

Все они встречали на фронтах в Испании легендарную революционерку Долорес Ибаррури, известную под именем "Пассионария". Там же, в Испании, им однажды пришлось увидеть, как из-за дымовой завесы нагло вынырнул крейсер и дал несколько залпов из тяжелых орудий по Кастельон-де-ля-Плана. Они спасали детей при налетах фашистских самолетов, встречались с "неистовым репортером" Эгоном Кишем, видели на улицах безжизненные тела мирных жителей, вдыхали черный дым сожженных городов и сел... Короче говоря, они видели войну. Теперь они вновь встали в ряды бойцов, ибо борьба, начатая под Барселоной и Мадридом и временно задушенная в пограничных чешских горах, разгорелась с новой силой на фронтах войны, развязанной нацистами и их сателлитами.

1942 год был годом очень тяжелым. Тот, кто приезжал в Бузулук, одевал военную форму с полным сознанием ответственности момента: нацисты наступали, рвались к предгорьям Кавказа, к Волге. Фашистская Германия эксплуатировала миллионы людей порабощенной Европы. В ее распоряжении были дивизии стран-сателлитов: Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Болгарии, так называемого "Словацкого государства", Испании и даже Бельгии, а также банда украинского националиста Бандеры, убитого в 1959 году в Мюнхене агентами Оберлендера.

В конце марта 1942 года личный состав нашей воинской части в Бузулуке насчитывал 600 человек. Начались усиленные занятия по боевой подготовке.

В тот период семь польских дивизий генерала Андерса, из которых две находились в Бузулуке, готовились к эвакуации из Советского Союза. Вскоре они выехали на Средний Восток, то есть подальше от фронта и от родины, к которой им следовало пробиваться с боем. Советский Союз обеспечил эти дивизии всем необходимым: обмундированием, вооружением и продовольствием, создал им все условия, чтобы они могли сражаться за возрождение Польши, где бушевал фашистский террор и совершались массовые казни. И даже теперь, когда они покидали страну, сражающуюся за свободу их же страны, никто не чинил им препятствий. Генерал Андерс действовал по указке

реакционного польского эмигрантского правительства в Лондоне. Личный состав польских дивизий оказался послушным своим реакционным офицерам, которые внушали им то же самое, что и чехословацкие реакционеры нашим воинам.

Правительства западных капиталистических стран и их генеральные штабы исходили из того, что Советский Союз потерпит поражение в войне с гитлеровской Германией и ее сателлитами и вскоре капитулирует. В лучшем случае они допускали, хотя и не очень этому верили, стабилизацию Восточного фронта до конца войны и не думали скрывать свои взгляды. Рассуждая подобным образом, они приходили к желаемому для себя выводу, что решающая роль в этой войне будет принадлежать Западу. Поэтому эмигрантское правительство Бенеша не желало допустить активное участие нашего войска в боях на советско-германском фронте. Однако оно натолкнулось на решительное сопротивление чехословацких патриотов, которые вопреки его воле добились создания других, более крупных воинских частей и участия в боевых действиях.

Что касается реакционного польского эмигрантского правительства генерала Сикорского, то ему удалось полностью осуществить свой коварный замысел.

В первой части этой главы я упоминал о приезде генерала для инспектирования польской армии в СССР. Говорил я также и о торжественном приеме в Бузулуке, на котором Сикорский под бурные аплодисменты представителей союзнических правительств и армий заявил:

"Мы верим Сталину, верим Советскому Союзу и совместно с Красной Армией будем сражаться против гитлеровской Германии вплоть до ее полного разгрома".

Выступавший после него генерал Андерс лицемерно заверил: "Лично для меня было бы огромным счастьем получить первый оперативный приказ Советского Верховного Главнокомандования о выступлении на фронт!"

Аплодисментами всех присутствующих закончилось это многословное первое действие.

Второе действие. Польское эмигрантское правительство и генерал Андерс жалуются Советскому правительству на суровые климатические условия, затрудняющие обучение войск. В Бузулуке и его окрестностях им, видите ли, холодно. Они просят перебросить их на юг, в теплые края, и выбирают Южный Туркестан, граничащий с Ираном. Советское правительство идет на" встречу и удовлетворяет эту просьбу.

Третье действие. Фашистские войска прорвались к Волге. Советское правительство обращается к польскому эмигрантскому

правительству с предложением направить под Сталинград три польские дивизии на помощь Советской Армии и тем самым дать возможность советскому командованию перегруппировать и подготовить силы для контрнаступления. Однако реакционное правительство Сикорского и генерал Андерс отвергают советское предложение.

Четвертое действие. Польское эмигрантское правительство доводит до сведения Советского правительства свое окончательное решение - вывести польскую армию в Иран. Акт измены завершился.

"А как поступят чехословацкие воины? - думали тогда советские люди. Пойдут ли они за андерсовцами или останутся с нами? Повернутся ли спиной к фронту или станут к нему лицом, лицом к своему отечеству, оккупированному нацистами?" Чехословацкие воины не ушли. Наоборот, они сформировали свои отделения, взводы, роты и на глазах бузулукских граждан развернули интенсивную боевую подготовку.

Наши занятия проходили в степи, где ртутный столбик термометра зимой падал до 40 градусов мороза, а летом показывал свыше 40 градусов тепла. Я принял меры к организации офицерской и унтер-офицерской школ, чтобы за короткий срок подготовить собственных командиров. Мы не обращали внимания на прежние воинские звания, присвоенные еще в домюнхенской республике, и отбирали командиров по их деловым качествам.

В дни, когда нещадно палило степное солнце, наши подразделения со всем вооружением, каким мы тогда располагали, уходили за реку Самару и упорно учились наступательным и оборонительным действиям в самых различных условиях. Бойцы учились действовать на ровной и пересеченной местности, в условиях города и степи, переправляться через реку, передвигаться по болотистой местности.

К несчастью, у нас стали отмечаться случаи заболевания тифом, малярией, дизентерией и инфекционной желтухой, что, понятно, отрицательно сказывалось на учебном процессе. Но боевая подготовка не прекращалась ни на минуту. У наших врачей и новых медсотрудников работы было по горло. Ведь речь шла о здоровье людей, об их боевой подготовке, о боеспособиости всей чехословацкой части.

В больнице у кирпичного завода работал наш врач Армин Широкий. Ему помогала Рита Новакова. Тогда я о ней еще не слышал. Лишь позднее из рассказов других товарищей мне довелось узнать, что представляла собой эта маленькая, скромная, удивительная женщина.

Рита Новакова добровольно вызвалась помогать врачу. Приходила она к больным и с ним, и без него. На своей слабой спине таскала мешки с хлебом. Как-то раз, поставив полный мешок в коридоре больницы под лестницей, она разговорилась о чем-то с доктором Широким, который как раз в это время спускался вниз.

- Помогите, добрые люди, дайте доктора, доктора дайте!

Рита и врач умолкли. В коридоре, у двери в приемную, держась худыми руками за стенку, стояла бледная молодая женщина.

- Помогите...

- Что с вами, гражданка? Тиф?

Глаза двух женщин встретились.

- Нет, у ребенка. Он совсем маленький. Он один у меня остался. Муж на фронте, ничего о нем не знаю, давно уже не пишет. Сестричка! Доктор говорит, что поможет только сульфидин. Мой сынок, он один у меня остался!

- Ну, хватит! Успокойтесь, гражданка! Возьмите себя в руки. Мы вам поможем. Не так ли, Армин? - обратилась Новакова к врачу.

Маленькая Рита умела быть решительной. Быть может, в эту минуту она вспомнила о своем сыне, которого была вынуждена оставить на родине, в Праге.

- У нас в санчасти есть тридцать таблеток сульфидина, в шкафу, справа внизу.

- Понимаю, бегу!

И она, только что едва дотащившая мешок с хлебом, пробежала два с половиной километра до казармы, а потом обратно к больнице. И не только вовремя доставила сульфидин, но привела с собой детского врача. Жизнь ребенка была спасена. Эта мать и ее сынок были эвакуированы с Украины.

Эвакуированы! Какое круглое иностранное слово, "о сколько в нем горечи и ужаса. Брошенный где-то дом. А отец? Жив ли, нет ли? "Он один у меня остался", - сказала женщина. Как много горькой правды было в ее словах.

Рите Новаковой было 18 лет, когда в 1929 году, незадолго до V съезда, руководство КПЧ поручило ей ряд ответственных заданий, для чего подбирались люди самые стойкие и самые сильные. Комсомолка Рита ушла в подполье, где она с редкой самоотверженностью выполняла задания партийного руководства. Рита то и дело пересекала границу, путешествуя то в Австрию, то в Германию, то возвращалась на родину и вновь отправлялась, и порой очень далеко: в Индию и Китай.

В Бузулуке она встретилась со своей давней подругой

Геленкой Петранковой.

- Ты выглядишь элегантно, - сказала Геленка, смотря на Риту, облаченную в огромный, до пят, овчинный тулуп, огромную шапку-ушанку и большущие валенки.

В нашу часть ее принимала отборочная комиссия, председателем которой был подпоручик Антонин Сохор.

- Не поднимайтесь на цыпочки, нам надо знать ваш действительный рост, сказал он Рите.

Видя, что дело оборачивается не в ее пользу, Рита обратилась к Сохору:

- Господин подпоручик, прошу вас, добавьте мне до нормы сантиметр-другой.

Сохор согласился. Однако рост Новаковой и позднее причинял ей немало неприятностей. Однажды, летом 1943 года, Рита по служебным делам приехала в Москву. Когда она проходила по широкой улице Горького, за ней бежали ребята и кричали:

- Смотрите, смотрите, английский мальчик!

Чувствуя, что теряет самообладание, Рита обернулась к своим преследователям и спокойно сказала:

- Я не английский мальчик, а чехословацкая тетенька.

Позднее она стала одной из наших лучших фронтовых операционных сестер.

Большинство женщин приобретали специальности медсестер и санитарок. Те, кто были постарше или физически менее выносливые, работали в столовой, прачечной, на складах или вели делопроизводство в штабе. Все женщины, без исключения, научились обращаться с личным оружием. А связистки, медсестры и санитарки владели не только пистолетом, но и винтовкой, ручным и станковым пулеметами, противотанковым ружьем, изучили устройство ручных гранат. Мастером меткой стрельбы, знаменитым снайпером стала Мария Лялькова.

В нашей части было много молодых парней и девушек; тех, кому исполнилось 17 лет, зачисляли в списки батальона. Более юным мы выдавали хорошо перешитое обмундирование и направляли в школы. Многие из молодежи, стремясь в составе боевых подразделений попасть на фронт, утаивали несколько месяцев, а то и целый год.

Наши юноши и девушки воевали в разных подразделениях, но больше всего их было среди разведчиков, автоматчиков, бронебойщиков, пулеметчиков и летчиков.

Личный состав части занимался не только боевой подготовкой. Неплохо была поставлена у нас спортивная работа. Надпоручик Вацлав Коваржик выявил среди добровольцев

футбольные таланты и скомплектовал из них футбольную команду в составе 15 человек. В нее вошли Ян Мареш, некогда член спортивного клуба "Наход", Бечварж, игравший в команде "Пльзень", Макса Вебер из спортобщества "Острава", Маутнер из ДФЦ. Это костяк команды. В свободное время футболисты тренировались на бузулукском стадионе, рассчитанном на 4000 зрителей. Хочется добрым словом помянуть наших самоотверженных футболистов, защищавших в 1942 году в Бузулуке спортивную честь батальона: вратарей Маутнера и Рейхла, защитников Вебера, чеха из Житомира, Фридриха, Бечваржа из Шкодовки, бывшего нападающего команды "Пльзень"; полузащитников врача Бедржиха Штейнера, Дуду, Гетрейдера, Стеглика и Фингра; нападающих Фишмана, Петраса, Старка, Гутмана; организатора и тренера команды Вацлава Коваржика бывшего члена пльзеньского спортивного клуба "Виктория". Создание футбольной команды и ее товарищеские встречи с местными советскими командами имели не только чисто спортивное значение. В этом в какой-то степени вырисовывался культурный облик будущей Чехословакии и еще теснее сближались наши воины с советскими людьми. Матчи, к которым наша футбольная команда тщательно готовилась, превращались в спортивные праздники как в Бузулуке, так и в Оренбурге. Места спортивных встреч всегда были празднично убраны, играл военный духовой оркестр. Зрители обычно симпатизировали нашим футболистам (пусть простят мне это болельщики "своих" команд). Иногда наши выигрывали, иногда счет был ничейным. И всегда футболисты покидали футбольное поле в окружении советских болельщиков, бурно аплодирующих спортивным успехам чехословацких футболистов. Это были полезные мероприятия, и они немало способствовали боевой подготовке. Теперь, спустя много лет, я от всей души хочу поблагодарить спортсменов нашего батальона.

Был у нас и свой оркестр - предшественник того знаменитого ансамбля, который позднее создал Вит Неедлы. Им руководил четарж Качерек, талантливый военный музыкант, кларнетист. Мы все очень любили автора походной песни "Направление - Прага" Томана, и веселого молодого гармониста Сильбигера, и скрипача Эдвина Схарфа, чье задушевное исполнение "Канарейки" постоянно вызывало бурные аплодисменты переполоненного зрительного зала, которым служила столовая бузулукских казарм. Так мы собирались каждое воскресенье по утрам. Я знаю, как часто злоупотреби ляют некоторыми словами, "у хотя бы словом "незабываемый". Но те, кто в сорок втором служили в 1-м батальоне и запасной роте и остались живы, могут подтвердить,

что эти воскресные утренники в бузулукских казармах действительно незабываемы. Они останутся в нашей памяти навсегда.

Вы представляете, что значит родная песня для человека, который вот уже три года как расстался с родиной? Вы знаете, как тоскуют по родному языку, песням, по стихам поэтов-соотечественников, по истории и традициям своей страны? А в эти воскресные утренники мы словно приобщались к далекой Чехословакии. На сцене чередовались чтецы-декламаторы Курт Вольф и Ян Мареш. В их исполнении оживали стихи Йиржи Волькера, Иозефа Сладека, Станислава Костки Неймана, Яна Неруды, Сватоплука Чеха, Витезслава Незвала, стихи русских классиков и советских поэтов, чаще всего Пушкина и Маяковского. В зале вновь и вновь звучали, радуя и зажигая нас своей свежестью, ритмом и бодростью духа, песни Ярослава Ежека. И опять Е. Ф. Буриан и Витезслав Незвал погружали нас в поэтическое раздумье своей песней "Узнаю поля родимой стороны, узнаю прекрасную страну, и туда мы с тобой уедем навсегда..."

Наше трио - пльзеньский шкодовец Рот, Рихард Тесаржик и Войта Эрбан поет под аккомпанемент Вацлава Коваржика, заменяющего своей универсальной гитарой целый оркестр. Репертуар их обширен: от любимой ходской песни "На стене высокой поет чудная птица" до песни о Праге Стелибского. Нередко нашим певцам явно не хватало голоса и мастерства, но слушатели прощали это "артистам" за тот энтузиазм, который руководил ими.

Вскоре по приглашению радиокомитета наш самодеятельный коллектив выехал в Куйбышев. Там для передачи на Чехословакию был записан большой концерт, включавший музыкальные, хоровые номера и художественное чтение. Осенью коллектив выступил в бузулукском Клубе железнодорожников с двухчасовым лирико-боевым монтажом "Путешествие по Чехословакии", авторами которого были Войта Эрбан, Иозеф Косик и Вацлав Коваржик. В "Путешествии" выступали Иржи Франк, Маркета Ольшанова, Ганак Сигл, Павел Гутман и большой хоровой ансамбль, насчитывавший уже около 35 человек. Этот хоровой коллектив не раз заставлял содрогаться от бурных аплодисментов стены залов, где происходили концерты. Позднее монтаж "Путешествие по Чехословакии" был подготовлен для куйбышевского радиовещания.

Разумеется, этим наша культурно-просветительная работа не ограничивалась. У нас издавался и свой военный печатный орган - газета "Наше войско в СССР". Она помогла нам сплотить

разнородный личный состав в боеспособную воинскую часть. Всю культурно-массовую работу в части организовывали и проводили главным образом коммунисты, которыми руководил капитан Ярослав Прохазка, ныне ректор Карлова университета в Праге.

Важным событием в жизни нашей части был приезд в Бузулук 26 мая 1942 года К. Готвальда, В. Конецкого, И. Кроснаржа и В. Борека. Было крайне важно и необходимо, чтобы видные деятели КПЧ проинформировали личный состав части о положении в Чехословакии, об обстановке на фронтах, о главном направлении и цели предстоящего боевого пути нашей воинской части, близкой по духу боевым традициям гуситских войск.

Перед личным составом 1-го Чехословацкого батальона, собравшегося в зале бузулукского кинотеатра, с речью выступил Клемент Готвальд, который назвал движение Сопротивления чехов и словаков за границей, в том числе и предстоящие боевые действия нашего чехословацкого батальона, сформированного в СССР, составной частью великой национально-освободительной борьбы нашего народа.

В этой речи отмечалась необходимость верности нашему ближайшему и величайшему союзнику - русскому народу, Советскому Союзу. Каждый настоящий чех, говорилось в выступлении, сегодня яснее ясного видит, что не будь сильного и могучего Советского Союза, который разбил гитлеровские планы мирового господства, надежды нашего народа на свободу превратились бы в ничто. Каждый чех понимает, что будущее нашей нации и нашего государства может быть обеспечено только в том случае, если наш народ будет опираться на могучую силу и мощь Советского Союза и на братскую помощь русского народа. И каждый настоящий чех с уважением склоняется перед теми великими жертвами, которые принесли, приносят и еще будут приносить народы Советского Союза, чтобы одолеть гитлеризм и тем самым освободить наш народ...

На этом собрании я выступил с ответным словом. От имени всех воинов нашей части я заверил представителей руководства КПЧ, что мы хорошо подготовились к предстоящим боям с фашистами и честно выполним свои боевые задачи. Кровь наших и советских солдат, сказал я, совместно пролитая на полях сражений этой войны, будет служить прочной основой дружбы нашего и советского народов. Как граждане и воины, мы не пощадим ради этого дела своей жизни.

Мы призываем наш народ к единству и сплоченности, обращаемся ко всем нашим согражданам на родине и за границей, без различия их национальности, вероисповедания и политических взглядов, с призывом: вместе с союзниками и

прежде всего вместе с нашим верным другом Советским Союзом выполнить самую большую и неотложную задачу: разгромить гитлеровскую Германию и ее сателлитов, освободить народ и Республику.

В июле 1942 года формирование 1-го Чехословацкого отдельного батальона было закончено. Прибывшие с фронта советские офицеры-инструкторы под руководством майора Пархоменко оказывали нам большую помощь, передавая свой богатый боевой опыт. Занятия с личным составом велись непрерывно. Они проходили в условиях, приближенных к боевой обстановке. Дела шли успешно в любую погоду и в любое время суток - будь то день или ночь, жара или холодный дождь. Мы успевали проводить и боевые стрельбы, и оказывать помощь соседним колхозам. Мы старались хоть немного возместить труд тех мужчин-колхозников, которые проливали свою кровь за нас на фронтах.

О работе наших людей в колхозах, думается, надо сказать побольше, ибо на этом участке трудового фронта в условиях советского тыла тогда, как мы понимали, решались весьма ответственные задачи. С чего это началось?

Во время бесконечных полевых занятий в районе между Бузулуком и Сухоречкой мы обратили внимание на то, что на полях работают в основном старики и подростки, да и их было мало. Это понятно. Мужчины ушли на фронт, домой пока возвращались только тяжелораненые.

Стоял июль, лето выдалось хорошее, урожай - великолепный. Окидывая взглядом степные просторы, мы видели волнующееся под ярким солнцем море пшеницы. Невольно вспоминались слова Сватоплука Чеха: "Как волны, всходы на тебе играют..." Это была поэзия, поэзия единой поступи миллионов в бою котором уже по счету - за свободу и мир.

Хлеба дозревали. Колхозам и совхозам нужны были люди, рабочие руки. Зрелому урожаю - сильные парни. Учеба? Если говорить о программе боевой подготовки, то мы ушли вперед. Недалеко, но ушли. Стало быть, если и отстанем, то наверняка догоним.

И мы решили: на время уборки зерновых послать в колхозы на две-три недели наших людей. Я обратился к секретарю городского комитета партии Юдину и ознакомил его с нашим решением.

- Ничего не упустим, товарищ Юдин. Везде поспеем. Учеба, проверка, фронт - все будет своевременно. Не сомневайтесь. Можем вам помочь, только посоветуйте, как это оформить.

- Очень просто, - ответил Юдин после непродолжительного

молчания. Оформить это мы можем сами, но все же вы - иностранная воинская часть. Это факт, который нельзя не принимать во внимание. У меня нет желания усложнять дело соображениями экстерриториальности, но рекомендую вам: пошлите телеграмму Советскому правительству, предложите свою помощь непосредственно ему.

- Пусть будет по-вашему, - сказал я.

Товарищ Юдин дал нам хороший совет. А хороший совет, как известно, дороже золота. Возвратившись в штаб, я вызвал Ярослава Прохазку и, объяснив ему все, дал поручение:

- Ярда, немедленно напиши телеграмму.

В полдень телеграмма была послана. Как сейчас помню, в полночь меня разбудили и сообщили ответ Москвы. Замечательно! Советское правительство благодарит за предложенную помощь и принимает ее. Одновременно был информирован и товарищ Юдин.

Потом все пошло быстро и хорошо. Рано утром в Бузулук прибыли грузовые машины, с ними - председатели колхозов и директора совхозов, в основном женщины или пожилые мужчины. Они были слегка смущены, к искренней радости примешивались и некоторые опасения: как быть с этой помощью на практике, на деле? Немедля мы создали рабочие бригады и на следующий день, ранним утром, еще до того, как гигантский диск степного солнца показался над горизонтом, выехали в 42 колхоза и 5 или 6 совхозов, точно не помню.

Лозунг - боевой: "Собрать урожай быстро и без потерь!"

Для многих из наших людей задача эта была нелегкой: прежде им не доводилось выполнять подобную работу. А крестьянская работа - не игрушка, особенно когда человек не знает, как приступить к ней Впрочем, это относится к любому делу. Постепенно наши ребята освоились с необычным для них трудом и старались не отставать от опытных колхозников. Однако находились и такие (к счастью, немного), кому приходилось внушать, а иногда и энергично разъяснять, что война - это работа, а работа - война, и что и то и другое требует от человека всех сил.

Наши люди отремонтировали сельскохозяйственные машины и инвентарь: тракторы, комбайны, молотилки и т. д. Три недели наши солдаты добросовестно трудились на полях этой бескровной борьбы. Три недели - двадцать один день и навсегда было покончено с экстерриториальностью чехословацких воинов. Если человек вкладывает в свой труд частицу души, он словно врастает в дело, будто жил им всю жизнь. И это дело становится его делом, в лучшем смысле слова. Спустя три недели слова "чужие" будто и не существовало. Рухнули последние преграды

недоверия и сомнений. С обеих сторон теперь были только свои.

Если говорить откровенно, то впервые мы попали на фронт именно там, в гостеприимном советском тылу, в районе Бузулука и Сухоречки. А в январе сорок третьего мы выехали на фронт уже вторично.

Личный состав части рвался к советским армиям, на передний край, на запад, ближе к своей родине. И я, как командир части, выразил настроение личного состава батальона в известном письме Советскому Верховному Главнокомандующему. Я просил об отправке нас на фронт.

Как уже было сказано, эту просьбу мы подали без согласия лондонского правительства и вопреки его мнению. В Лондоне категорически возражали против посылки части на фронт, нас рассматривали лишь как небольшую, так называемую "символическую" воинскую часть, чье место в глубоком тылу. Правительство Бенеша намеревалось послать нас на фронт лишь тогда, когда Советская Армия приблизится к границам Чехословакии. Мы же выразили желание выехать на фронт, когда развернулось грандиозное сражение на Волге, где решалась судьба Европы, а заодно и вопрос жизни или смерти нашего народа и Республики.

Мы знали, что проявлять в этой обстановке нерешительность, колебаться, оглядываться на других и выжидать - значит продлевать жизнь гитлеризма, дать ему возможность совершить еще больше преступлений, причинить еще больше зла, подвергнуть миллионы и миллионы людей еще большему горю. Этого нельзя было допускать. Гитлер не получит такой возможности, говорило нам руководство КПЧ, если все честные борцы против фашизма, находящиеся на любом участке антифашистского фронта, перейдут в наступление с полной решимостью не останавливаться до тех пор, пока мир не будет освобожден от гитлеровской тирании.

И мы послушались не Ингра, а партию.

Жизнь нашей воинской части закипела с новой силой. К этому времени мы получили советское оружие. Занятия продолжались по-прежнему: в любое время суток, при любой погоде.

В эти дни нашей части было вручено боевое знамя. Советская женщина прикрепила к нему ленту с надписью: "Смерть немецким оккупантам!".

2 декабря 1942 года в районе Бузулук, Сухоречка было проведено заключительное учение с боевой стрельбой. Представитель советского командования признал тактическую подготовку батальона хорошей и дал отличную оценку его

технической и огневой подготовке. Поздравив личный состав с успехом, он заявил:

- Оружие, которое вам передала наша Советская Армия, попало в золотые руки.

С жителями Бузулука найди бойцы установили теплые дружеские отношения, они сохранят их до конца своих дней. Мы оставили там добрую память о борющейся Чехословакии. В знак искренней дружбы наши саперы под командованием надпоручика Згора построили мост через реку Самару.

История этого моста необычная. Мы отрабатывали форсирование реки. На это обратил внимание секретарь горкома партии товарищ Юдин. Указав на место нашей переправы, он сказал мне:

- Видите ли, полковник, когда-то на этом месте стоял хороший мост. Он был много лучше наведенной теперешней переправы. Однако во время гражданской войны и иностранной интервенции, когда контрреволюционные части чехословацкого корпуса наступали на Бузулук, этот мост был сожжен.

В этих словах не было и тени упрека. Коммунист Юдин знал, что чехословацкие воины, которые в эту минуту тесным кольцом окружали его, не имеют ничего общего с контрреволюционным войском Гайды, Чечека и других врагов Советской России, причинивших так много вреда молодой Республике во время гражданской войны и иностранной интервенции.

Недалеко от Бузулука находился склад строительного лесоматериала. Я обратился к председателю городского Совета с просьбой отпустить нам некоторое количество этого материала.

- На что он вам? - удивился председатель горсовета.

- Решили построить мост через Самару. Проект готов, сделаем быстро.

- Понятно. Завтра лесопилка подготовит материал. - И он широко улыбнулся.

Мост был построен в течение недели и стоит там до сих пор. Этим мы в какой-то мере рассеяли тень, которую во время гражданской войны контрреволюционеры бросили на доброе имя Чехословакии.

- Молодцы, ребята. Мы этого не забудем! - благодарили нас советские люди.

И мы никогда не забудем их отношения к нам.

31 января 1943 года маршевая колонна 1-го Чехословацкого отдельного батальона вышла из Бузулука. Начался его славный боевой путь.

В Бузулуке остался запасной полк численностью около 1500 новых добровольцев, мужчин и женщин. Полком командовал надпоручик Ярослав Дочкал. Личный состав запасного полка рос день ото дня, пополняясь преимущественно закарпатскими украинцами.

3. Эшелон № 22904

"Докладываю Вам, что вместе с первым батальоном чехословацких частей в СССР уезжаю на фронт. Наш милый город Бузулук сопровождает нас на этом пути в бой девизом: "Смерть немецким оккупантам!", который написан на ленте, подаренной городом и прикрепленной к нашему боевому знамени. С этим девизом и твердой волей последовать прекрасному примеру героической Красной Армии мы пойдем в бой. Мы сделаем все, что будет в наших силах, чтобы заслужить доверие Верховного Главного Командования Красной Армии и жизнь в свободной Чехословацкой Республике. В этом своем решении мы будем неустанны до тех пор,пока не победим".

Такой рапорт мы послали Советскому Верховному Главнокомандующему, когда наш эшелон № 22904 следовал на фронт. 979 воинов, из них 38 женщин, которых Лондон категорически запрещал нам брать на фронт, в раскрытые двери вагонов смотрели на советскую землю, еще недавно находившуюся под фашистской оккупацией. Следы пожарищ, разрушений, варварского разбоя. Мы вспомнили свою родину, стертые с лица земли Лидице и Лежаки{9}, 42 тысячи убитых фашистами мужчин, женщин и детей за год господства Гейдриха. И когда мы вспоминали все это, нам казалось, что эшелон идет слишком медленно. Большинство личного состава 1-го Чехословацкого отдельного батальона, сформированного в СССР, впервые увидело войну так близко. Некоторые - преимущественно политические эмигранты и военнослужащие из бывшего лагеря в Броновицах - пережили ожесточенные бомбардировки гитлеровской авиации, которой подверглись города Польши в течение семнадцати сентябрьских дней польской трагедии 1939 года, участники испанских боев еще не забыли ужасов гражданской войны и фашистской интервенции в Испании. Однако опустошенная советская земля - это было страшнее. Следы хозяйничанья оккупантов взывали к мести, звали на решительную борьбу, предупреждали против малейшего промедления. Они говорили о том, что фашистская угроза смерти нависла не над тысячами и сотнями тысяч людей, а над целыми нациями, прежде всего над славянскими народами. И мы рвались на фронт, чтобы схватиться с врагом, чтобы громить его, бить, карать. Нашим девизом было - не щадить врага, как это делало

войско Яна Жижки 500 лет назад.

Снег прикрыл глубокие раны на земле Украины, десятки Лидиц и Лежаков, могилы повешенных, замученных, расстрелянных. Он запорошил и то, что осталось от разбитых немецких дивизий. Фашисты познали силу советских войск, о которых агенты Пики и офицеры Андерса не раз нам твердили, что они не устоят и капитулируют.

В одиночку или группами по дорогам тащились пленные: немцы, итальянцы, венгры. Их направляли в лагеря для военнопленных, где своим трудом они должны были хотя бы частично возместить ущерб, нанесенный ими стране.

2 февраля 1943 года по радио было передано сообщение Советского Верховного Главнокомандования о ликвидации на Волге фашистской группировки. Было взято 91 тыс. пленных во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом. Восторг и ликование охватили воинов 1-го Чехословацкого батальона. Разгром немецко-фашистских войск на Волге знаменовал крупное поражение вермахта и решающий поворот событий не только на советско-германском фронте, но и в ходе всей второй мировой войны! Советские войска стремительно и победоносно продвигались на запад, сражаясь за себя, за нас, за Европу, за весь мир. Под впечатлением победы советских войск и той страшной картины, которую мы увидели из дверей наших вагонов, личный состав батальона по инициативе работников просвещения приступил к сбору денег на собственные, чехословацкие танки.

Первый решили назвать "Лидице", второй - "Лежаки". Рудольф Ясиок отдал все, что имел.

- Что значат эти деньги для фронта? - сказал он и достал из кармана последние 10 рублей. Однако вдруг отвел руку. Что такое?

- Я вношу деньги с условием. Да, с условием, что в первом танке буду я!

Условие принято, скреплено рукопожатием командира. Славный танкист вышел позднее из нашего Рудольфа Ясиока. Смертью храбрых пал он осенью следующего года на Дукельском перевале, в 100 метрах от чехословацкой границы.

Эшелон подходил к Острогожску. Чем ближе к фронту, тем больше развороченных, сожженных фашистских танков, бронетранспортеров, автомашин, самолетов. И тут же трупы, множество трупов оккупантов.

Острогожск!

Нас встретил командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков. В день прибытия батальона в Острогожск взвод ротмистра Франтишека Ружички, усиленный

отделением станковых пулеметов, провел занятие: "Наступление на Острогожский вокзал". Командующий фронтом, внимательно наблюдавший за атакой, остался очень доволен умелыми действиями наших воинов. Он крепко пожал руку Ружичке и сердечно поблагодарил его.

Обращаясь к личному составу батальона, генерал-полковник Голиков сказал:

- Вы являетесь представителями чехословацкого народа. Вам выпала честь быть первыми мстителями за злодеяния, совершенные фашистами в вашей стране. Я убежден, вы не словами, а делом докажете, что являетесь достойными сынами своего народа.

Чтобы дать нам освоиться с фронтовой обстановкой, генерал-полковник Голиков решил направить наш батальон на менее опасный участок, где действовали венгерско-фашистские части.

- Вот там и привыкнете понемножку, - сказал командующий.

Я весьма решительно возразил:

- Нашим главным врагом являются нацисты, гитлеровцы. Прошу направить батальон против них. - Я знал, что выражаю настроение всего батальона.

Генерал-полковник Голиков согласился с моими доводами и пожал мне руку.

- Значит, против нацистов... Это правильно. Командующий фронтом подчинил наш батальон 3-й танковой армии, которой командовал генерал-лейтенант П. С. Рыбалко, в прошлом советский военный атташе в Варшаве, наш знакомый. В 1939 году П. С. Рыбалко помогал чехословацким военнослужащим перейти из Польши в СССР; позднее он был одним из участников освобождения Праги.

Наше стремление сражаться с немецкими фашистами понятно. Тысячи казненных в период власти Гейдриха, сожженные Лидице и Лежаки, разрушения, которые мы видели всюду, следуя в Острогожск, не позволяли нам поступить иначе.

19 февраля 1943 года 1-й Чехословацкий отдельный батальон прибыл на станцию Валуйки. Выгрузившись из эшелона, он сразу же начал готовиться к маршу. Было 16 градусов мороза. В 20.00 следующего дня, уже в темноте, походные колонны батальона начали свой 350-километровый переход по степи. Сначала у наших воинов было ощущение потерянности - так действовала на них необозримая, покрытая снегом степь.

Первые три ночи шли легко, по-спортивному. На рассвете останавливались на привал, роты и взводы размещались в уцелевших зданиях сел и деревень. Но как следует отдохнуть не удавалось. Подготовка к очередному маршу, приготовление

пищи, уход за оружием занимали много времени. День проходил быстро, а с наступлением темноты батальон продолжал марш. Командиры спали меньше, чем подчиненные; они обходили подразделения, докладывали об их состоянии, получали приказы и распоряжения, изучали карты. Мало приходилось спать и нашим просветителям. Они обрабатывали полученные по радио сводки и сообщения, готовили материал для нашей газеты. Но меньше всех отдыхали медицинские работники: они обходили хаты и оказывали помощь всем нуждающимся, а таких было немало.

Следующей ночью наш путь проходил через легендарный Муром - родину богатыря Ильи Муромца. Если судить по карте, мы уже достигли его окраины, но города не увидели: Муром лежал в руинах.

Подул резкий встречный ветер, поднялась снежная вьюга, температура упала до 20 градусов. Недосыпающим и утомленным походом бойцам наши прежние усложненные переходы в районе Бузулук, Сухоречка теперь казались легкими прогулками перед спокойным сном. Некоторые стремились, как в марафонском беге, как-то преодолеть "мертвую точку" и продолжать идти "на втором дыхании"; те же, что особенно устали, использовали малейшую возможность, чтобы хоть на несколько минут подсесть на сани и вздремнуть. Но они моменталыно соскакивали на землю, когда к ним подходили наши девушки-санитарки и спрашивали, например:

- Тебе плохо, Франта, да? На, попей немного и дай мне твою винтовку.

Маленькая Тобиашова, Власта Павланова, Аничка Птачкова, Акерманова или Маркета Ольшанова, в своих больших полушубках больше похожие "а медвежат, чем на девушек, решительно брали у переутомленных бойцов винтовки и несли их до тех пор, пока те не начинали ворчать и требовать отдать оружие. При этом солдаты уверяли санитарок, что чувствуют себя гораздо лучше.

- Стой! Десять минут отдыха стоя! - раздается команда.

Мороз пробирает до костей, пурга слепит глаза, в голове стучит и шумит, глаза непроизвольно закрываются, мучительно клонит ко сну. Здесь два, там четыре, а то и целое отделение сначала приседают на корточки, потом садятся или валятся на снег и крепко засыпают. Так легко и замерзнуть; но наши санитарки идут по рядам и энергично помогают командирам будить коченеющих воинов:

- Встать! Встать! Не спать! Нельзя лежать! Встать, говорю! Слышишь? Выспишься, когда придет время!

Марш продолжается.

На следующий день мы встречаемся с воинами советского гвардейского полка. Гвардейцы, как их называют, - это люди, которые никогда не отступают. Всегда, при любых условиях выполняют они свои боевые задачи. Именно такими должны быть все подразделения, части, соединения. Это организованная доблесть тысяч советских воинов, возникшая и развивающаяся без шума и громких слов, как закономерное явление советской действительности.

- Ну как вы? - спрашиваем гвардейцев.

- Да ничего, только небольшая переформировка, а потом - обратно. Там сейчас трудновато...

Тогда мы узнали, что такое переформировка. Оказывается, полк понес большие потери и направляется в прифронтовой тыл, чтобы там пополнить личный состав своих батальонов, и "давай обратно". Когда нам говорили: "Там трудновато", слово "там" означало фронт, передовые позиции. О подробностях узнать не удавалось. На наши вопросы гвардейцы отвечали:

- Куда торопишься? Дойдешь - узнаешь!

Они говорили правду. Скоро наши воины действительно много узнали, и им самим пришлось отвечать на множество подобных вопросов.

- Чехословаки - с нами!

Эта встреча была как бы предвестником той нерушимой боевой дружбы, которая закалилась в последующих боях. Взаимные пожатия рук, приветствия, дружеские объятия. От усталости не осталось и следа.

- Чехословаки - с нами!

- А вы, дорогие товарищи, вы тоже с нами, а мы среди родных, дома! Вы с нами, как и в сентябре тридцать восьмого, - говорили мы нашим боевым друзьям.

Возможно, гвардеец, который беседовал с нашим десятником Гинеком Ворачем, служил в одной из тех 130 дивизий, что в 1938 году стояли на западных рубежах Советского Союза, подготовленные к немедленным действиям, которые последовали бы, если бы правительство и президент приняли предложение Советского Союза о помощи и не предали наш народ.

Мы уже прошли 160 километров и начинали шестой день, вернее, шестую ночь марша. Таял снег, особенно на склонах, обращенных к солнцу, все более обнажая технику, брошенную фашистами в недавних боях за Харьков.

Все чаще встречаются останки убитых солдат среди оставленных врагом пушек и гаубиц, танков и самоходных орудий, среди автомобилей и ящиков от всевозможного пехотного

снаряжения и оружия, среди павших лошадей и крестьянских повозок с награбленным оккупантами и брошенным при бегстве добром.

Шестая ночь марша была одной из самых трудных. Отакар Ярош, командир 1-й роты, шедший в голове походной колонны, сам нес винтовки своих обессилевших воинов. Так поступали командиры и других рот и взводов, да и вообще все наиболее выносливые и крепкие. Повозки застревали в занесенных снегом оврагах, и в такие минуты слышалось или наше: "Гей руп!", или русское: "Раз, два - взяли!" Обоз батальона отставал чаще в тех местах, где походная колонна, изменив направление движения, шла по бездорожью. Когда отставал обоз, продовольствия не хватало, а горячей пищи не было совсем. Подразделения батальона шли в колонне по четыре, и нередко можно было наблюдать, как двое крайних следили за дорогой и поддерживали двух других своих товарищей, которые спали на ходу. Через полчаса или час они менялись местами.

Тишину нарушал лишь скрип снега под ногами 974 человек. Потеплело. Ртутный столбик термометра поднялся до 10 градусов ниже нуля. Улеглась вьюга, она не била больше нам в лицо жесткими, колючими снежинками. Степные горизонты терялись в тусклом свете луны.

Послышался гул самолета. Злобно и зловеще нарастал он с юго-запада. В темном небе повис яркий "фонарь". На парашюте медленно спускалась, ярко освещая все вокруг, огромная осветительная ракета, за ней - вторая, третья... Команда: "Стой!" - и походная колонна застыла продолговатой дугой. Маленькая Маркета Ольшанова зябко прижалась к сухопарой серой в яблоках лошади, которая, боязливо отфыркиваясь, стояла так же недвижимо, как и весь батальон. Ракета за ракетой приближается к земле; вражеские самолеты кружат над нами на высоте 200-250 метров. Ни один наш воин не выдал себя ни малейшим движением руки или головы; их лица склонены к земле, руки - в карманах. Дуга, конечно, кажется гитлеровцам подозрительной. Люди? А может быть, кустарник или деревья? В тишине лунной ночи слышатся очереди бортовых пулеметов, разрывы наугад сброшенных бомб. Прошло более получаса, прежде чем погасла последняя ракета и на смену реву четырех вражеских самолетов, взявших наконец курс на юго-запад, снова пришла тишина. Потерь у нас нет, никого не задело.

К утру на степь опустился туман, кое-где довольно густой. Однако скоро порывы холодного ветра прояснили темный горизонт, и грязновато-серая пелена уступила место ослепительно светлому дню. Идем еще около двух часов. С

восходом солнца идти стало легче. Колонны подтянулись, воины зашагали быстрее и бодрее. На пути батальона оказалось большое и, к нашему удивлению, почти не разрушенное село. Мы заметили его издали, когда просматривали местность в бинокль. Все оживились в предчувствии скорого отдыха в тепле. Головной взвод 1-й роты вступает в село. Здесь на широкой площади стоит здание, на нем вывеска: "Начальная школа". Над ней, во всю длину фасада школы, на немецком языке написано: "Где стоит немецкий солдат, там никто не пройдет!" А на деле вышло иначе. Если раньше здесь стоял гитлеровский солдат, то теперь здесь мы. Однако следы его пребывания видны повсюду. Брошенные гитлеровцами танки и автомобили, среди них - немало вполне исправных. Тут же валяются бутылки из-под жидкости для "поднятия духа" перед началом так называемых психических атак. Сколько раз с пьяным ревом и оглушительной пальбой шли фашисты во весь рост, волна за волной, на русские позиции, надеясь сломить волю советских бойцов. Однако у советских пехотинцев крепкие нервы. Психические атаки захлебывались в крови гитлеровских вояк.

"Где стоит немецкий солдат..." Здесь его уже нет, однако он еще стоит на Украине, в Белоруссии, стоит в Центральной, Северной, Южной и Западной Европе. Кованые сапоги эсэсовцев топчут нашу родину. Но придет час, и захватчиков выбросят оттуда советские войска, рядом с которыми будут сражаться чехословацкие части. Только бы скорей... Страшно подумать о том, что произойдет, если наши войска придут слишком поздно. Гитлеровская разбойничья машина может истребить десять - двенадцать миллионов чехов, словаков и закарпатских украинцев.

Эти мрачные мысли, возможно, были навеяны тем, что в селе нам показали обрубленные деревья, на каждом из которых еще совсем недавно гитлеровцы вешали советских людей. А на месте того вон колодца будет сооружен памятник. В колодце нашли целую семью: деда, бабушку, мать, двоих детей; туда же была брошена и их собака - черная лохматая Жучка, с которой любили играть дети. Фашисты заживо бросили в колодец всех этих людей и забросали их гранатами, потом закрыли колодец крышкой и запретили к нему подходить. В живых остался только один член семьи - отец, он на фронте.

Наши воины молча слушали страшный рассказ о дикой расправе. Их лица словно окаменели, руки крепче сжимали оружие. Им вспомнились длинные списки людей, замученных оккупантами в родной Чехословакии, стертые с лица земли Лидице и Лежаки. Усталость пропала. Бойцов охватила такая неистовая злоба и лютая ненависть к врагу, какой они еще

никогда не испытывали. Ненависть и неутомимая жажда мести. Правда Яна Жижки из Троцнова живет и поныне! Ныне, как и 500 лет назад, черной реакции на все ее злодеяния должен быть лишь один ответ: мстить, мстить беспощадно! Убивать преступно, тем более преступно убивать безоружного, но убивать беззащитных детей - это настолько гнусное преступление, что ему не может быть никакого оправдания.

А потому только вперед! Сегодня отдых будет коротким, так как мы должны быть в Харькове точно к назначенному сроку. Предстоит за три дня пройти еще сто километров.

Большая часть пути осталась позади. Батальон выдержал это испытание. Он преодолеет и оставшуюся часть пути; многим тяжело, но воины, женщины и мужчины, идут вперед и только вперед.

По приказу командующего фронтом генерал-полковника Ф. И. Голикова, полученному нами два дня назад, мы должны выйти к населенному пункту Бродек, оттуда по бездорожью, напрямик, идти до Бессоновки, а затем - по направлению к Белгороду, а не на Борисовку, как было приказано раньше.

И вот мы в Пушкарном, остался один переход до Белгорода. Но здесь нам долго задерживаться нельзя. Связной вручил мне новый приказ командующего фронтом: во что бы то ни стало прибыть в Харьков - один из самых крупных городов Левобережной Украины - к 1 марта. Усталость? Но ведь все видели те обрубленные деревья-виселицы и тот колодец... Теперь никого не приходится торопить. Наш батальон становится на-, стоящей боевой частью, крепко сплоченной, дружной. Авторитет солдата и командира вырос, самые трудные задачи выполняются сознательно и инициативно, у всех одно стремление - идти вперед и покарать врага за миллионы казненных и замученных, за разрушенные города и сожженные деревни, за детей, брошенных за колючую проволоку в Кобылицах и в тот колодец, который мы видели вчера. Мы уже сблизились с советскими воинами и стали, в полном смысле слова, а не только по приказу командующего Воронежским фронтом, неотъемлемой частью 3-й танковой армии, которой командует генерал-лейтенант П. С. Рыбалко. И к нам относятся как к людям, которых уважают и которым рады, словом, как к близким родным. И здесь, на фронте, нас тоже всюду горячо приветствуют.

- Здравствуйте, чехословаки! Привет чехословацким воинам! Чехословаки идут! Чехословацкому батальону ура!

Слово "чехословак" здесь склоняется во всех падежах, в единственном и множественном числе. Для советских людей не имеет значения малочисленность нашей части. Важно, что мы на

фронте, вступаем в бой за общую цель плечом к плечу с ними. Не мешало бы видеть все это Бенешу, Ингру и Пике!

Завершен последний, почти стокилометровый переход - 1-й Чехословацкий отдельный батальон, созданный на территории СССР, вступает в разрушенный Харьков.

В полутора километрах от города стоит Отакар Ярош. Он ждет, пока мимо него пройдет последний солдат его роты. Вот проходят, тесно прижавшись друг к другу, двое. Один едва держится на ногах, второй одной рукой поддерживает его, в другой несет две винтовки. На спине у него два мешка. Это братья Томаны. Томан-младший выбился из сил. Неподвижное лицо Яроша заметно дрогнуло. Он спешит к братьям и, не говоря ни слова, забирает у старшего Томана винтовку и мешок. Томаны глубоко тронуты. Вот идут еще двое - та же картина. Ярош берет еще одну винтовку и еще один мешок. Осматривается. Все?

- Ну что же, идемте, ребята, осталось совсем немного.

И большими энергичными шагами Ярош направляется к голове своей роты.

Харьков...

Когда-то цветущий, один из крупнейших промышленных центров Советского Союза, он оказался во фронтовой полосе. Большинство зданий разрушено, в городе много войск и боевой техники. 1 марта 1943 года, 14.30.

4. На фронт

В Харькове 1-й Чехословацкий батальон разместился в средней школе, одном из немногих уцелевших больших зданий города. Нам предложили отдохнуть. Однако обстановка на фронте заставила существенно изменить наши первоначальные планы. Именно в это время немецко-фашистские войска предприняли широкую наступательную операцию, основная роль в которой отводилась танковым и моторизованным дивизиям СС. Замысел операции был таков: прорвать фронт северо-западнее и южнее Харькова и, развивая наступление, окружить и уничтожить группировку советских войск в данном районе. Гитлеровцы возлагали большие надежды на эту операцию. Им нужно было воскресить и в самой Германии, и у своих союзников, и во всей порабощенной Европе развеянный под Москвой и на Волге миф о непобедимости гитлеровского вермахта. Правители фашистской Германии пытались использовать этот миф в своей захватнической политике. Не мудрено, что наступлению под Харьковом, которое, по твердому убеждению гитлеровского командования, не могло дать осечки, придавалось большое политическое значение.

На харьковском направлении против войск левого крыла

Воронежского фронта противник развернул 10 пехотных, 6 танковых и 1 моторизованную дивизию. Врагу удалось создать на этом направлении значительное превосходство в силах и средствах: в людях - в 2 раза, в артиллерии - в 2,6 раза и в танках - в 11,4 раза.

Вечером 2 марта меня вызвали в штаб Воронежского фронта. В штабе я и прибывшие со мной заместитель командира батальона капитан Ломский и начальник штаба надпоручик Рытирж были приняты заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом Козловым, который по карте ознакомил нас с обстановкой, сложившейся к тому времени на фронте. Из информации генерала Козлова нам стало ясно, что противник, сосредоточив крупные силы танковых и моторизованных войск, рвется к Харькову с юга и уже подходит к важным узлам обороны советских войск - Змиеву и Мерефе.

- Обстановка сложная, - сказал я скорее сам себе.

- Да, очень серьезная, - подтвердил генерал Козлов.

- Наши дивизии преследовали противника от самой Волги. Темп наступления был настолько высок, что они оторвались от своих тылов на 180 километров и более. Коммуникации разрушены. Снабжение войск осуществляется преимущественно по воздуху. Упорно обороняясь на каждом рубеже против превосходящих танковых сил противника, наши войска вынуждены отходить. Резервы уже введены в бой, а новые дивизии с тылами подойдут только через восемь - десять дней. Тогда мы получим возможность нанести контрудар. Как видите, речь идет всего о восьми - десяти днях, которые мы обязаны выиграть во что бы то ни стало. Такова наша задача.

- Понятно, - ответил я. - Разумим.

Советские войска, оборонявшиеся на этом направлении, понесли значительные потери. Так, от батальона НКВД осталось чуть больше роты. Численность личного состава некоторых полков уменьшилась до батальона. В такой обстановке на данном участке фронта наш отдельный батальон, разумеется, был наиболее свежей и хорошо вооруженной частью.

Нам выдали топографические карты, на которые мы тут же нанесли обстановку. Наконец-то мы получили первую боевую задачу.

- Сегодня же ночью вам нужно выйти из Харькова и прибыть вот в этот район. - Генерал Козлов красным карандашом обвел названия населенных пунктов, до того времени нам неизвестных: Тимченков, Миргород, Артюховка, река Мжа, справа - Мерефа, слева - Чемужовка и Змиев.

- Как у нас на Бероунце, - заметил кто-то из чехов, не помню

теперь кто.

- На южном берегу реки Мжи расположено село Соколово. Удивляемся тому, что название села очень понятно и легко произносится по-чешски. Генерал Козлов словно нарочно выбрал этот пункт.

Но времени для рассуждений о сходстве чешского и русского языков нет. Этой же ночью надо выйти в указанный район, не пропустить к Харькову через реку Мжу ни одного вражеского танка... Такова суть приказа. Нас информируют, что Мжа покрыта льдом и не является препятствием для танков. Тем труднее и ответственнее наша задача - вместе с советскими войсками преградить путь немецким частям к центру Левобережной Украины. Боевое охранение нужно выдвинуть к перекрестку дорог, примерно на два километра юго-западнее Тимченкова и Соколова. Генерал Козлов еще раз повторяет задачу:

- Не пропустить к Харькову через реку Мжу ни одного вражеского танка. Ясно?

- Все ясно, товарищ генерал-лейтенант.

- Желаю успеха!

- Спасибо!

Мы в батальоне. В небольшой классной комнате собираются офицеры штаба батальона и командиры подразделений. Они в напряженном ожидании: предстоит получить первую боевую задачу. Богумир Ломский, Отакара Рытирж, Ярослав Згор, Мирослав Шмолдас, Войта Эрбан, Франтишек Энгель, Борис и Костя Гибнеры, Антонин Сохор, Павел Скалицкий, Отакар Ярош, Владимир Янко, Ян Кудлич, Ярослав Лом, Вацлав Дрнек, Карел Новотный. Здесь и оба советских офицера связи - подполковник Загоскин и капитан Камбулов, прошедшие с нами весь путь от Бузулука. Все в сборе. Движения и слова спокойны и решительны, внимание обострено. Шелестят карты, ставятся боевые задачи, уточняются вопросы. Между тем подразделения батальона покидают здание школы и, соблюдая тишину, выстраиваются на улице.

В этих краях более неприятной погоды, чем в мартовские ночи, наверное, не бывает. Пронизывающий холодный ветер, лужи, покрытые непрочным льдом; с черного как сажа неба падает густой снег вперемешку с дождем. Такая погода стояла и в ту ночь, когда мы вышли из Харькова. Нас предупредили о возможности встречного боя.

3 марта в 2.30 1-й Чехословацкий отдельный батальон двумя колоннами вышел из Харькова; одна - через Бабай и Тимченков на Миргород, вторая через Безлюдовку и Константинову на Артюховку, то есть восточнее первой. Низко, над самым

горизонтом, то и дело вспыхивали разноцветные ракеты характерные признаки близости фронта. Изредка до нашего слуха доносились глухие звуки артиллерийской перестрелки. Да еще тишину этой холодной, сырой ночи нарушало хлюпанье грязи под сотнями ног и колесами. Дорога раскисла. Не было слышно позвякивания фляг и оружия, воины хорошо подготовились к ответственному маршу. Только временами слышались приглушенные ругательства: кто-то, оступившись, провалился по колено в холодную воду. На нашем пути все чаще встречались ямы и воронки от бомб и снарядов, разрушенные противотанковые препятствия, мотки колючей проволоки, перевернутые автомашины, подбитые танки с развороченной броней.

От головных подразделений по колонне идет предупреждение: "Внимание! Справа мины!" Днем такой сигнал не нужен, так как ограждения неразминированных участков и так видны. А пока темно, надо всемерно соблюдать осторожность, к тому же перед рассветом поднялась метель, через несколько минут перешедшая в слепящую вьюгу. Она утихла, когда стало совсем светло. Впереди мы увидели лес. Что-то нас ожидает в нем и за ним? Мимо нас с фронта проходят три санитарные машины с ранеными. Успеваем заметить повязки с темными пятнами просочившейся крови; лица раненых давно не бриты, сапоги и плащ-палатки в грязи. Нас обогнала колонна какого-то истребительно-противотанкового полка на машинах с 76-мм пушками.

Высокий человек в белом маскировочном халате соскакивает с коня. Это капитан Чуканов из батальона НКВД. Он достает карту, знакомит нас с обстановкой, в частности в районе деревни со своеобразным названием Тарановка, расположенной южнее Соколова.

- Я был там вчера до самой ночи. Тарановку удерживает гвардейский полк.

- А удержит? Как долго?

Капитан задерживается с ответом всего на мгновение.

- Как долго? - переспрашивает он. - День, может быть, два, трудно сказать. Но... - капитан спокойно улыбается, - но пока гвардейцы там, они не отступят. Это гвардейцы, понятно? Их, правда, осталось не так много. Они слышали о вашем батальоне, знают, что удерживают подступы к вашему рубежу обороны, и очень надеются на вас. А вы, чехословацкие воины, можете полностью положиться на них: они гвардейцы! - подчеркивает капитан еще раз.

Надо признаться, что в те минуты до нашего сознания почти

не доходил смысл слова, которое несколько раз подчеркнул капитан Чуканов. Мы стремились быстрее выяснить конкретные данные о положении как противника, так и гвардейского полка, удерживающего Тарановку. Из ответов капитана и подъехавших вместе с ним товарищей мы сделали вывод, что благодаря стойкости советских бойцов в Тарановке встречного боя можно не опасаться. Но сколько они продержатся там против превосходящих сил врага? Сам Чуканов, донской казак, командир роты, занимавшей оборону под Мерефой, несгибаемый, как сталь лучшей закалки, допускает всего день или два. Если падет Тарановка, на очереди река Мжа, а она не является серьезной преградой для танков противника.

Для рассуждений времени нет. Необходимо быстрее, как можно быстрее идти вперед и немедленно, не теряя ни минуты, приступить к организации обороны на указанном рубеже. Может быть, и два дня! А если один - это значит завтра. На секунду содрогаешься при мысли, что уже завтра... А если бы в Тарановке не было советских гвардейцев, мы уже сейчас где-нибудь здесь вели бы ожесточенный бой с гитлеровцами.

Походная колонна растянулась на километры; обоз с продовольствием отстал; роты идут и идут, но уже заметно, что от почти 400-километрового марша, прерванного лишь непродолжительной остановкой в Харькове, люди сильно устали. Это подтверждает и начальник медсанслужбы батальона, всегда жизнерадостный поручик доктор Энгель. Он только что догнал нас вместе с начальником снабжения подпоручиком инженером Борисом Гибнером. Тут же, рядом с нами, идут Ванда Биневска из медицинского взвода и Мария Лялькова, обе с винтовками за спиной. У Марии снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Медленно, напрягая последние силы, идет к Соколову Ярослав Достал, коммунист. Он потерял здоровье на трудной и опасной партийной работе в условиях домюнхенской республики. Он страдает удушьем, это видно по его посиневшему лицу. Доктор Энгель окликает Достала, предлагает помощь, но Достал энергичным взмахом руки отвергает предложение и молча продолжает идти вперед, опираясь на самодельную трость. Его тяжелое дыхание глохнет в шуме движения 3-й роты надпоручика Владимира Янко. Да, Досталу следовало бы остаться в тылу. А он еще в 1941 году, зимой, когда стояли лютые морозы, ушел добровольцем на фронт под Москву и защищал ее в рядах Красной Армии. Позже, прибыв в Бузулук, он настойчиво добивался отправки его на фронт. И вот теперь Достал, несмотря на астму, с винтовкой и полным снаряжением решительно шагает вперед, чтобы вместе с другими воинами занять оборонительный

рубеж под Миргородом, чтобы ночью рыть окопы в мерзлой земле, потому что завтра, всего через несколько часов, может начаться бой. Разве товарищ Достал не такой же гвардеец, о каких рассказывал нам капитан Чуканов? Здесь не применишь обычную оценку сил и возможностей людей. Какой силой обладает Ярослав Достал? Огромной. Ее неисчерпаемым источником является самоотверженность и убежденность коммуниста в правоте своего дела. Это дает Досталу, пожилому и больному воину 3-й роты, силу рыть окопы после почти 400-километрового марша.

Раздались выстрелы, и над лесом появились немецкие самолеты. Один из стервятников атакует голову колонны. Рассредоточиться! Раздаются отрывистые команды. 1-й взвод 1-й роты быстро изготавливается к стрельбе по самолету. Команда - и залп, пулеметные очереди. Воины целятся в мотор и кабину вражеского самолета. Залп за залпом. Враг, уйдя в сторону, набирает высоту. Теперь - внимание!

С оглушительным воем фашистский стервятник снова бросается на 1-й взвод, обстреливая его из пулеметов. Огонь! - Залп! Огонь! - Залп! По самолету ведут огонь пулеметы; впервые накаляются стволы нашего оружия. Набрав высоту, фашистский самолет еще раз атакует нашу колонну. Он снижается настолько, что видны шлем и защитные очки летчика. Внимание! Самолет сзади! Новые залпы; "мессершмитт" с воем проносится над самыми головами и улетает.

Тихо. Нет ни убитых, ни раненых. Походная колонна выстраивается. Впереди 1-й роты бодрым шагом, словно помолодевшие, идут воины 1-го взвода; они отразили первый вражеский удар. Но нас, конечно, заметили, разглядели нашу форму и, наверное, уже доложили какому-нибудь рыжему гитлеровскому командиру о прибытии на фронт иностранной воинской части. Недавно Совинформбюро сообщило, что на один из участков советско-германского фронта отбыла чехословацкая воинская часть. Вывод из этого напрашивается сам собой - гитлеровцы постараются испытать нашу стойкость. Ну что ж, а мы испытаем их. Итак, только вперед. Быстро занять оборону, окопаться, расставить огневые средства, определить задачи и выслать разведку на юг, к Тарановке: южное направление сейчас самое ответственное.

К вечеру выходим из лесу на отлогий левый берег широкой замерзшей реки. Снег, мороз, лед. Перед нами за рекой дугой лежит село Соколово. Вокруг пересеченная местность, удобная как для обороны, так и для наступления. Возможно, за рекой в складках местности, в кустарниках и перелесках расставлены

тысячи ловушек и "сюрпризов".

1-й Чехословацкий отдельный батальон занимает оборону. Слева, в Артюховке, - 2-я рота, справа, в Миргороде, - 3-я. Надпоручик Шмолдас и подпоручик Павел Скалицкий со взводом связи уже трудятся над тем, чтобы быстрее установить связь между подразделениями батальона. Я отправляюсь к генерал-майору П. М. Шафаренко - командиру советской 25-й гвардейской дивизии, которой мы приданы.

Прибыв, я доложил:

- Батальон занял район обороны шириной десять километров по фронту. В настоящее время река Мжа не является препятствием для танков противника. Следовательно, центр рубежа обороны батальона на участке в четыре с половиной километра фактически ничем не прикрыт! По нашему мнению, было бы целесообразно включить в район обороны батальона и село Соколово. Там можно и нужно создать сильный противотанковый узел и удерживать его до тех пор, пока река станет непроходимой для танков. Если нам будут приданы необходимые средства усиления, мы сможем оборонять Соколово даже против превосходящих сил противника.

Командир дивизии генерал-майор П. М. Шафаренко спокоен. Он по-настоящему красивый мужчина, крепко сложен, среднего роста. Внимательно выслушав меня и некоторое время подумав, генерал улыбнулся и ответил:

- Решение, которое вы предлагаете, правильное и, пожалуй, единственно возможное. Я согласен и благодарю вас. Желаю успеха.

Теперь мы могли на всем протяжении нашего десятикилометрового участка создать противотанковую оборону, опирающуюся на реку Мжу и три населенных пункта.

Надпоручик Ярош попросил, чтобы оборона села Соколово - самого ответственного опорного пункта - была поручена его 1-й роте. Роте были приданы как наши, так и советские средства усиления: орудия, минометы, станковые и ручные пулеметы и противотанковые ружья. Всего в распоряжении Отакара Яроша было около 350 человек. Усиленную роту Яроша поддерживал советский гвардейский минометный дивизион, точнее, одна его батарея. Гвардейские минометы - это легендарные "катюши".

Советское командование выделило 1-му Чехословацкому батальону значительные средства усиления. В первый период боев до 8 марта нам была придана танковая бригада (24 танка), гвардейский минометный дивизион и два артиллерийских дивизиона. В период с 8 по 13 марта нам дополнительно были приданы два артиллерийских и три гвардейских минометных

дивизиона, один истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Короче, нам вверили значительные силы и средства Советской Армии и вместе с тем, по нашему желанию, поручили выполнять ответственную задачу - отразить натиск врага на направлении его главного удара. Гитлеровские танковые дивизии наступали против 62-й гвардейской дивизии генерал-майора Зайцева и 25-й гвардейской дивизии генерал-майора Шафаренко. Трудно переоценить тот боевой опыт, который мы переняли от Шафаренко и его гвардейцев за 14 дней совместных боев!

Мы чувствовали со стороны советского командования полное доверие к нам и расценивали его как доверие всех советских людей к нашему народу, к Чехословакии, к ее возрождающемуся народному войску.

Штаб батальона и медицинский пункт разместились в нескольких пустующих домах совхоза у самого леса, примерно в центре района нашей обороны. Офицеры Ломский и Рытирж, а также командиры рот и отдельных взводов, получив устный приказ командира батальона на оборону, приступили к подготовке мероприятий по его осуществлению. При свете керосиновой лампы на карты наносились красные литии и условные знаки, обозначающие расположение рот, взводов, батарей и танков, пунктов боепитания, рубежи и участки огней. Командиры рот проводили рекогносцировку местности, ставили задачи подразделениям, расставляли огневые средства.

Уже слышатся удары киркомотыг и лопат о твердую, глубоко промерзшую землю. На западе угасают последние лучи скрывшегося за горизонтом солнца. На строительство оборонительных сооружений вышли все жители Соколово - старики, женщины и дети.

Необходимо продержаться и выиграть восемь - десять дней, преградить вражеским танкам дорогу на Харьков, в тыл советским войскам, которые во что бы то ни стало должны устоять до подхода свежих сил генералов Рокоссовского и Черняховского. С их прибытием развернется новое наступление советских войск на запад. На нашем участке фронта оно начнется с рубежа Северного Донца.

От батальона в сторону Тарановки отправлена разведывательная группа в составе отделения автоматчиков десятника Бродавки; группу возглавил офицер Войта Эрбан.

Разведчикам была поставлена задача: уточнить сведения о противнике, действующем перед фронтом батальона, выяснить обстановку в районе Тарановки и, по возможности, определить вероятное направление действий противника; данные разведки

сообщать штабу батальона и надпоручику Отакару Ярошу, командиру роты, обороняющей опорный пункт Соколово.

5. Соколово

Неотделимой частью боя за Соколово, нашего первого боевого крещения в степях юж"ее Харькова, была поистине героическая оборона Тарановки. Значительно поредевший гвардейский полк преградил путь 4-й танковой дивизии СС "Мертвая голова", переброшенной фашистским командованием с Западного фронта. Самоотверженность солдат и офицеров полка дала нам возможность основательно окопаться на 10-километровом участке обороны и подготовиться к первой неравной схватке с врагом.

Несколько дней спустя, по получении сведений о боях в районе Тарановки, мы поняли смысл спокойной улыбки и выразительной интонации в голосе донского казака капитана Чуканова, командира роты под Мерефой, подчеркнувшего слово "гвардейцы". Не день, не два, а целую неделю полковник Билютин со своими гвардейцами удерживал Тарановку, показывая нам на деле, что такое упорное сопротивление, а главное, что значит Советская Армия, советский вооруженный патриот.

Вот как писал тогда о гвардейцах полковника Билютина, сражавшихся южнее Соколово, начальник разведки нашего батальона Войта Эрбан:

"В Тарановку мы приехали перед заходом солнца и сразу же явились к полковнику Билютину, которого его бойцы называли просто "батя". Это был невысокий, плечистый, спокойный, но энергичный человек лет сорока восьми, мало похожий на военного даже в форме. Однако половину своей жизни он прослужил в армии. Он приветствовал чехословаков так радостно, словно нас прибыла целая армия.

- Мы идем от Волги, - сказал он, - там нас было значительно больше, теперь осталось всего сто девяносто штыков и несколько противотанковых орудий. Но мы постараемся продержаться... На нас идут две танковые дивизии СС, переброшенные не то из Бельгии, не то из Франции. Там им делать нечего, вот их и послали сюда. Но мы и их причешем, - засмеялся он и добавил: Эсэсовцы дерутся отчаянно, но наши лучше. Мы - гвардейцы!

Да, мы находились среди тех самых гвардейцев, которые разгромили армию Паулюса.

- Ну, чехословаки, - продолжал полковник Билютин, - хотя воинская часть ваша и мала, зато сила велика. Будьте у нас как дома. Вообще, почему вы стоите? Садитесь, выпейте за здоровье тех, кто выстоял! На Волге мы разбили две дивизии. Там - две

дивизии, тут - две дивизии, нам все едино.

Но в действительности теперь все было иначе. За плечами гвардейцев Билютина остались многие сотни километров, пройденные с тяжелыми боями от Волги до Тарановки. На этом пути полк понес немалые потери. Однако это был в полном смысле слова гвардейский полк. Ему прислали несколько танков, противотанковые орудия и гаубицы и приказали: "Держать Тарановку!"

Центром обороны была церковь и расположенные справа и слева от нее полуразрушенные дома. Полковник Билютин поместил в церкви автоматчиков, а их командиру - молодому лейтенанту - сказал: "Смотри, лейтенант, церковь кирпичная, она выдержит, если на то пойдет, натиск и четырех дивизий. Развернуться противнику здесь трудно, но он будет рваться на Харьков с юга этой дорогой. Держи церковь, парень!" - "Есть держать!" - ответил лейтенант.

В церкви их было 35 человек. Билютин расположил 1-й батальон в развалинах домов по одну сторону от церкви, 3-й батальон - по другую, а сам вместе с начальником штаба и радистом обосновался в маленьком домике чуть севернее. Налево к лесу и направо через дорогу было направлено по пяти разведчиков; они должны были следить за продвижением противника на флангах. 2-й батальон оставался во втором эшелоне.

В первую же ночь наши разведчики вышли из Тарановки вместе с советскими разведчиками. Десятник Бродавка шел рядом с сержантом - командиром советских разведчиков. Накануне гитлеровцев выбили из окопов, которые они захватили за целый день ожесточенных боев. Из документов убитых и раненых, а также из допросов пленных выяснилось, что наступление против гвардейского полка по-прежнему ведет 4-я танковая дивизия СС "Мертвая голова". Каждую ночь в течение уже целой недели немцы принимались атаковать Тарановку. И каждую ночь из церкви выносили убитых советских бойцов и оружие; место погибших занимали солдаты 2-го батальона, они приносили с собой патроны, кашу, борщ. "Держись, лейтенант!" - говорил Билютин молодому командиру. "Есть держаться, товарищ полковник!" - отвечал лейтенант, и Билютин обычно добавлял: "Ну ладно". Такой диалог повторялся из ночи в ночь. Но на следующий день атаки фашистов были продолжительнее и ожесточеннее. В этот день им шесть раз удавалось доходить до самых стен церкви. Шесть раз слышался пьяный рев гитлеровцев, обычно сопровождавший их так называемые психические атаки. Ураганный огонь, пламя и дым - это был грозный день. Но в ответ

шесть раз гремело "ура" - такое могучее, словно гвардейцев был миллион. Наступили сумерки. "Молодцы, ребята", - сказал "батя". Потери были большими, резервы Билютина иссякли. Но он не просил пополнения, его полк продолжал выполнять боевую задачу. Полковник надеялся на следующий рубеж обороны, на Соколово, на чехословацкий батальон, а кроме того, - как и все, кто сражался под Харьковом, - на свежие войска генералов Рокоссовского и Черняховского, подходившие к Северному Донцу. Но главной надеждой Билютина по праву был его гвардейский полк.

Ночью все началось сызнова. Из церкви выносили тела убитых, живые занимали места погибших, приносили оружие, боеприпасы, кашу, борщ. Было морозно, тихо. Перед церковью лежали трупы фашистов, их некогда было убирать. Догорали строения, вспыхнувшие во время четырехчасового налета 46 немецких бомбардировщиков и штурмовиков, а "батя" уже подсчитывал оставшиеся силы: четыре танка, две полковые пушки, две гаубицы - кое-что есть. Однако людей убыло порядочно, осталось немногим более 100 штыков. "Ну, что же, держись, лейтенант!" - "Есть держаться, товарищ полковник!" - "Ну, ладно!" Но теперь эти слова относились к другому лейтенанту - первый пал смертью храбрых.

Настал час расставания с полковником Билютиным. Мы сидели у окна его чудом уцелевшего домика. Здесь же находилась радиостанция, у которой спокойно работал радист. То и дело обваливались стены и крыши соседних домов, еще не утихли пожары. Недалеко от нас, влево за изгородью, догорал сбитый "юнкерс" с черной свастикой на крыльях. Билютин сидел, склонившись над картой, хотя в эту минуту она была ему не нужна. Потом он взглянул на дверь, иссеченную осколками, и закурил.

Когда мы стали прощаться, он сердечно обнял каждого из нас, расцеловал, еще раз поздравил всех чехословацких воинов с прибытием на фронт и пожелал нам не уступать врагу".

Так описывал свое пребывание в гвардейском полку Билютина наш начальник разведки Войта Эрбан.

Когда я слушал доклады своих офицеров о завершении инженерных работ, гвардейцы Билютина еще удерживали Тарановку и, возможно, в это самое время выбивали врага из захваченных им днем окопов, восстанавливали связь с осажденной церковью, выносили из нее погибших и их оружие... Но где им теперь взять резервы, как усилить оборону церкви?

На следующий день Билютин получил приказ оставить Тарановку. Отходя с группой своих давно не бривших

гвардейцев, он продолжал отражать атаки эсэсовцев дивизии "Мертвая голова", приближающихся к переднему краю обороны нашего батальона. Навстречу противнику мы выслали разведку: отделение от 1-й роты, занимавшей оборону в Соколове, и автоматчиков поручика Сохора. В то же время вблизи наших позиций все чаще стали появляться разведывательные группы гитлеровцев.

Уже двое суток подряд фашистские бомбардировщики и штурмовики яростно бомбят нашего соседа справа. Мерефа почти полностью разрушена. Простирающиеся вокруг поля, которые славились до войны богатыми урожаями, теперь выглядят печально: они изрыты бесчисленными воронками от бомб, мин и снарядов, изранены гусеницами танков, усеяны кусками металла, трупами людей и животных. Немецкая 6-я танковая дивизия наступает на Мерефу. Танки проникают в глубь обороны, с них соскакивают десанты автоматчиков и продвигаются вперед. За танками двигается пехота. Кажется, вот-вот Мерефа будет взята противником. Но из окопов и щелей появляются бойцы батальона НКВД. Их меткий огонь и гранаты останавливают пехоту врага, бутылки с горючей жидкостью точно попадают в моторы танков, умело брошенные связки гранат рвут гусеницы железных чудовищ, хорошо замаскированные пулеметы кинжальным огнем бьют во фланг наступающей пехоты. Советские воины смело идут в рукопашный бой. Немецкая пехота, не выдержав их удара, обращается в бегство. Зарвавшиеся фашистские автоматчики вынуждены залечь, они открывают беспорядочный огонь; часть танков остановилась, другие мечутся по полю, и в этот момент на них обрушивается огонь советских орудий и гвардейских минометов с позиций, расположенных под Мерефой. Несколько танков вспыхивают. Враг поспешно отступает, преследуемый огнем артиллерии, залпами катюш, пулеметными очередями советских самолетов. Так заканчивается 48-часовой бой. Мерефа осталась в наших руках.

* * *

- Так вот, молодые люди, вы идете - сами знаете куда, не забудьте же...

- ...Что задача должна быть выполнена! - хором отвечают парни из разведгруппы автоматчиков командиру своего взвода поручику Антонину Сохору.

- А если, - продолжает Сохор свои наставления разведчикам, - если вы окажетесь в безвыходном положении, то последний патрон приберегите для себя. А теперь за дело! - заканчивает он.

...6 марта. Вражеские танки и разведывательные группы появились уже перед хутором Первомайским, и советские

подразделения, занимавшие оборонительный рубеж впереди нас, под напором превосходящих сил неприятельских танков и моторизованной пехоты вынуждены были оставить свои позиции. Гвардейский полк Билютина, в котором осталось не более 100 человек, с боем отходит через Прогоню на Водяховку.

В такой обстановке отделению автоматчиков Бернарда Бражины из взвода Антонина Сохора была поставлена задача: двигаясь в юго-западном направлении, подойти к противнику по возможности ближе, разведать его силы и направление наступления.

Перед селом Борки разведчики услышали прерывистый, дребезжащий грохот гусениц и гул моторов танков. Танки были примерно в полутора километрах от разведчиков за лесом у ближайшей дороги и двигались навстречу разведчикам. Девять парней невольно оглянулись - нигде никого. На лице Бражины не дрогнул ни один мускул, лишь его выразительные глаза стали еще более острыми и внимательными. Складка местности перед лесом мешала наблюдению.

- Вперед! Бегом! - скомандовал Бражина.

Через семь - десять секунд, не более, отделение слилось с запорошенными снегом ветвями деревьев.

- Без моей команды не стрелять и не двигаться!

Из лесу нарастал грохот танков, скоро их стало видно сквозь заросли. Танки двигались прямо на автоматчиков. Возможно, они пройдут чуть правее, где просвечивает лесная просека. Наши замерли, артиллерия молчала, лишь небольшой ястребок пронесся низко над кронами деревьев, дал три очереди, взмыл к облакам и скрылся на востоке. Гул моторов стих, танки остановились.

- Спокойнее, хлопцы, не двигаться! Выждем, что будет дальше, - шепотом приказал Бражина.

Раздался короткий свист, и на лесной просеке появились полусогнутые фигуры в характерных касках. Три... пять... одиннадцать... Остановились. За ним показались стальные лбы и башни двух танков. Гитлеровцы приближались; может быть, тут были те самые бандиты, что в 1939 году пьянствовали в Праге. Среди густых ветвей кустарника послышался тихий нервозный шорох, автоматчики заволновались, крепче сжали в руках оружие.

- Спокойно! Не двигаться!

Сердитый взгляд и резкий энергичный взмах руки Бражины - разведчики замерли. Немцы были уже в 300 шагах, в 250, 200... Медленно текли секунды, зато учащенно билось сердце, стучала в висках кровь. В сознании проносились картины унижений и оскорблений, пережитых родиной за четырехлетнее хозяйничанье

немецко-фашистских захватчиков... 150 шагов...

- Теперь - Пепик! Пепик Черны, покажись им, - сказал Бражина, повернувшись к разведчику.

Пепик Черны посмотрел на своих товарищей, оперся на одно колено, встал и сделал несколько шагов навстречу эсэсовцам. Озадаченные, те остановились, насторожились, Пепик услышал гортанные звуки ненавистной нам тогда немецкой речи. Фашисты о чем-то спорили. Один махнул Пепику рукой, подзывая его подойти поближе. "Сюда", - донеслось до Пепика. А после короткого молчания снова на ломаном русском языке: "Иди сюда". Черны стоял недвижимо, держа в правой руке автомат, дулом вниз. Немцы вышли на поляну и неуверенно направились к Пепику. 100 шагов, 90, 80, 70... Они шли прямо на чехословацких автоматчиков. За их спинами на опушке леса ворчали танки.

Сгущались сумерки. Лучшее время для нанесения первого удара по врагу на промерзлой украинской земле. Воин Черны сделал несколько шагов вперед, и в этот момент из-за деревьев раздался треск автоматов восьми разведчиков.

- Verfluchte Sau!{10}

Гитлеровцы в панике. Одни упали замертво, другие, отчаянно вопя, бросились бежать, третьи неуклюже отползали под защиту деревьев. Еще очередь. Черны ведет огонь, уже лежа на снегу.

Когда выстрелы стихли, стали слышны стоны и хрипение. Автоматчики растворились в наступившей темноте; немецкие танки дали им вслед несколько выстрелов, но с опушки не двинулись.

На рассвете 8 марта автоматчики Сохора снова направились в разведку. Советские части, продолжая вести упорные бои, на некоторых участках фронта отошли. Нам стало известно, что противник прорвал первый рубеж харьковской обороны и что на нашем направлении его можно ждать с минуты на минуту. Поэтому было крайне необходимо получить самые подробные сведения о том, что происходит к юго-западу от Соколово.

По земле стлался густой туман. Поэтому на пересеченной местности перед Соколовом разминулись, не заметив друг друга, две группы разведчиков: наша и немецкая. Наши разведчики вышли на намеченный рубеж и выяснили, что требовалось. Составлять письменное донесение времени не было, и четарж Бражина послал разведчика Черны доложить командиру 1-й роты Отакару Ярошу о результатах разведки.

- Беги, Пепик, как можно скорее и передай все Ярошу, - сказал командир отделения.

Черны повторил приказание и исчез в рассеивающемся тумане. Вдруг засвистели пули, одна из них просвистела над

головой Черны. Он бросился на землю. Сердце, как говорится, ушло в пятки. Кто? Откуда? Невольно он быстро ощупал себя - не ранен. Посмотрел в ту сторону, откуда раздались выстрелы... Прямо на него, метрах в 100-120, двигались 12 немецких автоматчиков. Они возвращались из разведки. Что делать? Один против 12! Вчера было куда легче - за его спиной стояло целое отделение. Решение пришло моментально: притвориться убитым, лежать неподвижно. Автомат заряжен и поставлен на боевой взвод - не подведет. Надо подпустить противника как можно ближе, чтобы не промахнуться.

Немцы уже в 50 метрах, они шли плотно друг к другу - это хорошо. 40 метров, 30... Два - три быстрых движения, и Черны дает длинную очередь. Гитлеровцы падают, как подрубленные деревья. Разведчик встает и дает еще одну очередь. Не шевелятся. Все кончено. Препятствие устранено. Один против 12! Разведчик Черны не теряя времени побежал в Соколово.

Надпоручик Отакар Ярош выслушал доклад. Он гордился молодым воином. И тут же Черны получил новое задание. С противотанковой миной и противотанковыми гранатами он отправился на западную окраину села, куда вливалась удобная для танков дорога. На окраине Соколова вместе с другими бойцами, занявшими позиции слева и справа от дороги, Черны готовился к отражению атак вражеских танков.

Вскоре к Соколово действительно подошли танки противника. Они вынырнули с юго-запада, из района хутора Первомайского, но, встретив дружный огонь защитников Соколово, отошли.

Первое значительное скопление пехоты и танков противника (12 танков и около 300 солдат и офицеров) чехословацкие разведчики обнаружили совсем близко - в селе Прогоня, к югу от Соколово.

Разведка, действовавшая на другом направлении, донесла, что около 15 танков продвигаются в направлении на Тимченков, на правый фланг батальона. Мост у Тимченкова взлетел на воздух; танки развернулись, и в этот момент по ним открыли огонь противотанковые орудия с позиций в районе Миргорода, где оборонялась 3-я рота. Потеряв один танк, враг отошел. В середине ночи в Миргород прибыли подразделения 179-й танковой бригады из Тарановки. Одновременно стало известно, что в трех километрах юго-западнее Соколово, там, где вчера автоматчики Сохора столкнулись с передовым подразделением 6-й танковой дивизии врага, слышен нарастающий шум моторов танков.

Утром 8 марта автоматчики обнаружили сосредоточение

фашистских танков и пехоты. Однако установить, к каким соединениям они принадлежали, было трудно. Против войск левого крыла Воронежского фронта на харьковском направлении противником было развернуто семнадцать дивизий, в том числе дивизии СС "Мертвая голова", "Рейх", "Великая Германия" и даже дивизия "Адольф Гитлер". Гитлеровцы готовились к наступлению довольно обстоятельно. Мы в свою очередь усилили активность разведывательных групп перед фронтом обороны и подготовились к бою. Сведения, добытые разведчиками 1-й роты: командирами отделений четаржами-Антониной Коримой и Михаилом Швайком и автоматчиками Михаилом Баратом, Александром Баумбергером, Антонином Фуксом и Марцелом Габаем, требовали от нас бдительности. И хотя молодым воинам уже удалось отправить на тот свет двух немецких офицеров и 12 эсэсовцев, они хорошо понимали, что главное впереди.

Со вчерашнего дня значительно потеплело, снег начал таять, но ледяной покров на реке Мже был еще довольно прочным. Потепление заставляло фашистов спешить. Всю первую половину дня 8 марта с разных сторон был слышен шум моторов танков; то тут, то там взлетали ракеты. Туман давно рассеялся, снег стал рыхлым и мокрым, местами черными пятнами проглядывала земля.

В середине дня командиры взводов и приданных подразделений по очереди побывали у надпоручика Яроша, спокойного, мужественного и решительного командира соколовской обороны. Он еще раз обошел все подразделения роты, проверил их боевую готовность, удостоверился в исправности линий связи в самом Соколове, с соседями и со штабом батальона, побеседовал с воинами. Последним от командира роты ушел его заместитель, веселый молодой офицер, пользующийся любовью воинов, командир пулеметной роты надпоручик Ярослав Лом. Он докладывал о готовности максимов к предстоящему бою. Подпоручик Иржи Франк, командир взвода 45-мм противотанковых орудий, проверил оборудование основных огневых позиций, выбрал запасные, уточнил наличие боеприпасов. Все было готово! В церкви, в этой запомнившейся нам церкви посреди села, отдыхали автоматчики Сохора, уставшие от многодневной напряженной разведки. Сохор в сопровождении Бражины, Маха и Бродавки обошел свой взвод и с удовлетворением отметил, что все в порядке и что на вопрос "боевая задача?", которым он приветствовал бойцов, ему хором отвечали: "...будет выполнена!"

Приданные нам советские танки еще в первой половине дня были направлены к населенному пункту Гонтарь,

расположенному на опушке леса в двух километрах от Соколово. Оттуда нам грозила наибольшая опасность. Но танкистам не удалось задержать противника. Из лесу вырвались 14 вражеских танков и устремились на северо-западную окраину Соколово. Противотанковые гранаты полетели под гусеницы передних танков; пулеметы застрекотали длинными, лихорадочными очередями; загремели выстрелы советских противотанковых 76-мм орудий, открыли огонь бронебойщики Команек и Менаховский...

Успех! Гитлеровские танки повернули назад и скрылись в лесу. Со стороны Прогони в село проник взвод гитлеровских автоматчиков, но огонь наших ручных и станковых пулеметов вынудил отойти и их. Молодые воины ликовали. Три подбитых танка стояли неподвижно. Выскочившие из них эсэсовцы убежали в лес. Прекрасно!

Однако радость была преждевременной. После первой атаки танков, которая началась в 13.30, наступила некоторая пауза. Воины уже успели забыть о подбитых танках. Они пребывали в самом благодушном настроении после своего первого и, как потом оказалось, весьма сомнительного успеха. Горьким и кровавым было наше первое боевое крещение.

Гитлеровцы разыграли спектакль. В каждом танке они оставили башенных стрелков, которые осторожно и не спеша навели орудия на наши огневые точки. И вдруг неожиданно раздались выстрелы. Казавшиеся мертвыми фашистские танки ожили, и их орудия били довольно точно. Пулеметные гнезда были разрушены; воины быстро перебрались на другие позиции. 14 вражеских танков снова устремились на северо-западную окраину Соколово. Несколько позднее, в 15.30, из лесу близ Гонтаря появилось еще около 60 фашистских танков. В сопровождении двух батальонов автоматчиков "а 14 бронетранспортерах они атаковали защитников Соколово с юго-запада. Гитлеровцы намеревались одним быстрым ударом уничтожить соколовский опорный пункт, пробиться на северный берег реки и продолжать продвижение на Харьков. Установленные на танках огнеметы подожгли соломенные крыши домов на окраине села. В огне гибли старики и дети. Повсюду свистели пули, рвались гранаты и мины. Наши артиллеристы и бронебойщики уничтожили несколько танков врага. Немало его автоматчиков осталось лежать на поле боя.

Первый ближний бой, временами переходящий в рукопашный. Четарж Карел Команек, командир отделения станковых пулеметов, и с ним воины Соланич и Шеда открыли огонь из полуразрушенного окопа. Первые танки проехали над

ними, вошли в село и с ходу начали стрелять из орудий. Защитники Соколово ответили шквалом огня. Иржи Франк выкатил свои две "сорокапятки" вперед и открыл по танкам огонь прямой наводкой. Команек, Шеда и Соланич длинными пулеметными очередями косили наступающую за танками пехоту противника. Смятение охватило эсэсовцев.

Внимание! Вторая волна вражеской пехоты. Танки открыли огонь по пулеметам, но максимы не умолкали и новыми очередями заставляли залечь атакующих. Но за ними накатывалась третья волна пехоты противника. Эсэсовцы наступали пьяные, еле держась на ногах. "Огонь, ребята! Огонь!" Новые очереди - ряды врага редеют.

Село в огне. Крики, стоны, шум выстрелов, скрежет металла - все слилось в грохочущий гул. Каждый хорошо понимал: танки пулеметом не остановишь, надо не пропустить пехоту... Вверх взлетают куски дерева и комья глины, что-то застилает глаза, липнет к лицу, на языке противный привкус... Вражеский танк утюжит разрушенный блиндаж всей своей стальной массой.

Скоро шесть часов вечера. Треть села охвачена пламенем. Несколько танков и бронетранспортеров пробились к центру села. Фашисты атакуют с нескольких направлений.

Звоню по телефону Ярошу:

- Здравствуй, Отакар. Как там?

- Скверно, - отвечает командир соколовской обороны и добавляет: Прорвались к церкви...

- Направляю к тебе взвод Ворача и 10 танков. Отступать нельзя!

- Понял. Направляете взвод Ворача и 10 танков. Не отступим! - прозвучал в трубке уверенный голос Яроша.

План продуман. Танки 179-й советской танковой бригады, взвод Ворача и 3-я рота под командованием Янко, поддержанные сосредоточенным огнем артиллерии, должны пройти в Соколово, контратаковать ворвавшегося в село противника с тыла и уничтожить его. Но...

Первый танк, из числа направленных в Соколово, провалился под лед и застрял в реке. По вражеским танкам бьют катюши, пушки и гаубицы, но направить на помощь защитникам Соколова советские танки вместе с 3-й ротой Янко оказалось невозможным. Река Мжа стала непроходимой для танков. И задачу - не пропустить через реку Мжу ни один фашистский танк - могли выполнить подразделения батальона, расположенные на северном берегу реки. Оборона Соколово сыграла свою роль. Теперь этот населенный пункт потерял свое тактическое значение.

Принято решение: 1-ю роту отвести на северный берег. Нет

смысла оборонять Соколово, когда танки по реке пройти не могут.

Однако приказ, в соответствии с которым 1-я рота с приданными ей подразделениями должна была отойти на северный берег реки Мжи, не дошел до Яроша. Телефонная связь была нарушена, связные или погибли в пути, или прибыли слишком поздно. И рота Яроша продолжала вести бой с врагом без противотанковых средств. Гинек Ворач, который уже доложил Ярошу о прибытии своего взвода, о новом приказе не знал.

- Не отступим!

Эти последние слова Яроша, прозвучавшие в телефонной трубке, я не забуду никогда. Спокойный, высокий, с едва заметной улыбкой на красивом лице, Ярош поднялся на колокольню церкви, чтобы оттуда наблюдать за боем и руководить им. Вместе с ним находился наблюдатель - сорокалетний свободник Гуго Редиш, коммунист, по профессии математик, объехавший полсвета. Он всегда был хорошим советчиком - этот человек со светлым умом. Надпоручик Ярош полностью полагался на Редиша и теперь. Разрыв снаряда потряс колокольню. Посыпалась штукатурка, упало несколько кирпичей. Редиш застонал, раненая нога онемела, лицо стало белым как стена, к которой он прислонился. Но и раненный, продолжал он давать советы Ярошу, который внимательно наблюдал в бинокль за ходом боя.

Свободник Игнац Шпигл, бывший командир взвода интернациональной бригады в Испании, получивший в боях с фашистами на испанской земле два тяжелых ранения, стиснул ручки максима. Гиери подавал патронную ленту, ему помогал Шварц. Под их точным прицельным огнем захлебнулась атака вражеской пехоты, пытавшейся пройти к церкви по главной улице села. Новая атака. Впереди пехоты медленно ползут танки, лязгая гусеницами. Вот они остановились, выискивая цели, дали два - три выстрела из пушек и двинулись дальше. Под их защитой гитлеровские солдаты шли смелее, рассчитывая, что танки подавят чехословацкий пулемет. И за это они были наказаны. Шпигл и его боевые товарищи длинными пулеметными очередями снова расчистили улицу. Но один танк подошел к ним совсем близко - два выстрела из пушки, небольшое продвижение вперед, снова выстрел, еще продвижение, и огнеметная струя захлестнула пулемет. Максим замолк; рядом лежали три героя.

Осколком вражеского снаряда был поврежден пулемет Менаховского. Но отважный пулеметчик быстро устранил неисправность и снова открыл огонь по наступающим врагам. Мешаховский не ушел с поля боя, хотя и был ранен в обе ноги. Он

уничтожил десятки фашистов, но через некоторое время осколки снаряда опять вывели из строя его пулемет. Товарищи буквально вырвали Менаховского из пасти смерти. Его максима, когда обстановка особенно осложнилась, явно не хватало.

На помощь защитникам Соколово спешили 25 автоматчиков со своим командиром Сохором. Воины рассредоточились и мелкими группами проникли между горящими домами в тыл фашистам. Иосиф Черны бросил противотанковую гранату в переполненный эсэсовцами бронетранспортер - 30 фашистов уничтожены. А незадолго до этого, когда танки подходили к западной окраине села, Черны, оборонявшийся здесь с двумя отделелиями, подпустил к себе фашистский танк, подбил его противотанковой гранатой, а затем бросил в него бутылку с горючей смесью - танк вспыхнул.

Четарж Бродавка, уже известный нам командир отделения разведчиков, и его хлопцы в клубах пыли и дыма подобрались к танкам противника и открыли по десантникам огонь из автоматов. Их точные очереди смели фашистских солдат с брони.

Треск и миллионы искр - это ведет огонь из автомата Антонин Сохор. Гитлеровцы падали один за другим, а неумолимый Сохор, перемещаясь с места на место, стрелял и стрелял. Во время одной из перебежек он заметил, что из его рукава на снег капает кровь. Свежая рана.

- Ничего, кость не задета! - крикнул он своим автоматчикам, которые с изумлением наблюдали за "им.

От церкви бежал связкой. "К кому послал его Ярош?" - подумал Сохор. Вдруг связной упал, винтовка отлетела в сторону. Значит, враг рядом. Надо опередить гитлеровцев, быстро пробраться через сад, через изгородь и пепелище к церкви. Пули свистят, как противные насекомые, носящиеся в воздухе густым роем. Огонь усилился. Сначала бегом, потом ползком Сохор добрался до смолкшего максима и открыл меткий огонь по наступающим гитлеровцам. Ошеломленные фашисты отхлынули. Теперь надо было сменить огневую позицию, чтобы не допустить врага к церкви, где главный нерв обороны, ее мозг, ее храбрый и умный командир Ярош.

А где заместитель Яроша? Надпоручик Лом вел бой с лавиной вражеской пехоты. Но его пулеметы раздавлены танками. Обычно веселый надпоручик Лом мрачен, в глазах его лихорадочный блеск. Он знает о гибели своих бойцов, знает также, что Шпигл, Команек, Менаховский и другие ведут неравный бой с того момента, как вражеские танки ворвались в село со стороны Гонтаря. Уже уничтожены не десятки, а сотни эсэсовцев. Они погибли за фюрера и его волчий закон. Но все

новые и новые танки ползут к церкви; с бронетранспортеров выскакивают все новые и новые взводы головорезов с огнеметами.

В поединке с вражеским танком погиб расчет противотанкового ружья. Надпоручик Лом подбежал к ружью - оно цело. Лом ложится и целится в ближайший танк. Два выстрела - два танка замерли. Но перед Ломом вырастают еще две машины. Не стреляя, они двигались прямо на него. Так под гусеницами вражеского танка погиб мужественный командир пулеметной роты надпоручик Ярослав Лом.

Автоматчики Сохора, заняв позицию на главной улице, отражали натиск вражеской пехоты. Они самоотверженно защищали дорогу к церкви, на колокольне которой стоял Отакар Ярош. Бинокль ему больше не требовался: бой уже шел в центре села. Редиш доложил, что танки противника уничтожили противотанковые орудия.

Вражеские танки обходили огневую позицию "сорокапяток". Подпоручик Франк вывел орудия на запасную огневую позицию и открыл по танкам огонь прямой наводкой. Один из вражеских снарядов разорвался рядом с Франком, до неузнаваемости изуродовав тело отважного артиллериста. Даже сейчас страшно вспомнить об этом. Погибли все артиллеристы Франка, их орудия были раздавлены и исковерканы.

Полегли на поле боя и почти все расчеты противотанковых ружей. Ранен Бедржих Шгейнер, у него раздроблена рука. "Ее нужно совсем отрезать", произнес он спокойно, даже не моргнув глазом. Он думал о Франке, о коммунистах Шпигле, Команеке и Ломе, о всех, кто погиб в бою с фашистами; о своей искалеченной руке Штейнер вспоминал лишь тогда, когда боль становилась нестерпимой.

Мы понесли большие потери. Но противнику удалось захватить только часть села. На помощь воинам Яроша из резерва командира батальона прибыл Гинек Ворач со своим взводом, еще не получившим боевого крещения. Развернувшись в боевой порядок, взвод Ворача контратаковал пехоту противника, продвигающуюся к церкви, и остановил ее. Но поддержать наших воинов артиллерийским и минометным огнем не было возможности: они слишком сблизились с противником. На поле боя все перемешалось так, что трудно было отличить своих от врагов. Ведя огонь по наступающим гитлеровцам, наши то исчезали в клубах дыма и пламени, то на короткое время выбегали из горящих домов и появлялись в поле зрения. Танки не могли их поддержать: река преградила им путь.

Взвод Ворача уже уничтожил около трех десятков вражеских солдат, но и сам понес значительные потери; сил для новых

контратак не осталось. Гитлеровцы подбросили на бронетранспортерах свежие группы автоматчиков с огнеметами; имея превосходство в силах, они атаковали под прикрытием танков. Воины взвода Ворача, которым была поставлена задача отвлечь на себя как можно больше сил противника и тем самым облегчить эвакуацию раненых, держались стойко. Но вот новый натиск атакующих - и ряды героического взвода поредели; Ворач уже не видит, как остатки его подразделения отходят к церкви. Гинек Ворач пал смертью храбрых, так же как на другом участке обороняемой позиции погиб Станислав Стейскал, чей взвод уничтожил целую роту вражеской пехоты. Лишь шесть человек осталось от этого взвода.

Гитлеровцы подошли к церкви. Их контратаковало поредевшее отделение четаржа Бродавки. Но сил мало; отделению пришлось залечь и окопаться. Как и взвод Ворача, Бродавка и его воины погибли, сдерживая натиск гитлеровцев, рвавшихся к церкви. На главной улице теперь оборонялось отделение Отто Витека. Расстреляв все боеприпасы, воины отделения перешли врукопашную. Они кололи фашистов штыками, били прикладами.

Фельдшер 1-й роты подпоручик Широкий и санитарки Рита Новакова, Лида Бнчиштева, Ярмила Капланова и Тобиашова не покладая рук оказывали первую помощь раненым, а затем эвакуировали их в тыл. Впервые пролилась кровь чехословаков на Восточном фронте, и немало.

Перевязочный пункт находился в церкви. Медработники видели, как надпоручик Ярош спускался вниз, что-, бы организовать круговую оборону. На его лице багровела рана, по-видимому, от осколка.

Перед воротами церковного двора появился немецкий танк. Здоровые и раненые, среди которых находился и молодой Лумир Писарскы, затаив дыхание смотрели на него. Что-то будет? Мирослав Махач схватил телефонную трубку и тут же в сердцах бросил ее на пол: связь нарушена!

Взрыв. Сверху посыпалась пыль и штукатурка, в ноздри ударил едкий запах порохового дыма. Это в алтарь угодил снаряд.

Наши связисты делали все, что было в их силах. Свободник Цупал бесконечное множество раз под смертоносным огнем устранял повреждения проводной связи. Однако наладить связь между 1-й ротой Яроша и командиром батальона не удалось.

17.30. Фашистские танки подошли к церкви. Редиш доложил об этом Ярошу. Оставаться на наблюдатель" ном пункте на колокольне было нельзя. Надпоручик Ярош ранен; вместе с

Редишем он спустился вниз. Над их головами рушится колокольня. Редиш хромает, ему тяжело идти.

Отакар Ярош понимал всю сложность обстановки, но до конца остался верен долгу.

- Не отступим! - сказал он.

Ярош занял место в рядах воинов, обороняющих церковь, и лег за противотанковое ружье. Как командир и как рядовой боец Ярош был примером для солдат.

Он еще раз бегло огляделся. Заметил автоматчиков из отделения Лумира Писарскы и других бойцов.

- Действуйте с рассудком, ребята! Попусту гранат не тратить. Дайте врагу подойти ближе, бросайте наверняка! Ясно?

Пушечный выстрел и длинная пулеметная очередь из танка подняли густые клубы пыли, на минуту застлавшие поле боя. И когда эта серая завеса осела на землю, все увидели, как изо рта умирающего свободника Редиша алой струйкой текла кровь. На лице Яроша тоже кровь от новой раны, но он продолжал стрелять по танкам и пехоте. Еще одно ранение. Окровавленные пальцы прилипали к спусковому крючку. Прострелено легкое, кружится голова, кровь течет из носа и рта, но, напрягая последние силы, Ярош выстрелил в ближайший танк. Он подбил его и бросил противотанковую гранату в другой танк, совсем близко подошедший к окопу отважного офицера. Трупами своих солдат устлали фашисты дорогу к церкви. Никто никогда не сочтет ран, от которых погиб этот храбрый чешский воин. Около семи часов вечера пулеметная очередь сразила командира обороны села Соколово, его тело исчезло под гусеницами вражеского танка... Погиб, но не отступил!

На окраине села еще продолжался ожесточенный бой. Наши воины, получив, наконец, приказ оставить Соколово, с боем отходили на северный берег реки Мжи. Прикрывая отход товарищей, Шимон Дрич огнем своего пулемета уничтожил около 20 вражеских автоматчиков. Он продолжал стрелять, даже когда был ранен.

Тем временем наши медработники, воспользовавшись тем, что немецкий танк двинулся к северо-восточной окраине Соколова, выскочили из церкви. Держа автомат наготове, вся группа залегла за огромным стогом сена неподалеку от берега Мжи.

- А где материал?! - воскликнула вдруг Рита Новакова.

Моментально вскочив, она побежала точно так же, как тогда в Бузулуке, когда нужен был сульфидин для больного ребенка. Напрасно товарищи кричали ей вслед. Она бежала прямо к церкви. Вскоре она вернулась, целая и невредимая, неся на спине

мешок с перевязочным материалом.

Медработники перешли реку и возле совхоза, неподалеку от огневой позиции двух советских противотанковых орудий, развернули перевязочный пункт.

Вкусно запахло супом. Его привез повар советских артиллеристов, узбек.

- Дайте немножко супу, - обратился к нему подпоручик Широкий.

- Нельзя, - защищался повар, - это для моих. Артиллеристы яростно накинулись на своего повара.

- А это что, не твои?.. А против кого они воюют?

Морщинистое лицо узбека залилось краской. Ну, переборщил немного, а вообще-то он не против. Порции ведь у него считанные. Он улыбнулся:

- Ну, давайте, давайте котелки.

Котелков ни у кого нет.

- Ну, тогда пейте так, по очереди.

И он протягивает черпак. Суп очень вкусен. Маленькая Рита поела последней.

С противоположной стороны переправилась Мальвина Фантова. Она перевязала и перетащила в тыл много раненых. Мальвина без шинели, ее зубы выбивают дробь. Шинель она отдала умирающему. Он лежал с развороченной грудью и слабо стонал. Помочь бойцу было нельзя, и она накрыла его шинелью. Ей казалось, что в тепле ему легче.

Лишь к четырем часам утра стрельба затихла. Первый тяжелый бой наших воинов на советско-германском фронте закончился. Эсэсовцы подобрали тяжело раненных чехословацких воинов в последние минуты боя. Рано утром 9 марта мы увидели на северной окраине Соколово своих товарищей. Они были повешены или привязаны к столбам. Перед смертью их подвергли страшным пыткам: отрезали уши, носы, выкололи глаза... Гитлеровцы хотели запугать нас, но вызвали лишь смертельную ненависть. Такая варварская, разбойничья машина должна быть уничтожена, нет для нее места на земле, а вместе с ней должны быть уничтожены те, кто ее создали. Проклятый фашизм!

Мы не дождались нашего ротмистра Франтишека Ружички. Не возвратились также ротмистр Луский: он погиб у своей противотанковой пушки, командир отделения четарж Лумир Писарскы, Кубеш, Валента, Прудек, Вайсман, Джумарат, Иозеф Коржинек и многие другие. С 19 часов, когда защитникам Соколово было приказано отойти за реку, и до утра следующего дня мы подсчитывали потери.

19 танков, 6 бронетранспортеров с автоматчиками, почти 300

солдат потеряли гитлеровцы в первый день боя за Соколово. Наши потери также были немалыми - 86 убитых и 56 раненых.

Когда батальон получил благодарность маршала А. М. Василевского и Военного совета Воронежского фронта, бойцы поклялись продолжать решительную борьбу с фашистскими захватчиками и довести до победного конца дело, за которое пали их товарищи.

6. Контрудар

9 марта 1943 года. Морозно, а это - опасно: лишний день на реке продержится прочный лед. По переднему краю нашей обороны противник ведет непрерывный минометный огонь. В середине дня, спустя сутки после начала боя за Соколово, советская 6-я армия нанесла контрудар из района Змиева в направлении на Нов. Водолагу с целью овладения высотами юго-западнее Соколово и восстановления утраченного положения. 1-му Чехословацкому отдельному батальону была поставлена задача: атаковать противника, закрепившегося на восточной окраине Соколово, сковать на этом участке его силы и тем самым содействовать наступательным действиям войск правого крыла 6-й армии. Кроме того, чехословацкому батальону было поручено обеспечение стыка с левым соседом - 25-й стрелковой дивизией, наиболее слабого места в нашей обороне.

Получив задачу, мы провели необходимую подготовку к предстоящему бою, установили связь с наступающими частями 6-й армии; батальон был дополнительно усилен катюшами и противотанковыми орудиями. Танки 179-й танковой бригады должны были оказывать поддержку огнем своих орудий с места.

Когда советские подразделения подошли к юго-восточной окраине Соколово, нас попросили атаковать противника с левого берега реки Мжи и оказать помощь советским товарищам в освобождении села.

Ответственная задача - атаковать ночью противника в Соколово - была поручена 2-й роте надпоручика Кудлича.

Когда я ставил задачу Кудличу, на моем командном пункте находились подпоручик Франтишек Крал, командир взвода противотанковых орудий, приданного 2-й роте, и его неразлучный боевой друг свободник доктор Бедржих Штейнер. Вчера, стоя на крыше дома в Артюховке, они наблюдали за боем нашей пехоты с танками противника. И когда они увидели первых раненых, которые шли в Артюховку по некрепкому льду реки, у них от волнения перехватывало дыхание.

Во 2-й роте царило оживление. В приданном ей взводе противотанковых орудий шел спор. Командир взвода подпоручик Франтишек. Крал отдал полуофициальный приказ свободнику

доктору Бедржиху Штейнеру:

- Бедя, ты останешься тут, нет смысла гибнуть нам двоим. Будешь за начальника штаба, пока мы не возвратимся. А это значит - ты должен наблюдать за нашим передвижением и быть начеку. Ну, а если случится так, что мы не вернемся, тогда до встречи после войны у Калиха.

- Я с этим не согласен и рекомендую оставить начальником штаба десятника Ража, да и звание у него выше, - возразил Штейнер.

Однако командир взвода настоял на своем.

Наступил решающий момент - 19.15. 2-я рота вышла из Артюховки и развернулась в боевой порядок на отлогом северном берегу реки Мжи. Взвод за взводом, отделение за отделением беззвучно продвигались вперед. Тишину нарушал лишь скрип слегка обледеневшего снега. Держать направление, соблюдать дистанцию, а главное - не шуметь... Вот и знакомый отлогий спуск к реке. Хорошо, что по небу плывут густые облака, мрак сгустился. И луна, противная яркая луна, к счастью, скрылась за облаками.

Нервы каждого воина были напряжены до предела. Всех охватило чувство нетерпения да в какой-то мере и страха. А кто не боится умереть? Пожалуй, только люди, отчаявшиеся во всем. Мы опасаемся за свою жизнь, но усилием воли подавляем чувство страха, не думаем о смерти, а думаем о товарищах, о боевой задаче, о том, как незаметно сблизиться с противником и внезапно обрушиться на него с громкими криками "ура", подавить его огневые точки, расчленить силы и уничтожить их по частям. Об этом думал тогда каждый воин 2-й роты.

Из облаков вынырнула луна. Она долго освещала все вокруг. За всю свою жизнь я не помнил, чтобы так ярко светила луна, как в ту ночь.

Кто-то поскользнулся и упал, кому-то в сапоги попала вода. Вся рота уже на реке, на покоробившемся льду, на гладкой, как стол, белой равнине, покрытой рыхлым снегом. Рота развертывается в боевой порядок и подходит к противоположному берегу реки. Санитарки перестали зябко ежиться. Грета Шмолдасова, Маничка Пишлова, маленькая Маркета Ольшанова с красным носиком и Акерманова отважно шагали за 1-м взводом, равняясь на бойцов, идущих впереди по ледовой равнине навстречу врагу, который укрепился на юго-восточной окраине Соколово. По льду двигаться бесшумно куда труднее, чем по берегу. Но вот показались знакомые очертания первых домов на окраине села, название которого войдет в историю борьбы чехословацкого народа за свободу.

Рядом с Александром Беером шагал Бедржих Штейнер, который, как видно, не послушался командира взвода. Беер знаком с Бедевой Марусей, он привез Бедржиху от нее посылочку и письмо из Караганды. Благодаря этой посылочке и письму из Караганды Беер и Штейнер и подружились.

- Если не выйду живым из этого боя, так поклонись Марусе. Да и моим домашним, если встретишь кого-нибудь, - говорил Штейнер.

Беер говорил Штейнеру примерно то же самое. Это обычный разговор в такие минуты. Оба внимательно следили, чтобы командир взвода не заметил своего "начальника штаба". Но неожиданно откуда-то послышался голос Крала:

- Ты что тут делаешь, озорник?

- Господин подпоручик, штаб во вполне надежных руках...

Они перекинулись еще несколькими словами; в конце концов Крал принял к сведению, что Бедя не мог оставить его одного, но на объяснения не было времени.

Там, впереди, противник уже что-то заметил.

Взмыла ракета, за ней другая... В небе уже целый рой ракет - "фонарей". Своим ослепительным сиянием они затмили свет луны. Светло как днем.

- Не останавливаться, товарищи! Вперед, быстрее! - Подпоручик Крал шагал во весь рост, слегка наклонившись вперед.

Огонь бешеный, плотный.

- Ложись, Франта!

- Не бывать тому, чтобы чешский король{11} лег на землю, - отверг Крал предостережение осторожного Штейнера.

Гитлеровцы запустили новую серию "фонарей", в призрачном свете которых особенно четко выделились крайние дома. Открыли огонь станковые пулеметы, над головами протянулись нити трассирующих пуль, противно завизжали осколки мин.

Наши воины залегли, но укрыться было невозможно. Вокруг никаких естественных укрытий, а только лед. Как выяснила разведка, на окраине Соколово оборонялся батальон пехоты противника, усиленный артиллерией, минометами и танками. Эти танки гитлеровцы использовали как бронированные огневые точки.

Непрерывный пулеметный огонь заставил плотнее прижиматься ко льду. В самый критический момент атаки раздался голос:

- Друзья, посмотрите, ведь все не так уж страшно, ничего не случилось, посмотрите!

Это казалось невероятным, но перед лежащими на льду

воинами спокойно прохаживался взад и вперед заместитель командира роты ротмистр Рихард Тесаржик, впервые прибывший на фронт, впервые участвующий в бою. Он являл собой в те минуты образец мужества и отваги.

Поднялся 1-й взвод, за ним - остальные. Вперед, бегом, быстро! Останавливаться нельзя. Однако занимающий выгодную позицию вражеский пулемет своим огнем преградил нашим дорогу. Впереди других на залитом водой льду лежит 1-й взвод; до села - рукой подать, несколько перебежек под громкое "ура", и были бы там. Выстрел, за ним серия других - это открыли огонь немецкие танки. Ни вперед, ни назад; под градом снарядов, мин и пуль лед во многих местах раскололся. Положение критическое. Либо наших расстреляют, либо они утонут. А как выполнить задачу, как помочь советским товарищам?

- Куда ты бежишь? Сумасшедший!

Но бронебойщик Иосиф Швед не может ждать. Перебежка, еще перебежка с длинноствольным противотанковым ружьем в обеих руках. Вот Иосиф падает на снег недалеко от вражеского танка и открывает огонь. Башня танка заклинивается - железное чудовище обезврежено.

- Взвод, вперед! Ура!

Когда через несколько секунд воины подбежали к месту, откуда вел огонь коммунист Иосиф Швед, он был мертв. Кровь из раны еще не просочилась сквозь его одежду, мокрый снег и лед вокруг были чистыми. Иосиф Швед чехословацкий Матросов - сознательно пожертвовал своей жизнью ради боевых товарищей, ради того, чтобы расчистить им путь вперед.

На льду лежат убитые и раненые. К ним со своими сумками и бинтами подбегают наши санитарки. Они ловко перевязывают раненых, собирают их оружие, перетаскивают окровавленных, недвижимых воинов к берегу, где безопасней, и спешат к другим.

В центре боевого порядка роты наступает отделение четаржа Курта Вольфа, веселого студента-медика "китайца" Куртика, как его шутя прозвали товарищи. Спокойно, как на параде, во весь рост он идет вперед, за ним - его отделение, дальше - весь взвод. Вражеская пуля ранит Курта - он на миг сгибается, но тут же выпрямляется и продолжает идти вперед. По лицу четаржа видно, что ему больно, но он упрямо идет вперед, крепко сжимая правой рукой винтовку. Вдруг Курт Вольф упал. Правой рукой он успел показать на Соколово. Левая рука лежала в стороне, в большой луже крови.

- Идите дальше, идите впе... - хрипло прошептал Курт, и глаза его закрылись.

Нет больше студента-коммуниста, героя четаржа Курта

Вольфа. Под градом пуль погибло еще несколько бойцов взвода, но остальные ворвались на окраину села Соколово и завязали рукопашный бой. Здесь и командир роты надпоручик Кудлич, всегда являвшийся примером для своих солдат; здесь и Рихард Тесаржик, который ворвался в окраинный дом и сильнейшим ударом рукояткой нагана убил эсэсовца.

В первых рядах наступающих воинов шла и наш замечательный снайпер, не знающий промаха, Мария Лялькова. Время от времени она останавливалась, быстро прицеливалась и стреляла. Крепкая рука молодой женщины, управляемая горячим, мужественным сердцем, мстила за убитых и раненых.

Отделение противотанковых ружей Жижалы меткими выстрелами подожгло вражеский танк. Плотный ответный огонь противника не остановил наших воинов - еще несколько выстрелов по другому танку, и он тоже подбит. Воины устремились вперед. Санитарка Анна Кралова шла следом за первыми отделениями и от души радовалась успеху бронебойщиков четаржа Жижалы. Кралову не пугал шквал огня противника; она быстро перевязала и перетащила одного за другим в безопасное место семь раненых воинов. Вацлав Спейхал и Иосиф Пенскы, несмотря на минометный обстрел противника, вели из своего станкового пулемета такой же меткий огонь, как и вчера, когда они прикрывали отход наших разведчиков.

У надпоручика Кудлича была прострелена нога, он сильно ослаб от потери крови, но остался в строю и продолжал командовать ротой. Его рота овладела уже 11 укрепленными домами и вела бой в глубине вражеской обороны.

Гитлеровцы подтянули подкрепление - автоматчиков, артиллерию, пулеметы и танки. К юго-восточной окраине Соколово, где фашистам приходилось особенно туго, подошло 13 танков.

В результате четырехчасового упорного боя 2-я рота под командованием надпоручика Кудлича выполнила свою задачу и вернулась на исходные позиции. Она уничтожила три танка, четыре пулемета и десятки эсэсовцев.

На следующий день батальон потерял надпоручика Кудлича, командира 2-й роты. Он вместе с другими тяжелоранеными был отправлен в Харьков. Но по дороге санитарную машину атаковал фашистский самолет. Стервятник из пулеметов расстрелял беззащитных людей.

С другой группой раненых были отправлены подпоручик Франтишек Крал, десятник Ростислав Прудек и волынский чех Рженик.

До села Бабаи они ехали на машине, а дальше на санях. По

пути транспорт с ранеными атаковали 45 вражеских бомбардировщиков. Во время воздушного налета Прудек был вторично ранен. Его перевязал советский врач. Советские товарищи дали Кралу, Рженику и Прудеку направление в санбат в Лосево. Но за Северным Донцом их направили через Харьковский тракторный завод на Рогань. По дороге повозки с ранеными были обстреляны вражескими парашютистами, заброшенными в тыл советских войск. Лошади, везшие наших двоих ребят (Франтишек Крал незадолго до этого присоединился к одной из частей генерала Белова), испугались выстрелов, повернули назад и привезли их обратно на Харьковский тракторный завод, где как раз в это время был организован полевой госпиталь.

В полевом госпитале к нашим раненым подошла русская девушка.

- Колпакова Тамара Андреевна, - сказала она.

Ей было 19 лет, она работала в редакции местной газеты. Тамара перевязала раненых. Она ухаживала за ними до 16 марта, когда была назначена эвакуация, разбитая на три этапа. К этому времени Крал присоединился к своим товарищам. Его эвакуировали в числе первых. Рженик и Прудек выехали со второй группой раненых. Однако их машина не прибыла к месту назначения: вражеская бомба превратила ее в груду обломков. На этот раз было много убитых и раненых. Уцелевшие (среди них были Рженик и Прудек) вернулись в госпиталь, где пробыли до утра 17 марта. В 5 часов утра пришла Тамара Андреевна.

- Вы здесь? Что вы тут делаете?

Перед ней 35 раненых бойцов, и среди них двое чехословацких воинов.

- Кто способен двигаться, торопитесь. Через 20-30 минут сюда придут немцы. Ростислав Иосифович, - обратилась она к Прудеку, - вы тоже здесь?

- Да.

- Подождите, вас заберет машина, она сейчас придет.

Машина не пришла.

- Минуточку подождите, - сказала Тамара.

Она ушла и вернулась с подругой, которая увела Ростислава.

- Обоих вас спрячем, - уверенно проговорила девушка.

Рженика немцы нашли в тот же день. Очередью из автомата они убили его на месте.

Ростислав Прудек скрывался около шести месяцев. Он даже работал на одном из харьковских заводов. Эсэсовцам он предъявил документы на имя Столяренко. Столяренко был учителем и приходился дядей Тамариной подруге, которую звали Аллой Степановной. В то время дядя, разумеется, находился на

фронте.

Спустя много лет в Чехословакию, в город Брно, где после освобождения поселился Прудек, пришло письмо из Киева:

"...Думаю, Вы не забыли март 1943 года, Харьков, двух подруг Тамару и Аллу и Тамарину маму Анну Михайловну. Я верю, что Вы не забыли, как мы Вас, раненого, лечили и около шести месяцев скрывали от немцев. Только недавно через чехословацкое консульство нам удалось узнать Ваш адрес. Вы не можете себе представить, какая это была для нас радость. Нам очень бы хотелось узнать поподробнее, как Вы живете... Наша семья теперь в Киеве. Мы все - и наши дети - приглашаем Вас к нам. Мы Вас часто вспоминаем. Тамара".

Теперь у Тамары другая фамилия - Воскобойникова. Подумать только, не забыли за все эти годы! Спасли человеку жизнь, а потом отыскивают его, заботятся, как о своем. Это подтверждает другое письмо, которое семья Прудека получила из Киева.

"...Мама считает Ростислава своим родным и говорит, что дать человеку жизнь или сохранить ему ее - одно и то же".

Таковы советские люди.

Поредевший, но еще более сплотившийся в боях 1-й Чехословацкий батальон продолжал оборонять вверенный ему участок на реке Мже. Немцы пытались нащупать уязвимые места в нашей обороне, чтобы прорваться сквозь нее силами пехоты и танков. Они обстреливали наши позиции из орудий и минометов. Особенно опасен минометный огонь. В воздухе, над самой землей, воют и свистят тысячи осколков, они отрывают руки, ноги, выбивают глаза, наносят другие, нередко смертельные ранения. Усиленные разведывательные группы врага тщетно пытались найти дорогу для своих частей; воины чехословацкого батальона упорно отражали все эти попытки.

Гитлеровцы несли большие потери, но атак не прекращали.

- Ни один танк не должен прорваться к Харькову! - сказал генерал Козлов, когда знакомил нас с обстановкой на фронте.

4.10. 11 марта 1943 года. Радисты Маркович и Вейвода стараются найти в хаосе радиозвуков, несущихся над фронтом, нужные позывные. Длина волны 113. В наушниках что-то непрерывно жужжит. У Марковича слипаются глаза. И вдруг: Achtung, Otto-Siegfried... Achtung... Treffpunkt I a, 04.00. Treffpunkt I a, 04. 00..."{12}

Сон как рукой сняло. Вместе с Карелом Вейводой они ловят каждый звук и, настроившись на штаб батальона, шифром сообщают перехваченный приказ немецко-фашистского командования. В штабе батальона всю ночь кипит работа. Из

разведотделения штаба 62-й гвардейской дивизии нам сообщили: ожидается немецкое наступление на участке Миргород, Артюховка, то есть как раз на нашем участке обороны. Приведены в полную боевую готовность 440-й отдельный гвардейский минометный дивизион и вся артиллерия.

Сообщение Марковича и Вейводы мы через офицера связи передали советским соседям. Их разведка внимательно следила за передвижением противника в угрожаемом районе. Ей дано задание выяснить, что означает "Treffpunkt I a". Час известен - 4.00 плюс еще два. часа, так как фашисты пользуются среднеевропейским временем. Следовательно, наступление надо ожидать в 6.00. Но откуда?

С наблюдательных пунктов докладывали о нарастающем шуме моторов танков на восточной окраине Соколово. Советская воздушная разведка обнаружила скопление машин и пехоты противника в центре села, у церкви. "Слышен шум моторов в центре Соколово", - доносили разведчики. А время бежит, скоро 5.30. Красный карандаш уверенно очерчивает пункт сосредоточения противника. "Treffpunkt I a" - это церковь, у которой погибли Ярош, Шпигл, Редиш, Ворач и многие другие. Катюши, пушки, гаубицы, минометы наведены на этот пункт. 5.58. До часа "Ч", как мы тогда говорили, осталось две минуты.

"Огонь!" Советская артиллерия обрушивает сотни снарядов на пункт "I a" - место сосредоточения войск противника. Подготовка противника к наступлению сорвана. Наземные и воздушные наблюдатели сообщили, что гитлеровцы в панике. Маркович и Вейвода перехватили в эфире жалобные просьбы врага о помощи и отрывочные сообщения о неожиданных тяжелых потерях - 60-70 процентов сил, сосредоточенных в Соколово. Только девять фашистских танков ушли из села в северо-восточном направлении. Однако они не смогли форсировать реку и были уничтожены артиллерийским огнем с северного берега Мжи. Так, благодаря скромным радистам Курту Марковичу и Карелу Вейводе врагу был нанесен значительный урон.

К утру радисты буквально валились с ног от усталости. Но спать нельзя, пока их не сменит Ружена Бигелерова... Маркович сладко зевает. Он еще не знает, что в срыве фашистской атаки решающую роль сыграл перехваченный им приказ немецко-фашистского командования.

В Харьков отправлен последний транспорт с ранеными. Наш саперный взвод укладывает противотанковые и противопехотные мины, в первую очередь перед левым флангом батальона. Так мы усиливали оборону, чтобы обеспечить стык с соседом - 25-й гвардейской дивизией. Туда же мы направили и танки.

Гитлеровцы решили форсировать реку чего бы то ни стоило. Они заняли Тарановку и Пролетарский и начали усиленно обстреливать Артюховку. 25-я гвардейская дивизия все еще вела бой за Чемужовку и тем самым прикрывала нашу 2-ю роту. Однако в целом обстановка час от часу ухудшалась. Участок нашей обороны был довольно широк, а потери в личном составе с каждым днем росли. Я обратился за помощью к командиру 62-й гвардейской дивизии генерал-майору Зайцеву, и он выслал нам роту для усиления наиболее слабого места в обороне.

Мы начали испытывать некоторые трудности со снабжением, но бойцы не падали духом. Практически все воины бессменно находились в окопах и на наблюдательных пунктах. Ночью фашисты атаковали вновь, и опять на левом фланге, где они рассчитывали добиться успеха. Но при помощи советских танков, катюш и артиллерийских батарей и эта атака была отбита.

Танковым дивизиям СС так и не удалось прорваться к Харькову кратчайшим путем с юга, и они были вынуждены, перегруппировав силы, перебросить большую их часть на север. Здесь они, используя свое численное превосходство, несколько продвинулись вперед. Что касается линии обороны по реке Мже, то ее прочно удерживали силы 25-й и 62-й гвардейских дивизий и 1-го Чехословацкого отдельного батальона.

В обстановке, когда оборона батальона растянулась по фронту на несколько километров, а потери непрерывно росли, воины проявляли максимум бдительности и осторожности, и именно их осторожность и бдительность в ночь на 12 марта едва не обернулись большим несчастьем.

На юго-западной окраине Артюховки, неподалеку от берега реки, оборонялось отделение Гольдбергера. Командир отделения (родом он из-под Остравы) накануне описываемых событий возвращался с наблюдательного пункта. Рядом разорвалась вражеская мина. Бойцы видели, как командир отделения побледнел и медленно согнулся. Они кинулись к нему. Гольдбергер что-то говорил, просил кому-то кланяться. Бойцам послышалось имя командира роты Франтишека Немеца, заменившего Отакара Яроша. Гольдбергер и Немец были друзьями. Долго стояли воины возле командира отделения. Не раз делил он с ними и еду, и табак, и рукавицы, и мечты, и надежды. Командование отделением принял Томан-старший.

В траншее находились только двое наблюдателей - Томан и Фейнер, остальные сидели в боевой готовности неподалеку в маленьком домике. Ночь была ясная, луна - полная. Бойцы были довольны: река хорошо просматривалась. Они вглядывались в речную гладь, прислушивались. Все спокойно. И вдруг...

Хрупнул тонкий лед. По реке кто-то шел. Ребята насторожились, нервы их напряглись. По льду двигались какие-то люди, по-видимому много. Они шли осторожно, в их движениях угадывались опыт и выдержка. Это не гражданские или только что прибывшие новички, а опытные, обстрелянные солдаты и к тому же смелые, недаром они выбрали этот путь. Конечно, вражеская разведка. Однако не было никакой возможности определить точно ее местонахождение. Гулко стучало сердце, шумело в голове, в ушах.

Но вот Фейнер увидел приближающихся людей. Он локтем толкнул командира отделения Томана и жестом показал: там! Действительно, на льду отчетливо виднелись фигуры.

- По местам!

Томан остался, Фейнер побежал к домику. В одно мгновение отделение поднялось, и бойцы быстро заняли свои места в траншее. Ручной пулемет, автоматы, самозарядные винтовки, гранаты - все было приведено в боевую готовность.

Белые точки на льду виднелись уже отчетливо. Они двигались цепью восемь или десять человек. Наши в белых маскхалатах лежали в кустарнике. У них замечательная позиция, хорошо укрытая, с превосходным обзором. Спокойствие, только спокойствие. Пусть подойдут поближе, быть может, удастся взять кого-либо живым. С опытными разведчиками надо быть начеку. Спокойствие, только спокойствие. Они уже близко. Точки увеличились в размере и тотчас пропали. Залегли, чтобы - выждать удобный момент. Что будет дальше? Вышлют вперед дозор или попытаются обойти? Действительно ли их только восемь-десять?

- Стрелять только по моей команде! - передал Томан по цепи.

Точки показались снова. Ну что ж, пора...

- Стой, кто идет?! - Голос Томана прозвучал твердо, властно.

Ответа не последовало. Мертвая тишина не предвещала ничего доброго. В те дни действовал приказ по фронту: если в боевой обстановке ответа на первый оклик не последует, открывать огонь. Но у Томана был свой замысел. Он решил выждать. Что могло случиться? То, что это - враги, он был уверен. Некоторые из них уже подползли очень близко, на расстояние броска. Отступить им не удастся. Стало быть, они должны либо атаковать, либо сдаться. Окрик Томана указал им направление атаки.

- Стой, кто идет?! - В голосе Томана слышалось раздражение и злость.

Тишина.

- Стой, кто идет?! - прозвучало в третий раз.

Достаточно. Теперь надо разговаривать другим языком. Тем более что видимость пока еще хорошая. Томан выпустил короткую очередь из автомата, для начала - в воздух.

- Не валяй дурака, человече! Это я, Петрас!

Этого никто не ожидал. Даже заснеженные кусты зашевелились, когда наши перевели дух. Правда, всем было немного жаль, что не пришлось взять "языка". Но Томан не потерял присутствия духа. Он мыслил иначе. Голос он узнал; сомнений не было - действительно Петрас. Но что если у него за спиной немецкие пистолеты? Что если он - приманка на крючке удочки, которую держат в руках фашисты?

- Командир вперед, остальные на месте! - решительно скомандовал Томан.

Петрас поднялся, миролюбиво перекинул автомат через плечо и пошел вперед. Его, разумеется, узнали, горячо пожимали руки... За ним по одному подошли и остальные.

Что же все-таки произошло? Ведь достаточно было одной ошибки, и снег под Артюховкой мог обагриться братской кровью. Разведчики Петраса вышли из Миргорода, где оборонялась правофланговая 3-я рота. Разведка подошла к переднему краю вражеской обороны, но была обнаружена. Враги огнем из станковых пулеметов отрезали разведчикам путь назад. Поэтому им пришлось отойти в другом направлении, к левому флангу батальона. О том, что разведчики выбрали этот путь, разумеется, никто не знал. Не знали об этом и ребята Томана. Находчивость, проявленная с обеих сторон, помогла бойцам благополучно выйти из опасной ситуации. Томан и Петрас живы и по сегодняшний день.

13 марта - последний день участия нашего батальона в боях под Соколово. Командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Зайцев, в подчинении которого в это время находился чехословацкий батальон, приказал ему оставить свои позиции. В приказе он высоко оценил храбрость и стойкость наших воинов. Высокую оценку и благодарность мы получили и от командующего войсками Воронежского фронта генерал-полковника Ф. И. Голикова.

Бой непосредственно за село Соколово начался 8 марта, и именно этот день вошел в историю, хотя батальон вел бои в районе Соколово и на реке Мже без малого две недели. В тесном взаимодействии с советскими гвардейцами 1-й Чехословацкий батальон не пропустил ни одного вражеского танка через реку Мжу и помог войскам Воронежского фронта выиграть несколько дней, необходимых для того, чтобы войска генералов Рокоссовского и Черняховского смогли подойти к Северному Донцу. Чехословацкие воины с приданными им советскими подразделениями честно выполнили поставленную перед ними задачу. Хотя батальон потерял 112 человек убитыми и 180 ранеными и был значительно ослаблен, воины гордились тем, что они выполнили свой долг и нанесли тяжелые потери врагу.

В ночь на 14 марта 1-й Чехословацкий батальон отошел в направлении на Константиновку и к утру сосредоточился на восточной опушке леса у Лизогубовки.

Во второй половине дня воины батальона разместились в домах большого села и быстро заснули. Однако через некоторое время их осторожно разбудили деревенские дети.

- На, поешь немного! Щи любишь? Поешь, а потом спи сколько угодно, обратился к чехословацкому воину шустрый паренек.

У местных жителей почти ничего не осталось после грабежей, учиненных фашистами, но они сварили нам щей и вскипятили воду для чая.

- Сахару нет, все взяли фашисты.

Это ничего. Чехословацкие воины делились с колхозниками сахаром, с благодарностью ели горьковатые щи и пили горячий чай. Уже несколько дней они не ели горячей пищи. Вот теперь хорошо и поспать...

Наши санитарки заходили в каждый дом и оказывали помощь больным. Как и всегда, они работали без устали, словно не участвовали в походе, словно не воевали 8 и 9 марта и в последующие дни. Сколько трогательной, прямо-таки материнской заботы к бойцам проявляли девушки, еще совсем недавно сидевшие за партами.

Мне хочется рассказать об Аничке Птачковой и Власте Павлановой, о том, что произошло с ними 10 марта.

Девушки услышали крики о помощи. Это были два советских танкиста, тяжело раненные во время вражеского обстрела из шестиствольных минометов. Девушки, не колеблясь, поспешили в ту сторону, откуда доносились крики. Миновав жидкий кустарник, Аничка и Власта вышли на широкий пологий откос, укрыться на котором было невозможно. С артиллерийских наблюдательных пунктов противник видел этот откос как на ладони, и при малейшем подозрительном движении минометный и артиллерийский огонь усиливался. Однако девушки храбро устремились к раненым танкистам.

С командно-наблюдательного пункта командир советской танковой бригады следил в бинокль за развернувшейся на откосе борьбой. Две юные чешки были готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти русских, находившихся в опасности. Одна из девушек упала, вторая быстро помогла ей подняться. Кажется, все в порядке... Вражеские снаряды и мины ложились рядом. Девушки склонились над ранеными. В такие моменты минуты кажутся часами. Советские артиллеристы ударили по врагу - огонь противника ослаб. Хорошо, что то место, где лежат раненые, находится вне предела досягаемости пулеметного огня врага.

- Смотрите, там девушки! - Это все, что мог произнести удивленный командир танковой бригады. Бинокль заметно дрожал в его судорожно сжатых пальцах, когда он увидел, как две маленькие фигурки потащили за собой двух раненых советских танкистов.

Наконец, все четверо скрылись в кустарнике. Из груди советского командира вырывается вздох облегчения. Раненые спасены, и сами девушки невредимы. Они получили много благодарностей, их представили к награде... "За что? Что особенного мы сделали? Мы поступили так, как должны были поступить. Мы не могли оставить их там. Их или убили бы, или они умерли бы от потери крови".

И вот теперь эти самые девушки и их подруги снова за работой. Они ходят из дома в дом, подбадривают воинов, ухаживают за больными. Интересно, что бы сказал министр обороны господин Ингр, если бы увидел все это. Возможно, в соответствии с каким-либо параграфом он запретил бы нашим санитаркам спасать раненых советских воинов. Ведь он всегда твердил, что на территории СССР должна существовать лишь символическая чехословацкая воинская часть. И, однако, все мы, чехословацкие солдаты и офицеры, девушки и парни, женщины и

мужчины, находимся здесь не символически, а воюем на фронте. Советская Армия, господин министр, идет на огромные жертвы и проливает кровь за нас, за растерзанную и замученную Чехословакию не символически, а в тяжелых боях и сражениях.

Отдых окончен. Я приказал готовиться к выступлению. Сани пришлось бросить: по весенней распутице на них не проедешь. Начальник штаба надпоручик Рытирж построил батальон в походную колонну. Ротный Эрбан остался с обозом в лесу у Лизогубовки. С ним - больные и раненые, боеприпасы и снаряжение. Батальон должен идти налегке, чтобы быстрее совершить переход к Северному Донцу через Терновое, расположенное на реке Уды.

- Раздобудь какой-нибудь транспорт и догоняй батальон! Нужно ли тебе чего-нибудь? - спросил я Эрбана.

- Нет, ничего не нужно.

- Ну, пока.

С Эрбаном были просветитель четарж Ян Мареш и санитарка Аничка Бенешова.

В этот день меня вызвал командующий 3-й танковой армией генерал Рыбалко. Оставив за себя капитана Ломского, я с несколькими автоматчиками отправился в путь.

Батальон выступил, но через несколько часов со стороны Харькова послышался рокот моторов. Он нарастал. Прогремели первые выстрелы советских артиллерийских батарей, расположенных на опушке леса у Лизогубовки. Харьков пока в руках советских войск, хотя около 100 фашистских танков прорвались к северу от города и около 40 из них приближались к Чугуеву. Они перерезали железную дорогу между Терновым и Чугуевом и на большой скорости двигались к Северному Донцу и к лесу юго-западнее Чугуева.

От основной танковой колонны противника отделились 10 или 12 танков и вышли в район между Лизогубовкой и Терновым. Обстановка сложилась нелегкая. Фактически батальон был разделен на четыре части: я и сопровождающие меня автоматчики направлялись к командующему 3-й танковой армией генералу Рыбалко; обоз остался в лесу у Лизогубовки; три транспорта с ранеными - в Харькове; а главные силы батальона только что подошли к Терновому.

Спокойствие, короткие и быстрые приказы капитана Ломского подбадривали уставших воинов. Паники или уныния и следа нет. Наоборот, все готовы к бою. В недавних боях наши воины на собственном опыте убедились, что фашистские танки уязвимы. С наступлением темноты главные силы батальона в полном порядке переправились через реку Уды и вышли из

района, где им грозило окружение.

В лесу у Лизогубовки вместе с обозом находились поврежденные штабные машины. Когда вражеские танки подошли уже совсем близко к Лизогубовке, наши воины не растерялись; они достали из штабных ящиков все наиболее важные бумаги, прежде всего списки личного состава батальона. Нетрудно представить себе, что бы произошло, если бы эти списки попали в руки гестаповцев. В Чехословакии родственники, знакомые, товарищи наших воинов подверглись бы арестам, допросам, пыткам, казням... Все, что можно было унести, воины решили взять с собой, а остальное - уничтожить.

На глазах чехословацких воинов, оставшихся в лесу у Лизогубовки, в неравном бою с фашистскими танками на опушке геройски погиб весь личной состав советской артиллерийской батареи. Теперь вражеские танки с автоматчиками устремились в сторону Лизогубовки, куда двигались и наши бойцы. Другой дороги не было. Танки остановились за ее поворотом, а автоматчики стали "прочесывать" Лизогубовку с севера на юг. Наши не могли пробираться оврагом: этим путем было бы невозможно провести больных и раненых. И они решили идти селом, соблюдая крайнюю осторожность. Получилось, что по одной улице Лизогубовки шли наши, а по другой - гитлеровцы. И все же наши воины сумели пройти незамеченными. На следующий день они соединились с главными силами батальона в Скрипаи, на другом берегу Северного Донца. Сюда же от командующего 3-й танковой армией возвратился и я. Теперь мы снова были все вместе, кроме тяжелораненых, которые как раз в это время спешно покидали Харьков. Ценой огромных потерь врагу еще раз удалось захватить на короткий срок разрушенный город.

Группу чехословацких раненых, находившихся в это время в Харькове, вывел Антонин Сохор, раненный в руку. Не все тогда спаслись; многие погибли в харьковской больнице или на улицах города.

Эрик Фрешл, тяжело раненный в ногу, не смог уйти вместе с другими, но и не сдался врагу. Последняя пуля для себя - таков был железный закон для каждого чехословацкого воина на Восточном фронте. Так поступил и молодой коммунист Эрик Фрешл. Он не помнил отца, вырос сиротой, с мальчишеских лет жил и боролся за светлое будущее молодых рабочих и студентов. Еще юношей Эрик Фрешл вступил в комсомол, затем стал членом партии. Фрешл обладал незаурядным талантом журналиста и писателя. Находясь на службе в домюнхенской армии, этот замечательный человек до конца службы оставался рядовым - для

него не нашлось даже должности командира отделения. Видимо, потому что он был коммунистом.

В мае 1939 года Фрешл как политический эмигрант прибыл в Катовицы. 1 сентября он с группой товарищей двинулся на восток. Эту группу вел через разбитую и горящую Польшу врач Энгель. В Советском Союзе Эрик Фрешл работал в совхозе. День 22 июня 1941 года застал его на педагогических курсах, он преподавал немецкий язык. В то время он жил и работал в Ахтубе. Там у него была семья - жена Анежка и маленький сын, после освобождения трагически погибший в волнах Тиссы. В феврале 1942 года Эрик Фрешл одним из первых прибыл в Бузулук. И вот теперь его нет в живых. Погиб один из самых лучших, самых мужественных воинов и командиров, участвовавших в бою за Соколово.

7. История раненого бойца

Раненый свободник Бедржих Штейнер лежит на окраине Соколово. Как быть? Его видит вражеский минометчик. Бедржих перед ним как на ладони. Главное молчать и не шевелиться. Минута - вечность, пять минут - пять вечностей. Течет кровь, ватная телогрейка промокла. Но вот стрельба затихает, бой кончился. Враг, очевидно, решил, что солдат мертв. А может, просто его не заметили? Как бы там ни было, но он - один.

Наконец, стемнело, да тучи как нельзя более кстати затянули сияющий диск луны. Медленно, совсем медленно, ногами вперед, головой к противнику Бедржих спустился с берега и пополз по льду реки. За ним тянулась алая лента - кровь.

"Нет, Бедржих, так дело не пойдет, ты истечешь кровью", - говорил себе Штейнер. Он поднялся и, шатаясь, побежал к северному берегу. По дороге он наткнулся на ротного повара Франту Рамуса. Повар тоже ранен, но легко.

- Ну и вид у тебя, - ужаснулся Рамус.

- Мне худо, Франта. Выдерни у меня шнурки из ботинок и перетяни руку, а то я истеку кровью.

Повар перевязал товарища. Вдвоем они отправились на батальонный медицинский пункт к Энгелю и Широкому. Штейнера лихорадило, он пытался крепче сжать челюсти, но напрасно: зубы громко выстукивали дробь. Его положили в левом углу. Санитарки Ружичкова и Брукнерова укрыли его своими шинелями, но и это не помогло: Бедржих потерял слишком много крови и не мог согреться. К нему подошел врач.

- Ничего, Бедя, это не так серьезно, не волнуйся.

Все доктора так говорят, но по их лицам видно, что это только утешение. И хотя им не всегда удается обмануть больного или раненого, они должны так говорить. Хорошее настроение и

надежда - залог успешного лечения.

- Но я знаю, что рука раздроблена.

Бедржих произнес это своим обычным голосом, стало быть он уже немного согрелся. Рядом с ним лежал Горовский. Раненный в грудь и в живот, он хрипло дышал и умоляюще поглядывал на врача. Он молод, ему хочется жить. Раны причиняют ужасные страдания, особенно та, что в живот. Ночью Горовский умер.

На следующий день Штейнера посадили в газик и с 17 другими ранеными отправили в Харьков. Однако не успели они проехать и пяти километров, как мотор отказал. Починить его не удалось. Раненые продолжали путь пешком. Штейнер прочел на лицах товарищей отчаяние. Решив, что главное сейчас - это сохранить спокойствие и набраться терпения, он немедленно принял на себя командование группой. Шутками и остротами ему удалось немного поднять настроение товарищей. Для тех, кто не мог идти, Штейнер раздобыл сани и мохнатую покорную лошаденку. По дороге Бедржих встретил Эрика Фрешла и других ребят, тоже направляющихся в Харьков. Все мечтали поскорее попасть в госпиталь. Там они надеялись получить не только действенную медицинскую помощь, но и чистоту, тепло, отдых... Как прекрасно и вместе с тем мучительно было представлять себе все это.

- Образумьтесь, ребята, не спешите в госпиталь, - убеждал раненых Штейнер. - Немцы прорвали фронт с севера и с запада. С минуты на минуту они могут быть в Харькове. Вряд ли там остался госпиталь.

Он говорил впустую: ребята ни о чем другом, кроме госпиталя, не желали думать.

- Ну, раз вы хотите в Харьков, так пошли в Харьков.

Попасть туда изъявлял желание и Карел Фридрих, замечательный спортсмен.

Когда они 11 марта добрались, наконец, до харьковского эвакуационного госпиталя, на окраине города уже шли бои. Увидев медсестру, Штейнер поспешил сам разбинтовать свою руку. Перед ним стояла красивая молодая женщина лет 20-25, но уже седая. Она осмотрела раненую руку.

- Чех?

- Да.

- Была я у вас, в Хомутове. Захватили меня там немцы, но я бежала. Больше мне нельзя к ним попадаться.

Свист бомб, знакомый вой пикирующих бомбардировщиков, и вновь разрывы бомб.

Медсестра исчезла под обломками.

Как быть теперь? Бедржих сорвал с шеи зеленый военный

шарф и здоровой рукой перевязал им руку, помогая себе зубами. В хаосе Штейнер потерял свою группу и остался один. Подумав, он двинулся на север. Однако там шли бои, и перейти реку не удалось. Тогда он двинулся на восток. В Чугуев Бедржих попал как раз в ту роковую минуту, когда на город сыпались фугасные и зажигательные бомбы.

И опять среди руин и пожарищ бредет в одиночестве 28-летний чехословацкий боец. Его мучает голод. Он не ел уже несколько дней! Наступила ночь. Но Бедржих все идет и идет. Голод вроде прошел. Рука почернела. Ему это знакомо - газовая гангрена. Но его организм сопротивляется, и он продолжает идти на восток. Рука загнивает, все сильнее запах тления. То тут, то там он видит изможденные лица женщин и детей. Штейнер не понимает, что происходит, но чувствует, что его сторонятся.

Встретился пленный, итальянец. Он врач, просто повезло!

- Male, camarado, male{13}, - тараторит итальянец.

- Я это и без тебя знаю.

Итальянец не понимает чеха, да и помочь ему все равно не может. У него нет ни лекарств, ни инструментов, к тому же они на ничейной земле. Бывает такая земля на фронте.

Бедржих в жару. Его опять трясет как в лихорадке. Не то в бреду, не то во сне он видит отца и Марусю, Караганду, Франтишека Крала, лед и холодную воду, медсестру... Проходят еще сутки; он уже ползет на коленях, потом ни животе.

"Остановись, сдайся", - твердит ему внутренний голос. И он ложится. Но спустя некоторое время другой голос, более сильный, побеждает, и боец ползет дальше, дальше на восток. Затуманенное сознание смутно улавливает на домике у дороги красный крест. Там двигается что-то белое - сестра!

- Ой, батюшки!.. - слышится ему.

Агония.

- Помогите, отрежьте руку! - просит Бедржих.

- Ничем не могу помочь, дорогой, только эвакуировать.

- Тогда, значит, умру.

По-видимому, она это услышала. А может, не услышала, а поняла. Кто знает? Подняли его, был тут, видимо, еще кто-то. Понесли, положили. Под ослабевшим телом зашуршала солома.

- На, выпей!

Ага, водка, ее много, кажется пол-литра. Он сделал глоток.

- Нет, пей до дна.

Выпил до дна. Помутневшее сознание с трудом воспринимает окружающую обстановку. Он видит в чьих-то руках пилу. Но это не больно, он вообще ничего не чувствует, только слышит назойливый визг пилы, перепиливающей кость. И никакой боли.

Резали омертвевший кусок тела.

Проснулся Бедржих в полдень 18 марта 1943 года. Осмотрелся. Он лежал на соломе. Попробовал приподняться - упал. Как тяжело ощущать себя впервые без руки, да еще в одиночестве. Вокруг - никого. На груди под телогрейку подсунут листок бумаги. Вынул его, прочитал: "Ампутацию необходимо было делать немедленно. Ручаться за благополучный исход нельзя. Операция прошла в антисептических условиях. Раненому немедленно должна быть оказана помощь". Рядом с запиской лежал кусок сыру. Бедржих съел его, попытался встать, но тут же упал. Заснул. Пробудившись, почувствовал, что немного окреп.

Город, в котором он остался, называется Купянск. Когда Штейнер вновь проснулся ночью, там были немцы. Воспользовавшись темнотой, совершенно непроглядной из-за пыли и дыма пожарищ, он дополз до соседней Алексеевки, где нашел раненого подпоручика Крала. Врачи, осмотрев Штейнера, только головой покачали. Бедржих передал им листок бумаги, который засунули ему под телогрейку в Купянске. Затем - дивизионный госпиталь, переливание крови, после чего - крапивница в тяжелой форме. Потом Тамбов, где находилось уже много наших раненых.

Штейнер написал письмо полковнику Евстигнееву, и с его помощью все они были переброшены в Бузулук в запасной полк, которым командовал надпоручик Ярослав Дочкал.

На какое-то время Штейнер задержался в одном из госпиталей Куйбышева. Он торопился, полагая, что, как только окажется в Бузулуке, немедленно отправится к своим на фронт или хотя бы поближе к фронту. В Тамбове Бедржих прочитал, что он награжден. О том, что он жив, по-видимому, не знали. И вот наступила долгожданная минута, когда он стоял на куйбышевском вокзале и ждал поезда на Бузулук. И вдруг из эшелона, который следовал в противоположную сторону, до его слуха донеслась веселая песня. Пели чехи. Он побежал к ним. Ведь это большая удача, не нужно ехать в Бузулук.

- Куда едете?

- Не знаем. Вон командир.

Бежит туда.

- Полковник Кратохвил?

- Доктор Штейнер?

- Да, господин полковник, давненько не виделись. Еду с фронта, отвалялся в нескольких госпиталях. Здоров, вполне пригоден к военной службе. Возьмите меня с собой, прошу вас. А куда вы едете?

- В Новохоперск, Штейнер. Но как же вы? С такой рукой? Нет,

не могу, вы в нашу часть не зачислены, а сейчас уже поздно. Следуйте в Бузулук.

Напрасно уговаривал Штейнер полковника, Кратохвил стоял на своем. И Штейнеру ничего не оставалось, кроме как ехать в Бузулук.

А теперь несколько слов в заключение. В Бузулуке Штейнер с помощью советских властей организовал социальное обеспечение инвалидов, вдов и сирот. Благодаря проявленной им инициативе эти люди стали получать достаточную пенсию. В ноябре 1943 года, когда 1-я бригада была уже за Киевом, тыловой офицер, в то время уже подпоручик, Штейнер стал одним из офицеров тыла новой парашютно-десантной бригады, с которой позднее был переброшен в Проскуров, а затем, во время Словацкого народного восстания в Словакию. Но это уже другая история.

8. После первого боя

Целый месяц мы отдыхали среди хороших советских людей и в то же время неустанно учились. К нам пришла слава, которую мы воспринимали с большим смущением. То и дело приезжали журналисты и кинооператоры. На наше имя приходили подарки. Гости пели нам свои песни, мы им свои, а бывало и так, что все вместе запевали "Ой, не ходи, Грицю", или "Партизан Железняк", или же о том казаке, который ушел от своей милой на далекую войну и там погиб. Звучали наши песни "Зеленый гай", "Направление - Прага" композитора Томана на слова Мареша и другие.

Мы получили "Правду" из Москвы с незабываемой статьей А. Фадеева "Братство, скрепленное кровью", - кровью, совместно пролитой в борьбе против общего врага за действительную и нерушимую свободу, за братскую, вечную дружбу с Советским Союзом, с советскими людьми, которые всегда были рядом с нами и которые одни не покинули нас в 1938 году, когда у нас была армия в 2 млн. человек против 2 млн. 200 тыс. гитлеровских солдат. Да, тогда наше войско было куда многочисленней. А теперь оно состояло всего лишь из одного батальона на советско-германском фронте, одного батальона под Тобруком и из отдельных небольших частей на Среднем Востоке и в Англии. Как много могли бы мы сделать вместе с Советским Союзом в роковой год мюнхенской катастрофы! Советские дивизии стояли на западных границах страны, готовые ради нас выступить против гитлеровской Германии. И если этого не произошло, то только из-за измены нашего тогдашнего трусливого буржуазного правительства. Может быть, об этом не стоит лишний раз вспоминать? Нет, надо вспоминать и повторять, чтобы наш народ в будущем никогда бы не пережил снова такого позора, как

Мюнхен и последующая капитуляция.

Нас наградили советскими орденами и медалями. Надпоручику Отакару Ярошу - легендарному командиру соколовской обороны, который был посмертно произведен в капитаны, Советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью "Золотая звезда". Чех Отакар Ярош был первым иностранцем, удостоенным этого высокого звания. 15 воинов были награждены орденом Красного Знамени, капитан Ломский орденом Отечественной войны I степени, 20 человек - орденом Отечественной войны II степени, 22 человека - орденом Красной Звезды, 26 человек - медалью "За отвагу" и один - медалью "За боевые заслуги". Среди награжденных было 8 женщин, 8 из 38.

Давая политическую оценку значения обороны Соколово, Клемент Готвальд говорил 7 апреля 1943 года: "Непосредственное участие чехословацких воинских частей в боях против гитлеровской Германии имеет... большое государственно-политическое значение... Чехословацкие солдаты, сражающиеся на Восточном фронте под чехословацким военным флагом против гитлеровской армии, - это символ государственной независимости, Чехословакии и дальнейшее доказательство того факта, что Чехословакия находится в состоянии войны с гитлеровской Германией. Чехословацкие солдаты, сражающиеся против Германии плечом к плечу с Красной Армией, - это символ военного союза независимой Чехословацкой Республики с Советским Союзом на правах равного с равным. Чехословацкие солдаты как военные союзники Красной Армии - это символ того, что Красная Армия ведет борьбу не только за освобождение советских земель от немецких оккупантов, но и одновременно за освобождение союзной Чехословакии".

Эти слова определяют политическое значение боев под Соколово, которое заключается в том, что к великой армии борцов за свободу примкнуло ядро будущей, уже Народной армии Чехословакии.

В чем состоит военное значение боев за Соколово? Специальная комиссия при Высшей военной академии Генерального штаба Советской Армии в Москве определила, что чехословацкая воинская часть в значительной мере содействовала тому, что на важном участке обороны южнее Харькова удалось сдержать вражеские силы в течение восьми - десяти дней. Убедившись в безуспешности прорыва через Соколово и Мерефу, гитлеровцы были вынуждены перегруппировать свои силы к северу от Харькова. Это позволило советскому командованию выиграть время для того, чтобы подтянуть на харьковское

направление свежие войска.

Это был первый многодневный бой возрожденных чехословацких вооруженных сил. И это не просто красивая фраза. После предательского мюнхенского сговора, после насильственной ликвидации чехословацкой армии наш небольшой батальон был первой наземной частью, которая вступила в бой с оккупантами родины и честно выполнила свой долг. 10-километровый участок обороны на реке Мже явился тому красноречивым свидетельством.

1-й Чехословацкий отдельный батальон, сформированный в СССР, с приданными ему советскими танками, артиллерией, гвардейскими минометами и противотанковыми средствами нанес значительные потери гитлеровцам. Батальон с честью выполнил свою первую боевую задачу, а это самое главное. Наш народ на родине, весь мир и, конечно, немецко-фашистские захватчики узнали, что чехословацкая армия не погибла, что она воскрешена в Советском Союзе, сражается и будет сражаться до полной победы над германским фашизмом.

Меня вызвали в Москву, в Кремль. Перед этим, 16 апреля, за мной прибыл самолет, который доставил нас вместе с советским офицером связи подполковником Загоскиным в штаб Воронежского фронта. В сельской избе я обменялся крепким рукопожатием с мужчиной среднего роста, невольно привлекающим к себе решительными манерами и быстрыми, веселыми глазами. Это был член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрущев. Рядом с ним стояли новый командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, начальник штаба фронта генерал-майор Н. В. Корнеев и командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант С. С. Варенцов. Мы по-деловому и подробно поговорили о роли, которую сыграла наша воинская часть на фронте. Затем обсуждался основной вопрос: об организации 1-й Чехословацкой отдельной бригады. Тут нам доставили много забот и волнений Лондон и начальник чехословацкой военной миссии в Москве Пика. Я решил не скрывать от товарищей Хрущева и Ватутина нашего беспокойства.

- Мы просили Москву, - говорил я, - чтобы нам разрешили сформировать бригаду непосредственно в прифронтовой полосе, вопреки требованиям эмигрантского МНО в Лондоне сформировать бригаду в глубоком тылу. Однако чехословацкое правительство в Лондоне настаивает, чтобы мы снова отправились в Бузулук. Мы против этого, потому что не желаем разлучаться с фронтовыми друзьями и терять дорогое время на длительные переезды. И просим у вас помощи и поддержки.

Товарищи Хрущев и Ватутин прекрасно понимали важность вопроса. Они не забыли генерала Ингра, который во время войны Советского Союза с белофиннами организовывал во Франции чехословацкую экспедиционную воинскую часть и хотел отправить ее на финский фронт для участия в боевых действиях против СССР.

Затем мы снова вернулись к боям под Соколово и героическому подвигу Отакара Яроша. Товарищ Хрущев подробно расспрашивал меня о боевых действиях батальона. Он хотел убедиться в точности информации, полученной командованием фронта от советских командиров, которым был подчинен наш батальон, и от наших соседей. Через некоторое время Никита Сергеевич Хрущев опять заговорил об организации чехословацкой бригады. Он дал нам несколько полезных советов, в частности порекомендовал иметь в бригаде не 15, а 30 танков и увеличить количество противотанковых средств. Обсуждался также и сам план формирования бригады.

Как показало время, поддержка, которую нам оказали товарищи Хрущев и Ватутин, была весьма действенной. Никита Сергеевич Хрущев изложил свои соображения Советскому Верховному Главнокомандованию, и они были приняты и проведены в жизнь. Когда мы прощались, я попросил от имени всех наших воинов, чтобы чехословацкой бригаде была предоставлена возможность принять участие в предстоящих боях на Украине, особенно за столицу Украины древний город Киев. Мы со своей стороны, заверил я, сделаем все, чтобы 1-я Чехословацкая отдельная бригада была своевременно подготовлена к этим боям. И эта просьба была удовлетворена.

Вскоре товарищи Хрущев и Ватутин прилетели к нам в село Веселое, чтобы вручить советские ордена и медали солдатам и офицерам батальона. Они согласились с доводами капитана Ломского, который просил отложить этот торжественный акт до моего возвращения из Москвы, где я принимал участие в совещании по вопросу формирования и обучения 1-й Чехословацкой отдельной бригады. Оба гостя интересовались предстоящей реорганизацией части и ее боевой подготовкой, а также познакомились с жизнью и бытом чехословацких воинов. Товарищ Хрущев со свойственной ему простотой сразу же сблизился с нашими воинами, подолгу беседовал с ними, вникал во все подробности их жизни и учебы и обстоятельно отвечал на задаваемые ему вопросы. На следующий день, когда товарищи Н. С. Хрущев и Н. Ф. Ватутин улетали от нас, воины прощались с ними как со старшими, имеющими богатый боевой опыт товарищами. Воины бригады знали их и раньше как искренних

друзей чехословацкого народа, но теперь каждый убедился в этом лично.

Я вылетел в Москву в сопровождении советских офицеров связи подполковника Загоскина и майора Камбулова и наших офицеров капитана Ярослава Прохазки и подпоручика Константина Гибнера.

Первый день в московской гостинице "Националь" прошел очень оживленно. Почти непрерывно звонил телефон - нас приглашали к себе и отдельные граждане, и организации, и школы. Константин Гибнер побывал во многих редакциях газет и журналов. Мы и не подозревали, что наша воинская часть так популярна.

Затем пришел майор Советской Армии, представитель уполномоченного СНК СССР по формированию чехословацких частей на территории СССР генерал-майора Г. С. Жукова. Он сообщил, что чехословацкое эмигрантское правительство приняло решение о формировании чисто пехотной бригады, то есть без танков и артиллерии, лишь с небольшим количеством противотанкового оружия. Он попросил меня высказать свое мнение по этому поводу для передачи его генералу Жукову. Я ответил кратко:

- Не согласен! Так и передайте!

Майор улыбнулся и ответил еще лаконичнее:

- Есть!

Позднее мы встретились с генералом Жуковым и подробно обсудили оба проекта - наш и лондонский. Мой собеседник уже знал о моей встрече с товарищами Хрущевым и Ватутиным. Советское правительство и Верховное Главнокомандование полностью согласились с нашей оценкой значения создания бригады как основы будущего более крупного соединения.

- Не беспокойтесь, - сказал наконец генерал Жуков, - вам будет предоставлена возможность создать свою бригаду по вашему проекту и как рекомендуют вам товарищи Хрущев и Ватутин. Кстати, кто же, собственно, будет командиром бригады? Лондон наметил кандидатом генерала Кратохвила. Он, как вы знаете, уже в Москве.

- Знаю, - ответил я, - но не мое дело решать, кто будет командиром. Я считаю своим долгом настаивать на разумном решении вопроса об организации бригады, позаботиться о том, чтобы она возможно быстрее и лучше прошла подготовку и в ближайшее же время выступила на фронт. Мы должны создать ее не как символ и не только для парада.

Генерал Жуков полностью согласился с моим мнением.

25 апреля 1943 года он позвонил мне и сказал, чтобы на

следующий день я прибыл в Кремль, где мне будет вручена награда - орден Ленина.

- В Кремль? - переспросил я. - В поношенной полевой форме? Дайте мне хоть немного привести себя в порядок, я прошу два дня.

Генерал Жуков передал мою просьбу в Кремль, а через несколько минут мне позвонили уже оттуда:

- Вас рады приветствовать в вашем полевом обмундировании.

Итак, 26 апреля 1943 года во второй половине дня я впервые прибыл в Кремль. Офицер охраны проверил мои документы; советские военнослужащие при встрече отдавали честь. К зданию Верховного Совета меня сопровождал полковник. Дальнейший путь был коротким. Я так волновался, что даже не обратил внимание на красоту кремлевских башен. Снова открылась дверца автомобиля, и нас приветствовал генерал. Вместе с ним мы направились по великолепным длинным коридорам к кабинету Председателя Президиума Верховного Совета. На какую-то долю секунды вспомнились недавние бои... Десятки объективов фотоаппаратов и кинокамер... Но, к счастью, двери открылись сразу. Мы вошли...

- Здравствуйте, господин полковник, - приветствует меня Михаил Иванович Калинин.

Рядом с М. И. Калининым стоит Секретарь Президиума Верховного Совета А. Ф. Горкин. Я как во сне. Добрые и пристальные глаза за стеклами очков, хорошо знакомое по фотографиям лицо. Принимаю из рук Михаила Ивановича орден Ленина. Изо всех сил стараюсь подавить волнение. Взаимное сердечное пожатие рук. Мы произносим краткие речи.

Затем усаживаемся уже без журналистов, фоторепортеров и кинооператоров.

- Давайте побеседуем, - говорит Михаил Иванович.

- Вы похвалили наш батальон, Советское правительство высоко оценило его участие в боях. Беда наша, господин Председатель, в том, что нас слишком мало. Если бы мы имели дивизию, да еще танковую, то сделали бы больше.

- Нет, господин полковник. Дело вовсе не в том, сколько вас было. Важно, что вы, чехи и словаки, остались верны нам в наиболее тяжелое для нас время. Гитлеровские войска стояли в Сталинграде, на Волге, и весь капиталистический мир уже не верил, что мы выстоим. Ожидали, что Советский Союз потерпит поражение, были убеждены, что он капитулирует. Вы же верили нашему народу, нашей армии и правительству, верили вместе с нами в конечную победу общего справедливого дела и даже без согласия своего правительства, вопреки его воле, настойчиво

добивались отправки на фронт. И в бою вы сделали все, что можно было сделать. Именно за это и уважает вас наше правительство и весь наш народ. Вспомните, как поступило польское эмигрантское правительство Сикорского, генерал Андерс и его штаб. Мы вооружили и обеспечили всем необходимым семь их дивизий, но, когда мы попросили у правительства Сикорского перебросить три дивизии Андерса под Сталинград, чтобы помочь нам выиграть время для сосредоточения наших войск, оно отказало. Армия Андерса предпочла покинуть Советский Союз. Они полагали, что мы капитулируем. Но мы не капитулировали, не потерпели поражения. Когда вы шли сюда, то, очевидно, встретились в коридоре с послом польского эмигрантского правительства. Его пригласили в Кремль, чтобы сообщить решение Советского правительства о разрыве дипломатических отношений с его правительством. А вы, командир небольшой чехословацкой части, приглашены в Кремль, чтобы получить высшую правительственную награду Советского Союза орден Ленина. Я говорил послу польского эмигрантского правительства: "Может быть, вы думаете, что свободу для вашего народа вам кто-то поднесет на серебряном блюде? А какую славу могли бы завоевать под Сталинградом ваши дивизии! Как бы вы нам помогли в тот тяжелый период!"

После беседы мы сердечно распрощались.

На другой день советские газеты напечатали на одной и той же странице два сообщения. Первое, довольно краткое, - о разрыве дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне и отъезде его посла из СССР. Второе, более подробное, - о боевых действиях чехословацкой воинской части на фронте и о награждении ее командира. Были опубликованы фотографии, снятые в Кремле, и тексты речей М. И. Калинина и моей.

Последующие дни нашего пребывания в Москве были целиком заполнены всевозможными делами. В Москве мы встретились с товарищами Готвальдом, Швермой, Копецким и другими членами руководящего центра Коммунистической партии Чехословакии. Я доложил о боевых действиях 1-го Чехословацкого отдельного батальона, о приобретенном им опыте, о том, что мы делали со времени нашей последней встречи в Куйбышеве. Руководители КПЧ заинтересовались подробностями боев и подвигами отдельных воинов.

Затем мы обсудили вопрос о формировании 1-й Чехословацкой отдельной бригады в СССР и достигли тут полного взаимопонимания. Члены московского руководства КПЧ обещали

нам всевозможную поддержку при формировании бригады согласно предложенному нами проекту. И свое обещание они выполнили.

Разумеется, мы были приглашены на Всеславянский съезд, состоявшийся в те дни в Москве, а затем побывали во Всеславянском комитете. Здесь мы встретились с нашими друзьями профессором Зденеком Неедлы, генералом Гундоровым, Шмераловой, с послом Чехословакии в Москве Зденеком Фирлингером и многими другими представителями славянских народов.

Особенно глубокое впечатление произвели на меня беседы с товарищем Яном Швермой.

- Сегодня, - говорил он, - мы, может быть, еще не отдаем себе отчета в том, какое великое дело совершила наша воинская часть в борьбе за свободу чехословацкого народа.

В Москву из Бузулука прибыли Антонин Сохор и Мария Пишлова. Таким образом, к месту формирования бригады со мной вылетела уже целая группа.

Между тем в Бузулуке сформировался запасной полк, в который вступали чехи, словаки и главным образом закарпатские украинцы, проживавшие в разных уголках Советского Союза. До 4 апреля 1943 года командиром этого полка был надпоручик Ярослав Дочкал, спокойный и интеллигентный офицер, который в 1939 году входил в состав моих сотрудников в Кромержиже. Там он работал нелегально, а его переход через границу в Польшу был организован с помощью моей жены.

В Бузулук надпоручик Дочкал прибыл 7 февраля 1942 года. Я припоминаю содержание телеграммы, которую надпоручик Дочкал послал Советскому Верховному Главнокомандующему после успешно завершенного сбора средств на танки для 1-й Чехословацкой бригады. В ней он выражал восхищение всего личного состава полка боевыми успехами Советской Армии и сообщал о результатах сбора - 150 тыс. рублей на танки и, кроме того, 18 тыс, рублей на строительство танковой колонны "Валерий Чкалов". Далее он просил, чтобы танки были приданы чехословацкой воинской части. Телеграмма заканчивалась так: "Пусть эти танки напоминают о вечной дружбе и нерушимом единстве наших братских народов, скрепленных совместно пролитой кровью - как и двадцать пять лет тому назад (речь идет о бое под Бахмачом. - Л. С.), так и ныне в грандиозной борьбе со злейшим врагом всего славянства - гитлеровским фашизмом".

В Бузулуке в те дни было весьма оживленно. Чехословацкая военная миссия во главе с полковником Пикой вместе с антикоммунистическими и антисоветскими элементами

стремились внести раскол и политическое разложение в ряды воинов, главным образом закарпатских украинцев. 8 апреля 1943 года в полку, насчитывавшем 1438 человек, выходцев из Закарпатской Украины было 1366, то есть 95 процентов всего личного состава. Ввиду наличия в полку буржуазно-националистических элементов возникала реальная угроза подрыва единства и боеспособности полка.

29 апреля из Куйбышева в Бузулук приехали Клемент Готвальд, Вацлав Копецкий и журналист Властимил Борек. 2 мая 1943 года в парке имени Пушкина выступил К. Готвальд. Его речь сыграла известную роль в укреплении политической сознательности большинства бойцов запасного полка.

* * *

Утром 4 мая 1943 года в сильный дождь 1-й батальон походными колоннами вышел из села Веселое в направлении на Новый Оскол. Каждый воин гордился тем, что 1-й Чехословацкий отдельный батальон становится ядром 1-й бригады. Дальше наш путь лежал через Валуйки (по этой дороге два с лишним месяца тому назад шли мы на фронт), а из Валуек - до города Новохоперска, который должен был стать центром формирования бригады. На всем пути нас дружески приветствовали советские воины и гражданское население. Тогда же пришло радостное сообщение об успехах советских войск на Кубани.

Батальон прибыл в Новохоперск в 3.30 9 мая. На следующий день из Бузулука пришел эшелон с личным составом (1400 человек) чехословацкого запасного полка. Теперь вместе с 670 солдатами и офицерами 1-го батальона в Новохоперске сосредоточилось свыше 2000 чехословацких воинов Прошло еще несколько дней, и нас стало уже три с половиной тысячи.

Бригада

1. Мы создаем бригаду вопреки интригам Лондона

Нет надобности рассказывать здесь со всеми подробностями о длительной и сложной борьбе, которую мы вели с лондонским эмигрантским правительством по вопросу о характере и назначении чехословацких воинских частей в СССР. Эта борьба началась еще до Бузулука. Чехословацкому эмигрантскому правительству в Лондоне не удалось помешать ни сформированию нашей первой воинской части на территории Советского Союза, ни отправке 1-го батальона на фронт, ни его первым славным боям с немецко-фашистскими захватчиками. И тогда оно встало на путь интриг.

Эмигрантское правительство согласилось на формирование бригады, но бригады чисто пехотной, без танков и артиллерии, выдвинуло свою кандидатуру на должность командира бригады.

Но не это самое главное. Правительство запретило посылать наших людей на специальные курсы при советских военных училищах, а в собственные чехословацкие офицерские школы принимать тех, кто не имел аттестата зрелости. Больше того, в 1943 году чехословацкое МНО в Лондоне строго запретило присваивать офицерские звания тем, у кого не было этого аттестата, хотя бы они и проявили себя в боях как отважные и способные командиры и даже окончили офицерские школы. Не разрешалось присваивать офицерские звания коммунистам. С помощью нескольких националистически настроенных карьеристов, которые группировались вокруг полковника Пики, были предприняты попытки подорвать боевое и патриотическое единство чехов, словаков и закарпатских украинцев.

Затевая интриги против Советского Союза и нашей боевой воинской части, чехословацкое эмигрантское правительство и его агенты настойчиво преследовали одну цель: восстановить в Чехословакии буржуазную республику, присоединить ее к лагерю империалистического Запада и поставить чехословацкую армию на службу капиталистам. Всевозможные клеветнические измышления в адрес нашего батальона особенно усилились в тот период, когда мы были на фронте и когда о нас распространялись разноречивые сведения. Однако все интриги и враждебные замыслы потерпели провал.

Нам помогли советские друзья, руководители политического центра КПЧ и сами воины, которые вопреки предписаниям эмигрантского правительства открыто выражали свое желание сражаться на фронте в тесном взаимодействии с советскими войсками и во главе с командирами, которые выдвинулись из их среды во время боев с врагами. Очень большую роль сыграло и то обстоятельство, что начальником отдела политического воспитания и просвещения стал капитан доктор Ярослав Прохазка, вместе с которым на данном участке работали в первую очередь коммунисты.

Обстановка на фронтах к этому времени сложилась весьма благоприятно. Одержав ряд блистательных побед, Советская Армия готовилась к новым наступательным операциям. В этой обстановке нашей главной задачей являлось быстрое укомплектование бригады до полной штатной численности (на 20 мая 1943 года нам еще недоставало 800 человек), распределение личного состава по частям и подразделениям, обучение и вооружение бойцов, а затем немедленная отправка снова на фронт. Война не ждала, не мог ждать больше и наш народ на родине.

Мы присвоили офицерские звания лучшим воинам-

фронтовикам 1-го батальона. Офицерские школы выпустили более 230 молодых офицеров; было подготовлено также необходимое количество младших командиров всех специальностей. Танкистов мы послали на обучение в советское училище, в Тамбов.

В состав партийной организации, возглавляемой доктором Ярославом Прохазкой, входили такие испытанные фронтовики, как Ярослав Достал, Венделин Опатрны, Франтишек Энгель и Курт Фейнер. Коммунисты проделали огромную работу по морально-политическому сплочению личного состава бригады и организации его боевой подготовки. Работа эта была проведена за рекордно короткий срок и в необычно сложной обстановке. Кстати, за это же время чехословацкие воины собрали и передали в фонд обороны СССР более 230 тыс. рублей.

В городе Новохоперске зародился и широко известный ныне художественный ансамбль чехословацкой Народной армии имени Вита Неедлы. Витек основал этот ансамбль, руководил им, писал для него музыку. Позднее он со своим ансамблем отправился вместе с бригадой на фронт и трагически погиб во время Карпатско-Дуклинской операции.

Прибыли в бригаду и чехословацкие офицеры из Англии и Среднего Востока. Значительную часть личного состава бригады составили словаки, которые группами переходили на сторону Советской Армии из тиссовско-туковской армии. Первой прибыла к нам рота надпоручика Марцелли, которая во главе со своим отважным командиром с полным вооружением перешла на сторону советских войск на Кавказе.

Боевая подготовка бригады проводилась более интенсивно, чем в Бузулуке. Сроки подготовки были весьма сжатыми, а количество подразделений и численность личного состава значительно увеличились. Между тем 5 июля фашисты начали свое последнее летнее наступление под Курском. Все бойцы и офицеры бригады с замиранием сердца следили за грандиозным сражением, развернувшимся на Курской дуге. Это заставило нас повысить темпы и качество боевой подготовки, которая проходила под лозунгом быстрейшей отправки на фронт. Первые успехи немцев оказались кратковременными. Встречными ударами советских войск гитлеровские дивизии были остановлены, а 13 июля советские войска перешли в контрнаступление и, разгромив немецкие группировки на этом участке фронта, продвинулись далеко на запад. Обрадовались мы и падению 25 июля 1943 года итальянского фашистского правительства Бенито Муссолини. Но главное, что внушало оптимизм нашим бойцам, - это всем очевидное и с каждым днем

возрастающее превосходство Советских Вооруженных Сил над врагом, их высокий моральный дух и идейная сплоченность, безусловная уверенность в победе, спокойствие и решительность, горячий патриотизм. Эти замечательные качества Советских Вооруженных Сил служили для нас постоянным примером в Новохоперске и до этого - в Бузулуке. Мы узнали о том, что на территории Советского Союза формируются новые, народные польские дивизии, не имеющие ничего общего с андерсовскими. И это нас тоже очень обрадовало.

Авторитет Коммунистической партии Чехословакии и ее руководящего центра в Москве рос с каждым днем. Глубоко анализируя политическую обстановку, партия с предельной четкостью и ясностью определяла пути последовательной борьбы за будущее нашего народа в тесном содружестве с Советским Союзом. Главной целью этой борьбы являлось освобождение Чехословакии и превращение ее в подлинно свободную демократическую республику, где простой народ был бы полновластным хозяином своей судьбы. И надо сказать, что только коммунисты, опираясь на законы общественного развития, могли предвидеть весь ход исторических событий. Свой опыт и знания они передавали товарищам и учили их разбираться в современной обстановке на основе единственно правильного учения - марксизма-ленинизма.

Все, что мы видели в Советском Союзе: героизм советских людей, единство фронта и тыла, обеспечивающие победоносное продвижение советских войск, которым не смогли противостоять все силы гитлеровцев и их вассалов, являлось лучшим и убедительнейшим аргументом правильности и жизненности учения Маркса и Ленина. Только страна победившего социализма, страна, где весь народ сплотился вокруг Коммунистической партии, могла за короткий срок преодолеть трудности первых 16 месяцев войны. Несмотря на отсутствие второго фронта на западе, открытие которого союзники умышленно оттягивали, Советская Армия один на один сумела разгромить основные силы гитлеровского вермахта, нанеся ему ряд тяжелых поражений, и теперь гнала фашистские войска дальше на запад. И если я заявляю, что воевать на Восточном фронте бок о бок с Советской Армией было для нас подлинной радостью, что это наполняло наши сердца гордостью и уверенностью в победе, то это не просто фраза. Так оно было в действительности.

Советская Армия продвигалась все дальше на запад, она освободила Белгород и Харьков, отплатив врагу за кровь наших товарищей, павших в боях под Соколово. Фронт приближался к

Днепру. Не за горами был тот час, когда нам предстояло снова встретиться с врагом. 10 сентября к нам прибыл словацкий партизан Штефан Тучек, который сражался в Белоруссии в партизанском соединении генерала Сабурова. Он передал привет от словацких воинов бывшей охранной дивизии так называемого "Словацкого государства", которые перешли на сторону советских партизан, а также принес сообщение о славном словацком партизанском отряде и его командире капитане Яне Налепке. Они действовали в 100 километрах от нас, в тылу гитлеровских войск, где разрушали железнодорожные линии, взрывали мосты, пускали под откос фашистские поезда с войсками, оружием и боеприпасами и тем самым немало помогали Советской Армии.

В августе полковник Пика, действуя от имени эмигрантского правительства в Лондоне, сделал еще одну попытку добиться значительного сокращения численности личного состава бригады, а заодно сократить количество получаемого вооружения, главным образом артиллерии и танков. Эмигрантское МНО все еще продолжало судорожно цепляться за свою программу: в боях на фронте участвовать только символически, армию создавать "лишь для действий на территории Чехословакии". Однако советское командование решительно поддержало нас. И Пике снова пришлось уступить.

Боевая подготовка личного состава бригады подходила к концу. Из Тамбовского училища к нам возвратились молодые командиры. Это произошло как раз в тот день, когда советские войска вновь, теперь уже навсегда, освободили Харьков от фашистских оккупантов. В первой половине сентября 1943 года мы смогли показать генералу Баринову, который прибыл к нам из Москвы для проверки боевой подготовки бригады, каких успехов добился наш личный состав. Так было заведено в Советской Армии. Прежде чем та или иная воинская часть отправлялась на фронт, она должна была доказать, что полностью подготовлена к боевым действиям. Генерал Баринов признал нашу подготовку отличной.

В эти дни 1-й Чехословацкой бригаде от имени президента было вручено боевое знамя.

В ряды бригады вступили Иржина Швермова и Ченек Грушка, сын которого уже раньше пришел к нам рядовым бойцом. Мы обратились к Советскому правительству с просьбой немедленно отправить бригаду на фронт, чтобы она могла принять участие в освобождении Киева и Правобережной Украины непосредственного соседа Чехословацкой Республики.

Политический центр КПЧ в Москве стал издавать газету "Ческословенске листы", которая приобрела большую

популярность и сыграла важную роль в повышении морального духа и политического сознания воинов бригады. Она стала той трибуной, с которой наши солдаты и офицеры смогли обращаться к своим товарищам, находящимся за границей, в первую очередь в Англии, и на родине.

15 сентября 1943 года - последняя проверка боевой выучки личного состава бригады в присутствии уполномоченного СНК СССР по формированию чехословацких частей в СССР генерала Г. С. Жукова. Он не возражал против отправки бригады на фронт. 30 сентября последнее торжественное построение; в тот же день на фронт убыл первый эшелон. Бригада насчитывала уже 3517 человек, в том числе 82 женщины и 148 военнослужащих Советской Армии, которыми советское командование пополнило наши технические подразделения, так как мы не располагали достаточным количеством собственных специалистов. Бригада была прекрасно вооружена. От советского командования она получила: 10 средних танков, 10 легких танков, 10 бронеавтомобилей, 212 тягачей, легковых, транспортных и специальных автомашин, 62 мотоцикла, 6 122-мм гаубиц, 12 76-мм пушек, 10 45-мм пушек, 30 минометов, зенитные, крупнокалиберные, станковые и ручные пулеметы - всего 99 пулеметов, 512 автоматов, 2158 самозарядных винтовок, пистолеты и другое вооружение.

2. Снова на фронт

В те дни, когда наши эшелоны один за другим продвигались по восстановленной железной дороге на запад, шли ожесточенные бои за Днепр. Мы ехали, как это верно поется в нашей песне "Направление - Прага", по опустошенному краю, мимо сожженных селений, через кровавые реки. Бригада вошла в состав войск Воронежского фронта, которым командовал генерал армии Н. Ф. Ватутин и где членом Военного совета был Н. С. Хрущев. Нам предстояло преодолеть 800 километров пути по железной дороге до Прилук, а оттуда 150 километров походным порядком до плацдарма, захваченного соединениями Воронежского фронта на правом берегу Днепра, 18 километров шириной и 10 километров глубиной.

На базе 1-го Чехословацкого отдельного батальона, положившего скромное начало созданию чехословацких частей на территории СССР, выросло целое соединение. Девять наших эшелонов шло на запад, и каждый из них находился в пути уже 12 дней. Мы проехали через разрушенный до основания Воронеж. (Даже кадры знаменитого советского кинофильма "Судьба человека" не дают полного представления о том, какое потрясающее зрелище представлял собой этот город.) В 1942 году

он оказался у самого основания клина гитлеровских войск, бешено рвавшихся к Волге и к предгорьям Кавказа. Но им так и не удалось продвинуться на восток от Воронежа. В течение многих месяцев здесь не прекращались ожесточенные бои, тут было сметено все, что могло быть разрушено, и сожжено все, что могло гореть.

Затем наши эшелоны проследовали через Курск, получивший всемирную известность после летнего наступления Советской Армии в 1943 году, все еще носивший следы недавних жарких сражений. Далее - через Конотоп на Бахмач... Именно здесь чехословацкие солдаты воевали в 1918 году вместе с бойцами Красной Армии против немецких империалистов. Во время короткой остановки в Бахмаче мы невольно вспоминали о том, что произошло с тех пор с нашей родиной, и дали друг другу слово, что это никогда не повторится. В Чехословакии не должны быть больше у власти господа, подобные Ингру.

Бригада прибыла в Прилуки. Отсюда мы должны были следовать походными колоннами. Несколько севернее двигались моторизованные подразделения, а южнее - пехотные. Танковый батальон передвигался отдельной колонной и только ночью.

Некоторые наши эшелоны на пути следования в Прилуки подверглись воздушным налетам фашистской авиации. Страшно вспомнить о том, что произошло в Яхновщине, где остановился эшелон № 18605 нашего 1-го артиллерийского дивизиона. Дорога впереди занята. Тишина. Ее нарушает лишь спокойное пыхтение паровоза и его редкие одинокие гудки. В вагонах готовятся ко сну воины. Негромко звучит гармонь, кто-то поет. Из ближней деревни доносится лай собак. На безоблачном небе светит луна. Личный состав зенитно-пулеметной роты ведет наблюдение за небом. Горизонт, порой освещаемый красноватыми отсветами пожаров, на западе затянут дымкой. Это фронт.

Тихо! Внимание! Самолеты! Гул "юнкерса" нарастал. Стервятник сбросил бомбы на железнодорожное полотно, взмыл вверх и исчез. Дорога разрушена, ехать дальше нельзя. Не имеющий боевого опыта начальник эшелона приказал всем оставаться в вагонах. Гибельный приказ!

Снова рокот моторов. На этот раз с запада показались два самолета. Все крупнокалиберные пулеметы эшелона открыли огонь; первый воздушный пират ответил из пушек и пулеметов, и ему удалось подавить огонь нашего 1-го взвода. Вскоре умолк и один из пулеметов 2-го взвода в хвосте эшелона. Второй самолет снизился до 150 метров и сбросил несколько бомб... Взрыв, крики, новый взрыв, несколько вагонов были разбиты, несколько загорелись. Личный состав 2-й артиллерийской батареи понес

тяжелые потери. Врач подпоручик Армин Широкий, санитарки Дрнкова, сестры Тобиашовы, Аничка Птачкова, Ярмила Капланова, Маслеева, Куранова и Мадьярова вытаскивали из вагонов раненых, быстро перевязывали их.

Вот что рассказывает об этом эпизоде подпоручик Армин Широкий - врач 1-го артиллерийского дивизиона, через руки которого, как и через руки наших самоотверженных санитарок, прошли раненые - жертвы этого внезапного налета.

"В тот день мы потеряли столько же, сколько в бою за Соколово 8 апреля 1943 года: 54 человека убитыми и 54 ранеными.

Когда наши эшелоны ехали к фронту, у всех было неплохое настроение. Хотя фашистские самолеты частенько бороздили небо над нами и время от времени сбрасывали бомбы, железнодорожные составы с чехословацкими воинами не пострадали. Я не преувеличу, если скажу, что мы чувствовали себя неуязвимыми. К тому же стояла прекрасная погода: туманные утра, прозрачные ясные дни, в меру прохладные вечера. Ночи нам казались безопасными. Навстречу с фронта то и дело проходили санитарные поезда.

Но вот густой дым напомнил нам, что фронт близко. Теперь эшелон проносился мимо разрушенных железнодорожных станций. Вскоре мы увидели разбитый советский санитарный поезд. Среди обломков лежали убитые.

И чем дальше мы ехали, тем больше становились глаза командира дивизиона капитана Паздерки. Этот элегантный, как и все прибывшие с Запада, офицер (во всяком случае они были много элегантнее нас) сравнительно недавно приехал из-за границы. От солдат он держался на расстоянии, как это было принято среди офицеров домюнхенской армии. Говорил с ними только языком приказов. Да что там! Между предпоследним вагоном, в котором он ехал, и всеми остальными вагонами был не какой-нибудь метр, а целая пропасть.

Нашим воинам претили его манеры домюнхенского демократа, подражание "демократическому индивидуализму". Они жили дружной коллективной жизнью. Командиров привыкли уважать, были дисциплинированные, как бойцы революционного войска, полностью сознающие свой долг - борьба против фашизма. Боец не переставал быть человеком, гражданином, хотя он и надел шинель и получил оружие.

На одной из остановок к нам в эшелон попросилась украинка. Она вела корову, с которой возвращалась домой, куда-то на Днепр. Поместили ее в последнем вагоне.

Наш санпункт расположился в третьем вагоне от конца, перед

командирским вагоном. Еще ближе к паровозу была открытая платформа, на которой находились зенитные пулеметы. Для немецкой авиации мы, вероятно, представляли большой интерес, на протяжении всего пути вражеские самолеты то и дело облетали нас, причем все чаще и чаще, нередко снижаясь довольно низко. Казалось, они готовились к нападению.

За три дня до роковой ночи появился у нас мальчонка. Откуда он взялся, не знаю.

Внимательно глядел на чужую форму и молчал.

- Сколько тебе лет?

- Десять.

Опять молчание. Потом:

- Кто вы? Свои?

- Да, свои, мы чехословаки.

- А? Че-хи... - понимающе кивнул мальчик.

Одет он был в старенькую поношенную шинель, полы которой, когда он ходил, волочились по земле. Он не боялся. Нисколько. Это было видно по его глазам и по тому, как он уверенно держался и пытливо нас разглядывал. Он не улыбался, этот паренек с широким русским носом. Вряд ли он помнил, когда последний раз мылся. По-видимому, он был голоден. Это мы поняли, когда он, осмотревшись, пристально, исподлобья уставился на котелок, который висел на поясе одного нашего десятника. Мальчишка весь сжался, словно маленький хищник. Он попеременно бросал взгляд то на десятника, то на котелок, то на меня и, наконец, словно угадав, уставился на нашего повара Вацлава Бедливого. Потом мальчонка едва заметно улыбнулся и вновь протяжно повторил:

- Чее-хи...

- Чехословаки!

- Ага, чехо... сло-ва-ки. Ну да... Значит, свои.

Ему, этому мальчику, было совершенно безразлично, как называются окружившие его парни. Свои - и все. Нос его был усыпан веснушками. А может, это и не веснушки. Как знать! Он давно не мылся. У него были черные как угольки глаза. Брови и ресницы - словно насурьмленные, волосы черные, давно не стриженные, они спадали с ушей и с затылка длинными завитками.

- Так, значит, свои? А поесть дадите?

- Дадим, товарищ.

Повар принес полную миску горячего картофеля с кислой капустой и куском мяса. О, как быстро и ловко орудовал мальчишка большой ложкой. С каким аппетитом он ел! Его глаза перебегали с картошки на капусту, с капусты на мясо. Сидел он

на каком-то перевернутом ящике. А руки! Хотел было я сказать: "Пойди помойся!", да смотрю - все молчат. Это походило на священный обряд. Мальчишка давно расправился с огромной краюхой хлеба и принялся за вторую, думается, еще большую, чем первая. Наконец, он насытился и вздохнул:

- Спасибо.

- Ну, а теперь скажи-ка нам, откуда ты взялся?

- Как это откуда?

- Где мать, отец? Как зовут тебя? Откуда сам?

Он молчал, на глаза навернулись слезы.

- Ну... - Повар Бедливый опустился перед ним на корточки и мягко произнес: - Ну, такой герой, как ты, такой солдат - и вдруг плакать.

Действительно, наш мальчишка, герой и солдат, готов был разрыдаться.

- Ну, так как же, где отец? - повторил повар. Мальчишка вытер руками глаза и нос, подавил слезы.

- Нет у меня отца, убили на фронте.

Вокруг стало так тихо, что за километр можно было услышать муху.

- А мать?

- Тоже фашисты убили.

- А сам-то ты откуда?

- Как откуда? Конечно, из полка.

- Из какого полка?

- Как из какого? Из нашего, где дядя Кальченко. Он полковник.

При слове "полковник" мальчик выразительно поднял указательный палец правой руки. Что, мол, вы знаете! Есть ли среди вас вообще полковник? Да и видели ли вы дядю Кальченко?

- И чтобы вы знали, - продолжал мальчонка, - я уже был на фронте. Нет у меня никого, так что же мне делать? Прошу вас, дяденька, прошу вас, отвезите меня в наш полк. Тут у меня ничего нет, все там, в полку, я должен его догнать! Дядя, дяденька, отвезете?

Слезы из его черных угольков перекочевали в глаза бойцов.

- Отвезем, успокойся, отвезем. Поедешь с нами, вот и догонишь свой полк. Явишься к командиру полка...

- Полковнику Кальченко.

- Вот-вот, к полковнику Кальченко. А пока располагайся у нас. Ведь ты солдат, стало быть, все это твое.

Мальчишка встал, едва заметно улыбнулся - второй раз.

- Ладно, дяденька. Большое вам спасибо. А то я не знал, что и делать. Пошел за водой, задержался чуток, а поезд и ушел. Да я

думаю, недалёко.

- Конечно, догоним, не беспокойся. Ну, а как все-таки звать-то тебя?

- Меня? Толя Миронов.

- А, Толя Миронов. Толя, то есть Анатолий. Ну, давай знакомиться. Я Бедливый, а вот он - наш доктор Широкий, а вот тот...

- Постой! Доктор - это врач?

- Верно.

И мы стали друзьями. Толя устроился в одном из вагонов 2-й батареи, где находился его временный отец Вацлав Бедливый. И таких порций, как Толя, не получал от повара ни один человек. Говоря откровенно, ни у кого не было и такого аппетита. Приятно было смотреть на этого мальчишку, теперь чистого, подстриженного. Повар даже справил ему новую форму: перешил из шинели. Мальчонка выглядел замечательно! На шинели были большие золотые пуговицы, которые он заботливо оберегал. Герб, перенесенный с Букингемского дворца английских королей на пуговицы{14}, попавший на шинель, а с шинелью - к маленькому русскому мальчику, не только не приводил его в трепет своей сложной символикой, а просто вызывал восторг. Толя не знал, что изображено на пуговицах, он не разбирался в гербах, зато твердо знал, что таких пуговиц нет даже у командира полка Кальченко.

Одним словом, у нас были гости: мальчик и женщина с коровой в последнем вагоне. И всем было хорошо.

Толя пробыл у нас три дня, и за это время мы ему так понравились, что о своих он и не вспоминал. Сидели мы по вечерам в вагоне, смотрели на его носик, на его черные глаза и волосы, на стройную и крепкую фигурку. И пели чехословацкие песни. Они ему нравились, и, как все наши русские друзья, он предпочитал темпераментную "Танцуй, танцуй".

- Я вам тоже спою, - как-то раз сказал Толя. - Хотите?

Почему бы и нет? Но он долго не мог решить, что спеть. Мы ему подсказали: "Катюшу", ту, что на берегу реки вспоминала о своем милом пограничнике. Эту песню знали все. Толя набрался храбрости и с увлечением начал петь другую песню. Как сейчас слышу "Играй, мой баян, и скажи всем друзьям... что, как невесту, мы родину любим свою..."

Мальчика наградили громом аплодисментов, уговорили петь еще. А пел он действительно хорошо. Вдруг мы заметили, что к нам присоединился наш сухой капитан Паздерка. К удивлению всех, он хлопал (да еще как!) и даже смеялся. То, что не могли сделать мы, сделал Толя Миронов, - он сблизил с нами Паздерку. По-видимому, это началось именно тогда, в вагоне 2-й батареи.

Но когда бы это ни произошло, капитан Паздерка сжился с нами, а позднее, в Карпатах, он вел себя так мужественно, что ребята его полюбили. Толя допел, мы поаплодировали, и в наступившей тишине послышался голос командира 1-го дивизиона:

- Знаете, что я вам скажу, господа? С народом, у которого такие дети, мы непременно выиграем войну. Поверьте мне.

Мы это знали. Но нас радовало то, что в это поверил и он.

Затем настал роковой день, точнее ночь. В 11 утра мы увидели рядом с железнодорожным полотном разбитую бомбой, искореженную и обгорелую бензиновую цистерну. Это было около семи километров от Нежина, от станции, где нам предстояло выгружаться. Простояли мы до вечера. Машинисты часто поглядывали на небо, в котором беспрерывно рыскали фашистские бомбардировщики и истребители. На смену им прилетали разведчики. Начальнику эшелона позвонил десятник Мерунка, русский чех, несмотря на молодость коммунист. Он стоял на платформе у зенитного пулемета и докладывал командиру о появлении новых вражеских самолетов. Хорошо бы выскочить из вагонов и рассеяться по окрестности. Облеты участились. Вражеские самолеты проносились над эшелоном на бреющем полете.

Рядом, как зловещее предостережение, лежала разбитая цистерна. А до леса налево не более 600 метров. Но приказ есть приказ: "Двери вагонов закрыть, никому не выходить!"

00.10. Вражеский бомбардировщик повернул на запад, очевидно ушел за новым запасом бомб. Все с замиранием сердца ждали его возвращения. И долго ждать не пришлось. На этот раз он летел так низко, что чуть не касался брезента, под которым стояли на платформе тягачи.

На нас посыпались бомбы.

Из разбитого вагона выбрался один Толя, с перебитой рукой. Двух пулеметчиков, находившихся на платформе, разорвало на куски. За мою жизнь мне приходилось всякое видеть, но эта ночь была страшной даже для обстрелянного человека. В вагон, где помещался санпункт, бомба не попала: угодив под огонь наших пулеметов, фашистский самолет свернул и сбросил бомбу рядом с нами. Однако взрывная волна разнесла в щепки все деревянное. Я лежал вместе с доктором Бахрихом, в спальном мешке. Он был ранен в низ живота, мне осколок попал в плечо, в мягкую ткань. Бедный Бахрих! Не добралась до дому и наша украинка, погибла вместе со своей кормилицей. А как она ее оберегала!

Выбрались из-под обломков, вынесли тяжело раненного Бахриха. На смертельно бледное лицо доктора страшно было смотреть, а когда на него падали отблески пламени, оно

становилось еще страшнее.

В первую очередь спасали раненых. Девчата работали без передышки. Они бросались в горящие вагоны, из-под обломков выносили всех, в ком теплилась хоть искра жизни. Раненых мы на время перенесли в поле, метров за 800. Появились добровольные помощники: десятник Саша Печора, Ирка Кноп, полуукраинец-получех Томан. Последнему вскоре было присвоено звание четаржа за то, что он во главе нескольких воинов сбросил с открытой платформы горящие машины с боеприпасами. Они быстро ликвидировали пожар. Не прояви Томан тогда находчивости и отваги, катастрофа была бы неминуема. Младший брат Томана побежал в деревню за повозками для раненых, а девчата поспешили в ближайший совхоз имени Николая Щорса, чтобы в школьном здании подготовить все для операций. На меня, теперь единственного врача дивизиона, свалилось сразу 54 раненых.

Советский машинист отцепил состав от вагона с боеприпасами и оттащил его подальше, затем отцепил и паровоз от вагонов. С высоты это должно было выглядеть так, будто состав разметало бомбардировкой. Благодаря хладнокровию и сметливости машиниста эшелон был спасен от полного уничтожения.

Оперировать мы начали на импровизированном столе, наскоро сколоченном из каких-то ящиков, поверх которых положили выломанную дверь. Вот и все. Нас было шестеро: три девушки, Печора, Кноп и я как хирург. Перевязочного материала не хватало, много его потеряли во время налета. Мы телеграфировали советским органам здравоохранения, прося их помочь. Теперь все зависело от наших темпов. Кое-кто умер прежде, чем попал на операционный стол. Пока мы стерилизовали инструменты, колхозницы и работники совхоза принесли солому, а наши бойцы - плащ-палатки и одеяла, из которых соорудили койки для тяжелораненых. Оперировали всю ночь до 11 часов утра.

Умер четарж Гауснер из Остравы. От тяжелой контузии у него произошло кровоизлияние в мозг.

В полночь на операционный стол положили Оту Геллера. У него были раздроблены обе ноги. Он слегка приподнялся, поглядел на свои изуродованные ноги и молча лег. Он потерял так много крови, что его нельзя было оперировать.

Геллер с трудом вытащил часы, которые лежали у него в кармане, подал мне и что-то прошептал. Я подставил ухо к его бледно-синим губам, чтобы что-нибудь понять.

- Армин, это часы моей матери. Если увидишь ее в Праге,

отдай и поклонись от меня...

Часы у меня в пилотке. Ота не дышит. Его унесли. Я не заметил, кто. Кажется, Печора и Кноп.

Принесли еще одного бойца с тяжелыми ранами на обеих ногах, к счастью, в нижней части. Одну ногу я решил ампутировать до колена, на другой кровеносные сосуды не были повреждены, и сестра залила ее сульфонамидом и перевязала. Согласно правилам советской полевой хирургии такую рану я не имел права зашивать, ибо не исключалась вторичная инфекция. Я и сейчас ясно вижу того бойца. Бледный, подавленный, кожа высохшая, температура низкая... Пока он в таком состоянии, об операции не могло быть и речи. Я подготовил противошоковые средства, чтобы он не умер тут же на столе, сделал инъекцию морфия, дал ему немного водки и распорядился укутать его в одеяло. Затем все шло, как при обычной операции в нормальных условиях: наркоз, ампутация ноги ниже колена, наложение швов... Он был так молод, этот парень. И он выжил. Как это чудесно, когда врачу удается спасти умирающего.

А наш мальчонка Толя? Ему первому была оказана помощь. Свою очередь ему уступили даже те, которые, как говорится, стояли одной ногой в могиле. Когда он выходил из нашей операционной, гордясь своей забинтованной левой рукой, раненые провожали его ласковым взглядом.

Колхозники принесли чай и кашу, сваренную из последних остатков крупы, которую им удалось уберечь от фашистов. На "кукурузнике" прилетели четыре советских медработника. Вскоре прибыл и командир бригады, белый как полотно. Он обошел раненых, руки его заметно дрожали. Для эвакуации раненых были предоставлены два газика.

В 17.00 машины выехали из Прилук в Нежин, в советский хирургический госпиталь. Там умерло еще три человека, в том числе и четарж доктор Бахрих. Остальных удалось спасти.

С нашим дивизионом ехал бронебойщик - славный, добродушный верзила, русский чех Карел Вольф, в прошлом учитель. Когда я готовился выехать в Нежин, он неожиданно обратился ко мне:

- Доктор, возьмите меня с собой.

- Что за спешка? Почему именно теперь, Карел?

- Возьмите, пожалуйста! Конечно, если у вас есть место в машине... Я сам из Нежина, у меня там семья, - тихо добавил он.

Не вдаваясь в подробности, я согласился.

Когда мы ехали, он сиял от счастья.

Прошло около четырех часов, пока я управился с делами в госпитале. Когда я вышел, Карел уже поджидал меня на улице,

как мы условились. Но в первый момент я его не узнал, так он за это время изменился. Сейчас передо мной был совсем другой человек.

- Что случилось, Карел?

- А...

Он безнадежно махнул рукой и молча двинулся к нашему газику, словно опасаясь, что его задержат. И вот мы сидим рядом в кабине.

- Родителей моих убили немцы, а жена изменила, убежала с фашистами, вдруг проговорил он глухо.

Шофер даже притормозил.

- А дети?

- О детях не знаю ничего, никто не знает.

Больше Карел не произнес ни слова, мы тоже молчали, не расспрашивали его и по возвращении в дивизион. Только с той самой поры Карел Вольф добровольно вызывался в разведку и на другие самые ответственные и опасные задания. Как-то раз его не хотели пускать, но он настаивал так упорно, что добился своего. С этого задания Карел не вернулся. Его убили в ночном бою при столкновении с вражеской разведкой у Острожан под Жашковом, тогда он уничтожил нескольких гитлеровцев.

Погибших во время воздушного налета товарищей мы похоронили в братской могиле. Там они спят и поныне: Юрай Лешко, доктор Бахрих, Ота Геллер, Камлер, Мерунка, Гауснер, Трухлы, Ян Фишер, Васил Антал, Михаил Богдан, командир 2-й батареи инженер Эрвин Фальтер, Горский и многие другие.

На этом месте, под тополем у дороги, мы поставили дубовый крест. Сколько таких могил на русской земле! И тут же над братской могилой мы поклялись отомстить врагу. Гибель товарищей усилила нашу ненависть, удвоила силы. Мы отправились дальше к линии фронта, чтобы сдержать клятву. С тех пор жители Яхновщины любовно оберегают эту могилу.

А Толя Миронов?

Он остался в Нежине, но потом, по излечении, возвратился в бригаду вместе с другими бойцами и пробыл у нас еще два месяца. Приехав к нам, он нашел товарища, мальчика на голову выше его. Этот паренек прибился к бригаде где-то в походе, сейчас уже не помню, где и как. Знаю, только, что мы звали его "Морячком". Позднее советские товарищи отправили обоих мальчиков в суворовское училище. Сейчас каждому из них по 28 лет. Где же они, как живут? Может быть, прочитав эти строки, они откликнутся и дадут о себе знать. Может, Анатолий Миронов, ныне уже лейтенант или капитан Советской Армии, вспомнит; как ходил с нашими артиллеристами на наблюдательный пункт,

как в бинокль наблюдал за разрывами снарядов и со знанием дела говорил: "Недолет", "А вот теперь здорово!". Он ликовал, когда снаряд попадал в цель.

Желаю вам счастья, ребята.

3. На Днепре

17 октября 1943 года последние подразделения 1-й Чехословацкой бригады прибыли в район сосредоточения. Вот мы и в сборе. Только все ли? Нет, с нами нет многих из тех, кто подвергся бомбардировке в Яхновщине. Некоторые из них еще прибудут, но 54 наших товарища не вернутся никогда.

Наступила ночь на 20 октября. Бригада, имея в авангарде танковый батальон, двинулась дальше на запад, в направлении на Калиту. Пехотные батальоны у местечка Свиноеды переправились через Десну и вступили в район недавних ожесточенных боев. Командиры развернули полевые карты. На картах населенные пункты, а тут одни развалины и пепелища, там - дома, а тут землянки, в которых ютятся женщины и дети. На месте некогда уютных жилищ возвышались теперь лишь трубы печей. Но мы верим: настанет время, когда здесь снова будут дома, более красивые и благоустроенные. А пока куда ни глянешь - всюду Лидице и Лежаки. Все ближе и ближе к левому берегу Днепра подходит чехословацкая бригада, бомбардируемая немецкими воздушными пиратами и приветствуемая гражданским населением и бойцами Советской Армии, которые продвигаются на запад, как неукротимый и грозный поток, как воплощение надежды и свободы.

Мощь Советской Армии растет с каждым днем. Фашистские стервятники, убедившись в превосходстве советской авиации, быстро исчезают при появлении советских самолетов. Каждую ночь бесконечным потоком к фронту идут колонны советских войск - орудия, катюши, минометы, танки...

Головные подразделения бригады подошли к Днепру. Ночь. Над Днепром - в этом месте его ширина достигает 400-500 метров - стелется легкий туман и искусственная дымовая завеса. Да, вот он, Днепр, знаменитая славянская река. Трудно перечислить все посвященные ему песни, повести, рассказы, поговорки. Днепр навсегда вошел в историю украинского народа. И вот эта полноводная река с высоким, почти неприступным правым берегом по плану гитлеровцев должна была стать непреодолимым рубежом на пути наступления советских войск.

Мы на берегу. Саперы 240-й советской дивизии с помощью местных жителей снесли сюда все, что только годится для переправы: старые лодки, бревна, доски, уцелевшие двери от сожженных домов, выдолбленные деревянные корыта,

объемистые бочки - и замаскировали в прибрежных кустарниках и камышовых зарослях.

Молодой капитан инструктирует наших саперов; он объясняет сжато, с большим знанием дела и в то же время не может скрыть своей радости, что им удалось перехитрить противника.

Днем гитлеровцы ничего не могли обнаружить на этом берегу. А едва наступала ночь, саперы, пехотинцы и местные жители принимались за дело. Они плели, сколачивали, связывали, промазывали, короче говоря, делали плоты и лодки. Место, избранное для форсирования Днепра с целью прорыва гитлеровского "восточного вала", не привлекло внимания противника. Умелыми действиями советского командования силы гитлеровцев были скованы на другом участке, значительно удаленном от места готовящейся переправы. Правда, и здесь, как и на многих участках фронта, советская артиллерия время от времени тоже вела огонь по врагу. И гитлеровцы так привыкли к этим демонстративным огневым налетам, что уже не связывали их с попытками преодолеть Днепр. И вот наконец настала ночь, когда все переправочные средства были спущены на воду. То тут, то там слышались всплески воды. Их заглушал грохот выстрелов советской артиллерии. Фашистские бандиты, те самые, что осуществляли тактику "выжженной земли", те, что живьем закапывали в землю советских людей, топили их в колодцах или вешали на деревьях, не знали, что расплата близка. Эти разбойники и палачи, еще недавно вырезавшие пятиконечные звезды на нежной коже русских и украинских детей, теперь обезумели от страха, когда в их окопах начали рваться ручные гранаты, а штыки первого эшелона советской пехоты стали разить их насмерть. Некоторые из них пытались спастись бегством, но тщетно - огонь советских воинов настигал их.

Немного придя в себя, фашисты попытались вернуть утраченные позиции. В небо взвивались бесчисленные серии ракет, с самолетов посыпались "фонари", вспыхивали прожекторы.

Все огневые средства противника вели интенсивный огонь. Любой ценой пытались гитлеровцы уничтожить переправившиеся на правый берег подразделения советской пехоты. Чтобы застать врага врасплох, советские пехотинцы форсировали реку без применения современной переправочной техники, хотя ее имелось у Советской Армии более чем достаточно. Время заставляло торопиться, а операция с использованием технических переправочных средств потребовала бы слишком долгой подготовки, к тому же ее было бы трудно провести скрытно от врага. Первый эшелон - 507 солдат и офицеров Советской Армии,

507 героев в подлинном смысле слова, - оттеснив врага, окопался на правом берегу и теперь отражал одну контратаку за другой, не отступая ни на шаг, несмотря на потери. Вскоре начал переправляться второй эшелон.

Удержаться во что бы то ни стало! Река под сплошным градом снарядов была похожа на огромный, ярко освещенный бурлящий котел. Вода обагрилась кровью, многие бойцы навсегда исчезли в волнах. Но вот уже и третий эшелон спустился на воду. Одни на плотах и лодках, другие, держась рукой за какую-нибудь доску или бревно, спешили на правый берег. Некоторые работали в воде только ногами и одной рукой: в другой они держали над водой винтовку или автомат. Второй эшелон выбрался на правый берег Днепра, а вместе с ним и первые противотанковые орудия. Раненых отправляли на левый берег.

Вскоре на правом берегу начался новый штурм вражеской обороны - это третий эшелон советской пехоты поднялся в атаку, и остановить его было невозможно.

Бои за плацдарм на правом берегу завершились победой. Саперы навели понтонный мост, но фашистская авиация разбомбила его. Уже третий день идут бои на правом берегу, куда переправилась почти целая дивизия.

Посылаю командира нашей саперной роты надпоручика Вацлава Коваржика (ныне автора книги "Боевой путь чехословацких саперов во второй мировой войне - СССР") в штаб переправы. Два советских офицера провожают Коваржика к переправе, но он не видит ее.

- Вы ищете переправу? Она тут.

Тишина. Рассвет. Над гладью Днепра клубится туман. По берегу разбросаны обгорелые остатки деревянных конструкций моста.

- Они дважды разбивали нашу переправу, - объясняет советский офицер. И могли бомбардировать ее уже вслепую. Тогда мы решили, что не будем больше лезть на рожон и каждый день наводить новый мост, чтобы он служил врагам мишенью. Мостовые конструкции мы расположили на понтонах. Перед рассветом разбираем их и маскируем в прибрежном тростнике. Как только наступает вечер, мы ставим дымовую завесу и с помощью моторных понтонов за какой-нибудь час наводим переправу.

На первый взгляд просто. А ведь длина моста 460 метров. По нему уже прошли и нагруженные машины, и мощные танки, и тяжелая артиллерия, словом все, что было сосредоточено для решительного наступления на правый берег Днепра.

Рано утром на рассвете прилетели гитлеровские самолеты-

разведчики, они долго кружились над местом переправы. Нет, здесь ничего не изменилось. Та же картина, что и после последней бомбардировки. И опять ночь. Опять мост соединяет оба берега и исчезает под густой пеленой дымовой завесы.

- Ваша бригада включена в график переправы. Давайте сверим часы, товарищ надпоручик, и будем полагаться на точность. До свидания!

Понтонный мост. По нему в строжайшем порядке движутся дивизия за дивизией, корпус за корпусом, орудие за орудием, танк за танком, автомобиль за автомобилем; непрерывным потоком идут всю ночь, чтобы к утру мост вновь исчез и стервятники Геринга не смогли его обнаружить. Советские войска начали бои за расширение плацдарма севернее Киева.

Ночь на 23 октября 1943 года. Тепло, на переправе спокойно.

"Идти не в ногу!" Неизбежная команда, чтобы не раскачивался понтонный мост. Батальон за батальоном, рота за ротой 1-я Чехословацкая бригада переходит на землю Правобережной Украины и, продвигаясь далее, вступает в обширный лесной массив западнее Лютежа. На заре переправился танковый батальон, а ночью 24 октября - тыловые подразделения. Наконец-то здесь сосредоточилась вся бригада. Это произошло ровно через месяц после того, как советские войска захватили и удержали первый плацдарм на правом берегу Днепра в 90 километрах севернее Киева. Под усиливающимися ударами советских войск линия фронта повсеместно отодвигается на запад: на Десне, у Чернигова, Смоленска, Брянска. Несколько дней назад войска 1-го Украинского фронта (так стал именоваться теперь Воронежский фронт) под командованием генерала Ватутина отвоевали и тот плацдарм в 20 километрах к северу от Киева, куда прибыла наша бригада.

1-я Чехословацкая бригада вошла в состав 51-го корпуса 38-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов; она временно оставалась в лесу, в трех километрах к западу от Лютежа и в 20 километрах от Приорки, северного предместья Киева.

Противник предпринимал непрерывные, но безуспешные попытки ликвидировать захваченный советскими войсками плацдарм на правом берегу Днепра, где сосредоточивались соединения 1-го Украинского фронта.

Приказываю частям окопаться, подготовить укрытия для орудий, автомобилей и лошадей, занять круговую оборону и держать в ночное время в полной боевой готовности треть личного состава. В штаб 38-й армии высылаю офицера связи. Через некоторое время нам ставится задача занять оборону южнее

Демидова на северной опушке леса. В Демидове гитлеровцы. Нас отделяет от них речка Ирпень, северная граница захваченного советскими войсками плацдарма.

Вместе с боевыми подразделениями сюда же подтянулись и тыловые подразделения бригады. Мы не располагали достаточными техническими кадрами, и поэтому к нам было прикомандировано много советских шоферов. Днем и ночью автомашины шли через Днепр, доставляя продовольствие, медикаменты, зимнее обмундирование, горючее, запасные части, боеприпасы - все, что было необходимо для обеспечения боевых действий. Военные шоферы умело справлялись со своей задачей не только в спокойной обстановке, но и когда по колонне эстафетой проносилась команда "Стой! Воздух!". Автоколонны замирали, выжидая окончания схватки между советской зенитной артиллерией и вражеской авиацией. А эти поединки теперь всегда заканчивались победой советских зенитчиков.

25 октября наша бригада была усилена советским 868-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, который временно составил наш огневой резерв. В тот же день в 22.00 противник открыл интенсивный огонь по всему фронту обороны бригады. Все подразделения заняли свои места, саперы установили шесть минных полей. Но атаки гитлеровцев не последовало. В полночь огонь противника стих. На следующий день успешно действовали наши минометчики, которые уничтожили несколько огневых точек противника и нанесли ему потери в живой силе. Снайперы Млавец, Куля, Валента и Галас с расстояния в 700 метров метким огнем уничтожили несколько фашистов; воину Погорильяку удалось поразить цель даже на расстоянии в 900 метров.

Поручик Антонин Сохор докладывает мне:

- Господин полковник, я высказываю мнение всего личного состава роты автоматчиков и свое личное желание. Мы полностью подготовлены, но слишком долго ждем. Пошлите нас в Демидово, и мы быстро разделаемся с гитлеровцами. Прошу вас об этом, вся рота просит.

Я успокаиваю его, объясняю обстановку; Сохор, кажется, понял, но не успокоился. Его настроение характерно для личного состава всей бригады: воины выражают желание быстрее начать, ударить по врагу. И дисциплина от этого нетерпения ничуть не страдает.

Неоценимую помощь оказали нам офицеры и унтерофицеры отдела просвещения. Им принадлежит немалая заслуга в том, что накануне боев, нового, более важного этапа нашего боевого пути, бригада находилась в полной боевой готовности, была крепко

сплочена как морально, так и политически. Это в значительной мере явилось результатом последовательно проводимой политической работы десятков коммунистов, которых возглавлял доктор Ярослав Прохазка. Они по праву завоевали авторитет и полное доверие у воинов, особенно Ченек Грушка, Альфред Бенедикт, Васил Дуб, Венделин Опатрны, Яромир Махач, Попюк, Малина, Рейсман, Хован, Петранкова, Энгель и другие.

4. Наступаем!

Получен приказ командующего 38-й армией: начать наступление 3 ноября 1943 года. От нашей бригады в артиллерийской подготовке наступления советских войск должны были принять участие гаубичные батареи 1-го артиллерийского дивизиона.

Наконец-то! Дела наши шли как нельзя лучше. Мы получили сообщение, что 30 октября под Мелитополем на сторону Советской Армии почти в полном составе перешла словацкая дивизия. Мы послали туда трех своих парашютистов четаржей Блажичку и Грюна и десятника Юрая Лакоту с листовками и фотографиями словацких товарищей, которые уже раньше во главе с Павлом Марцелли перешли на сторону советских войск, а также с моим личным письмом командиру дивизии генералу Юреху.

Первоначально планировалось, что в боях за Киев бригада будет наступать во втором эшелоне на правом фланге 38-й армии, то есть как бы снова повторялось предложение генерал-полковника Голикова, который в свое время, желая уберечь нас от потерь под Харьковом, направил на менее трудный участок фронта - против венгерско-фашистских частей. Но как тогда, так и теперь мы с этим не согласились. Я прибыл к командующему армией генерал-лейтенанту Чибисову и доложил:

- Я не согласен наступать во втором эшелоне и лишь обеспечивать правый фланг тридцать восьмой армии. Поймите настроение чехословацких воинов. Ведь мы идем на Киев, и наступление на него для нас - наступление на вражеские позиции перед Прагой. Ваша борьба - наша борьба. Пусть нас мало, не мы хотим сражаться бок о бок с вами. Нельзя допустить, чтобы вы одни тянули всю повозку войны, а мы бы в ней только катились. Мы желаем наступать в первом эшелоне.

- Тогда прошу, выберите сами направление своего наступления, - сказал генерал Чибисов, показывая на карту.

На оперативной карте я отметил, где бы мы хотели действовать.

- Но ведь это направление главного удара! - возразил командующий армией.

- Знаю, - отвечал я. - Но если нам будет оказано такое доверие, мы оправдаем его. Свою боевую задачу выполним с честью.

Генерал-лейтенант Чибисов наконец согласился, хотя и с оговоркой, что он должен выяснить, не будет ли возражений у командования фронта. Командующий фронтом генерал Ватутин и член Военного совета Н. С. Хрущев не возражали. Таким образом, вскоре на карте появилась вытянутая дугообразная стрела, которая указывала направление нашего наступления к центру Киева, к центру города, напоминающего Прагу не только размерами и численностью населения, но и архитектурой и своим расположением на берегу реки, своими районами Вышгородом и Подолом, очень близкими по названию к нашим Вышеграду и Подоли. Киев - прекрасный, величественный город. Киев - столица Советской Украины - издавна близок нашим людям.

Перед самым началом операции генерала Чибисова отозвали в Москву и назначили на должность начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе. Командование 38-й армией принял генерал-полковник К. С. Москаленко.

Я снова обошел подразделения бригады, поговорил с воинами, ответил на их вопросы, дал последние указания и советы. Убедившись еще раз, что части и подразделения бригады хорошо подготовлены к предстоящим боям, напутствовал воинов:

- Сражайтесь за Киев так, как вы стали бы сражаться за Прагу и Братиславу. Именем наших народов и тысяч убитых и замученных - не щадите врага!

Последние слова были произнесены под грохот начавшегося могучего артиллерийского наступления, которое открыли гвардейские минометы - катюши. Советская артиллерия, плотность которой здесь достигала 350 артиллерийских орудий на километр фронта, не считая минометов и катюш, в течение 40 минут вела непрерывный огонь по оборонительным позициям врага. В результате оборона гитлеровцев была буквально взорвана, а немногие оставшиеся в живых фашисты обезумели от ужаса. Да, этого Гитлер и его стратеги не ожидали. Фашисты были убеждены, что им удастся перезимовать за Днепром, что "восточный вал" выдержит напор советских войск и задержит их наступление самое меньшее на полгода. Чтобы возможно больше затруднить советским соединениям наступление в зимних условиях, гитлеровцы выжгли все населенные пункты в 20-30-километровой полосе к востоку от Днепра.

Такого мощного наступления советских войск не ожидали и стратеги союзнического Запада, а тем более военные и политические деятели чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне.

В артиллерийской подготовке при прорыве обороны противника принимал участие 1-й артиллерийский дивизион нашей бригады. Дивизион подавил две вражеские артиллерийские батареи и одну минометную. За время артподготовки дивизион выпустил 3133 снаряда.

В ночь на 4 ноября бригада по заболоченным дорогам переместилась в лес юго-западнее Вышгорода. Утром 5 ноября в тесном взаимодействии с советскими частями мы отразили контратаку врага со стороны Приорки. Накануне войска 38-й армии прорвали оборону противника у Вышгорода и ночью овладели Детским санаторием, откуда мы через несколько минут должны были наступать.

Незадолго до начала наступления мы потеряли ценного человека, моего помощника поручика Константина Гибнера. Гибнер поддерживал связь со штабом 38-й армии. На пути в штаб 51-го корпуса он подорвался на мине. Так оборвалась жизнь молодого патриота, коммуниста и способного инженера-химика, который пришел к нам в Бузулук и участвовал в боях 1-го батальона под Соколово. Погиб Костя - веселый, остроумный и мужественный офицер, его любил весь личный состав бригады. Он дошел до предместья Киева, но увидел его колокольни только издали, с советского артиллерийского наблюдательного пункта.

Вскоре мы убедились в том, что нам действительно оказано большое доверие и что мы действуем на направлении главного удара. В то время как на правом фланге 38-й армии танковым частям удалось занять Беличи и выйти к шоссе Киев - Житомир, продвижение в полосе наступления 51-го корпуса замедлилось. Здесь противник оказал особенно упорное сопротивление. Мы знали, что действуем на наиболее ответственном направлении, помнили, что сами просили командование 1-го Украинского фронта использовать нашу бригаду на направлении главного удара, о своем обещании, данном через командующего 38-й армией Н. С. Хрущеву и Н. Ф. Ватутину. Разве можно обмануть их доверие, изменить слову? Нет! Мы будем такими, как автоматчики Сохора, защитники Соколово, гвардейцы Билютина, как 507 героев, вырвавших у ошеломленного врага первые метры Правобережной Украины севернее Киева. Задача должна быть выполнена, и она будет выполнена во что бы то ни стало!

5 ноября 1943 года под сильным минометным и артиллерийским огнем 1-я Чехословацкая бригада заняла исходное положение для наступления на Киев в районе Детского санатория. Бригада действовала в полосе 51-го советского стрелкового корпуса, которым в то время командовал Герой Советского Союза генерал-майор Авдеенко. Справа наступала 136-я, слева - 240-я стрелковые дивизии.

Начало наступления было назначено на 12.30. Последние минуты перед наступлением особенно томительны. Глаза внимательно следят за стрелками часов, сердце бьется чаще, горло перехватывает от волнения. Последние десять секунд. Внимание! 12.30. Вперед!

Справа одновременно с нами атаковали 12 танков, поддерживающих 136-ю дивизию; мы шли вперед и невольно то и дело поднимали головы, чтобы взглянуть на штурмовики, которые советское командование выделило для поддержки нашего наступления. Левофланговый батальон нашей бригады продвигается медленно. Ожесточенное сопротивление фашистов сдерживало наступление 931-го стрелкового полка 240-й дивизии, но ждать было нельзя. Самая лучшая помощь соседу - это собственное энергичное продвижение; однако с каждым шагом все более увеличивался разрыв нашего левофлангового батальона с соседом. Вперед! Только вперед! Наступление развивалось успешно; наши танки вместе с десантом - автоматчиками поручика Антонина Сохора - наступали впереди пехоты. Танкисты и автоматчики уже вышли на рубеж ближайшей задачи бригады. Из-за ураганного огня противника со стороны Приорки 2-й батальон оказался несколько позади. Однако бойцы

старались не отставать от советских воинов, наступающих справа.

Выполнив ближайшую задачу, 2-й батальон остановился перед глубоким и широким противотанковым рвом, прикрытым минным заграждением. Саперы получили задание проделать проходы. Они действовали умело: быстро обезвредили противотанковые и противопехотные мины, проделали проход через противотанковый ров.

Каким-то чудом вышел невредимым из-под града вражеских осколков ротный Иван Быстранин. Он и его отделение проделали еще один проход для танков и пехоты. Такую же работу под ураганным огнем врага выполнил со своим взводом четарж Кисела. А когда проходы были готовы, его взвод, действуя как обычное стрелковое подразделение, вел бой вместе с пехотинцами. Вперед прошли танки с автоматчиками, за ними - пехота; и воины взвода Киселы вновь стали саперами.

Наши танки и автоматчики Сохора, а за ними и стрелковые подразделения преодолели ров и устремились вперед. Надо было спешить с выполнением последующей задачи и до наступления темноты продвинуться как можно дальше.

На окраине города завязался бой. 1-й батальон, продвинувшись вперед, встретил сильное сопротивление противника в районе Питомника. Уничтожив вражеские огневые точки огнем противотанковых орудий, роты 1-го батальона завязали бой на опушке леса в районе наблюдательной вышки. Впереди батальона наступали танки, справа Т-34, слева Т-70 во главе с подпоручиком Тесаржиком. Впереди шел командирский танк "Жижка", за ним - танки подпоручика Писарскы, ротного Мирослава Гехта, ротного Ясиока, четаржа Тоушки, четаржа Вавры, десятников Несухы и Бидзилы. На танках - автоматчики Антонина Сохора, за танками шли саперы; за левым флангом продвигались противотанковые орудия.

Нет, теперь уже не то, что было в бою под Соколово! Техника придала силу и размах наступлению. Танки шли по отлогому склону. Огнем из орудий подавляли вражеские огневые точки, вели борьбу с танками, уничтожали пехоту противника.

Танк "Лидице" (командир четарж Гехт) уничтожил два противотанковых орудия и три вражеских пулемета. Ротный Рудольф Ясиок поджег тяжелый вражеский танк "тигр", уничтожил три противотанковых орудия, четыре пулемета и не менее 20 гитлеровцев.

Автоматчики атаковали вместе с танками и, умело маневрируя, смело завязывали ближний бой. Они завершали то, что не успевали сделать танкисты. Отделение автоматчиков из 1-го батальона под командованием десятника Кошта уничтожило

станковый пулемет противника и тем расчистило дорогу пехоте. Отважный подпоручик Сергей Петрас, командир взвода автоматчиков, оказался достойным своего командира роты Сохора. Его взвод неудержимо продвигался вперед, уничтожая пулеметные точки и пехоту врага.

Действия 1-го пехотного и танкового батальонов, роты автоматчиков, противотанкового дивизиона и всех воинов бригады навели на фашистов панический страх. Бой представлял собой захватывающую картину, какую вряд ли в состоянии отобразить даже замечательный художник или великий писатель.

Правый фланг 1-го батальона оказался под пулеметным огнем гитлеровцев, но подпоручик Оленич, увлекая за собой свой взвод, устремился вперед; за ним - Завтук, Белица, Шмидт и остальные. Завтук бежал с ручным пулеметом на плече. Время от времени он останавливался и вел огонь короткими очередями.

- Вперед! - крикнул Оленич, но тут же упал.

За Завтуком бежал Гусинец. Упал и Завтук: ранение в ногу. Оленич убит. Но останавливаться нельзя! Если не можешь идти, ложись, успокой дыхание и снова вперед, не отрывайся от товарищей и не задерживай их! Вперед, перебежками вперед!

Под сокрушительным натиском 1-го батальона противник, оставив на поле боя убитых и раненых, отошел из района наблюдательной вышки.

На левом фланге 1-го батальона наступала 2-я рота под командованием словака надпоручика Павла Марцелли. Она прикрывала левый фланг батальона, так как 2-й батальон несколько отстал. Коммунисты Марцелли, Ясиок, Гехт, Петрас и другие своими действиями доказали, что у них слово не расходится с делом. Впрочем, все наши воины прекрасно понимали ту ответственность, которую возлагало на нас оказанное доверие - наступать на направлении главного удара.

При поддержке самоходного орудия "фердинанд" и нескольких танков гитлеровцы оказали нам упорное сопротивление юго-восточнее хутора Дегтяри и у моста на Житомирском шоссе.

После 30-минутного огневого налета автоматчики танкового батальона вместе с 1-й ротой и одним взводом 3-й роты 1-го батальона, следуя за танками, ворвались на окраину города.

Танки Т-34 обошли опорные пункты противника справа и вместе с разведывательным взводом 1-го батальона заняли подготовленный немцами к взрыву мост на Житомирском шоссе. Автоматчики офицера Сохора прочесали местность около моста. Левофланговая рота 1-го батальона и 2-й батальон, преодолев сопротивление противника, по труднопроходимой местности

достигли первых домов на окраине хутора Сырец.

Около 16.00 командир 2-го батальона попросил оказать ему помощь танками. Командиру роты танков Т-70 подпоручику Тесаржику по радио было приказано атаковать юго-западную окраину Сырецких лагерей. Используя поддержку танков и введя в бой резерв, командир 2-го батальона предпринял обходный маневр слева и атаковал противника с тыла. В результате совместных усилий танковой роты и резерва 2-го батальона при поддержке артиллерийской батареи, уничтожившей огнем прямой наводки несколько огневых точек, к 17.00 удалось сломить сопротивление противника и в этом районе. Таким образом, левый фланг бригады также выполнил поставленную перед ним задачу.

Этим была создана возможность для дальнейшего продвижения левого соседа бригады - 931-го стрелкового полка 240-й дивизии.

В момент, когда подразделения на левом фланге бригады вели тяжелый бой за Сырецкие лагеря, 1-му пехотному и танковому батальонам была поставлена задача - несмотря на трудную обстановку на левом фланге, продолжать наступление в направлении центра Киева.

Используя поддержку советских танков, действовавших на правом фланге 1-го батальона, 1-я рота и один взвод 3-й роты, решительно атаковав после короткой остановки у железнодорожного моста, в 16.30 вышли к железной дороге южнее кинофабрики. Там они снова были остановлены сильным огнем противника с высоты 166,4.

При поддержке огня советских танков и приданной, противотанковой батареи 1-я рота обошла высоту 166,4 с юга; в это же время воины 3-й роты вели бой у железной дороги. Под угрозой полного окружения противник начал отход. Так, в 17.45 1-я рога и один взвод 3-й роты 1-го батальона с батареей 76-мм пушек выполнили задачу, которая им ставилась на 5 ноября.

Когда 1-й батальон овладел высотой 191, открылась панорама Киева. Горящий город представлял страшную картину. Гитлеровцы, видя, что им придется отступить, решили - уничтожить прекрасную столицу Украины. Они взрывали одно строение за другим, уничтожали промышленные предприятия, административные здания, склады, дворцы культуры. Чехословацкие воины поклялись беспощадно уничтожать фашистов и не допустить подобных зверств у себя на родине.

Рота танков Т-34 с автоматчиками танкового батальона, наступая вдоль Житомирского шоссе, к 16.00 вышла к заводу "Большевик". Танки "Соколово", "Яношик" и "Лидице" обошли

завод. За передними танками шел танк "Жижка".

Перед самым заводом к танку "Жижка" подбежали две девушки. Тяжело дыша, они сообщили, что территория завода занята гитлеровцами, и показали замаскированную огневую позицию батареи противника. Несколькими выстрелами наших танковых пушек вражеская противотанковая батарея была уничтожена.

Кто эти женщины? Одна - Ольга Кучерова, дочь чеха и украинки; фашисты казнили ее мужа. Вторая - Лида Уваренко, коммунистка и партизанка. Спасибо вам за нас и за Киев, стонавший от тяжелых ран, но продолжавший бороться за свою свободу. Эту борьбу вели и Ольга Кучерова, и Лида Уваренко.

"Жижка" разбил ворота завода, уничтожил вражеский бронетранспортер с боеприпасами. Танки "Лидице", "Яношик" и "Соколово" блокировали завод снаружи, а автоматчики, словно шмели, проникли во все его объекты.

Энергично действовал танковый взвод, которым командовал подпоручик Лумир Писарскы, один из самых молодых, но наиболее отважных и сообразительных офицеров. Четарж Васил Кобулей, механик-водитель танка, остановил свою машину. Откуда-то сбоку раздался выстрел. Сильный удар по броне - она выдержала. Огонь с фланга? Откуда? Не иначе как с завода. По-видимому, где-то там укрылся "фердинанд", может быть, один-единственный, но его позиция более выгодная. Стоять нельзя, на открытом месте танк - легко уязвимая цель.

- Обойти "фердинанд", подавить огонь! - приказал командир роты.

- Ну, Васил, вперед! - скомандовал Писарскы.

На пути овраг, наклон - 40 градусов. Плохо. Ведь на броне автоматчики. Осторожно, но решительно Васил повел машину по склону оврага.

Благополучно преодолев овраг, танкисты увидели не один "фердинанд", а два. Стоп! Прямой наводкой... Огонь!.. "Фердинанд" вспыхнул. Такая же участь постигла и вторую самоходную установку врага.

По радио передали:

- Внимание налево, внимание налево... Ближайший дом. Внимание!

Новый очаг сопротивления? Нет! В окнах лица, искаженные страхом. Какая-то женщина в отчаянии машет обеими руками. Платок сполз с ее головы, волосы растрепались. Понятно. Предупреждает, просит, чтобы не стреляли. Нет, это не ловушка. Стоп! Автоматчики соскочили с танка и быстро окружили дом. 40 женщин и детей, 40 заложников избежали бессмысленного

уничтожения в последнюю минуту.

В то время как эти подразделения полностью овладели заводом - важным опорным пунктом немецкой обороны на подступах к центру города, - рота надпоручика Марцелли завязала бой за кинофабрику и зоологический парк. Начал подтягиваться и левофланговый 2-й батальон, который понес значительные потери. Он вел бой в Сырце, там же успешно действовали 1-я рота капитана Загора и 2-я рота надпоручика Бичиште.

Станковые пулеметы роты Арношта Штейнера уничтожали одну огневую точку врага за другой. За две войны, в которых я участвовал, мне довелось наблюдать немало примеров отваги, но, поверьте, я никогда не видел такого мужества и такого умения руководить подразделением, какое проявил Штейнер невысокий, мускулистый, подвижной боец, разумный командир, с крупными чертами лица и черными глазами. Он появлялся всегда там, где был более всего нужен; спокойно, сосредоточенно и энергично руководил стрельбой, указывал цели и вел себя под градом пуль так, словно находился в школе у классной доски.

Левофланговый 2-й батальон все еще отставал. Ему на помощь направились танки подпоручика Тесаржика с задачей - атаковать противника с тыла в предместье Сырец. Танки и взводы автоматчиков Войтеха Черны и Олдржиха Квапила обошли фашистов с фланга. Мы несли потери убитыми и ранеными, но гитлеровцы побежали. Жаль, что их бегство не могли видеть многие наши воины, погибшие в этом бою.

Поставленная бригаде задача близка к выполнению. Главное теперь быстрее прорваться к центру Киева и расчленить фашистскую группировку. Следовательно, надо наращивать темп наступления, несмотря на то что 2-й батальон еще отставал. Зато танковый батальон вместе с автоматчиками и 1-й батальон уже выходили на рубеж задачи дня.

Усталость от предыдущих бессонных ночей и сегодняшнего напряженного боя сковывала ноги, сжимала виски, затуманивала глаза. Давали знать о себе раны, хотя и не тяжелые, но пока лишь наспех обработанные санитарками. Однако наступательный порыв наших воинов не затухал. Они помнили, что действуют на главном направлении и что от их успеха зависит многое.

Овладев в 18.00 кинофабрикой и быстро продвинувшись вдоль Житомирской улицы, рота танков Т-70 с одним танком Т-34 и взводом автоматчиков прорвалась к центру города и уже в 19.00 вышла к пассажирскому вокзалу Киев-1, где - встретила упорное сопротивление противника. В завязавшемся здесь бою чехословацкие танкисты совместно с автоматчиками 2-го

батальона и взводом саперной роты в 20.00 овладели вокзалом и спасли от разрушения мост и другие железнодорожные объекты.

К 22.00 вышел на рубеж задачи дня и 2-й батальон, его 1-я рота продвинулась туда раньше. Заняв оборону на высоте западнее вокзала, 2-й батальон установил связь с 1-м.

В Волейкове, куда тем временем переместился командный пункт бригады, мы получили приказ командира 51-го стрелкового корпуса: в 6.00 6 ноября возобновить наступление.

Немцы, узнав, что танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Рыбалко отрезала им пути отступления, решили разрушить город. Над Киевом нависла смертельная опасность. Речь шла не о часах, а о минутах, поэтому останавливаться было нельзя. В 24.00 меня вызвал к телефону генерал-полковник Москаленко и без всякого шифра приказал:

- Продолжайте наступление. Не смотрите на соседей слева и справа, наступайте так, чтобы к рассвету шестого ноября Киев был полностью освобожден!

В этот день, ведя разведку, автоматчики и один взвод 1-го батальона встретили 150 киевских пожарных, которым оккупанты приказали вывести из Киева около 30 пожарных машин. Пожарные отказались выполнить приказ гитлеровцев и до прихода советских войск скрывались в развалинах. Так чехословацкие воины нашли проводников, отлично знающих город.

Пополнив запасы горючего и боеприпасов, рота танков Т-70 со взводом автоматчиков и взводом саперов в 2.00 продолжала наступление. В 6.50 наши танки вышли на западный берег Днепра южнее Киево-Печерской лавры. Рота танков Т-34 подошла к Днепру в 7.30.

1-я Чехословацкая бригада одной из первых достигла правого берега Днепра. Остатки разбитых частей противника в ночь на 6 ноября отступили из Киева.

В боях за Киев 1-я Чехословацкая бригада уничтожила 1 самолет противника, 4 танка и 2 самоходные артиллерийские установки "фердинанд", 7 автомашин с солдатами и грузом, 4 артиллерийские батареи, 22 дота, 31 дзот, 41 станковый и 24 ручных пулемета, около 630 немецких солдат и офицеров.

Киевляне, бледные и изможденные, выходили из подвалов и подземелий и вдыхали свежий воздух первого утра свободы. Они запрудили улицы, по которым проходили победоносные войска, смеялись, плакали, махали руками, обнимали уставших и смущенных бойцов, старались чем-нибудь угостить их. Верующие старушки осеняли крестом чехословацких и советских воинов. Затем на нашу долю выпала еще большая слава. Приказом

Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам 1-го Украинского фронта, участвовавшим в освобождении Киева, в том числе и 1-й Чехословацкой бригаде. Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду и ее командира орденом Суворова II степени и 139 офицеров и солдат советскими орденами и медалями. Эта честь и слава принадлежали в первую очередь нашим 30 павшим и 80раненым товарищам.

Поздравляя весь личный состав бригады, секретарь ЦК КП(б)У, член Военного совета 1-го Украинского фронта Н. С. Хрущев писал в те дни: "Столица Украины - древний славянский Киев - никогда не забудет, что за его освобождение плечом к плечу с воинами доблестной Красной Армии сражались... и героические братья - сыны чехословацкого народа".

Все наши солдаты, унтер-офицеры и офицеры в боях за Киев действовали отважно. Они показали, что достойны своих боевых друзей - воинов славной 240-й стрелковой дивизии, захватившей первый плацдарм на правом берегу Днепра у Лютежа, танкистов П. С. Рыбалко и всех других участников боев за Киев. Но лучшими из наших воинов были все-таки автоматчики и танкисты.

И не удивительно, что на первом месте среди награжденных после Отакара Яроша стоят имена Героев Советского Союза поручика Антонина Сохора и подпоручика Рихарда Тесаржика; орденом Ленина были награждены подпоручик Сергей Петрас и надпоручик Владимир Янко; ротмистр Бернард Бражина был удостоен ордена Красного Знамени. Несколько позже чехословацкое правительство прислало нам военные кресты и медали "За храбрость".

Наша бригада недолго оставалась в Киеве. 6 ноября в 15.00 ее первые походные колонны вышли в направлении Софиевской Борщаговки, чтобы там в качестве резерва 38-й армии занять оборону и быть готовой к отражению возможных контратак гитлеровцев с запада и юга.

Советская Армия продолжала гнать противника на запад по всему фронту. 7 ноября 1943 года были освобождены Фастов, Коростень, Бердичев, Радомышль, а 13 ноября - Житомир.

Еще около двух месяцев продолжались ожесточенные бои на Правобережной Украине, и они завершились полной победой советских войск.

5. Наступление продолжается

По приказу командующего 38-й армией наша бригада выступила из Василькова. Ясные дни тихой, теплой осени миновали, и дождливая погода сопровождала походные колонны до самого района сосредоточения. Навстречу нам по раскисшей

дороге нескончаемой вереницей брели военнопленные. Козырьки их серо-зеленых фуражек низко опущены на лбы, и из-под них на нас косо смотрят испуганные глаза побежденных и укрощенных волков. Вот во что превратили их Гитлер и фашистская пропаганда. Эти люди, которых когда-то в муках родили на свет матери, которые были детьми с детскими, чистыми мечтами и желаниями, стали машинами для убийств, грабежей и уничтожения целых народов. Им вбили в головы гнусную, античеловеческую теорию о расовом и национальном превосходстве и тем заранее оправдали в их представлении самое чудовищное насилие. А теперь? Едва ли я встречал где-либо более опустившийся и трусливый сброд.

- Почему вы убивали?

- Гитлер капут! Я не стрелял!

Согнутая спина, кривая улыбка и подобострастный взгляд сопровождают эту сотни раз повторяемую ложь.

- Давай вперед! - поторапливает пленных советский конвоир.

Фронт западнее Киева находился, разумеется, в постоянном движении. И нередко случалось так, что отдельные группы противника на какое-то время, иногда с определенным заданием, а то и случайно, оказывались в тылу наших и советских частей, пока их окончательно не ликвидировали.

Прекрасно замаскированные огневые позиции батарей нашего 1-го артиллерийского дивизиона находились в какой-то деревне рядом с церковью и огневой позицией тяжелой советской батареи. Последняя располагалась прямо у церкви. Не успели наши артиллеристы открыть огонь, как сами оказались под вражеским артиллерийским и минометным обстрелом. В подобном положении разумный выход один - быстро сменить огневую позицию. Наши артиллеристы моментально перешли на новое место, но и там на них посыпались вражеские снаряды и мины. Тогда воины оборудовали новую, ложную огневую позицию, а орудия разместили в другом месте. Однако история повторилась, причем прицельный вражеский огонь обрушился на действительную, а не на ложную позицию. Весьма и весьма любопытно было и то, что огневая позиция советской тяжелой батареи не подвергалась обстрелу, хотя находилась неподалеку от нашей.

Между тем с наблюдательного пункта сообщили, что телефонная связь с батареей нарушена. Томан-старший немедленно послал людей исправить повреждение. Связисты пошли по проводу, отыскали и устранили повреждение, подключили аппарат и услышали:

- Links dreizehn{15}.

Это еще что такое? Каким образом в линию включились немцы? Вскоре тайна была раскрыта. Немцы натолкнулись на наш провод и использовали его для связи между своей батареей и наблюдательным пунктом, находящимся под самым куполом церкви, неподалеку от огневых позиций 1-го Чехословацкого артиллерийского дивизиона. Оттуда вражеский наблюдатель видел нас как на ладони. О советской тяжелой батарее он не сообщал: она располагалась слишком близко к его наблюдательному пункту, и, если бы он скорректировал огонь на нее, была бы уничтожена и церковь, а вместе с нею и он сам. А этого ему, понятно, не хотелось. Наши ребята тут же обнаружили наблюдателя и ликвидировали его.

После проведенных боев и 140-километрового перехода бойцы приводили себя в порядок и отдыхали. Чистка, мытье, бритье - все как обычно в подобных случаях.

- Погодите, ребята, там что-то случилось, - вдруг произнес шкодовец Рот и быстро зашагал назад по дороге.

Как поседел он с того времени, когда на подмостках бузулукских казарм исполнял свою любимую песню.

- В чем дело? - обратился Рот к группе советских солдат, среди которых находился младший лейтенант.

- Да вот тут два орудия заклинило, ничего не можем сделать, - объяснил советский офицер. - А к вечеру должны быть на месте. Как быть? А кто ты?

- Чехословак.

- Ну, здравствуй!

Советские бойцы приветливо заулыбались. Чехословак - это хорошо, но что делать с орудиями?

- Дайте-ка я посмотрю!

- Ну что ж, посмотри, пожалуйста.

Подошли ребята Рота, вытащили инструменты. Не" вольно приходит на память Бузулук, весна прошлого года, Кировский завод. Как там восхищались и совершенно справедливо - мастерством шкодовцев! Неисправности обоих орудий Рот устранил за ночь. Мы охотно простили нашим орудийным мастерам эту задержку, да, собственно, ее и не было, утром они прибыли на место. Разве только не спали еще одну ночь.

- Ну, ребята, большое вам спасибо. Молодцы, чехословаки! - благодарили советские товарищи.

И как всегда в таких случаях - незаменимая махорка, трогательный обряд взаимного одалживания огня, ну и немножечко водки "для сугрева", да еще:

- Посмотри-ка, это моя дочь, фотокарточку прислала... Адрес хочешь? Ну, еще раз спасибо и до свидания!

После полудня в бригаду приехал полковник Олейник, член Военного совета 38-й армии, с приказом выделить для ударной группы 51-го корпуса одну танковую роту. Оказывается, между двумя клиньями советских войск, продвинувшихся далеко на запад, остались вражеские очаги сопротивления. Нужно было воспрепятствовать отходу гитлеровцев, взять их в плен или уничтожить.

Через час танковая рота, точнее смешанная группа в составе двух танков Т-34, семи танков Т-70, двух бронеавтомобилей, роты автоматчиков и взвода саперов, была готова. Командиром назначен надпоручик Владимир Янко. Автоматчики разместились на танках. Команда "Вперед!". Вместе с группой отправился и старший инженер бригады надпоручик Ярослав Згор. Быстро стемнело. Дорога раскисла и стала труднопроходимой. Саперы и автоматчики вынуждены были то и дело ремонтировать ее, чтобы прошли танки. Особенно трудно приходилось тяжелым танкам, они часто увязали в грязи. Промозглый, пронизывающий ветер пробирал до костей.

Ночь. В трех километрах от небольшого населенного пункта нашу колонну остановил советский партизан:

- Кто такие?

Его удивила непривычная форма: мы тогда еще носили английское обмундирование.

- Мы чехословаки, свои.

Он протянул автоматчику руку.

- Ну, хорошо. А теперь вот что. Там, в селе, - немцы.

Взвод автоматчиков отправился в разведку. Фашистов в деревне уже не было. Очевидно, они услыхали шум моторов наших танков и удрали, причем поспешно: во всех хатах еще топились печи, в горшках лежали наворованные гитлеровцами куры.

Короткий отдых, и на рассвете снова вперед. Степь затянуло густой серой пеленой тумана, слышалась орудийная стрельба: немцы или наши?

- Танки - стой! Разведка - вперед! - приказал надпоручик Янко.

Разведчики вернулись быстро.

- Советская батарея! - доложили они.

Молоденький десятник Иван Гунда долго потом рассказывал об этой волнующей встрече с советскими артиллеристами, которым мы оказали помощь. Тогда вообще не было слов "наши" и "ваши", а говорили лишь "свои". Замечательное фронтовое слово - "свои".

Советские воины вели огонь по отчаянно сопротивляющемуся

врагу. Разведка донесла, что у врага на переднем крае противотанковых средств сравнительно мало. Тогда было принято решение атаковать танками без предварительной артиллерийской подготовки.

Танки повел Тесаржик, на его командирской машине - Иван Гунда со своим отделением. Из-за сплошного тумана не было видно переднего края вражеской обороны. Стояла тишина. Внезапно застрочили немецкие пулеметы.

- Спешиться!

Автоматчиков словно ветром сдуло с брони, а танки, стреляя на ходу, пошли дальше на полной скорости. Первую траншею танки прошли почти беспрепятственно. Автоматчики забрасывали гитлеровцев гранатами, расстреливали из автоматов, били прикладами.

Вскоре была очищена и вторая траншея. Гитлеровцы пытались спастись бегством, они бросали на ходу ранцы, каски, оружие... Танки устремились вперед... За Соколово, за Яроша, Лома, Шведа, Франка, Команека, Ворача, за всех! Если вы не сдаетесь, нет и не будет вам пощады. Никому из врагов не удалось добраться до второй позиции. Раздавлена вражеская батарея, не успевшая ни разу выстрелить. Внезапно появилась вражеская самоходная установка "фердинанд". Подбит наш танк, за ним второй... Чехословацкие танкисты вели сосредоточенный ответный огонь, но броня "фердинанда" выдерживала. Тесаржик начал маневрировать. Автоматчики обошли врага с двух сторон. "Фердинанд", заметив это, скрылся.

Советская пехота и наши автоматчики продолжали наступление. В первых рядах атакующих шли воины Швонява и Гайдур, которые только что отличились при штурме первой и второй траншей противника. Свободник Дмитрий Хегедюш воплощение энтузиазма, он неутомим, быстр, точен. Хегедюш работал своим автоматом, как косец хорошо отбитой косой. Он бил по врагу без промаха.

Группа воинов наступала за танком четаржа Криванича, который только что уничтожил немецкую противотанковую батарею. От прямого попадания снаряда, выпущенного "фердинандом", танк Криванича загорелся. Четарж Криванич погиб. Воины отомстили за его смерть. 10, а может и 20 врагов поплатились жизнью за одного нашего товарища.

Подожжен танк Т-70, где механиком-водителем был свободник Тафичук. Сам Тафичук ранен, но он остался на поле боя и вместе с советскими и нашими пехотинцами уничтожал гитлеровцев.

Наша задача - овладеть населенным пунктом Черняхов.

Танк свободника Штефана Гучека вместе с другими ворвался в населенный пункт и уничтожил несколько огневых точек противника. Жизнерадостный ротмистр Ям Недвидек, командир взвода танков Т-70, наступая первым, прокладывал путь остальным нашим танкам. Недвидек уничтожил три артиллерийские батареи, десять пулеметов, десятки вражеских солдат, но и сам попал под огонь нескольких вражеских орудий... Прямое попадание, и Недвидек, наш Василий Теркин, гибнет в горящем танке.

В Черняхов за танками ворвались автоматчики подпоручика Сергея Петраса и ротмистра Бернарда Бражины. В ожесточенном бою их подразделения уничтожили 4 станковых и 11 ручных пулеметов, батарею противотанковых орудий, минометную батарею и сотни фашистов. Петрас взял в плен двух немцев. Боеприпасы на исходе, сегодня слишком много пришлось стрелять. Невзирая на это, танки и автоматчики продолжали идти вперед.

Бой за Черняхов длился до поздней ночи. Подошедшие советские пехотные и артиллерийские подразделения помогли освободить этот населенный пункт от гитлеровцев, которые, понеся большие потери, отошли.

10 ноября 1943 года в 17.00 наша ударная группа вернулась в Васильков. В бою за Черняхов она нанесла фашистам большие потери. Мы потеряли 16 человек ранеными и 11 убитыми, в том числе мужественного воина-коммуниста Штефана Тучека, словака, пришедшего к нам из белорусского партизанского отряда, сподвижника Яна Налепки. Позднее, после освобождения Чехословакии, ему было посмертно присвоено звание Героя Словацкого народного восстания. В бою погиб также подпоручик Ярослав Згор.

* * *

Бригада, усиленная советским 218-м гвардейским истребительно-противотанковым полком, заняла оборону в районе южнее населенного пункта Коммуна Чайки. Здесь по приказу командующего армией была создана штурмовая группа, в которую вошли пять наших и восемь советских танков. Группа получила задачу - овладеть деревней Петривкой, расположенной в десяти километрах от обороняемой 2-м батальоном Мытницы. Штурмовая группа выполнила свою задачу. В бою за Петривку она уничтожила 15 гитлеровцев, но и сама понесла значительные потери: два танка, четыре человека убитыми и десять ранеными.

Смертелыно бледный поручик доктор Энгель оперировал всю ночь, которую подряд. Он пытался, как и другие наши фронтовые врачи, сохранить раненым не только жизнь, но и полную

трудоспособность. И, однако, ему нередко приходилось ампутировать руки и ноги. Получил увечье командир роты коммунист Роман. Его танк был пробит снарядом, а сам он тяжело ранен в ногу. И хотя в его обнаженных мышцах и порванных связках торчали обломки костей, он держался и руководил действиями своего подразделения, пока не потерял сознание. Роман пришел в себя лишь в санитарной машине.

Некоторое время бригада участвовала в оборонительных боях на разных участках фронта, в том числе и в районе Василькова. Противник упорно контратаковал, пытаясь снова овладеть Киевом и восстановить "восточный вал" вдоль Днепра.

Фронтовая закалка бойцов бригады, приобретенная в непрерывных боях, особенно пригодилась на Правобережной Украине. В те дни чуть было не погиб наш прославленный танк "Лидице", тот, что стоит ныне, спокойно и миролюбиво, как вечный свидетель великих и вместе с тем трагических лет, на горе Витковой в Праге.

Танковый взвод подпоручика Писарскы, сопровождаемый пехотой, подошел к переднему краю обороны противника. Командирский танк открыл огонь первым. Он должен был проложить дорогу пехотинцам и автоматчикам Сохора. И вдруг танк по самую башню провалился в "волчью яму". Над командирской машиной нависла смертельная опасность. В любую минуту она могла вспыхнуть от прямого попадания снаряда вражеской противотанковой артиллерии или "фердинанда". Требовалось прежде всего сохранить экипаж танка.

- Немедленно выбирайтесь из танка через башню! Танк поджечь! - приказал командир роты. Это был приказ, обрекающий головной танк на уничтожение.

Первую часть приказа танкисты выполнили быстро. Экипаж на земле.

- Приказываю поджечь танк! - повторил командир роты.

- Что? - переспросил Писарскы.

- Поджечь! Разве не слышал?

- Просто так? Без боя?

До этой минуты Писарскы стоял, вытянувшись, как стальной прут, бледный как полотно. Теперь его мышцы заметно расслабились, к лицу медленно приливала кровь, в просветлевших глазах сверкнула искорка надежды.

- Вот что я вам скажу, ребята, - сказал Писарскы, обращаясь к экипажу. - Тикайте отсюда, и живо, а я прикрою вас огнем.

Никто даже не пошевельнулся.

- Потом я как-нибудь поспею за вами, - добавил Писарскы.

- Нет, так не пойдет, - запротестовал четарж Кобулей. - Тогда

и я не уйду.

Остался весь экипаж.

Драгоценное время ушло, и теперь отход был бы похож на бегство. Все что угодно, только не это. Воспользовавшись положением, в котором оказался головной танк атакующего взвода, враг решил захватить его.

Подпоручик Писарскы был превосходным стрелком. Спустившись в танк, он открыл огонь из пушки, едва возвышающейся над краем "волчьей ямы", по наседавшему врагу. Экипаж танка, пустив в ход автоматы, помог командиру задержать немцев. Прижавшись к своему бронированному другу, танкисты вытирали взмокшие лбы. Это была горячая минута.

Писарскы остался в танке. Остальные принялись за работу. Семь часов, лежа под огнем, они орудовали лопатами, чтобы освободить танк из ямы. Сжечь? Нет, об этом никто не думал.

Но вот, наконец, все готово, можно выезжать. И в ту же минуту враг открыл по танку ураганный огонь. Такого огня экипаж не испытывал за все семь часов. Как быть? Вперед! Это единственно разумное решение. Не торчать же здесь, под носом у немцев. Ребятам удалось вывести танк. Писарскы продолжал стрелять из пушки, пока не подошла советская пехота. Стрелковая рота не только опрокинула врага, но и уничтожила его опорный пункт. Славный танк "Лидице", головной танк нашей первой бронированной колонны, остался невредимым.

Как хорошо, что доныне существует этот прославленный танк и что жив его экипаж: командир подпоручик Лумир Писарскы, стрелок свободник Иван Глеба, заряжающий Мирослав Крушинский и механик-водитель четарж Васил Кобулей. Желаю им всем долгих лет жизни.

В то время мы были включены в состав 40-й армии, которой командовал генерал-полковник Ф. Ф. Жмаченко. В непосредственном соприкосновении с противником находились советские части, мы же вели по врагу только артиллерийский и минометный огонь.

И на фронте мы не отставали от культурной и политической жизни. К нам, например, приезжала группа художественной самодеятельности 134-й стрелковой дивизии и давала замечательные концерты. И так было не только у нас, но и во всей Советской Армии. Мы читали газеты и книги. Издавали и свои собственные газеты, например газету 1-й Чехословацкой бригады "Наше войско в СССР". В бригаду часто наведывались не только группы художественной самодеятельности соседних частей и соединений, но и выдающиеся артисты СССР. Часто демонстрировались новые фильмы, зимой - в каком-нибудь

помещении, а летом прямо в лесу.

Вскоре нашу бригаду внезапно отвели в Васильков. На своих позициях остались лишь артиллерия и танки.

Как раз в это время, в конце ноября, в Москву приехал тогдашний президент Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш. Когда 12 декабря 1943 года мы получили приказ генерал-полковника Жмаченко о переброске нашей бригады в Киев, многие воины полагали, что туда приедет и президент Бенеш, являвшийся верховным главнокомандующим чехословацких вооруженных сил. Но этого не произошло.

12 декабря в Москве был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, союзе и послевоенном сотрудничестве. О содержании соглашения мы были обстоятельно проинформированы чехословацкой газетой "Наше войско в СССР". Договор предвещал Чехословакии новое светлое будущее, приближению которого по мере сил способствовали чехословацкие воины, действующие на советско-германском фронте. А как прокладывать путь в это замечательное будущее, лучше всего показывали дела коммунистов, самоотверженно сражающихся с врагом.

В советско-чехословацком договоре нашли свое отражение положения, неоднократно выдвигаемые руководством Коммунистической партии Чехословакии. Ясные и доступные для каждого, они являлись ориентиром, открывали близкую и вполне реальную перспективу: Чехословакия не только сейчас, но и после войны пойдет рука об руку с Советским Союзом. И это будет новая Чехословакия, управляемая народом.

Тогда многим из нас, равно как и тем из наших сограждан, кто находился на родине, казалось, что и Бенеш одобряет такое развитие событий, что и он желает того же. Вскоре после подписания договора Бенеш выступил по московскому радио с речью, которая транслировалась для народов Чехословакии. Он сказал: "Мое настоящее пребывание в Москве, так же как и поездка в Москву в 1935 году, не является для меня мимолетным и случайным жестом политики военных лет, которая под влиянием дальнейших событий может измениться. Эту поездку в Москву я понимаю как само собой разумеющееся логическое завершение нашей политики в этом веке, как результат, который стал возможен только благодаря русской революции, блестящему укреплению Советского государства и его нынешним огромным успехам".

Не удивительно, что после таких слов авторитет Бенеша сразу возрос. И тем большим было разочарование воинов, когда он не счел нужным приехать к "им, хотя легко мог это сделать.

Правда, мы находили известное оправдание поступку президента: фронт проходит совсем недалеко от Киева, положение опасное. Полагали, что Советское правительство не захотело подвергать опасности жизнь президента Чехословакии.

В Москву была направлена делегация, в состав которой входили, кроме командира бригады, 15 лучших солдат, унтер-офицеров и офицеров. Ядро делегации составляли: Рытирж, Тесаржик, Штефа Гальбава и Аничка Птачкова. Знаменосец бригады ротмистр Шафаржик сопровождал в Москву наше боевое знамя. В Москве мы впервые встретились с Бенешем.

Я ждал этой встречи, хотел объективно проинформировать президента о нашей бригаде, об ее участии в боях, доложить о положении на фронте так, как мы, воины бригады, сражающейся вместе с Советской Армией, представляли себе его. Но наша встреча с Бенешем происходила, как в хроникальном фильме. Знакомая улыбка, снисходительное приветствие:

- Здравствуйте, господин генерал. Поздравляю вас и всех военнослужащих с успехами, которых вы достигли.

Сразу же после этого он вдруг начал пространно объяснять, почему к званию генерала раньше других был представлен начальник чехословацкой военной миссии в Москве Гелиодор Пика.

- Это не моих рук дело, - убеждал он. - Это сделало правительство, но затем я вмешался и привез вам генеральские погоны.

Я стоял и молча слушал. Я знал очень хорошо, что эмигрантское правительство в Лондоне в таких вопросах не противоречит воле президента. Но главное все же заключалось не в генеральских погонах.

16 декабря 1943 года советско-чехословацкий договор был ратифицирован. Мы присутствовали при этой церемонии. В Чехословацком посольстве было настоящее торжество. Знакомства, представления, пожатия рук, вручение наград.

Президент прикрепил к нашему боевому знамени медаль "За храбрость", являвшуюся низшей наградой в Чехословакии. Мы стояли в почетном карауле у боевого знамени 1-й Чехословацкой отдельной бригады в СССР и мысленно переносились к своим друзьям на фронте, к раненым и погибшим. У Анички Птачковой по щекам катились слезы. В то же время мы вспоминали, как высоко оценило Советское правительство боевые действия чехословацких воинов в борьбе за Днепр: три Золотые Звезды Героя Советского Союза, ордена Ленина, орден Суворова на боевом знамени бригады и орден Суворова, врученный ее командиру, а также многие другие награды.

Да, Бенеш явно был себе на уме, иначе зачем понадобилось бы нашему правительству и президенту умалять значение успешных боев, в которых мы принимали участие, умалять отвагу и героизм наших воинов, на советской земле сражавшихся за Прагу и Братиславу. Несомненно, тут были политические соображения, и такое отношение к нам объяснялось тем, что мы, вопреки желанию правительства, добились отправки нас на фронт, не пожелали быть "символической" частью и беречь себя "лишь для действий на родине". Но уже эти действия президента противоречили словам, которые он произнес всего за четыре дня до встречи с нами.

Наконец мне все же удалось подробно проинформировать президента Бенеша о нашей бригаде и об ее участии в боях.

- Я действительно изумлен, - повторил он несколько раз в ходе беседы. Я многого не знал, все это - весьма интересно. Благодарю вас за информацию.

Когда я вышел от Бенеша, была уже ночь, крепчал мороз, но на улице мне показалось теплее, чем в натопленном кабинете президента.

Пока мы находились в Москве, бригаду перебросили в район Белой Церкви и Жашкова. Здесь она вела бои в условиях отвратительной погоды: дождь сменялся снегом, оттепель - морозом.

Во второй половине декабря 1943 года к нам в бригаду прибыл известный партизанский командир генерал Сабуров. Он рассказал о том, как мужественно, плечом к плечу с советскими партизанами сражаются словацкие партизаны и как геройски погиб в бою за освобождение украинского города Овруча командир Чехословацкого партизанского отряда капитан Ян Налепка.

- Шестнадцатого ноября, - рассказывал генерал Сабуров, - когда советские партизаны начали бои за Овруч, отряд Налепки атаковал город с юга. Партизаны Чехословацкого отряда овладели мостом через реку Нарин и удерживали его в течение всего дня, несмотря на яростные вражеские контратаки. Затем отряд Налепки пошел на помощь советским партизанам, атаковавшим аэродром и железнодорожную станцию. Отряду было приказано начать штурм вокзала. С песней "Словацкие матери, у вас хорошие сыновья" партизаны бросились в атаку. На подступах к вокзалу Налепка, находившийся в первых рядах, был ранен, но поле боя не оставил и продолжал командовать, пока не был взят вокзал. Во время штурма одной из долговременных огневых точек Ян Налепка погиб.

Свой рассказ генерал Сабуров закончил словами:

- Погиб он геройски. Погиб коммунистом. Жизнь и смерть этого горячего сердцем и верного до последней капли крови сына чехословацкого народа достойны песни.

Несколько позже за отвагу и особые заслуги в развитии партизанского движения на Украине Президиум Верховного Совета СССР присвоил командиру Чехословацкого партизанского отряда Яну Налепке звание Героя Советского Союза. В честь бессмертного подвига словацкого воина жители города Овруча поставили ему памятник.

6. Шесть дней и шесть ночей в боях

Прежде всего мне хочется сказать несколько слов об обстановке, сложившейся на Украине к концу 1943 года.

Фронт тогда проходил по дуге обширного плацдарма на правом берегу Днепра. Не вызывало сомнений, и позже это подтвердилось, что цель Гитлера заключалась в том, чтобы ликвидировать этот плацдарм, снова захватить Киев и отбросить советские войска за Днепр. Соединения 2-го Украинского фронта уже подходили к Кировограду. Поэтому гитлеровцы для осуществления задуманного контрудара сосредоточили здесь значительное количество пехотных, танковых и моторизованных соединений. Главный удар немецко-фашистское командование планировало нанести на направлении Васильков, Киев. Гитлеровцы были убеждены, что суровую зиму им удастся переждать в теплых помещениях оккупированных городов, деревень и в построенных ими укреплениях.

Однако советское командование решило расширить плацдарм на западном берегу Днепра и в дальнейшем освободить всю Правобережную Украину. 24 декабря 1943 года войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление с киевского плацдарма, разбили группировку противника в районе Житомира и Бердичева и к середине января 1944 года вышли на линию Сарны, Любар, Жашков.

Бои за Белую Церковь, в которых участвовала наша бригада, явились частью большой наступательной операции советских войск; в ходе ее были уничтожены крупные силы врага. Советское правительство и командование Советской Армии снова и снова оказывали доверие чехословацким войскам, предоставляя им возможность сражаться на направлении главного удара и выполнять наиболее важные боевые задачи.

Бригада вышла в район предстоящих боевых действий тремя колоннами. Марш был нелегким, и к тому же час от часу крепчал мороз, который вскоре достиг 30 градусов. Два дня и две ночи без она и отдыха шли вперед подразделения бригады. На привалах нужно было немедленно окапываться и зарывать в землю танки,

орудия, минометы, автомобили, а также строить убежища с учетом фронтовой обстановки - и все это в промерзлой земле.

Враг маневрировал, быстро стягивал к Белой Церкви войска. Там он создал мощные, основательно подготовленные к зиме укрепления. Не давать противнику ни минуты передышки, преследовать его по пятам, догонять и уничтожать такова боевая задача последних дней 1943 года. Вот почему не было времени для отдыха ни для наступающих советских войск 1-го Украинского фронта, ни для входившей в их состав 1-й Чехословацкой бригады.

После 48-часового перехода в трудных условиях бригада получила приказ немедленно преодолеть реку Дунайку и овладеть населенным пунктом Руда мощным опорным пунктом гитлеровцев на подступах к Белой Церкви. Для этого требовалось совершить новый 34-километровый марш. Данные разведки свидетельствовали о намерении врага упорно оборонять Белую Церковь и лишь в крайнем случае отступить на юг. Поэтому советским частям и нашей бригаде была поставлена задача: наступая в направлении на Руду, форсировать реку Рось, выйти к южной окраине города и отрезать врагу пути отступления на юг.

Вспоминается ночь на 30 декабря 1943 года. Остановившиеся колонны сплошь покрыты снегом, он шел всю ночь. Мороз достигает 20 градусов, а на рассвете, когда горизонт еще был затянут густой мглой и подул порывистый ветер, температура упала до 30 градусов.

Туман постепенно редеет, и с рассветом недалеко от нас вырисовываются очертания наших танков. Мы входим в состав 50-го корпуса, которым командует генерал-майор Мартиросян. Впереди нашего 2-го батальона уже с 4.00 ведет наступление советский 78-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии.

Не добившись успеха, полк отошел на исходные позиции. Обороняющийся в Руде противник располагал не только долговременными сооружениями, но и значительным количеством танков и самоходных орудий.

В 7.00 подразделения бригады заняли исходное положение для наступления. Вскоре к переднему краю подошли танки советского 87-го танкового полка и танкового батальона нашей бригады. Началась артиллерийская подготовка. В 8.45 в атаку поднялась пехота. До переднего края вражеской обороны было около 1000 метров, однако преодолеть это расстояние оказалось весьма трудно. Тело было сковано ночным холодом, в глазах после трех бессонных ночей и от колючего ветра словно песок насыпан. Но мы не одиноки: слева наступала 74-я, справа - 163-я советские стрелковые дивизии; они успешно продвигались. Мы не

отставали. Уже пройдено 500 метров. Вражеский огонь усилился, стал более плотным.

Быстрее вперед! Короткими перебежками - вперед! Артиллеристы хорошо поддерживают дружно наступающие роты; танки с десантами автоматчиков и саперы разрушают немецкие заграждения на северо-восточной окраине Руды, небольшая группа танков врывается в населенный пункт. Другая, большая, прорывается к шоссе восточнее Руды. Около 10.00 в Руде завязывается уличный бой. Танки, автоматчики и 2-я рота 2-го батальона, которой командует надпоручик Бичиште, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигаются вперед. На правом фланге 3-я рота 1-го батальона, несмотря на сильный огонь врага, также подошла к юго-восточной окраине Руды. Левофланговая 1-я рота 1-го батальона, попав под фланговый огонь вражеских пулеметов, расположенных в лесу юго-западнее Руды, вынуждена была залечь и поэтому несколько отстала от других рот. Но вскоре вражеские пулеметы были подавлены огнем наших орудий и минометов.

На северной окраине успешно наступал 2-й батальон. Ранило подпоручика Войтеха Черны, командира 3-й роты, и командование принял ротный Пилипчинец. Вышел из строя раненый Пилипчинец, его место занял ротный Гольдцвейг. 3-й взвод роты (им вместо раненого ротного Прживратского командовал десятник Фотул) наступал при поддержке взвода станковых пулеметов подпоручика Килиана.

Был ранен и храбрый десятник Фотул. Тогда коммунист Килиан крикнул:

- Взвод, слушай мою команду!

И так он командовал двумя взводами до тех пор, пока сам не был ранен.

Отделение свободника Русняка, действуя вместе с танками в глубине вражеской обороны, разгромило обоз и уничтожило артиллерийскую батарею противника. А когда вражеский огонь усилился и продвижение замедлилось, тут сейчас же появился пулеметчик Гладко со своим максимом. Он уничтожил два немецких ручных пулемета, но сам упал, сраженный пулей. Гладко тут же поднялся, подтащил к себе пулемет, дал еще одну очередь и снова упал. К нему подбежали наши ребята. Жив или мертв? Пулеметчик лежал без сознания, белый как полотно. Санитар десятник Федор Плиска привычным движением поднял неподвижное тело Гладко и перенес его в безопасное место. С любовью смотрели солдаты на мужественного и неутомимого богатыря-санитара, который только в одном этом бою спас жизнь 32 раненым воинам.

Пренебрегая опасностью, Федор Плишка пробирался к раненым, перевязывал их, выносил с поля боя и доставлял на перевязочный пункт. При первой же возможности на помощь санитарам, которых солдаты в шутку называли "спасителями", приходил врач поручик Ян Сильный. Работая без отдыха несколько часов подряд, он оказал помощь 200 раненым. Многие из них обязаны ему жизнью. Замечательно трудился и врач 2-го батальона подпоручик Ян Гениг. И здесь, как и всюду, проявилось боевое содружество советских и чехословацких воинов. Наши врачи оказывали помощь всем раненым, будь то чехословаки или советские бойцы. Точно так же поступали и советские медицинские работники. Никто не говорил: "ваши" или "наши". Такого деления между нами не было. Были только "свои".

Антонин Сохор и его автоматчики проникли далеко в глубину обороны врага. Однако вскоре им пришлось остановиться, а спустя еще некоторое время вся рота оказалась в окружении. Ее выручил огонь нашей артиллерии. Роте автоматчиков удалось вырваться из окружения, и она снова пошла в наступление, на этот раз при поддержке нескольких танков.

Около 11.00 интенсивность и плотность вражеского артиллерийского огня постепенно уменьшилась, а еще через час 2-й батальон прочно закрепился на северной окраине Руды. В то же время на южной окраине нам пришлось отразить четыре контратаки противника. Подавив вражеские огневые точки, наши подразделения вплотную подошли к сахарному заводу, бой за который продолжался до трех часов дня.

Умело и самоотверженно действовали наши танковые десантники. Так, воин Мотра не покинул поля боя, несмотря на ранение Сапер Иванина, действуя в составе танкового десанта, прикрывал огнем экипаж подбитого танка до тех пор, пока танкисты не выбрались из машины. Иванина уничтожил шесть вражеских солдат. В бою отличились и отважные танкисты. Танковые подразделения подпоручиков Ясиока и Гехта уничтожили четыре орудия, три пулемета, два миномета, автомашину с боеприпасами и несколько десятков оккупантов. В тесном взаимодействии с танкистами сражались их верные боевые товарищи автоматчики ротмистра Шуманского, который лично отправил на тот свет десять фашистов. С беззаветной храбростью бился с врагом ротмистр Курт Брун из Остравы. Брун был прекрасным кавалеристом, любил лошадей и знал в них толк. Он пал на поле боя и был похоронен в Руде. Тяжелой потерей для автоматчиков Сохора явилась гибель десятника Буртина, чудесного, самоотверженного командира отделения. Это

произошло во время одной из атак. За короткое время отважный десятник был трижды ранен. Подумать только - три раза! Но бойцы его отделения не знали об этом до тех пор, пока он не упал. Его глаза были приоткрыты, под левым глазом застыла небольшая кровавая слеза, рука железной хваткой все еще сжимала автомат. Он умер как герой!

Наконец бой кончился. Наши воины одержали победу. Позади тяжелый день. Мы потеряли 2 танка и 25 человек убитыми из состава танкового батальона. В этом бою бригада нанесла значительные потери двум эсэсовским батальонам, поддерживаемым 10 или 12 самоходными установками "фердинанд", 5 танками "тигр", артиллерией и минометами.

В течение ночи мы совместно с советскими частями преследовали отступающих фашистов.

В первой же деревне за Рудой произошел удивительнейший случай. Иржи Иовбак, заряжающий головного танка взвода Лумира Писарскы, был тяжело ранен в лицо. Это был силач, гордость взвода. Теперь неузнаваемо обезображенный, еле держась на ногах, он шел, поддерживаемый автоматчиком, который старался не смотреть на него. Половина оторванного лица держалась на затылочной части черепа. Иовбак еще мог идти, он был в полном сознании, и прошел около 700 метров, но потом упал. Наступила агония, кровь уже не текла из его страшной раны, глаза остекленели. Автоматчик хорошо знал, что это значит. Он осторожно втащил умирающего в пустой окоп и подсунул ему что-то под голову. В народе говорится: надо уложить мертвого так, чтобы ему хорошо спалось. Именно об этом, вероятно, и подумал наш автоматчик. Иовбак лежал тихо. Конец. Автоматчик встал, отсалютовал ему и побежал догонять своих. Бой не ждет, а преследование разгромленного врага - ответственное дело.

В списки погибших воинов 1-й Чехословацкой бригады было внесено имя Иржи Иовбака.

На следующий день рано утром возвращался в тыл раненый капитан из какой-то советской части. Вдруг он увидел в окопе мертвого с обезображенной головой. Капитан был ранен в глаз и стремился как можно скорее попасть в свой санбат. Он уже отошел шагов на пять, но вдруг остановился и прислушался. Нет, ему не кажется. Он действительно слышал стон. Вернулся к окопу. Нигде никого, только мертвый лежал так же, как и минуту назад. Стало быть, показалось? Капитан снова сделал несколько шагов, как вдруг уголком глаза уловил едва заметное движение на дне окопа. Не размышляя больше, он потрогал огромное тело Иовбака. Тот застонал и захрипел. Он был жив, но жизнь уже

угасала в нем. Как он все это выдержал, как дожил до этой минуты? Да, в этом человеке была поистине сила исполина!

- Эй, ребята! - крикнул капитан.

Мимо проходила какая-то тыловая часть. Бойцы охотно одолжили капитану повозку с конем и помогли положить на нее Иовбака.

...1946 год. На набережной под Летной остановился бывший фронтовик танкист Васил Кобулей, теперь офицер. С этого места открывается прекрасный вид на Влтаву. Прекрасная весна, прекрасное время. Прошел год, как закончилась война. Васил Кобулей с наслаждением вдохнул свежий речной воздух и, с трудом оторвав взгляд от реки, с улыбкой пошел дальше, к Штроссмайеровой площади.

- Здорово, Васил! - окликнул его проходящий мимо парень.

Васил обернулся. Парень улыбался.

- Не узнаешь, Васил? - Он подошел, подал руку. Васил смутился. Знакомый голос. Сколько людей было на фронте! Это наверняка однополчанин, на нем военная форма, ордена и медали.

- Ты из какой части? Понимаешь, никак не могу вспомнить. Прости.

- Ну это не удивительно, что ты меня не узнаешь. Я Иовбак.

- Как, да ведь он...

- Это вы только так думали.

Лишь теперь Васил, внимательно вглядевшись в лицо Иовбака, заметил едва заметный шрам, который разделял лицо танкиста. С одной стороны - собственное Иовбаково лицо, с другой - пластика, знаменитая пластика: нос, щеки, все. Только глаза свои. Тут бы пластика не помогла.

Вспоминали наперебой. Силач Иржи Иовбак пережил агонию, одержал победу над смертью.

- Кто же был тот советский капитан?

- Так и не знаю. Привез меня, а сам куда-то уехал. Ничего о нем не слышал.

- Так, значит, ты второй раз на свет родился, Иржи. Теперь долго будешь жить.

Снова и снова пожимали они друг другу руки.

- Буду долго жить, Васил.

* * *

Наша делегация возвратилась из Москвы на фронт в последний день 1943 года, когда бой за Белую Церковь был в полном разгаре. Прибыв в штаб, я быстро ознакомился с обстановкой. Мне доложили, что 1-я рота 2-го батальона с ходу атаковала противника и после непродолжительного, но упорного

боя захватила предместье города на восточном берегу реки Рось. Вслед за этим саперы под командованием подпоручика Коваржика навели переправу через реку. Это было сделано настолько оперативно, что уже к полудню 1-й и 2-й батальоны переправились на другой берег. Труднее было переправить орудия и обоз. Наведенная на скорую руку, переправа не выдерживала многотонных грузов. Все же нам удалось переправить 45-мм пушки, которые оказали решающую поддержку нашей пехоте.

В ходе боя мы получили приказ овладеть высотой 208,4, откуда хорошо просматривались дороги, ведущие из Белой Церкви на юг. 1-й и 2-й батальоны, стремительно преодолев немецкие укрепления, вышли на опушку леса и приготовились к штурму высоты. Раздалась привычная команда: "Вперед!". Несмотря на шквальный огонь противника, роты успешно продвигались. Вражеская пехота, поддержанная несколькими танками, контратаковала правофланговые подразделения бригады. Артиллерийским огнем и огнем стрелкового оружия контратака гитлеровцев была отбита. В этот последний день 1943 года фашисты контратаковали еще несколько раз, но безуспешно.

Наступил 1944 год. 1 января в 4.00 подразделения возобновили штурм высоты 208,4. Наступавшие с подъемом чехословацкие воины к 6.30 уничтожили врага на высоте и подготовились к круговой обороне.

В бою за высоту 208,4 особенно отличилась батарея, которой командовал бывший участник гражданской войны в Испании поручик Франтишек Крал. Батарея подбила два танка "тигр", самоходную установку "фердинанд", семь средних танков, уничтожила минометную батарею, семь станковых пулеметов, разрушила два дзота, отразила три контратаки вражеской пехоты, поддержанной танками.

Большие потери нанесли мы противнику в этом бою, но и сами потеряли немало. В штурме высоты 208,4 участвовал со своим взводом подпоручик Альфред Бенедикт. Образованный и храбрый офицер, он служил примером для подчиненных. Осколок вражеского снаряда сразил коммуниста.

1 января 1944 года почти одновременно с Бенедиктом был убит четарж Курт Фейнер. Он был совсем юный, намного моложе Бенедикта, но такой же храбрый и мужественный. В его лице партийная организация 1-й бригады потеряла одного из своих руководителей. Тогда же погибли доктор Бедржих Самет - мужественный антифашист, член "Студенческого фронта" еще со времен домюнхенской республики, Гангур, Голодняк, Бунзак из 2-й роты и Владимир Блажек, командир пулеметного взвода, и

многие другие наши товарищи.

2 января мы готовились к новым боям. Наша бригада, усиленная советским 87-м танковым полком, получила задачу - во взаимодействии с 74-й стрелковой дивизией, действующей оправа от нас, продолжать наступление.

Офицеры-просветители вели активную политическую работу среди воинов бригады. В частности, они распространяли нашу полевую газету, которая призывала к мужественной борьбе и выражала уверенность, что никакая сила не сломит нашей решимости сражаться и завоевать свободу.

Атаковавшая внезапно для противника 74-я стрелковая дивизия быстро вышла на дорогу, ведущую из Белой Церкви на юг. Гитлеровцы бешено контратаковали.

Нашей бригаде и советским частям пришлось отразить десять вражеских контратак. Фашисты хотели освободить путь отхода на юг - дорогу, которая, как уже говорилось, просматривалась с высоты 208,4.

Во время ночного боя, который вел 2-й батальон, произошел курьезный случай. К связистам, следовавшим за первыми подразделениями, примешалась группа отставших немецких солдат. Гитлеровцы рассеялись по снежному полю между восточной опушкой леса и высотой 208,4. Положение усугублялось тем, что немцы, как и наши бойцы, были одеты в белые маскировочные халаты и распознать их сразу было трудно. В непроглядной темноте двигалась группа солдат.

- Как ты думаешь, мы не сбились с пути? - спросил своего соседа десятник Ижевский.

Вместо ответа - молчание.

- Я тебя спрашиваю, правильно ли мы идем? - рассерженно крикнул Ижевский в ухо своему спутнику.

Но тот лишь пожал плечами и снова ничего не ответил.

"Немой или глухой?" - думал десятник.

Вокруг темно. Мороз. Так хотелось перебросится с кем-нибудь хоть несколькими словами. Связист Ижевский не на шутку рассердился, что ему не удается завязать разговор. Он недружелюбно взглянул на соседа. Что это? У того из-под маскхалата торчал козырек немецкой полевой фуражки. Десятник покрепче сжал в руке ремни полевого телефонного аппарата, отстал на полшага и с размаху ударил аппаратом столь необычного попутчика по голове. Раздался пронзительный вопль, вслед за этим произошла короткая схватка с другими гитлеровцами. Спустя непродолжительное время вся группа противника была уничтожена.

Ожесточенные бои за высоту 208,4 длились четверо суток.

Несколько раз высота переходила из рук в руки. В течение четырехдневных напряженных боев танкист ротный Ян Иванцо сражался с противником на окраине города. Командир был ранен, и Иванцо возглавил танковую роту, вопреки предписаниям бюрократов из эмигрантского министерства национальной обороны в Лондоне: ведь Иванцо не имел законченного среднего образования. Ротный Ян Иванцо действовал смело, решительно, значительно лучше, чем иной подполковник, назначенный эмигрантским правительством на должность командира танкового батальона. Подчиняясь зову своего сердца фронтовика, памятуя о героизме и мастерстве советских воинов, он уверенно вел вперед роту и только в одном бою под Белой Церковью уничтожил десять гитлеровцев, разрушил два дзота и разбил противотанковую пушку.

В роте автоматчика Сохора отличился пожилой ротмистр Антонин Корима. Его отделение вырвалось из окружения и привело с собой пленного - важный трофей. Пробиваться пришлось с боем. По дороге отделение было атаковано взводом противника. Тогда Корима сказал:

- Друзья, вы идите, а я их задержу.

И движимый благородным стремлением выполнить задание, возложенное на него Сохором, он остался один против целого взвода гитлеровцев, чтобы прикрыть отход товарищей.

А незабвенный подпоручик Газуха! Во время одной из вражеских контратак, при отражении которых он уничтожил немало гитлеровцев, танк раздавил ему ногу. От страшной боли у подпоручика потемнело в глазах, но сознание не оставило его. Свои были далеко - враги приближались. Газуха знал, что фашисты убивают раненых, и не стал дожидаться. Собрав последние силы, он прижал к груди дуло автомата и нажал на спуск...

4 января 1944 года ожесточенные бои за Белую Церковь закончились. Город был полностью освобожден от оккупантов. Вечером того же дня 1-я Чехословацкая бригада снова была отмечена в приказе Советского Верховного Главнокомандующего. Советское правительство наградило ее орденом Богдана Хмельницкого I степени, тогда как чехословацкое эмигрантское правительство вовсе не обратило внимания на участие нашей бригады в этих боях.

Да, это был трудный этап на пути к свободе. Мы потеряли в боях за Белую Церковь 66 человек убитыми, 270 ранеными и 75 пропавшими без вести. Но потери, которые нанесла бригада врагу, значительно превышали наши: 1050 гитлеровцев были убиты, уничтожено 5 самоходных установок, 17 танков, 3

самолета, 6 артиллерийских и 1 минометная батарея, 5 дотов, 52 станковых и 63 ручных пулемета и 67 автомашин.

В боях за Руду и Белую Церковь совершенствовалось боевое мастерство чехословацких воинов. Успехи бригады, сражавшейся совместно с советскими войсками, убедительно показали народу нашей родины и всему миру высокие моральные качества новой чехословацкой Народной армии, родившейся на территории Советского Союза.

С замечательными боевыми успехами нашей бригады и с высокой наградой нас поздравило московское руководство Коммунистической партии Чехословакии. В телеграмме говорилось: "Смелые подвиги воинов бригады, сражающихся бок о бок с Красной Армией за свободу нашей родины, являются гордостью всех народов Чехословакии, дают всему нашему народу дома моральную поддержку в тяжелой борьбе против немецких тиранов, еще больше укрепляют неразрывную связь с нашим верным и мощным союзником - Советским Союзом".

Нас поздравляли также чехословацкие солдаты и летчики из Англии. Приветствовал командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин. Мы гордились своим замечательным успехом, но нам было одновременно и радостно и грустно. Наша большая радость объяснялась успешным выполнением весьма трудного и вместе с тем важного задания. Грустно же было оттого, что многие замечательные друзья, делившие с нами невзгоды фронтовой жизни, ушли навсегда.

Мы продолжали наступление, и каждый шаг вперед приближал нас к любимой родине.

7. Под Жашковом

Выделенная в резерв 40-й армии 1-я Чехословацкая бригада переместилась на юг и расположилась на стыке между 38-й и 40-й армиями. В это время немецко-фашистские войска ударами с участием большого количества танков, самоходных орудий и авиации пытались отбросить советские войска на северо-восток. Несмотря на очевидное крушение так называемого "восточного вала" на Днепре, гитлеровское командование продолжало лелеять авантюристический план ликвидации плацдармов, захваченных советскими войсками, и восстановить оборону на Днепре. Однако планы немецко-фашистского командования, основанные на недооценке сил и возможностей советских войск и на переоценке своих сил, потерпели полный провал. Советские войска не только отразили удары противника, но и сами перешли в наступление.

Мы продвигались на юг, но все равно наш путь лежал на запад, ближе к родине. Позади остались высота 208,4 и разрушенная, сожженная Белая Церковь.

5 января батальоны 1-й бригады заняли позиции в районе Буденивки. Нашими соседями были: справа 155-я стрелковая дивизия 38-й армии, слева 240-я стрелковая дивизия 40-й армии. 20 января 1944 года бригада передвинулась дальше на юг, на линию Осична, Клюкы, Стадница, а двумя днями позже - на линию Ступки, Новоселка, Княже, Крыныця, западная часть Ивахны.

В те дни мы уже официально произвели назначение новых офицеров из числа младшего командного состава бригады. Это были Рудольф Ясиок, Яромир Гехт, Гала, Пилипчинец, Эрих Фальтер, Бильяк, Розенталь, Фантич, Бухвальдер, Русин, инженер Ковал и другие. Многие из них не имели общего среднего образования, как того требовал господин Ингр. Но зато эти люди проявили свои способности под Соколово, в Киеве, Руде и Белой Церкви. От нас уехал в Ефремов подполковник Пржикрыл, назначенный на должность командира 2-й Чехословацкой парашютно-десантной бригады. Уехал также подполковник Краткы; он не справился с обязанностями командира танкового батальона. На его место был назначен бывший начальник штаба этого же батальона надпоручик Владимир Янко, который в боях за Киев и Белую Церковь фактически руководил боевыми действиями батальона. На ряд командных должностей были назначены чехословацкие офицеры из Англии, прибывшие вместе со мной из Москвы.

17 января 1944 года мы снова включились в боевые действия. По приказу командира 50-го стрелкового корпуса нами была выделена специальная подвижная группа в составе танкового батальона, моторизованной роты, двух взводов автоматчиков, саперного взвода и батареи 76-мм орудий. Эта группа быстро вышла к речке Горный Тикич. Сосредоточив здесь значительные силы, противник потеснил советские войска на север и овладел крупным населенным пунктом Острожаны, мостом через реку и небольшим плацдармом на ее северном берегу. Получив приказ, бригада через несколько часов прибыла в район боевых действий и по указанию члена Военного совета 40-й армии генерал-майора Кулика заняла оборону на рубеже Бузовка, хутор Адамовский с задачей остановить продвижение противника в направлении на Зеленый Рог (северо-восточнее Острожан). Наша другая задача состояла в том, чтобы не допустить противника на северный берег Горного Тикича и воспрепятствовать развитию его наступления в направлении на БВузовку и Жашков.

В такой обстановке развернулись бои южнее Жашкова. Местность в этом районе, изобилующая болотами и озерами вдоль обоих берегов речки Горный Тикич, представляла

значительные трудности для действий войск. Не легче стало и тогда, когда после нескольких дождливых дней снова резко похолодало, ртутный столбик термометра опустился ниже нуля и мороз превратил болота и грязь в искрящийся камень.

Наши подразделения наступали на Острожаны через мост; впереди шли автоматчики Антонина Сохора. Противник яростно контратаковал. Чехословацкая бригада наступала совместно с 42-й гвардейской, 74-й и 163-й стрелковыми дивизиями. В этом бою действия бригады обеспечивали шесть артиллерийских полков, полк и один дивизион минометов (катюш) и зенитная артиллерия. Таким образом, плотность артиллерии составляла 50 стволов на один километр фронта, то есть один ствол на 20 метров. В это число не входили гвардейские минометы, обычные минометы и 45-мм орудия.

С полуночи автоматчики Сохора и саперы, поддержанные огнем стрелкового оружия 2-го батальона, начали пробираться к вражеским позициям. К этому времени части 42-й гвардейской дивизии уже подошли к восточной окраине Острожан. Около 4.00 автоматчики Сохора достигли моста, но продвинуться дальше из-за сильного огня противника им не удалось. Тогда в атаку поднялись подразделения 2-го батальона. Использовав одновременное наступление двух советских дивизий с юго-востока и 87-го танкового полка с запада и юго-запада, рота подпоручика Квапила и два взвода роты подпоручика Рейхла атаковали противника на восточной окраине Острожан, отбросили его к церкви и, выйдя в 9.30 на западную окраину населенного пункта, завязали здесь рукопашный бой. Фашисты сопротивлялись упорно. К ним на помощь подошли самоходные орудия и танки. Обстановка складывалась весьма сложная.

В этом бою оборвалась тревожная и прекрасная жизнь студента, поэта и бойца. Пал смертью храбрых поручик Франтишек Крал. Много раз возвращался он с поля боя, когда все были уверены, что он погиб, но на этот раз не вернулся. Геленка Петранкова сидела на медпункте подавленная.

Однажды Крал уговаривал Геленку взять и сберечь его стихи.

- Ты скорее сохранишь их, - говорил Франтишек. - А мне трудно уберечь стихи в постоянном движении, рекогносцировках и перестрелках. Потом вернешь их. А если меня убьют, отдашь стихи сестре, ты ее знаешь. Пусть останется у нее память обо мне.

- Иди, прошу тебя, не дури. Что с тобой случится? Не валяй дурака! отчитала Крала Геленка.

А теперь нет ни Франтишека Крала, ни его стихов. До того места, где он погиб, добраться было невозможно. Геленка вспомнила, как во время гражданской войны в Испании принесли

раненого Франтишека в госпиталь, где она тогда работала. Вспомнила о тогдашних стихах, мечтах, о чудесной романтической молодости студента Крала. Из романтического героя вырастал сознательный боец, путь которого не мог не привести в Советский Союз и на фронт. Он погиб как коммунист.

Где-то сзади за медпунктом прогремел залп катюш. Их снаряды полетели в ту сторону, где оборвалась жизнь Крала.

К вечеру бой в Острожанах разгорелся с новой силой. Несколько раз поднимался в атаку 2-й батальон, пытаясь преодолеть сопротивление противника, но существенно изменить обстановку не смог. Противник стремился пробиться к Жашкову. 21 января 1944 года, сосредоточив три танковые и одну пехотную дивизию в районе юго-восточнее Острожан, противник нанес контрудар, но успеха не имел. Советские части и наша бригада отразили контрудар.

Вечером 22 января к нам в бригаду приехали товарищи Зденек Фирлингер и Властимир Борек. С ними прибыли генералы Кратохвил и Гасал, начальник военной канцелярии Бенеша. В тесной, затемненной хате, где размещался наш штаб, он вручил от имени президента награды воинам чехословацкой бригады.

Не успели гости уехать, как в 23.00 по согласованию с командующим 40-й армией был произведен артиллерийский налет по противнику, готовившемуся к новой контратаке. Можно смело сказать, что ничего подобного враг еще не изведывал. Даже в официальных сообщениях того времени говорилось, что в этом районе до полуночи царил кромешный ад. Острожаны горели. Те из фашистов, которые не погибли под снарядами, пытались вырваться из пламени. После полуночи гитлеровцы предприняли новую контратаку. Эти контратаки дорого обошлись противнику: около 70 уничтоженных танков и много убитых и раненых.

Трудные бои продолжались. Были дни, когда нас атаковали 240 бомбардировщиков и штурмовиков одновременно. Много наших воинов было ранено, часть противотанковых средств уничтожена, но и мы сбили немало самолетов.

Так продолжалось вплоть до конца января, когда, понеся тяжелые потери, гитлеровцы наконец отказались от попыток прорваться к Жашкову и направили свой удар севернее Умани на Оратов. Тогда они еще не предполагали, какой разгром их ожидает в районе Корсунь-Шевченковского.

26 января по приказу командующего 40-й армией генерала Жмаченко бригада заняла позиции на рубеже Оратовка, Ючковцы. Снова, как и год назад, когда мы впервые шли на фронт, мороз ослаб и повеяло весной. Воины вязли в густой грязи.

В это время началась знаменитая Корсунь-Шевченковская

наступательная операция, свидетелями которой нам довелось быть. Войска 2-го Украинского фронта, наступавшие с юга, наносили удар из района севернее Кировограда в направлении Шполы, Звенигородки. А с севера, из района юго-восточнее Белой Церкви, также в направлении Звенигородки, Шполы, наступали войска 1-го Украинского фронта. После того как 3 февраля кольцо замкнулось, советское командование предложило противнику прекратить бессмысленное сопротивление, но фашистские генералы не согласились. Стало известно, что Гитлер категорически запретил им капитулировать. Они подчинились приказу своего фюрера, и это стоило им жизни. За время с 3 по 17 февраля советские войска полностью ликвидировали окруженную группировку противника. В огромном котле осталось 55 тыс. убитых гитлеровцев, было уничтожено 430 самолетов, 155 танков, 59 самоходных орудий, 209 минометов и 900 пулеметов. Было взято 18200 пленных, захвачены трофеи: 41 самолет, 116 танков, 32 бронемашины, 10 тыс. автомобилей, 7 паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей, 4050 повозок с военными грузами, 6418 лошадей, 39 200 противогазов и 64 склада с боеприпасами и различным военным имуществом. Но этим потери фашистов не ограничивались. Войска противника, пытавшиеся оказать помощь своим окруженным соединениям, оставили на поле боя до 20 тыс. убитых солдат и офицеров, 329 самолетов, 827 танков и 446 орудий, помимо взятых в качестве трофеев 115 танков и 270 орудий.

Завершив Корсунь-Шевченковскую операцию, войска 1-го Украинского фронта продвинулись глубоко на территорию Западной Украины и освободили города Ровно и Луцк.

Настал момент для осуществления нашего замысла, о чем я вел переговоры в декабре 1943 года в Москве. Тогда я послал Советскому правительству телеграмму, в которой просил, чтобы в связи с освобождением городов Луцка, Ровно, Здолбунова и других 1-ю Чехословацкую бригаду из военно-политических соображений направили бы в эти места и чтобы нам было разрешено произвести набор, а в случае необходимости и объявить мобилизацию волынских чехов.

Советское Верховное Главнокомандование и Правительство СССР удовлетворили нашу просьбу.

Корпус

1. С фронта на Волынь

7 марта 1944 года нашу бригаду сменили советские части. Нам предстояло передислоцироваться на территорию Западной Украины, в Ровенскую область, где проживало свыше 45 тысяч волынских чехов. Мы предполагали провести там набор

добровольцев, а возможно, и частичную мобилизацию, чтобы не только пополнить личный состав бригады, поредевший в боях, но и получить необходимые контингента для развертывания бригады в корпус. Об этих мероприятиях мы вели переговоры с советскими представителями в конце 1943 и в начале 1944 года.

Нам было хорошо известно, что на Волыни, в Ровенской области, проживало немало чехов, которые желали с оружием в руках помочь нам проложить путь на родину и возвратиться туда. Волынские чехи хорошо представляли, что такое германский фашизм. С их деревней Чешский Малин гитлеровцы поступили так же, как и с чехословацкими селами Лидице и Лежаки. 13 июля 1943 года в эту деревню ворвались фашистские головорезы, согнали всех жителей в церковь, школу и несколько сараев и подожгли эти строения. Находившиеся в них сотни людей погибли в страшных муках. Затем фашисты сожгли остальные дома села, предварительно захватив с собой все ценное. Всего в Чешском Малине было зверски замучено 400 жителей, из них 374 человека чешской и 26 человек польской национальностей. Волынские чехи тогда ясно поняли, кто является их злейшим врагом и кто должен нести ответственность за эти злодеяния.

В течение трех дней бригада сосредоточилась в Тетиево, оттуда по железной дороге через Казатин, Бердичев, Полонное, Славуту и Здолбунов она была переброшена в район городов Ровно и Луцка.

Передислокация заняла восемь дней. На всем протяжении нашего пути, как и прежде на пути из Бузулука к Соколово, перед глазами бойцов проплывали опаленные войной, опустошенные земли. Такая же точно картина наблюдалась и в середине марта во время продвижения бригады к восточной и северо-восточной границе Чехословакии.

В начале 1943 года мы находились от родины на расстоянии 2500 километров. Отсюда из Волыни до родных земель оставалось всего 420 километров. В те дни я находился в Москве. После переговоров с заместителем Советского Верховного Главнокомандующего я возвратился обратно. Бригаду застал уже в пути.

На станции Полонное, выйдя в тамбур штабного вагона, я услышал чешские песни. Они неслись из поезда, подходившего к станции. Паровоз дал свисток, приветствуя наш эшелон, тормоза заскрипели, и поезд плавно остановился. Теперь песни зазвучали громче, к тому же я увидел развевающиеся на вагонах чехословацкие флаги.

- Кто вы такие? - спросил я группу юношей в штатской одежде, которые выглядывали в открытые двери товарного

вагона.

- Волынские чехи, - последовал дружный ответ. - Куда направляетесь?

- В Ефремов, - ответили из "теплушки".

- Кто же вас туда послал?

Ребята замялись, переглянулись и ничего не ответили. Юноши (это были добровольцы) смотрели на меня с любопытством и, казалось, что-то скрывали.

- Так кто же вас туда послал? - снова спросил я уже более настойчиво.

- Военная миссия, - последовал ответ.

И мне сразу все стало ясно. Больше я никого ни о чем не спрашивал. Да в этом и не было необходимости. Не знаю почему, вероятнее всего по опыту наших взаимоотношений с военной миссией и эмигрантским правительством в Лондоне, я сообразил, что здесь что-то неладно. Мне сразу показалось, что это какой-то вредительский акт. Вскоре мои предположения полностью подтвердились.

Генерал Ингр, едва узнав о том, что мы получили согласие Советского правительства набирать добровольцев среди волынских чехов, дал распоряжение начальнику военной миссии генералу Пике направить на Волынь своего уполномоченного. Этому уполномоченному поручалось проводить набор добровольцев и отправлять их отдельными группами в город Ефремов. Чехи, проживавшие на Волыни, с радостью, даже с энтузиазмом, восприняли известие о возможности сражаться с гитлеровскими разбойниками на стороне Советской Армии. Достаточно сказать, что свыше 12 тыс. человек изъявили желание встать в ряды чехословацких воинов. Если бы военная миссия направила их всех в Ефремов, расположенный на расстоянии свыше 1000 километров от Волыни, то сколько бы времени ушло на переброску этих групп туда, а затем обратно на фронт. Мы собирались обучать добровольцев непосредственно в прифронтовой полосе, с тем чтобы они находились ближе к районам боевых действий и не теряли времени на длительные переезды, столь сложные и трудные в обстановке воины.

Я тотчас направился к военному коменданту станции и показал ему телеграмму Советского правительства. В ней было ясно указано, что 1-я Чехословацкая бригада должна передислоцироваться на Волынь и провести там набор и частичную мобилизацию местных чехов для включения их в состав своих частей. После того как военный комендант ознакомился с этим документом, я попросил, чтобы он распорядился поезд с добровольцами-чехами вернуть обратно.

Моя просьба была удовлетворена. Железнодорожники быстро отцепили паровоз и подогнали его к хвосту поезда. Через несколько минут он отправился в обратном направлении. На всякий случай я попросил взять под контроль и другие железнодорожные линии, чтобы военная миссия, возглавляемая Пикой, не смогла ими воспользоваться для отправки чешских юношей на восток.

Вероятно, генерал Пика пожаловался эмигрантскому правительству, что, дескать, генерал Свобода задержал в своей бригаде 2000 чехов из Волыни. Военного министра генерала Ингра это не на шутку рассердило, и он распорядился: "Сделайте генералу Свободе соответствующее внушение по поводу его действий. Он командир боевой части и не смеет вмешиваться в организационные дела. Предупредите его, что он не должен вступать в переговоры с советскими властями и что все возникающие вопросы обязан решать только через военную миссию".

Таких упреков в мой адрес поступало немало, но я просто не обращал на них внимания. Мы по-прежнему поддерживали тесную связь с Советским Верховным Главнокомандованием и вели переговоры в соответствии с нашим союзническим договором от 12 декабря 1943 года. А в договоре этом было указано, что обе стороны обязываются оказывать взаимную военную и другую помощь и поддержку всякого рода в нынешней войне против Германии.

В Ровенской области мы объявили набор добровольцев. Производить мобилизацию нам не пришлось - настолько был велик прилив добровольцев. Волынские чехи хотели вместе с нами возвратиться на родину и завоевать эту возможность с оружием в руках. Комиссия по набору ежедневно с утра до вечера работала с полной нагрузкой, еле успевая направлять к нам всех желающих. Добровольцев провожали с музыкой. Приходили и старики, подавали заявления даже те, кому не месяцы, а целые годы оставалось до совершеннолетия. Одним словом, все это выглядело как в Бузулуке.

Перед комиссией в Купичове предстал небольшого роста сухощавый парень. Звали его Олдржих Голуб. Голуб рос без отца. Он убежал от своей матери-вдовы, у него не было никаких документов, подтверждающих его возраст. Парень твердил, что ему недавно исполнилось 17 лет, и с таким упорством, даже назойливостью, уговаривал принять его в часть, что члены комиссии уступили. В действительности ему было всего 16 лет, и, глядя на него, никто не смог бы предположить, что в первые же дни боев в Карпатах он приведет пленных немцев. Да, 16-летний

разведчик Голуб привел однажды сразу двух пленных.

К тем первым волынским чехам, которые вступили в наш батальон еще в Бузулуке и Новохоперске и которые с боями прошли нелегкий путь от Соколово до Волыни, теперь ежедневно присоединялись десятки и сотни новых бойцов. Позднее многие из них отличились в боях в Карпатах, в Словакии и Моравии. Вот их имена: Валента, Климент, Свитек, Опоченский, Качирек, Градек, Царбох, Феодор, Замечник, Мойжиш, Райм, Грегор, Линга, Визек, Шобек, Грох, Червяк, Сомол, Кулиш, Поникельский, Похожай, Долежал, Гнидек... Много их было. Сотни.

Если к 18 марта 1944 года в составе нашей бригады насчитывалось 1839 военнослужащих, то уже через три дня после объявления набора добровольцев численность личного состава бригады достигла 4010 человек, а к 27 марта у нас было уже 5325 человек.

Кампания по набору добровольцев показала, насколько высоки патриотические чувства волынских чехов. Из 45 тыс. проживавших на Волыни чехов встать в ряды нашего корпуса изъявили желание свыше 12 тыс. человек и из них более 600 женщин. Все они искренне желали служить делу освобождения своей родины - Чехословакии.

Приход столь значительного пополнения поставил перед нами ряд проблем. Прежде всего не хватало младших командиров. Саперная рота, например, была преобразована в батальон. Разумеется, я разрешил товарищу Ильму отобрать из добровольцев самых крепких и здоровых мужчин, которые годились бы для тяжелой саперной работы. К сожалению, среди волынских добровольцев не нашлось ни одного настоящего сапера. Поэтому Ильм был вынужден остановить свой выбор на тех, кто умел работать лопатой, киркой и топором. Реорганизация саперной роты в батальон, в общем, не представляла особой сложности. К прежним взводам бывшей роты мы приписали новичков, и пополненные взводы стали ротами. Но значительно труднее было с замещением командных должностей. С подобной проблемой мы столкнулись при реорганизации батальона в бригаду. Мы снова прибегли к оправдавшему себя способу, который еще в Новохоперске вызвал возражение лондонской реакционной клики. Солдат, отличившихся в предыдущих боях, назначали командирами отделений, командиров отделений переводили на должности командиров взводов, а командиров взводов назначали командирами рот. Разумеется, мы не забывали о том, что, кроме командира батальона, никто из вновь назначенных командиров не имел специального военного образования. Так, командирами рот были мясник Жижала и

крестьяне Балаш и Пазоур, командирами взводов - рабочие и крестьяне Галатим, Мегела, Фиачан и другие. Позднее, однако, из них вышли военные специалисты в полном смысле слова. Мы ускоренным порядком обучали новых командиров рот, организовали курсы и для командиров взводов. Как и всегда раньше, к нам на помощь пришло советское командование. Значительная часть наиболее способных и отличившихся в боях солдат и унтер-офицеров была послана в советские военные училища. В чехословацкие подразделения в качестве инструкторов направлялись опытные советские офицеры. Попутно с этими мероприятиями мы получили от советского командования необходимое вооружение и снаряжение.

Затем мы приступили к реорганизации бригады. Были созданы: новый 3-й пехотный батальон, смешанный разведывательный батальон, истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Взводы автоматчиков в батальонах были развернуты в роты; реорганизации подверглись артиллерийские подразделения; на базе танкового батальона был создан танковый полк; более многочисленными стали саперные подразделения и подразделения связи, увеличилось число медицинского персонала. Кроме того, на Волыни мы обзавелись лошадьми, что позволило создать при разведывательном батальоне кавалерийский эскадрон.

Обучение прибывшего пополнения шло полным ходом. На боевую подготовку ежедневно отводилось 14 часов. Занятия проходили в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. Результаты были настолько значительными, что вызывали изумление наших учителей - советских товарищей.

На 15 день учебы - это было в середине апреля - наш минометный дивизион, сформированный исключительно из новичков, получил 120-мм минометы. Следует отметить, что люди, пришедшие в дивизион, никогда ранее даже не видели миномета. Издаваемая нами газета "Наше войско", отмечая это, писала, что в первые дни учебы минометчики настороженно оглядывались и поеживались при каждом свисте летящей мины. Пока лишь командир дивизиона и некоторые другие командиры имели боевой опыт; вскоре и все новички действовали на боевых стрельбах уверенно и умело.

Однажды в районе города Торчин, когда дивизион готовился к очередным учебно-боевым стрельбам, противник силой до пехотного батальона предпринял попытку атаковать советские позиции. Было приказано открыть огонь. Таким образом, минометчики получили возможность провести боевую стрельбу. Они быстро навели минометы, первыми доложили о готовности и

первыми открыли огонь. Затем к ним присоединились артиллеристы. Минометный дивизион вел огонь настолько точно, что атака вражеского батальона вскоре была отбита. Советские командиры, наблюдавшие вместе со мной за ходом боя с наблюдательного пункта, не скрывали своего удовлетворения действиями новобранцев. А когда я рассказал командиру 76-го стрелкового корпуса, что минометчики, действия которых он только что наблюдал, обучались всего две недели, он посоветовал мне считать дивизион достаточно обученным и полностью боеспособным. Так это и было на самом деле. После боя дивизион 120-мм минометов уже не снимался с огневых позиций, к большой радости его личного состава. Некоторые из минометчиков были награждены командиром советского корпуса, а мной - повышены в звании.

Дни, насыщенные учебой в прифронтовой полосе, проходили быстро. Между тем, пока мы готовились к дальнейшим боям, Советское Верховное Главнокомандование 10 апреля 1944 года разрешило развернуть 1-ю Чехословацкую бригаду в СССР в 1-й Чехословацкий армейский корпус.

Так началась следующая глава истории части, родившейся в Бузулуке, принявшей боевое крещение в Соколово и позже, уже в качестве бригады, закаленной в боях под Киевом и Жашковом.

2. Черновицы

25 апреля 1944 года 1-я Чехословацкая бригада с Волыни по железной дороге передислоцировалась в район Каменец-Подольского, откуда в походных колоннах двинулась дальше. Мы направлялись ближе к Карпатам, в район города Черновицы - место формирования корпуса. Развертыванию бригады в корпус способствовали прежде всего волынские чехи, которые дали, как я уже упоминал, 12 тыс. добровольцев. Было это также и заслугой словаков, несколько тысяч которых перешло в 1943 году на сторону партизан из словацких дивизий, брошенных Тиссо и Тукой на советско-германский фронт. Словацкие юноши быстро разобрались в обстановке и группами стали переходить на сторону советских войск. Из числа словаков, а также закарпатских украинцев, которые прибыли в Бузулук незадолго до отправки 1-го батальона на фронт, с января 1944 года в городе Ефремове начала формироваться 2-я Чехословацкая парашютно-десантная бригада. Под наблюдением опытных советских инструкторов ее личный состав удивительно быстро осваивал трудное парашютное дело; с 1 февраля до 15 апреля 1944 года они совершили 13559 прыжков, из них 7675 - с аэростатов и 5884 - с самолетов. В конце апреля парашютно-десантная бригада передислоцировалась из Ефремова на Украину, в город

Проскуров, где боевая подготовка десантников продолжалась. Теперь бригада стала составной частью 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР. Основой корпуса, командиром которого был назначен генерал Ян Кратохвил, стала 1-я бригада. Я остался ее командиром.

Прибыв в черновицкие леса, мы сразу включились в работу. Едва были построены землянки и шалаши, как тут же началась усиленная боевая подготовка личного состава. Она продолжалась ежедневно с рассвета и до позднего вечера, но это никому не было в тягость. Солдаты, унтер-офицеры и офицеры знали, что мы должны проложить себе путь домой и что в предстоящих боях они будут бороться за свободу своего народа, от которого теперь их отделяли только Карпаты. Время протекало незаметно. Проходили дни, проходили недели. В конце июня 1944 года из штаба 18-й армии к нам для инспектирования прибыла комиссия. Она пришла к выводу, что 1-я Чехословацкая бригада к боевым действиям подготовлена хорошо. Но и после этого учеба не прекращалась. Полным ходом шли занятия на курсах усовершенствования командного состава, где приобретали знания командиры отделений и взводов, снайперы, связисты и артиллерийские разведчики. Занятия проводились в условиях, близких к боевым.

В то же время в лесах севернее Садгоры формировалась 3-я Чехословацкая бригада. Большинство ее личного состава составляли волынские чехи. Обучение в ней проходило успешно, несмотря на то что новички были вынуждены начинать все сначала - от подготовки молодого бойца до сколачивания отделения, взвода, роты и батальона. Большая заслуга в быстрой и хорошей подготовке бригады принадлежала коммунистам и работникам аппарата просвещения. Среди них был Иосиф Штетка, просветитель батальона связи, один из ветеранов корпуса; ему было уже за 60 лет, но его энергия прямо-таки лилась через край. Не случайно именно в этом батальоне по инициативе товарища Штетки родилось предложение провести сбор средств в фонд обороны. Связисты инициаторы сбора средств - оказались впереди других. Они собрали 11 176 рублей деньгами, а также различные золотые и серебряные вещи примерно на такую же сумму, а ведь связистов было не так уж много. Всего 3-я бригада внесла в фонд обороны 177 тыс. рублей. Их вручили советским представителям с пожеланием, чтобы на эти деньги был построен дивизион катюш и передан нашему корпусу.

В середине июня в Черновицы из Москвы прибыла делегация - члены московского руководства Коммунистической

партии Чехословакии: товарищи Готвальд, Врбенский и Борек, которых сопровождал посол Чехословацкой Республики в СССР Зденек Фирлингер. Они пробыли у нас неделю. Беседовали с воинами как о предстоящих боях, так и о наших перспективах после окончания войны.

Три месяца напряженной учебы в районе Черновиц пролетели быстро. Наконец наступило время, когда по решению Советского Верховного Главнокомандования нам была предоставлена возможность проверить на практике боевую и политическую зрелость наших частей. Чехословацкий корпус должен был показать, чему он научился за эти месяцы. Итак, наступила пора снова идти в бой, или, как это образно выразил в своей речи перед воинами 3-й бригады товарищ Зденек Неедлы, "по-гуситски - вперед!".

3. Словакия восстала

В конце июля предпоследнего военного года 1-й Чехословацкий армейский корпус подходил к границам нашей родины - Чехословацкой Республики.

Развитие событий на советско-германском фронте не оставляло сомнений в том, что день поражения фашизма близок. Советские войска вступили на территорию Румынии. Было ясно, что они стремительно пойдут и дальше, быстро освобождая порабощенные народы Европы, и что они добьют гитлеровского зверя в его собственном логове. Короче, наступало время, когда "и на нашей улице праздник", праздник на улицах наших городов и сел был не за горами.

В этом был убежден каждый воин корпуса. Но тогда вызывал волнение один весьма важный вопрос, который мы часто обсуждали и вокруг которого у нас велись дискуссии. К нему мы возвращались и на маршах, и в перерывах между боями, и на отдыхе. Он наводил на размышления как ветеранов части, которые прошли через бои под Соколовом, Киевом, Белой Церковью и Жашковом, так и тех, кто только начинал свой боевой путь. Как вы уже догадываетесь, вопрос этот касался того направления, по какому должен пойти корпус вместе с частями Советской Армии, чтобы пробить путь на родину, к своим семьям, близким, к своему народу. Высказывалась уйма различных и самых противоречивых мнений. Одни полагали, что если мы пойдем на запад, то будем пробиваться домой наиболее прямым и коротким путем в Прагу, через стальное сердце Республики - Остраву. Другие, наоборот, считали наиболее подходящим вариантом наступления на Прешов. Трудно сказать, какой из вариантов имел большее число сторонников, равно как и учесть количество других предположений. Однако нам не пришлось

долго гадать и ждать ответа на свой вопрос.

В конце августа молниеносно распространилась весть о необычных позывных радиостанции Банской Бистрицы, обещавшей важные сообщения. Люди не отходили от радиоприемников. Это было в предпоследний день августа 1944 года. Радио сообщило о том, что у нас на родине словацкий народ восстал против гитлеровских захватчиков и клерикально-фашистского тиссовского режима.

В предшествовавшие Словацкому восстанию дни партизаны провели ряд выдающихся и смелых операций. Мы расскажем о двух из них. Обе операции провела 1-я партизанская бригада под командованием майора Советской Армии П. А. Величко, штаб которой находился в Склабине.

26 августа 1944 года. В два часа ночи в грузовой автомобиль села группа партизан в составе тридцати человек. Возглавил группу комиссар бригады старший лейтенант Лях. Вот уже три дня как этот автомобиль служил народным бойцам верную службу. Его угнал из танкового полка, расквартированного в городе Турчианский Мартин, бежавший к партизанам четарж Ритношик. Группе партизан была поставлена задача разгромить немецкую полевую жандармерию в городе Врутки, расположившуюся там в гостинице "Славия". Было решено, что восемь партизан - шесть русских и двое словаков - атакуют гостиницу, а остальные блокируют подступы к ней.

Четыре часа утра. Светало. У выхода из железнодорожного вокзала притаились те, кому предстояло атаковать гостиницу. Для этого достаточно было преодолеть небольшое расстояние. Но у входа в гостиницу сидел жандарм. Он что-то заметил и стал стрелять.

- Гранаты! Вперед! - скомандовал комиссар Лях.

В двери гостиницы полетели гранаты, сам Лях открыл огонь из автомата по окнам. Упорный бой произошел на лестнице, однако спустя десять - пятнадцать минут сопротивление было сломлено. Пять немецких жандармов были убиты в гостинице, двоих отвезли в штаб к Величко на допрос. Во время этого налета был ранен один словацкий партизан из Сучан - Ахимский.

В тот же день из казармы в Турчианском Мартине к партизанам в горы были угнаны два танка. Перепуганный начальник гарнизона хотел разоружить запасной танковый батальон. Однако, когда он попытался осуществить свой замысел, надпоручик Кухта, из роты которого были угнаны танки, выступил перед строем и призвал к борьбе с оккупантами и словацкими предателями. Кухта предложил принести присягу верности восстанию. За это предложение поднялось пятьсот рук.

Запасной батальон был переименован в 1-й Чехословацкий партизанский танковый полк.

В это время в квартире одного из офицеров в Турчианском Мартине состоялось совещание. В нем принял участие временный руководитель подпольного движения в Словакии новоиспеченный генерал Ян Голиан, верный прислужник лондонского эмигрантского правительства. В действительности подпольное народное движение возглавляли старейший коммунист Карол Бацилек и майор Советской Армии Величко. Напрасно господину генералу доказывали, что следует объединиться, перейти в наступление, главное - не оставаться в обороне. Голиан действовал по указке из Лондона.

- Это все преждевременно, - говорил он. - Господин президент приказал выжидать удобного случая...

- Так этот случай, господин генерал, уже наступил, - протестовал товарищ Бацилек. - Народ поднялся, словацкие войска переходят на сторону партизан, Красная Армия нас снабжает, гитлеровцы на фронте не знают, что делать. Необходимо предотвратить оккупацию Словакии.

Голиан хорошо понимал все это. Однако продолжал настаивать на лондонской концепции:

- Если уж не удастся сдержать ваше восстание, то мы должны стянуть все силы в одно место и обороняться.

Совещавшиеся так и не сумели прийти к единому решению.

24 августа 1944 года к офицерам партизанского гарнизона обратились майор Величко и Карол Бацилек. Но переговоры проходили туго. Дело дошло до стрельбы. Партизаны уничтожили фашистских агентов и доносчиков, а гитлеровцы, желая отомстить, попытались прорваться к больнице, где находились раненые словацкие и советские партизаны.

Вечером в Турчианском Мартине остановился скорый поезд. В отдельном вагоне этого поезда ехала немецкая военная миссия. Она удирала из Румынии от наступающей Советской Армии. Железнодорожники, тоже подпольщики, немедленно известили об этом партизанский штаб в Склабине. Им дали указание задержать поезд под предлогом повреждения железнодорожного полотна.

Эсэсовцы и члены военной миссии, спешившие в главное логово фюрера, проявляли нервозность, подозрительность и нетерпение. Их было около тридцати человек. Они установили на перроне рядом с вагоном два станковых пулемета.

Начальник мартинского гарнизона вызвал надпоручика Кухту, офицера связи между склабинским партизанским штабом и гарнизоном в Мартине, и предупредил:

- Твои повстанцы задержали международный поезд с какими-то немецкими дипломатами. Призови их к порядку, иначе могут быть неприятности...

Кирил Кухта немедленно пошел "призывать повстанцев к порядку". В сопровождении отделения автоматчиков он направился на вокзал. Была полночь. В сквере перед вокзалом в полной боевой готовности стояли партизанские посты. Командовал ими комиссар Лях.

Надпоручик Кухта и старший лейтенант Лях посовещались, что им следует предпринять дальше. Напасть на эсэсовцев они не могли, так как это угрожало жизни сотен пассажиров в битком набитом поезде. Трудное положение. Оставался единственный выход - выманить врагов из вагона.

Комиссар предложил Кухте зайти к начальнику станции и от имени "союзнической" словацкой армии пригласить членов миссии переночевать в казармах. Железнодорожное полотно будет, мол, исправлено только к утру.

"Как это лучше сделать? - размышлял надпоручик Кухта по дороге на вокзал. - Если бы навесить на грудь какой-нибудь гитлеровский металл - тогда другое дело. Ну ладно, будь что будет. Надо только подойти четким военным шагом, резко вскинуть правую руку и произнести ненавистное фашистское приветствие".

В комнате начальника станции сидел, развалившись, толстый

обер-фюрер СС. Он кричал:

- Это свинский саботаж... Вас всех нужно арестовать и поставить к стенке!

В этот момент вошел "союзнический" офицер, вытянулся и по всей форме приветствовал гитлеровца. Эсэсовец спросил, что произошло, почему поезд не идет дальше. Надпоручик Кухта подтвердил сказанное железнодорожниками. Мол, в этом краю партизанские банды причиняют изрядные неприятности. Однако господа могли бы воспользоваться гостеприимством офицеров местного гарнизона, переночевать в казармах, а завтра продолжить путь. Утром железнодорожное полотно обязательно будет исправлено.

Немецко-фашистская миссия перебралась в казармы. Прежде чем отправиться спать, эсэсовцы выставили на лестнице своих часовых. Надпоручик Кухта облегченно вздохнул. Но когда следует начать действовать? Это должны решить Величко, Бацилек и Лях. Кухта на мотоцикле помчался в Склабин.

Совещались недолго. Партизанские командиры приняли решение:

- Утром захватить эсэсовцев и доставить к нам в штаб. При попытке к сопротивлению принять все меры. Ясно?

- Ясно, захватить в плен.

Но как? Об этом надпоручик не спросил - надо решать самому. Командиры подали ему руку и пожелали удачи.

По пути в Мартин у надпоручика все еще звучали в ушах слова Величко, сказанные при расставании: "Это ваше первое боевое задание, товарищ Кухта!" Он обратился к нему как к товарищу, веря, что задание будет выполнено. Кухта мысленно выбирал из своей роты самых надежных людей. Ротный Летко бесспорно. Но кто же еще? Только бы ребята не испугались! Ведь им впервые придется поднять оружие против отборных головорезов третьей империи.

Надпоручик Кухта разбудил ротного Летко и изложил ему свой план:

- Рано утром, прежде чем господа встанут, ты со взводом автоматчиков ребят выберешь сам! - будешь во дворе казармы проводить строевые занятия. Разумеется, с заряженными автоматами.

Надпоручик взял лист бумаги и карандаш и набросал план операции.

- Я буду их сопровождать, когда они будут выходить из казармы. Вот тут они спят, тут двор, вот это ворота, а тут стоят часовые. Вы занимаетесь здесь. Как только они поравняются с вами, я крикну по-немецки: "Hande hoch!"{16}. Ясно? Если они не

поднимут руки, откроете огонь...

В ту ночь Кухта не мог заснуть. События последних дней проносились у него в голове, словно кадры кинофильма. Вот он видит перед собой спящего Летко. "Все ли он понял? Не выстрелит ли кто-нибудь из ребят раньше времени? Не расстроят ли эсэсовцы наши планы? Вероятно нет, ведь должны же они выйти из дому. А что делать, если вдруг они пойдут группами? Или если поставят меня в середине? Ведь это вполне вероятно. Нет, прошу извинения, ведь я тут дома, а вы - наши гости!"

Да, рискованно, но на попятный идти нельзя. "Это ваше первое боевое задание, товарищ Кухта!" - вспомнил он слова Величко. И почему так медленно тянется время... Любой фронтовик знает, что такое ожидание перед атакой. Нет, это не страх, скорее нетерпение. Ты веришь, все окончится благополучно, но хочется,.чтобы это осталось уже позади.

Наконец господа встали. Адъютант сообщил, что завтракать в казарме они не будут и что господин надпоручик должен немедленно проводить их на вокзал.

Вот они спускаются со второго этажа во двор. Кухта открывает дверь и пропускает их одного за другим. Далее все идет по плану.

Вдруг к нему поворачивается эсэсовский обер-фюрер, тот, что накануне сидел в комнате начальника станции, и, указывая на группу словацких солдат с автоматами в руках, раздраженно спрашивает:

- Что это значит?

- Занимаются строевой подготовкой, - угодлив отвечает ему Кирил Кухта на ломаном немецком языке.

Идут дальше. Тридцать, двадцать... теперь уже каких-нибудь десять шагов до словацких солдат - и зазвучит:

- Hande hoch!

Надпоручик Кухта еще раз осматривается. В последний раз. Он идет слишком близко от группы эсэсовцев. Ему следует немного отойти от них, отстать, и он замедляет шаги.

Один из членов военной миссии что-то заподозрил. Он выхватывает пистолет и кричит по-немецки, затем стреляет в часового у ворот и бросается к проходной.

Началась паника. Теперь Кухта не может скомандовать: "Hande hoch!" Поздно. Он падает на землю и кричит:

- Огонь!

Ротный Летко, поняв ситуацию, повторил:

- Огонь!

Тридцать автоматов словацких солдат ответили на стрельбу тридцати двух гитлеровцев. Обе группы находились друг от друга

на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов. Под перекрестным огнем оказался и организатор всей этой операции. Но его даже не ранило. Огонь словацких солдат был страшен. Члены миссии остались во дворе казарм. Никто из них не доложит о случившемся. Это произошло утром 28 августа 1944 года. А 29 сентября гитлеровские войска вторглись в Словакию.

Словакия имела для гитлеровцев большое стратегическое значение. Разветвленная сеть железных и шоссейных дорог Словакии использовалась оккупантами для переброски войск на советско-германский фронт из Моравии и Чехии, Венгрии и Польши, а также из Австрии и Германии. За день перед вступлением гитлеровцев на территорию Словакии с гор спустились партизаны. Подобно бурному потоку, они растекались по словацкой земле и быстро занимали города и села. Это был вооруженный авангард восстания. К ним без колебаний присоединялся народ, истосковавшийся по свободе, народ, который был полон решимости покончить с клерикально-фашистским тиссовским режимом. По всей Словакии поднялись патриоты, руководимые Коммунистической партией.

Сообщения из Словакии о перерастании партизанского движения в партизанскую войну, о крупном размахе национально-освободительной борьбы вызывали наше восхищение и поднимали дух личного состава корпуса.

Почти в то же время мы получили сообщение о том, что предатель Тиссо, испугавшись мощного революционного выступления словацкого народа, поспешил к Гитлеру просить о помощи. Он стремился сохранить и укрепить клерикально-фашистский режим и положение немецких хозяев в Словакии. Гитлеровцы не заставили себя долго упрашивать и немедленно стали подтягивать войска к словацким границам для вторжения в страну и ее оккупации.

С нетерпением ждали мы новых сообщений радиостанции Банской Бистрицы. Воины строили догадки и предположения о том, какие вести могут прийти. Помню, это было около полудня 30 августа 1944 года, когда раздался голос повстанческой радиостанции. С огромным воодушевлением, неописуемой радостью прослушали мы сообщение о начале Словацкого народного восстания. В памяти невольно возникли чудесные слова словацкого поэта Само Халупки:

Сгинь, пропади от вечного позора, подлый сброд,
Который стремится поработить чудесный мой народ.
И пусть навеки увенчает слава отважных богатырей,
Жизни не щадящих во имя счастья людей!
Но того, кто коварно посягнет на твою свободу, убей.

Гей, убей его, верный сын своего народа!

А если и голову придется сложить в жестоком бою

Сражайся и смерть предпочти рабскому житью!

Эти стихи, передаваемые повстанческой радиостанцией, звучали удивительно прекрасно. Они вызвали у нас необыкновенный подъем, и все мы прониклись боевым настроением патриотического призыва поэта.

Взволнованные, полные энтузиазма, мы многократно повторяли вслух строки из этого стихотворения.

С тех пор прошло немало времени, свершилось много важных и крупных событий. Но ни минувшие годы, ни прошедшие бурные события не сгладили в моей памяти ярких впечатлений тех незабываемых дней.

Историческое сообщение повстанческой радиостанции передавалось из уст в уста. Я как сейчас помню тот день. Раздаются приветственные возгласы, все обнимаются и целуются. Мы, чехи, сердечно поздравляем словаков, они в свою очередь приветствуют нас. Среди солдат и офицеров царит радостное настроение. Звучат песни. Воины разбились на отдельные группы, в каждой оживленно говорят, и главная тема - Словацкое восстание. Строятся предположения о его значении и возможном развитии.

- Я так думаю, - говорил кто-то в группе воинов, к которым я подошел, что это восстание ускорит освобождение всей нашей страны.

Присутствующие согласились и одобрительно закивали.

- Это ясно, как дважды два - четыре, - поддержал товарища другой солдат и, словно боясь, чтобы кто-нибудь не опередил его, поспешил объяснить свою мысль: - Словаки покончат с предателем Тиссо и выгонят фашистов. Они достаточно хлебнули горя от приспешников Тиссо и теперь крепко будут стоять за свое дело. Это ясно каждому.

- А я так считаю, что теперь весь наш корпус должны перебросить в Словакию. Ведь мы представляем немалую силу. Не так ли? - сказал третий солдат. - Мы бы там поработали на славу.

- Друзья! - обратился к группе солдат десятник, видимо командир отделения. - Если повстанцам в Словакии придется круто, я клянусь своей головой, хотя она у меня только одна, что нас туда направят. Нам рассказывал один офицер-просветитель, что в Словакии уже действуют несколько десятков партизанских отрядов, в рядах которых много советских партизан. А вы сами догадываетесь, что эти отряды созданы там не для парада. Просветитель говорил также, что русские посылают туда оружие.

- Это немыслимо, - отозвался солдат, который первый начал

разговор, чтобы словаки, в жилах которых течет горячая кровь Яношика{17}, позволили скрутить себя по рукам и ногам. Правильно сказал недавно Гонза: они уже хлебнули достаточно горя как во времена первой республики, так и под властью этого фарисея с манишкой католического священника на груди. И мы не должны допустить, чтобы кто-либо снова опутал наш народ.

Поощряемый вниманием слушателей, солдат продолжал:

- Будь на то моя власть, я бы немедленно приказал перебросить наш корпус в Словакию. Хотя я ни разу в жизни не прыгал с парашютом, но на сей раз я бы решился.

Это был весьма интересный и поучительный разговор. И так говорили тогда повсюду.

Из приведенных мной отрывочных высказываний видно, как личный состав корпуса понимал свои обязанности и долг перед восставшими. Наши воины выражали желание немедленно направиться в Словакию, чтобы оказать помощь восставшим. Они стремились помешать гитлеровским дивизиям задушить восстание. Да, весь корпус единодушно мечтал поскорее пробиться к повстанцам и оказать помощь словацкому народу.

4. У маршала Конева

В моей памяти осталось одно из совещаний у командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева. Совещание подходило к концу. Все главные вопросы, касавшиеся нас и 38-й армии, в состав которой входил наш корпус, были решены. Мы узнали планы Советского правительства и Верховного Главнокомандования и замысел командующего фронтом. Известно, что язык воинских приказов и распоряжений лаконичен. Но на этот раз маршал говорил много. Сколько захватывающих мыслей высказал он, когда знакомил нас с предстоящей операцией по освобождению Словакии.

Первоначально Советское Верховное Главнокомандование готовило мощное наступление на центральном участке советско-германского фронта, для чего предполагалось привлечь войска 4-го и 2-го Украинских фронтов. Причем войска 4-го Украинского фронта должны были наступать севернее, через Польшу на Краков и Остраву, а соединения 2-го Украинского фронта - через Венгрию на Брно и Братиславу.

Однако, несмотря на это, Советское правительство проявило самое дружеское, заботливое внимание к просьбе чехословацких органов в Москве об оказании помощи восстанию и в ближайшие дни после начала восстания осуществило ряд эффективных мероприятий.

С 25 сентября началась переброска воздушным путем в Словакию сформированной в СССР и первоклассно вооруженной

2-й парашютно-десантной бригады.

В исключительно короткий срок советское командование разработало план новой операции - Карпатско-Дуклинской. Он предусматривал прорыв советских войск совместно с чехословацким корпусом на территорию Словакии через Карпатские горы.

В соответствии с планом Карпатско-Дуклинской операции советским войскам и чехословацкому корпусу предстояло взломать вражескую оборону в районе города Кросно и, пробиваясь через Карпаты в направлении Кросно, Дукля, Прешов, выйти на территорию Словакии и соединиться с силами повстанцев. За пять дней наступления мы должны были, согласно плану операции, преодолеть с боями около ста километров.

Да, на нашу долю выпала нелегкая задача. Но приказ должен был быть выполнен. Народ, восставший за Карпатами, ждал нашей помощи.

- Главное в операции, - подчеркнул маршал Конев, - стремительность и оперативность.

План операции предусматривал прорыв вражеской обороны, а затем, после расширения участка прорыва, стремительное продвижение в глубь Карпат. Наступление должно было быть настолько стремительным, чтобы противник не успел перебросить свои резервы в Карпаты.

Таким образом, успех решала прежде всего стремительность наступления.

- Первые два дня успех будет зависеть только от темпа наступления. Любая задержка - смерти подобна, - сказал маршал Конев.

Итак, застигнуть врага врасплох и нигде не терять ни минуты, чтобы не дать ему закрепиться.

Советское Верховное Главнокомандование избрало для нанесения удара наиболее выгодное направление, наиболее доступную часть Карпатского горного массива. Местность, на которой нам предстояло вести наступление, не поднимается более чем на 700 метров над уровнем моря. Но характер ее не очень-то благоприятствовал нам. Предстояло преодолеть 6 или 7 поперечных горных хребтов, отделенных друг от друга узкими долинами; многочисленные горные реки и ручьи создавали выгодные условия для обороняющегося противника, а наше продвижение затрудняли. Особенно большие трудности при форсировании водных преград предстояло преодолеть нашим танковым и артиллерийским частям. На направлении главного удара было сосредоточено большое количество артиллерии, плотность которой превышала 150 орудий и минометов на

километр фронта. Следует также заметить, что сеть дорог в этом районе развита слабо. Готовясь к наступлению, мы учитывали все эти трудности. Надо добавить, что ни соединения 38-й армии, ни наши части не обладали необходимым опытом ведения боевых действий в горно-лесистой местности и не имели соответствующего снаряжения и вооружения. К тому же войска 38-й армии, которыми командовал генерал-полковник Москаленко, были утомлены весьма трудными двухмесячными боями. Часть боевой техники требовала ремонта, и ее необходимо было пополнить. А время не ждало.

Прежде чем закрыть совещание, маршал Конев внимательно посмотрел на нас - мы старательно записывали в свои блокноты его указания. Во взгляде маршала мы уловили озабоченность и высокое чувство ответственности за всех тех, кому было поручено осуществить приказ Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР. Вдумчиво подбирая слова, он обратился к нам с напутственной речью.

- Товарищи! - начал он после некоторой паузы. - У вас осталось мало времени, но вы должны сделать все, чтобы ваши части были полностью готовы к предстоящему наступлению. И запомните: при любых условиях мы должны перейти через Карпаты!

Эти мысли, выраженные командующим, разделяли все присутствующие. И каждый командир еще больше осознал огромную ответственность, возложенную на него в предстоящей операции.

Советский маршал, а вместе с ним и все советские воины хорошо понимали значение той помощи, которую Советский союз оказывал братской Чехословакии, начиная операцию ударом через Карпатские горы. Необходимо было помочь словацкому народу, восставшему против фашизма, помочь ему завоевать себе свободную, счастливую жизнь в единой республике равноправных народов.

5. Предательство

Получив приказ, части корпуса начали готовиться к наступлению. Как только наши воины узнали, что им поручено проложить путь на родину, они загорелись желанием поскорее вступить в бой.

Посудите сами: кому не хочется домой? Тоска по родине, ненависть к врагу вели личный состав батальона в бою. под Соколовом, звали вперед воинов бригады в боях за Киев, Белую Церковь и Жашков. Каждый, будь то рядовой солдат или офицер, хорошо понимал, что путь на родину не прогулка, что это путь жестоких боев и сражений. Может быть, не всем удастся дожить

до того дня, которого столько ждали.

Когда разрабатывался план Карпатско-Дуклинской операции, предполагалось, что нам помогут словацкие дивизии. Мы знали, что в районе города Прешова сосредоточен восточно-словацкий корпус в составе двух дивизий, которые являлись ядром словацкой армии. По численности личного состава и количеству вооружения эти дивизии представляли для того времени немалую силу: свыше 26 тыс. человек, 15 тыс. винтовок, 1000 ручных и 250 станковых пулеметов, 150 минометов, 70 полевых и 50 противотанковых орудий.

С мая 1944 года корпусом командовал бывший словацкий военный атташе в Берлине генерал Малар. За верную службу третьей империи он был награжден рыцарским крестом. Как потом оказалось, Малар лишь на словах выразил готовность подчиниться военному командованию в Словакии. Это был, скорее всего, своеобразный ход конем для поддержания своего авторитета в глазах солдат. Его корпусу словацкое командование отводило весьма важную роль. Наличие этого корпуса в какой-то степени учитывалось и советским командованием, тем более что чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне уверяло, будто обе словацкие дивизии присоединятся к нам и что оборонительные укрепления на Дукельском и Лупковском перевалах ни в коем случае не будут сданы врагу.

Предполагалось, что словацкие дивизии откроют дорогу через Карпаты советским войскам и нашему корпусу. Эта задача была возложена на восточно-словацкий корпус словацким военным командованием, которое возглавлял вначале деятель лондонского эмигрантского правительства подполковник Голиан, а позже - очередной "герой" из чехословацкой эмиграции генерал Виест.

О планах словацкого военного командования были своевременно информированы командир корпуса генерал Малар и его заместитель полковник Тальский. Оба хорошо знали, что в случае если гитлеровцы вторгнутся в Словакию, корпусу необходимо будет во что бы то ни стало удержать Лупковский и Дукельский перевалы до подхода советских войск. Однако на деле все получилось иначе. Когда немецкие войска вторглись в Словакию, командование словацкого корпуса, позабыв о своем долге, трусливо сбежало. Словацкое военное командование также не проявило должной расторопности. Да, собственно, удивляться тут было нечему.

Бросив корпус на произвол судьбы и ни слова не сказав своим подчиненным, Малар подался в Братиславу к Тиссо, якобы за инструкциями. По дороге в столицу он останавливался в

некоторых гарнизонах. И там, где личный состав был на стороне повстанцев и партизан, пытался сдержать революционное движение.

Восстанием были охвачены районы рек Грон и Ваг. В Жилинской области партизаны вели первые крупные бои с оккупантами. В освободительное движение втягивался весь народ. Власть переходила в руки национальных комитетов. Вооруженная борьба быстро переросла во всенародное восстание.

В такой обстановке утром 30 августа 1944 года в Попраде Малар собрал офицеров во дворе казарм и произнес перед ними странную речь. В частности, он заявил: "Честь словацких солдат и офицеров будет запятнана, если они перейдут к повстанцам, те же, кто поступил так, - бандиты и отщепенцы!"

Малару стало известно, что за день до его приезда в Попрад Уомиссар партизанского отряда "За свободу славян" товарищ Шольц вел переговоры о переходе частей местного гарнизона на сторону повстанцев. Малар знал также, что Шольц еще находится в городе, и, прежде чем уехать, приказал убить партизанского комиссара. Этот злодейский приказ не был выполнен. Среди тех, перед кем выступал Малар, находился партизан Зелинка. Он немедленно отправился к комиссару и сообщил ему о выступлении командира корпуса, который, клевеща на партизан, пытался внести раскол в ряды офицеров, готовых поддержать повстанцев. Шольц быстро собрал группу автоматчиков и вместе с ней отправился на автомашине к казармам, чтобы наказать провокатора. Не застав Малара в казармах, он поспешил на аэродром, но, к сожалению, опоздал. Малар успел улететь в Братиславу, где выступил по радио. Обращаясь к войскам, он снова призывал их не поддерживать повстанцев и оставаться в своих казармах.

Полковник Тальский также не выполнил своего долга. Вместо того чтобы в отсутствие Малара принять на себя командование корпусом, обсудить с офицерами создавшееся положение и принять необходимые меры, он, не известив об этом своих подчиненных, 31 августа вылетел во Львов в штаб 1-го Украинского фронта. Вместе с ним с Прешовского аэродрома на своих самолетах вылетели все словацкие летчики. Бегство Тальского осложнило положение, сложившееся в результате предательства Малара. Словацкое военное командование своевременно не выяснило положения дел в Восточной Словакии и не знало, что корпус находится на грани распада. В частях корпуса царил хаос, отсутствовал элементарный порядок.

Немцы скоро узнали о бегстве полковника Тальского, прихватившего с собой более 30 самолетов, и для них это явилось

сигналом для наступления против словацких дивизий. В результате две дивизии, где порядок и дисциплина отсутствовали, были захвачены врасплох и разоружены. Из всего личного состава корпуса лишь нескольким десяткам солдат удалось уйти к партизанам. Остальные разошлись по домам. Однако участь этих людей была печальной. Большинство из них гитлеровцы разыскали и бросили в концентрационные лагеря.

Так из-за предательства руководства восточно-словацкий корпус не выполнил свою задачу, и что не только затруднило наступление советских и чехословацких войск через Карпаты, но и в значительной степени помешало успеху Словацкого восстания, крайне осложнив обстановку в стране.

6. Начало боев в Карпатах

Карпатско-Дуклинская операция началась рано утром 8 сентября 1944 года.

Несмотря на утомление, вызванное трудным переходом и бессонной ночью, тысячи глаз чехословацких воинов были устремлены на величественные горные массивы Карпат, вершины которых, покрытые густым лесом, поднимались к облакам. Каждый понимал, что вскоре эти горы и леса станут свидетелями жарких боев, но пока здесь царила тишина. Фронтовикам знакома такая тишина перед боем. На рассвете 8 сентября северо-западнее польского города Кросно загремели полторы тысячи орудий 38-й армии и 1-го Чехословацкого корпуса. В течение 125 минут они вели огонь по немецким позициям. Это был массированный огневой удар огромной мощи. Земля дрожала, местность впереди нас была затянута густым черным дымом. После артиллерийской подготовки в наступление пошли советские дивизии первого эшелона. Они легко преодолели реку Вислоку и, стремительно атаковав, заняли первую позицию вражеской обороны, разрушенной артиллерийским огнем. Там, где уцелевшие фашисты еще оказывали сопротивление, советские пехотинцы быстро охлаждали их пыл огнем винтовок и автоматов, завершая дело в рукопашной схватке.

Так началась операция, в результате которой мы должны были перейти Карпаты. Предполагалось, что она будет проведена сравнительно быстро. По плану через пять дней наступающие войска должны были освободить Прешов. Первые часы боя, казалось, подтверждали это. Советская пехота успешно продвигалась вперед. Части нашего корпуса ожидали только приказа, чтобы вместе с советскими подвижными соединениями войти в прорыв.

Я приказал построить 1-ю бригаду на опушке леса и обратился к солдатам и офицерам с речью.

Внимательно всматриваюсь в лица солдат и офицеров. Многие из них опытные, закаленные в боях воины. Они умеют наступать, умеют обороняться. Но есть в бригаде и такие, кто лишь сейчас начинает понимать, что такое война. Они прошли сокращенную подготовку и знают только минимум того, что необходимо знать бойцу на войне. Эти люди, откровенно говоря, не имеют никакого военного опыта, им еще предстоит приобрести его. Да и не только им. Весь личный состав бригады должен еще приобрести опыт ведения боевых действий в горах. Это относится как к солдатам, так и к унтерофицерам и офицерам всего корпуса.

Воины бригады выжидающе смотрят на меня. Я вижу, они взволнованы предстоящим боем, и испытываю желание высказать им все, что у меня на душе.

- Воины! - Чувствую, как дрожит мой голос. Нет, мне нельзя выдавать свое волнение. Это может произвести нехорошее впечатление. Усилием воли беру себя в руки и продолжаю:

- Через несколько часов вы вступите на землю своей родины, где сможете рассчитаться с преступниками, которые причинили нашему народу бедствия и страдания. Будьте судьями справедливыми и строгими. И знайте: за все зло, причиненное нашему народу, несет ответственность не только Гитлер, но и его банда фашистских заправил...

Я напоминаю о страданиях, которые причинили гитлеровцы народам Чехословакии. Об этом воины уже знают из докладов и бесед просветителей и из сообщений нашей печати. Я предупреждаю их, чтобы они не были излишне мягкосердечными, и подчеркиваю, что снисхождения к врагам и их прислужникам нам никто не простит. Затем говорю о Советском Союзе, который никогда не оставлял нас в беде. И хотя многие воины убедились в этом воочию, мне кажется, следует еще раз напомнить им, что лишь благодаря нашему великому союзнику мы придем сегодня на помощь словацкому народу. Затем я подробно объясняю задачу бригады. Преодолеть Карпаты будет не легко. Только легкомысленный командир, не учитывающий возможности и силы противника, мог считать эту задачу легкой. Следовало иметь в виду, что здесь у фашистов были исключительно хорошие условия для обороны. Они укрепили все господствующие высоты. Нам приходилось наступать в менее выгодных условиях, и задача заключалась в том, чтобы нанесли врагу стремительный и мощный удар, от которого он не успел бы оправиться. Этого и требовал от "ас маршал Конев.

Множество мыслей проносится в голове, и мне хочется рассказать о них солдатам. Но время не ждет. Еще минута, и мы

пойдем в наступление. Поэтому я говорю лишь о самом главном:

- Мы стоим на пороге родины и в этот величественный час должны осознать, какую почетную задачу там предстоит решить. Выполнение ее возложено на всех нас, и мы должны прочувствовать всю великую ответственность перед своей совестью и своим народом. Я твердо убежден, что вы с честью выполните долг. Задача нелегкая, "о будем брать пример со старших товарищей, славных героев Соколово, Киева, Белой Церкви и Жашкова!

По выражению лиц воинов я вижу и чувствую, что слов больше не требуется. Подаю команду:

- По местам!

Долго ждать не пришлось. Через некоторое время корпус начал наступление!

Жаль, что не удалось сразу же занять город Кросно. Тогда весь ход операции был бы иным. Но, несмотря на мощную артиллерийскую подготовку, в ходе которой по городу было выпущено огромное количество снарядов, и на героические усилия наших и советских войск, овладеть городом и прорвать вражескую оборону в первый день не удалось. Это обстоятельство заставило нас внести коренные изменения в дальнейшие планы.

Лишь через несколько дней оборона врага была прорвана, и бригады корпуса совместно с советскими 25-м танковым и 1-м гвардейским кавалерийским корпусами вошли в прорыв. В первый день рядом с нами тянулись и тыловые подразделения частей первого эшелона. На дорогах часто возникали пробки, темп продвижения подвижных соединений по горным дорогам постепенно замедлялся.

Утром второго дня в районе Махнувки мы обогнали передовые советские части и разведку корпуса. Из-за густого тумана видимость была плохая. Продвигались буквально на ощупь. Внезапно с ближайшей опушки леса донеслись пулеметные и автоматные очереди. "Подвела разведка", - мелькнуло у меня в голове. Но этому не приходилось удивляться. В условиях прескверной видимости мы на каждом шагу могли ожидать внезапного нападения замаскировавшегося врага. Не нужно доказывать, что наступать в горах без разведки крайне опасно. И тогда мы чуть было не поплатились жизнью.

Светает, туман рассеивается. Противник усиливает огонь. Теперь ведут огонь не только его пулеметы, но и артиллерия. Через некоторое время в грохот орудий вплетается приглушенный гул моторов. Неужели самолеты? В такую погоду это кажется невероятным. Но, к сожалению, выяснить причину гула не удается. Настороженный слух, наконец, улавливает знакомый

рокот. Вот и источники шума - впереди показались расплывчатые очертания ползущих навстречу нам танков.

Вражеские снаряды и мины ранят и убивают. 2-й батальон 1-й бригады понес значительные потери, прежде чем завязал бой с противником. Ранены два командира рот. Убиты два командира взводов, трое - ранены. Мы потеряли несколько командиров отделений и много бойцов. Пострадала боевая техника. Сильным вражеским артиллерийским и минометным огнем разбито или серьезно повреждено большинство 122-мм гаубиц приданного батальону артиллерийского дивизиона. Такая же картина наблюдается в батарее противотанковых орудий батальона.

Танки! Мы видим их уже отчетливо. Они приближаются. Их пушки направлены на нас. Стальные машины, покачиваясь, выползают из лесу. В вуали разбрызгиваемой грязи угадываются прижавшиеся к броне фигуры гитлеровцев. Моторы ревут, машины идут на большой скорости. Орудие головного танка выплюнуло первый снаряд. В ту же секунду загремели пушки остальных танков. Танки и автоматчики с ходу открыли огонь.

Контратака! Противник нас опередил. Он контратаковал раньше, чем мы начали атаку. Завязался первый бой. Вражеские танки приблизились к передовым подразделениям 2-го батальона. Наши бойцы открыли огонь по танкам из всех видов противотанкового оружия. К сожалению, мы нанесли им не очень большой урон: предшествующий артиллерийский и минометный налет противника вывел из строя много наших орудий.

Настал момент, когда решающее слово должны были сказать воины истребительно-противотанковых батарей, в противном случае батальон оказался бы в опасном положении. Да он, собственно, уже был в таком положении. Рытирж и другие офицеры-артиллеристы подали команды. Расчеты противотанковых орудий с изумительной быстротой заняли огневые позиции. Невозможно было не восхищаться их действиями. Хорошо, ребята, хорошо обучили вас командиры! Лишь сейчас вы убедитесь, насколько важно уметь быстро приводить орудия к бою. А на занятиях по огневой подготовке, наверное, не один из вас ворчал на командира за то, что тот заставлял проделывать одно и то же упражнение по нескольку раз. Теперь вы видите, что это было не лишним. Приятно смотреть, как ловко у вас все получается. Остается только быстрее навести и открыть огонь. Дорога каждая секунда!

Вражеские танки прорвались в расположение 2-го батальона. Тотчас же раздались первые выстрелы, за ними еще и еще... Метким огнем подбив несколько вражеских танков, наши артиллеристы отбили первую атаку стальных чудовищ.

Противник отступил, понеся значительные потери.

Отразив контратаку вражеских танков, мы поняли, что подошли ко второй полосе обороны противника.

Значительно хуже сложилась обстановка на левом фланге корпуса, где по нашим подразделениям противник открыл беглый артиллерийский и минометный огонь. Хотя снаряды и мины не долетали до "ас, это было неприятно. Они падали слева, и сотни их рвались в населенном пункте Вроцанка. Какой же батальон находится там?

Я прошу соединить меня с 3-й бригадой. Оказывается, нет связи. "Этого еще не хватало, - думаю я с огорчением, - и так положение довольно запутанное".

Осматриваюсь, пробую быстро сориентироваться. Соображаю. Прикладываю бинокль к глазам и наблюдаю за тем, куда ложатся снаряды и мины. Артиллерийский огонь слабеет. Видно, как из Вроцанки отходят бойцы. Кто же там может быть? Понемногу обстановка проясняется. Разведка сообщила, что там находится батальон 3-й бригады.

- Начальника разведки ко мне! - приказываю. Через минуту явился поручик Эрбан. Ему не пришлось мне много рассказывать, и так все было ясно.

- Проберись во Вроцанку, задержи пехоту и передай командиру батальона приказ, чтобы до особого распоряжения командира корпуса он выполнял мои указания. Ясно?

Я вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал Эрбану записку.

- Получай полномочия. Лично проследи, чтобы батальон вернулся в деревню и приготовился к отражению контратаки. Мы не можем отступать. Пусть запомнят: нам нужно наступать, а отступать должен враг!

Поручик Эрбан направился в деревню. Торопись, Войта, торопись, дорогой/ действуй быстрее и энергичнее!

Под градом мин и снарядов Эрбан добрался до Вроцанки. Там кромешный ад. Вдобавок ко всему противник начал обстрел из шестиствольных минометов.

Эрбан встречает первых раненых. Слышит их стоны. Наши солдаты куда-то бегут. В деревне паника.

- Кто вы такие? Из какого батальона? - спрашивает Эрбан солдата, которому санитарка делает перевязку.

Солдат тихо стонет и не отвечает. Видимо, боль не дает ему говорить.

- Мы из пятого батальона третьей бригады! - выкрикивает санитарка, чтобы ее было слышно в грохоте канонады.

- А где ваш ком... - Оглушительный взрыв обрывает конец

вопроса. Мина разорвалась совсем близко от Войты Эрбана. Несколько осколков впилось в его тело, один попал в голову. Потеряв сознание, Эрбан упал. Мой приказ остался невыполненным.

Тщетно пытались врачи спасти правый глаз раненому поручику Эрбану, прошедшему с нами путь от Бузулука до Карпат.

Как же случилось, что левее 1-й бригады оказался 5-й батальон 3-й бригады? Об этом я узнал позже. Командир корпуса генерал Кратохвил ввел в бой свой резерв - 5-й батальон, изменил ему направление наступления, но не проинформировал об этом меня. 5-й батальон, которым командовал капитан Моравец, став первым эшелоном 3-й бригады, наступал в указанном ему направлении. Не встречая препятствий, он без единого выстрела к вечеру достиг Вроцанки. Но там вдруг попал под огонь шестиствольных минометов. Капитан Моравец быстро развернул батальон: 1-й роте приказал занять гребень высоты южнее Вроцанки, 2-ю роту оставил оборонять южную окраину деревни, вперед выслал разведку. Батальон быстро занял оборону и приготовился к отражению контратак противника.

Во Вроцанку за ночь стянулись и некоторые другие подразделения 3-й бригады. С рассветом, когда поредел туман, противник, обнаружив в населенном пункте скопление наших войск, открыл по Вроцанке ураганный артиллерийский и минометный огонь. Немецкие мины и снаряды натворили много бед. Наши потери убитыми и ранеными исчислялись десятками. Началась паника.

Вскоре при поддержке нескольких танков враг атаковал позиции 5-го батальона. Капитан Моравец направил на угрожаемый участок взвод противотанковых орудий и пулеметную роту. Опытные артиллеристы надпоручика Юранека открыли по танкам огонь прямой наводкой. Они остановили немецкие танки, а затем заставили их отойти. Не принесла врагу успеха и другая его контратака.

В первом поединке 5-й батальон устоял. Он не отступил и отбил две контратаки противника. Конечно, потери, которые он понес во Вроцанке в результате вражеского артиллерийского и минометного обстрела, были немалые.

Перед полуднем огонь противника снова усилился. На командном пункте батальона разорвалась вражеская мина. Капитан Моравец был тяжело ранен в голову, а незадолго до этого мы потеряли его заместителя капитана Пашека. Батальон остался без командира и его заместителя.

- Принимаю командование батальоном на себя, - сообщил

начальнику штаба батальона командир пулеметной роты подпоручик Килиан. Он направился на левый фланг батальона, где создалось особенно тяжелое положение. Молодой коммунист возглавил батальон без колебаний.

С целью улучшения позиций поредевший 3-й батальон под командованием Килиана дважды атаковал противника, но безуспешно. В свою очередь гитлеровцы после артиллерийского налета предприняли контратаку крупными силами. Обстановка, и без того сложная, осложнилась еще больше.

Вражеские цепи уже совсем близко. Килиан, которому не раз приходилось смотреть смерти в лицо, и лежащие рядом с ним солдаты готовы открыть огонь по врагу. Отступать некуда, и они решили биться до последнего вздоха. Но вдруг на гитлеровцев обрушился шквал артиллерийского огня. Вслед за этим слева появились советские пехотинцы. С громовым "ура" они отбросили врага.

События этого дня подтвердили, что пробиться через Карпаты на родину не так-то легко. Противник начал подтягивать резервы. Его сопротивление усиливалось. Частые контратаки гитлеровцев и массированный огонь их шестиствольных минометов крайне затрудняли наши действия.

Большинство воинов 3-й бригады впервые принимало участие в боевых действиях; этот бой явился для них серьезным испытанием. Оказавшись под ураганным огнем артиллерии и минометов врага, они заметно приуныли. А между тем надо было продвигаться вперед, надо было отомстить за павших товарищей. Следует отметить, что все командиры и работники аппарата просвещения великолепно справились со своими задачами.

В полосе наступления 1-й бригады противник предпринял не одну контратаку, но каждый раз отступал со значительными потерями. Не помогла гитлеровцам и только что прибывшая отборная 75-я дивизия, введенная в бой с ходу.

Около 16.00 наш 1-й батальон, взаимодействуя со 2-м батальоном, атаковал противника в деревне Бубрка. Атака была поддержана артиллерией бригады и несколькими танками. Это был напряженный бой. Нам удалось выбить противника из деревни и продвинуться до опушки леса южнее Бубрки. Но, несмотря на все усилия, в тот день мы продвинулись не более чем на два километра, успех весьма незначительный. Фашистам удалось вовремя сосредоточить на нашем участке крупные силы. Конечно, результаты боя нас не удовлетворили. Не были ими довольны и командующий 38-й армией и его заместитель, которые весь день находились неподалеку от моего командного пункта и наблюдали за ходом боя.

Я все более убеждался в необходимости перегруппировки сил с целью намести по врагу внезапный удар там, где он этого не ждал. Посовещавшись со своими офицерами, я решил перегруппировать силы и сосредоточить основные усилия правее, на направлении Кобыляны, Палацувка, высота 534. Но без разрешения командира корпуса делать это мы не имели права.

- Здравствуйте, товарищ генерал, - приветствовал меня заместитель командующего 38-й армией, пришедший на КП бригады.

Мы пожали друг другу руки. Заместитель командующего поделился со мной своими соображениями о ходе боя. По глазам советского генерала и по выражению его нахмуренного лица я заметил, что он весьма озабочен.

- Как вы оцениваете создавшуюся обстановку? - спросил заместитель командующего.

Я ответил откровенно, так, как думал.

- Какое бы вы приняли решение на месте командира корпуса? Изложите свои соображения.

Я недавно обсуждал сложившуюся обстановку со своими офицерами и поэтому тотчас доложил советскому генералу наши выводы: не атаковать противника главными силами корпуса, то есть 1-й бригадой с приданными ей средствами, в направлении Махнувка, Дукля, а сосредоточить ее усилия на направлении Кобыляны, Палацувка, высота 534; на рассвете при поддержке артиллерии и танков внезапным ударом прорвать вторую полосу обороны противника и к вечеру достичь высоты 534; 3-й бригаде поставить задачу - наступать на прежнем направлении 1-й бригады: Махнувка, Дукля.

Я старался как можно лучше обосновать преимущества этого плана. Советский генерал поблагодарил меня, но своего мнения не высказал, предупредив, что несколько позже зайдет еще раз.

Под вечер напряжение боя не ослабевало. Наши части атаковали вражеские позиции - противник отвечал бешеным огнем и контратаками.

Скоро совсем стемнело. И тут снова пришел советский генерал. Он сообщил мне, что командование 38-й армии согласилось с моим планом. Мне предлагалось осуществить свои предложения на практике и в течение ночи перегруппировать силы с тем, чтобы на рассвете начать наступление с нанесением главного удара направлении Кобыляны, Палацувка, высота 534. Советский генерал сообщил, что приказ командира корпуса мы получим в ближайшее время.

Я созвал подчиненных командиров, кратко ознакомил их с обстановкой и с замыслом предстоящего боя. Все согласились со

мной. Офицерам было ясно, что нецелесообразно продолжать атаки там, где враг сильно укрепился и оказывает упорное сопротивление. Бесплодные атаки стоили многих человеческих жизней. По этому вопросу не могло быть двух мнений.

Ночью 1-я бригада быстро передвинулась вправо. Нам дополнительно придали советские гаубичный и минометный полки. Пехотным батальонам и батальону автоматчиков были приданы по батарее 76-мм орудий. Получилась довольно-таки внушительная сила. Теперь если бы сам черт оказался на нашем пути, мы одолели бы и его!

Утром на третий день боев 3-я бригада снова атаковала, но успеха не добилась. Наступление 1-й бригады задерживалось. Прежде всего требовалось как следует разведать оборону противника и подтянуть артиллерию. К этому времени огневые позиции успели занять лишь несколько батарей, остальные только подходили. Наступление без артиллерийской поддержки не принесло бы пользы. Такая поспешность не оправдывалась. Наступление должно развиваться стремительно с первой и до последней минуты, а это возможно только при согласованном взаимодействии всех родов войск, то есть пехоты, артиллерии и танков. Этому нас научили предыдущие бои, и особенно первые два дня боев в горах - жестокий урок, дорого оплаченный кровью воинов.

Неожиданно я получил по радио приказ передать командование 1-й бригадой моему заместителю и немедленно прибыть на командный пункт 38-й армии. "Что случилось?" - спрашивал я себя. Особой радости от этого вызова я не испытывал. А главное, вызывали в момент, когда бригада была готова начать наступление. Но приказ есть приказ. Я передал командование начальнику штаба Новаку и отправился на командный пункт армии. По пути туда я встретился с начальником политуправления 1-го Украинского фронта генералом С. С. Шатиловым и с начальником отдела просвещения 1-го Чехословацкого корпуса доктором Прохазкой.

- Меня вызывают на командный пункт армии, - сказал я им.

- Мы об этом знаем и ждем вас, чтобы проводить туда.

- Жаль, - продолжал я, - что меня вызвали как раз перед началом боя. Хотелось принять в нем участие.

- Если вы все основательно подготовили и обеспечили, то не беспокойтесь об успехе, он будет, - подбодрили меня товарищи.

Мы разговорились о предстоящих боях. Начальник политуправления сообщил, что маршал Конев озабочен результатами первых двух дней наступления нашего корпуса и что ответственным за все неудачи считает только одного

человека командира корпуса генерала Яна Кратохвила.

- Видимо, у него нет необходимого боевого опыта, - говорил генерал Шатилов, - и поэтому он не может командовать корпусом так, как этого требует обстановка. Во время боя он потерял управление частями, и корпус наступал разрозненными силами, без должного взаимодействия и поддержки приданных ему средств.

Я узнал от генерала Шатилова, что сегодня утром он беседовал с товарищем Прохазкой, которому было поручено направить офицеров-просветителей в подразделения для проведения политической работы. Требовалось поднять боевой дух наших воинов, столь необходимый в наступлении. Не секрет, что в результате неудач первых дней боев в Карпатах все несколько приуныли.

- Некоторые ваши части понесли ощутимые, даже значительные потери, тогда как достигнутый результат минимальный, точнее, мизерный, - сказал генерал Шатилов. В его голосе явно слышалось беспокойство. - Из этого необходимо сделать должные выводы. Ничего, ничего, все наладится, - добавил он с улыбкой. - Мы непременно выгоним фашистов из Карпат. Но вашему корпусу придется действовать и по ту сторону гор. Люди там, за горами, ждут вас. Они мужественно сражаются с врагом, и нужно поторопиться, чтобы вовремя поспеть в Словакию.

На командном пункте нас принял командующий 38-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник Москаленко. Он подал мне письменный приказ и предложил с ним ознакомиться. Я бегло прочитал приказ и остановился на подписи: Конев. Я начал читать снова, уже более внимательно. В приказе говорилось следующее:

"I. Командира 1 ЧАК бригадного генерала Кратохвила, как несправившегося с командованием корпусом, не умеющего организовать бой и твердо руководить войсками, освободить от занимаемой должности и отправить в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

В командование корпусом с 6.00 10.9.44 г. вступить командиру 1 бригады - бригадному генералу Свобода.

2. Командиру корпуса генералу Свобода приказываю навести порядок в корпусе, взять твердо управление войсками корпуса в руки и решительно выполнить боевую задачу.

3. Исполнение донести".

Я не стал долго задерживаться на КП армии. Командующий армией ознакомил меня с телеграммой-шифровкой такого же содержания, которая была послана в штаб нашего корпуса. В ней

говорилось, что по предложению маршала Конева и по приказу Верховного Главнокомандующего мне поручалось немедленно принять командование 1-м Чехословацким корпусом.

- Людвик Иванович, мы потеряли много времени, сделайте все возможное, чтобы операция прошла успешно, - сказал мне на прощание генерал Москаленко. И добавил, что я могу всегда рассчитывать на полную поддержку как его самого, так и его штаба.

7. Кровавая высота 534

Пожалуй, на войне нет ничего более трудного, чем вести бой в горах, выбивать врага, который превратил вершины и хребты в неприступные крепости. И каждый, кто принимал участие в осеннем наступлении в Карпатах, согласится с этим моим мнением.

Придавая большое значение обороне Карпат и опасаясь прорыва советских и чехословацких войск на соединение с партизанами Словакии, противник создал в горах мощную оборону, укрепил долговременными огневыми сооружениями командные высоты, откуда просматривались и простреливались все подступы к ним. В то время большая часть немецко-фашистских войск все еще была предана своему фюреру и, выполняя его приказы, стояла насмерть. Гитлеровцы упорно обороняли каждую вершину, каждую позицию, каждую траншею. Они понимали, что дело идет об их собственной шкуре и, боясь суровой расплаты за Лидице, Лежаки, за сожженные и опустошенные советские города и села, дрались бешено. Они уничтожили тысячи населенных пунктов, обезлюдили целые области. Фашисты понимали: их ждет возмездие.

Великую и почетную получили мы задачу. Воины знали: нельзя долго задерживаться в Карпатах. Воля и стремление к победе двигали их вперед. Но как только мы овладевали одной высотой, впереди вставала другая, а за ней третья, четвертая, и за каждую приходилось вести изнурительные бои.

Одну из таких высот не забыть никогда - высоту 534.

На первый взгляд - это высота как высота. В Карпатских горах таких десятки, нет - сотни. Однако в полосе наступления нашего корпуса высота 534 имела исключительно важное значение. Только овладев ею, мы могли наступать дальше. Тот, в чьих руках находилась высота 534, владел и дорогой на Дуклю.

Когда корпус подошел к высоте с отметкой 534, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, введенный в прорыв, продвигался к словацким границам. Вводом в прорыв этого весьма подвижного и маневренного соединения маршал Конев рассчитывал добиться коренного перелома в обстановке. Враг

быстро оценил опасность, грозившую ему в случае выхода корпуса и других советских соединений в Словакию. Стянув к месту прорыва крупные танковые силы, он закрыл образовавшуюся брешь в своей обороне и отрезал советские подвижные соединения от остальных войск.

На рассвете 11 сентября 1944 года завязались кровопролитные бои советских и чехословацких войск с немецко-фашистскими захватчиками. Высота 534 стала свидетельницей чрезвычайно напряженных боев. Здесь нам пришлось испытать и пережить столько, что, пожалуй, никто из оставшихся в живых участников этих боев никогда их не забудет.

Автоматчики Сохора и пехотинцы Кголла, поддерживаемые минометчиками Бедржиха, бились за каждую пядь ската высоты и все дальше и дальше продвигались к ее гребню. Зная, что от овладения высотой зависит исход боя, воины корпуса дрались с особой энергией. Противник, не жалея боеприпасов, вел огонь из всех видов оружия: автоматов, пулеметов, минометов, орудий.

Нелегко пробиваться сквозь такой плотный огонь, но через некоторое время наши подошли к гребню высоты на расстояние одного броска. Эти последние метры сплошь изрытой воронками земли были самыми трудными.

С наблюдательного пункта я следил за ходом боя. В первых рядах наступающих отважно дрался поручик Билей. Он шел впереди своих автоматчиков. Не отставала от них рота Венделина Опатрны. Своей беззаветной храбростью ее командир служил примером для воинов. Столь же мужественно действовал подпоручик Арношт Штейнер. О Штейнере ходила легенда, будто вражеские пули над ним не властны и облетают его стороной. И действительно, Штейнер участвовал во всех боях, которые мы вели с врагом, и ни разу не был ранен. Он часто и сам удивлялся этому. Сейчас неуязвимый Штейнер вел своих солдат на высоту 534. Туда же пробивали себе путь десятник Недведский, солдат Зитко, свободник Роушар, ротный Бигар, свободники Достал, Пршикрыл, Пекарек, десятник Ситар и другие. Они разили врагов огнем из автоматов и пулеметов, а если возникала необходимость применить гранаты, они делали это своевременно и умело.

На гребне высоты и ее скатах уже валялись десятки фашистов. Эти расстались с жизнью. Никто из наших не считал, сколько врагов отправил он на тот свет: не до того было. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Однако справедливый гнев и ненависть к врагу удесятеряли силы уставших чехословацких воинов. Стиснув зубы, они шли на штурм высоты, которая казалась неприступной.

Обороняющихся становилось все меньше и меньше, но редели

и цепи наступающих. С наблюдательного пункта было видно, как чехословацкие воины поднимаются, делают короткие перебежки, падают, поднимаются и снова устремляются вперед. До гребня высоты остается несколько десятков метров. Вскоре первые воины ворвались в траншею противника. Мы видели облачка от разрывов ручных гранат и мечущиеся в дыму человеческие фигуры. Наконец, высота взята. Кровопролитный бой на мгновение утих.

С небольшой группой офицеров я направился на высоту 534. По дороге увидел, как воины выносили с поля боя тяжело раненного штабс-капитана Загора. Давно ли я посылал за мим специальный самолет в парашютно-десантную бригаду, где он был командиром батальона. Всего день или два назад. Я знал его как хорошего, способного командира. И он на деле доказал, что умеет прекрасно руководить подразделениями, умеет быстро ориентироваться в обстановке и принимать правильные решения. Я назначил его командиром 1-й бригады вместо себя. Но, к глубокому сожалению, ему не довелось долго командовать ею. Командование бригадой принял начальник штаба Новак.

К нам подошел командир автоматчиков Сохор. Я поздравил его с занятием высоты. Сохор, Герой Советского Союза, знал, что слова признательности, на которые я никогда не скупился, если человек действительно этого заслуживал, относятся не только к нему, но и в равной степени к его мужественным, замечательным автоматчикам. Он всегда так оценивал награды и похвалы. Даже присвоение ему звания Героя Советского Союза Сохор воспринял как признание заслуг его подчиненных. Он никогда не зазнавался. Автоматчики были готовы за Сохора в огонь и в воду. Они глубоко уважали и горячо любили своего командира. И он в свою очередь уважал и любил их, своих боевых товарищей.

- Это был тяжелый, нечеловечески трудный бой, - ответил Сохор на мое поздравление и бегло окинул взглядом высоту, к которой мы направлялись. Однако победа еще не окончательная, - добавил он.

Я согласился с ним.

- Мы должны быть готовы дать отпор врагу в любой момент. Фрицы хорошо понимают, что они потеряли, и не смирятся с потерей, - настойчиво повторял Сохор.

Я тоже так думал, поэтому-то я и шел на высоту. Надо было на месте оценить обстановку и приготовиться на случай непредвиденных обстоятельств.

Пока я размышлял над тем, что нужно сделать для отражения возможных контратак противника, на высоте возобновилась стрельба.

Контратака!

- Легки на помине! - гневно воскликнул Сохор.

Грохот, усиленный горным эхо, скоро превратился в канонаду.

- Наших теснят с высоты, - заметил Ярослав Дочкал, стоявший рядом со мной.

Мы следили за боем, разгоревшимся на высоте.

- Тоник, - обратился я к Сохору, - быстрее беги к Кголлу. Возьми у него взвод автоматчиков, пройди опушкой леса и ударь по фрицам с фланга. Уничтожить их всех до единого!

Это было сказано не обычным языком приказа. Если бы кто-нибудь в подобной форме отдал приказ на экзаменах в военном училище, он получил бы солидный нагоняй от экзаменатора. Но на фронте, в бою, да еще в той ситуации, в какой мы находились, трудно было соблюдать должную форму. Главное заключалось в том, чтобы Сохор меня понял. И он понял.

Огонь усилился. Высоту затянуло дымом. Некоторые наши воины под натиском врага стали отходить. Тогда свободник Роушар поднял свое отделение навстречу гитлеровцам. Он встал во весь рост, скомандовал, но тут же упал, сраженный автоматной очередью. По контратакующему врагу открыл огонь десятник Недведский, он уже уничтожил немало фашистов, но тех было много, а у него кончались боеприпасы. Рядом - никого, кто бы мог поделиться патронами, а как они ему были нужны, хотя бы один магазин! Он бы отправил на тот свет многих гитлеровцев из тех, что ползут к нему. Отступать некуда! Фашисты приблизились к Недведскому на расстояние пятнадцати шагов, а у него в магазине осталось три, может быть, четыре патрона. "Сдаться в плен? Никогда! Ни при каких условиях!" Сохор учил его следовать священному фронтовому закону: последний патрон оставляй для себя. Так и решил Недведский. Он крепче сжал автомат, выстрелил раз, два. Двое из врагов, что были ближе, упали как подкошенные. Больше ствол автомата Недведского не смотрел вперед. Его дуло прижато к груди, против сердца чехословацкого воина. Раздался выстрел...

Несколько поодаль мужественно сражался командир роты автоматчиков поручик Билей. Из его роты в живых осталась горстка людей. У самого Билея кончались патроны. Рота в критическом положении. Автоматчики уже уложили десятки фашистов, но врагов, казалось, не убывало. В дыму и гари молодой поручик видел все новые и новые силуэты вражеских солдат. Вот накатилась очередная волна гитлеровцев. Но вдруг перед ними встала стена огня и дыма. Десятки мин и снарядов обрушились на контратакующего врага. Поручик не сразу

сообразил, что произошло. Он слышал стоны и вопли гитлеровцев. Билей понял это советские артиллеристы и минометчики Бедржиха обрушили на врага свой огонь. Сквозь гром и грохот разрывов Билей все отчетливей слышал приближающееся знакомое русское "ура".

- Рота! - крикнул Билей и первым выскочил из окопа. - В атаку! За мной!

За ним поднялись лишь семь солдат - все, что осталось от его славной роты.

Вместе с автоматчиками Сохора воины Билея стремительной атакой сметают неприятеля с высоты. Наши воины забрасывают гитлеровцев ручными гранатами, расстреливают из автоматов и пулеметов. Лишь Билей не стреляет, у него нет патронов, но он вместе со всеми участвует в рукопашном бою.

Вскоре после того как контратака гитлеровцев была отбита, я снова направился на высоту 534. Меня сопровождали капитан Дочкал и два советских офицера-артиллериста - капитан и старший лейтенант. Чем ближе мы подходили, тем больше было следов боя. По обеим сторонам траншей лежали трупы вражеских солдат, валялись немецкие каски, котелки, винтовки, ящики из-под патронов, автоматы и пулеметы. Жуткое зрелище, и я еще и еще раз повторяю: война - это страшно. Будь проклят, тысячу раз проклят и жестоко наказан тот, кто виновен в ее развязывании. И вывод один - фашизм и все то, что рождает захватнические, грабительские войны, должны быть с корнем вырваны и уничтожены. Да, вырваны и уничтожены!

Едва мы вошли в траншею на высоте, как вблизи начали рваться первые мины вражеских шестиствольных минометов. Кто-то схватил меня сзади и повалил на дно траншеи. Моя голова ткнулась в глину. На мне лежали два человека, и я не мог даже пошевелиться. Несколько сильных взрывов, и снова тишина.

Как я уже говорил, со мной шли два советских офицера. Когда начали рваться мины, они прикрыли меня своими телами.

- Что это значит, товарищи? - спросил я, как только встал на ноги.

- Ничего, товарищ генерал. Просто вам нельзя погибать, - ответил советский капитан.

Обоих этих офицеров я наградил чехословацкими Военными крестами за то, что они, рискуя собой, сохранили жизнь командиру чехословацкого корпуса.

Овладеть высотой трудно, но нелегко и удержать ее. Надо было подумать, как лучше организовать оборону на случай возможных контратак врага. Думая над этим, я не заметил, как ко мне подбежал советский офицер.

- Товарищ генерал, мне приказано разыскать вас, - тяжело дыша, доложил офицер.

- А в чем дело? - поинтересовался я.

- Не знаю. Командир дивизии приказал найти вас и пригласить к телефону на наш наблюдательный пункт.

Я тотчас направился на наблюдательный пункт.

- Вас разыскивает командующий фронтом маршал Конев, - сказал мне командир дивизии и попутно сообщил, что маршал очень сердит.

С командующим фронтом меня соединили быстро. Беру в руки трубку и слышу знакомый голос маршала Конева. Начинаю докладывать обстановку, но маршал перебивает. По его тому нетрудно определить, что он очень недоволен.

- Господин генерал, я запрещаю вам выполнять роль автоматчика! Приказываю немедленно отправиться на свой командный пункт.

Да, командующий фронтом изрядно рассержен: он говорит со мной на "вы" и называет "господином генералом". Обычно он обращался ко мне просто "товарищ Свобода". Понемногу соображаю, в чем дело: я пошел на высоту. Но, с моей точки зрения, я поступил правильно. На высоте я и быстрее и лучше разберусь в обстановке и смогу принять правильное решение. А маршал недоволен именно этим.

Я никогда не обижался на замечания командующего фронтом. Они были всегда справедливы и уместны, и на этот раз я тотчас проанализировал свой поступок. На передний край я пошел не для того, чтобы побравировать перед солдатами своей храбростью. Со стороны командира корпуса это было бы просто легкомыслием. Уверенный в том, что маршал согласится со мной, я объяснил, что моего присутствия здесь требует обстановка и что до тех пор, пока мы прочно не закрепимся на высоте, я не уйду с нее.

- Хорошо, хорошо, товарищ Свобода, - уже другим тоном отозвался маршал Конев. - Но все же командиру корпуса не следует выступать в роли автоматчика.

В тот день гитлеровцы еще четыре раза пытались сбросить нас с высоты 534. Вражеское командование настойчиво и беспощадно бросало в бой все имеющиеся в его распоряжении резервы. Трижды наши воины были вынуждены отступить, но каждый раз, собравшись с силами, снова отбрасывали противника. Когда же мы в третий раз заняли высоту, ослабевшие гитлеровцы уже не смогли подняться на ее гребень и их четвертая контратака захлебнулась. К вечеру того же дня на высоту поднялись два наших танка. Их привел офицер-просветитель

танковой бригады коммунист Ченек Грушка. Это было значительное подкрепление. Один танк несколькими точными выстрелами из пушки сразу же разбил вражеский дзот на южном скате, откуда немцы вели огонь по нашим боевым порядкам.

В этих невероятно сложных и тяжелых боях рождался массовый героизм. Наши воины совершали славные подвиги, которые никогда не забудутся.

Мне вспоминается подвиг рядового воина-героя по фамилии Мойжиш.

Контратаке противника, как обычно, предшествовал сильный минометно-артиллерийский налет. Разрывом одной из вражеских мин порвало кабель связи между наблюдательным пунктом и огневой позицией нашей минометной батареи. Времени на поиски и устранение повреждения не было; оставалось послать кого-нибудь на огневую позицию, чтобы передать команду: "Немедленно открыть огонь!". По пути на огневую позицию осколком мины Мойжишу оторвало правую руку. Потеряв много крови, он упал. Превозмогая страшную боль, сильно ослабевший, Мойжиш ползком добрался до огневой позиции. Передав команду об открытии огня, он потерял сознание.

Я описал этот случай так, как мне о нем тогда рассказали. И невольно запрашивается вопрос, откуда взялось у воина столько мужества и силы. Мне кажется, в основе того, что он совершил, лежит прежде всего чувство огромной ответственности. Рядовой боец Мойжиш хорошо понимал, что, если он не выполнит приказ, пострадают его товарищи. Сознание долга помогло Мойжишу преодолеть боль и слабость, подавить чувство страха. А это и есть подлинный героизм, который в бою проявляется в безусловном выполнении приказа. Так благодаря самоотверженному подвигу Мойжиша огонь был открыт вовремя и вражеская контратака отбита.

Героев, подобных Мойжишу, у нас было много. И с такими богатырями мы,, конечно, не знали поражений.

8. Вверх на Гирову гору!

Напряжение боев в Карпатах не ослабевало и в последующие дни. И не только в полосе наступления нашего корпуса, но и на всем фронте: каждый вершок карпатской земли, каждый населенный пункт приходилось брать с боем. Почти повсюду наше продвижение замедлилось. Причинами тому были и труднопроходимая гористая местность, и то, что в первые дни наступления нам не удалось расширить брешь в обороне противника. Кроме того, гитлеровское командование подтянуло и своевременно ввело в бой свежие силы.

Если на второй день после начала операции 38-я армия, в

составе которой действовал наш армейский корпус, имела двукратное превосходство в живой силе, а количество танков и самоходных установок у обеих сторон было примерно равное, то уже на седьмой день гитлеровцам почти удалось ликвидировать наше превосходство в живой силе и добиться двойного количественного перевеса в танках и самоходных установках. Необходимо также учесть и то обстоятельство, что немцы надежно укрепились и окопались в горах, тогда как наши войска были видны как на ладони. Помимо всего, соединения 38-й армии и части нашего корпуса не имели опыта ведения боевых действий в горах. Нам, как командирам, так и солдатам, пришлось пройти трудную школу, чтобы научиться воевать в горно-лесистой местности. Для сна времени не было, можно сказать, совсем. Бои не прекращались ни днем ни мочыо. Атаки сменялись контратаками. Бойцы на переднем крае находились в постоянном напряжении.

Надежды, с которыми мы вступали в Карпаты - через пять дней войти в Прешов, не оправдались. Расчеты на то, что операция будет проведена быстро и для противника внезапно, также не подтвердились.

* * *

В то время когда мы вели кровопролитные бои за высоту 534 и разрабатывали планы предстоящих боев, чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне волновали другие заботы. Военный министр Ингр, скучая от безделья, сочинял депеши.

В одной из таких полученных нами телеграмм он писал следующее:

"Я снова обращаю Ваше внимание на необходимость точного исполнения утвержденных положений о представлении к награждению чехословацким Военным крестом 1939 года и чехословацкой военной медалью "За храбрость". Как я уже сообщал Вам в своей телеграмме 4-148/44, смерть или просветительная деятельность не являются основанием для награждения чехословацким Военным крестом и чехословацкой военной медалью "За храбрость". Ингр".

Да, наши взаимоотношения с эмигрантским правительством Бенеша были сложными и трудными. Оно старалось мешать нам во всем и как только было возможно. В Лондоне все еще не могли простить, что мы без их согласия выехали на фронт и плечом к плечу с Советской Армией принимали участие в боевых действиях.

Пока личный состав корпуса не щадя жизни сражался за быстрейшее освобождение чешского и словацкого народов, лондонское правительство вместо признательности засыпало нас

телеграммами, унижающими человеческое достоинство и болезненно затрагивающими патриотические чувства воинов. По мнению эмигрантов из Лондона, я допускал ошибки, повышая в звании и награждая солдат и офицеров, достойных этого. Эмигрантское правительство предоставило мне право утверждать приговоры полевого суда корпуса вплоть до смертной казни, но не разрешало награждать и присваивать звания даже младшим командирам. По всей вероятности, господа в Лондоне просто не хотели, чтобы воины, отличившиеся в бою и способствовавшие достижению победы, были как-то отмечены. В связи с этим небезынтересно вспомнить, что раньше командир корпуса имел право от имени министра национальной обороны присваивать звания вплоть до штабс-капитана и от имени президента награждать орденами и медалями. Мне это право не было дано. И все же я и подчиненные мне командиры старались не отступать от данных нам указаний министра. Присвоение воинских званий или назначение на должности мы производили от имени министра национальной обороны, а награждения - от имени президента. Наши представления мы посылали в Лондон на утверждение. Но даже этот порядок не удовлетворял генерала Ингра, и он постоянно упрекал нас. Не зная, как избавиться от подобных провокаций, мы по-прежнему посылали в Лондон на утверждение представления к наградам и повышению по службе отличившихся воинов. Иначе действовать мы не могли, этого требовали существовавшие тогда взаимоотношения с эмигрантским правительством.

15 сентября корпус получил приказ командующего 38-й армией: во взаимодействии с 14-й гвардейской стрелковой дивизией овладеть высотами севернее Надоле и городом Дукля.

В тот день передовые части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вышли к границе Словакии и вступили на землю нашей родной страны.

Стремясь отрезать прорвавшиеся советские кавалерийские части и не допустить входа в прорыв других войск, противник подтянул к месту прорыва 1-ю и 8-ю танковые дивизии и закрыл брешь, образовавшуюся в его обороне. Советский кавалерийский корпус, вступивший на территорию Словакии, оказался изолированным от других войск, которые должны были войти в прорыв. И наша попытка прорваться на помощь сражающемуся словацкому народу не удалась.

Наступление нашего корпуса началось в середине дня 15 сентября. Фашисты, вначале оказывавшие упорное сопротивление, яростно контратаковали. До самого вечера нам не удалось сколько-нибудь продвинуться вперед. Не добились этого

и соседние советские части.

В середине следующего дня части корпуса после мощной артиллерийской и авиационной подготовки возобновили наступление, но, встретив шквальный огонь противника, залегли. Советское командование решило нанести удар на левом фланге силами 4-го танкового корпуса. Однако и это не дало желаемого результата - прорвать оборону гитлеровцев не удалось.

Непрерывные изнурительные бои, не прекращавшиеся ни днем ни ночью, истощали физические силы людей, но не боевой дух. В сознании каждого воина росла уверенность, что дни гитлеровцев в Карпатах сочтены. И действительно, по нервозным, безрассудным контратакам противника чувствовалось, что он обречен.

"Физическое истощение личного состава достигло предела, - доносил командир 3-го батальона 1-й бригады. - Батальон шестой, а, точнее, седьмой день ведет непрерывные бои, ежедневно два-три раза атакует и все время находится под шквальным минометно-пулеметным огнем. Воины не отдыхали уже несколько суток".

Выдержать! Таков был приказ. И наступать! Как назло, против нас, казалось, действовал не только противник, но и погода. Начались осенние дожди. Почва в Карпатских горах превратилась в вязкое болото. Продрогшим и промокшим до костей солдатам часто приходилось лежать целыми часами в воде и грязи. Но сознание того, что до родной земли рукой подать, вызывало у нас прилив новых сил.

В напряженных кровопролитных боях мы теряли наших замечательных воинов - командиров и солдат, наши роты и батальоны заметно поредели.

19 сентября из Англии прибыли два генерала - Клапалек и Сазавский. Сазавский принял 1-ю бригаду, Клапалек - 3-ю.

На второй день после успешного прорыва вражеской обороны советскими танковыми частями, наступавшими слева от нас, в полосе действий корпуса создались благоприятные условия для наступления на Дуклю. 1-я и 3-я бригады атаковали гитлеровцев, укрепившихся в Дукле и на высотах, расположенных на подступах к городу.

Наступление наших и советских частей увенчалось успехом. К вечеру были освобождены Теодоровка и Надоле. Поздно вечером наши танковые и пехотные части при содействии советских войск овладели городом Дукля.

Любопытная деталь этого боя - гитлеровцы понесли значительные потери от огня собственной артиллерии. Боясь потерять важный узел своей обороны, противник обрушил на

город, в котором еще находились его войска, массированный артиллерийский огонь.

После освобождения города Дукля нам предстояло преодолеть цепь высот: 694 (Гирова гора), 642, 696 и ряд других. Противник, оборона которого опиралась на эти высоты, имел приказ любой ценой задержать продвижение наших войск через Карпаты.

Мы предполагали, что основой обороны противника является Гирова гора. Разведка подтвердила наши предположения. Построив на Гировой горе много долговременных оборонительных сооружений, гитлеровцы рассчитывали на длительную оборону. Мы понимали, что предстоящий бой будет нелегким.

Усталые, насквозь промокшие, мы поздно вечером возвратились на командный пункт. В землянке было сыро. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Завтра, 22 сентября, наступление будет продолжено. Я видел, что многие солдаты едва держатся на ногах от усталости. Однако, несмотря на это, они были полны решимости как можно быстрее достичь границы и перешагнуть порог родной земли, стонущей под гнетом оккупантов. Эти высокие патриотические чувства завтра помогут им превозмочь усталость, они поведут их в бой за правое дело.

Утром командующий 38-й армией приказал продолжать наступление в ранее заданных направлениях и к вечеру выполнить задачи предыдущего дня. Наш корпус должен был овладеть Гировой горой и закрепиться на ней.

С тех пор прошло немало времени. Однако в память навсегда врезались события, связанные с боями за Гирову гору. И сейчас они проносятся перед моими глазами, как кадры из кинофильма.

На командном пункте нас было трое: начальник отдела просвещения доктор Ярослав Прохазка, командующий артиллерией корпуса и я.

Бой разгорелся жаркий. По мере того как рассеивался туман, огонь фашистских батарей усиливался. Наши пулеметчики, артиллеристы и минометчики вели плотный огонь по вражеским позициям. Под его прикрытием стала продвигаться вперед пехота.

Я наблюдал в бинокль за полем боя. На Гировой горе был кромешный ад. Артиллерийская канонада продолжалась часами. Временами мне казалось, что бой ослабевает, на какое-то мгновение даже вовсе затихает, но он тут же вспыхивал с новой силой.

- Есть связь с бригадами? - спросил я, на минуту отводя бинокль от глаз, чтобы дать им немного отдохнуть.

- Есть связь, - ответил телефонист.

- Соедините меня с генералом Сазавским!

Генерал Сазавский доложил обстановку: оба батальона, 1-й и 2-й, находятся близко от вершины Гировой горы и ждут подхода танков. Затем батальоны немедленно начнут штурм.

- Хорошо, действуйте, - сказал я командиру 1-й бригады. - Как только подойдут танки, артиллерия поддержит вас огнем. Воспользуйтесь этим и атакуйте. Овладев вершиной горы, закрепитесь!

- Понял! - лаконично ответил генерал Сазавский.

Между тем на гору с большим трудом поднимались три наших танка. Один из них дошел почти до самой вершины. Фашисты пришли в смятение. Они не рассчитывали, что танкам удастся преодолеть несколько глубоких ущелий и забраться по крутому склону так высоко. Гитлеровцы знали славные машины Т-34 и на сей раз снова убедились в их замечательных качествах.

Когда танки подошли к батальонам 1-й бригады, пехотинцы, поддержанные огнем нашей артиллерии, решительным броском ворвались в траншеи противника на вершине Гировой горы и завязали рукопашный бой.

- Подбили, гады! - гневно выкрикнул советский полковник, внимательно наблюдавший за ходом боя в бинокль.

Я поспешно поднес бинокль к глазам и увидел, что один из наших танков медленно сползает вниз по крутому склону, оставляя за собой полосу взрыхленной земли и шлейф густого дыма.

- Контратака! - коротко бросил штабс-капитан доктор Прохазка.

Прохазка всегда был лаконичен. И он сам, и его офицеры-просветители предпочитали не столько говорить, сколько действовать. Они постоянно находились среди воинов и личным примером увлекали их за собой. Этому искусству они научились у своих опытных друзей - советских политработников. И хотя еще до начала штурма люди были утомлены до предела, сейчас они с воодушевлением шли вперед. В первых рядах наступали коммунисты.

Гитлеровцы придавали Гировой горе большое значение. И сейчас, потеряв ее, они ожесточенно контратаковали, но все их попытки отбросить наши подразделения успеха не имели.

К вечеру мы прочно закрепились на Гировой горе. Таким образом, было преодолено последнее и наиболее трудное препятствие на пути к родине. В боях за Гирову гору мы понесли значительные потери. Пал смертью храбрых командир 1-го батальона штабс-капитан Кголл, мужественный командир и замечательный человек, товарищ для солдат.

Теперь расскажу о том, что случилось с нашим танком, прорвавшимся к вершине Гировой горы. В тот самый момент, когда он уже подошел к первой траншее противника, один из гитлеровцев выстрелил по танку из фаустпатрона. Машина загорелась и стала быстро сползать вниз. Из экипажа удалось спастись только надпоручику Тесаржику. Потерявшего сознание, израненного и обожженного, его подобрали санитары. Они оказали танкисту первую помощь. В полевом госпитале врачам пришлось немало потрудиться, чтобы сохранить ему жизнь, но левый глаз спасти не удалось.

За доблесть и геройство, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, надпоручику Тесаржику было присвоено звание Героя Советского Союза.

О том, с какими трудностями столкнулись наши артиллеристы, я узнал после боя. Они должны были поддерживать огнем наступающую пехоту и одновременно вести борьбу с батареями противника, от огня которых наши войска несли значительные потери. При этом им долго не удавалось выяснить, почему гитлеровские орудия и минометы так точно бьют по местам скопления нашей живой силы и техники. Это вызывало тем большее удивление, что ближайшие высоты, где могли бы находиться наблюдатели противника, были заняты нашей и советской пехотой.

Артиллеристы длительное время вели тщательное наблюдение за передним краем обороны противника и могли обнаружить, где же находится вражеский наблюдатель. Наши автоматчики снова и снова прочесывали местность, радисты пытались поймать корректировщиков врага в эфире. Командиры подразделений требовали от бойцов, чтобы они лучше маскировались и лучше укрывали технику, однако все это не давало желаемых результатов. Вражеские снаряды и мины продолжали ложиться точно в цель. Но вот это прекратилось. И - не удивляйтесь - заслуга принадлежит врачу.

Поручик доктор Новый, десятник Крал и офицер-просветитель Бейковский возвращались на огневую позицию. По дороге они встретили груженную сеном арбу, около которой семенил подросток, следом шагала женщина. Наши поздоровались с ними. Мальчик и женщина ответили по-польски. Сзади, за арбой, шел, прихрамывая, мужчина в крестьянской одежде. Наши поздоровались и с ним, но он не ответил. Доктор учтиво спросил мужчину, что с его ногой.

- Он глухонемой, - поторопилась ответить за хромого женщина. - Вы понимаете, глухонемой. - И она попыталась объяснить смысл слова "глухонемой" жестами.

Я не знаю точно, сам ли мужчина вызвал подозрение у доктора Нового или поведение женщины. Доктор Новый был знаком с психиатрией, и сейчас он решил проверить, правду ли сказала женщина. Когда повозка проехала мимо, доктор Новый вынул из кобуры пистолет и выстрелил в воздух.

"Глухонемой" от неожиданности вздрогнул. В мгновение ока Новый, Бейковский и Крал оказались возле него. У задержанного была обнаружена карта с нанесенными на нее огневыми позициями наших батарей, два пистолета и обычное снаряжение разведчика. Так был обезврежен матерый эсэсовец, заброшенный в наш тыл с заданием передавать гитлеровцам сведения о расположении чехословацких и советских войск и корректировать огонь своей артиллерии. Вскоре обнаружили и его радиостанцию, она была спрятана в хате польской крестьянки, мужа которой гестаповцы посадили в концентрационный лагерь. Эту женщину гитлеровцы запугивали тем, что если она не будет помогать немецким разведчикам или выдаст их, ее мужа расстреляют.

За смекалку и находчивость при задержании фашистского разведчика доктор Новый был награжден.

9. Перед нами граница Чехословацкой Республики

С тяжелыми боями советские и чехословацкие войска преодолели предгорья Карпат. Советским танковым частям удалось прорваться к действовавшему в тылу противника 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу. Приближался час перехода чехословацкой границы в районе Дукельского перевала.

Понятно, интерес к этому важному событию проявили и чехословацкие эмигрантские круги в Лондоне. Оттуда к нам прибыла делегация: правый демократ министр Немец, депутат парламента Гала и генерал Гасал. Всем им явно не терпелось побыстрее вступить на территорию Чехословакии вместе с нашими войсками. Но уже тогда не трудно было заметить, что цель их приезда использовать этот момент в соответствии со своими замыслами.

Депутат парламента Гала, видимо, долго искал подходящего случая, чтобы побеседовать со мной наедине. Он постоянно вертелся возле меня, и я чувствовал, что у господина Гала на сердце какое-то бремя, от которого он хочет побыстрее освободиться.

- Господин генерал! - начал он вкрадчивым тоном, когда ему наконец удалось остаться со мной с глазу на глаз. - Господин председатель правительства Шрамек самым искренним образом поздравляет вас и горячо благодарит за ваши труды.

Крепко сжав кулаки, я молчал. Хоть бы кто-нибудь пришел и помешал этому разговору!

- Господин глава правительства, - продолжал Гала, - рассчитывает на вас, он верит, что вы оправдаете его надежды.

Я прекрасно понимал, о чем идет речь, и хорошо представлял себе, что скрывалось за словами "вы оправдаете его надежды".

- Передайте господину главе правительства мою благодарность за поздравление, - прервал я наступившую паузу и с некоторой иронией добавил: А также и за его благодарность.

Я быстро прикидывал в уме, что бы еще сказать этому франтоватому господину, как рассеять его надежду на то, что мюнхенцы после войны смогут рассчитывать на мое сотрудничество. Ведь он принадлежал к клике, которая сгруппировалась вокруг Бенеша. Их цель - установление в освобожденной Республике прежнего буржуазного строя. По своей близорукости они искренне верили, что им снова удастся одеть хомут на шею народу и восстановить в стране такой же порядок, как и до войны, когда судьбу Чехословакии вершили фабриканты и помещики. Все это я знал. С эмигрантскими правящими кругами в Лондоне у меня были самые недружелюбные отношения с того момента, как начал формироваться наш батальон. Эти господа только и делали, что создавали нам всевозможные препятствия и затруднения. Мои горячие симпатии к Советскому Союзу были плохой рекомендацией в глазах господ из Лондона, точно осведомленных о моей деятельности. В министерстве национальной обороны в Лондоне были известны и мои высказывания, отражающие мнение всех чехословацких воинов, находившихся в СССР, что мы никогда не допустим реставрации в стране старых порядков и что наша Республика после освобождения ее от немецких фашистов должна быть устроена так, как решит сам народ.

Чехословацкие эмигрантские круги в Лондоне имели среди чехословацких представителей в СССР своих людей, которые немедленно информировали их о всех наших действиях. И теперь, когда мы стояли у границ Чехословакии, они пытались выяснить, не удастся ли им привлечь меня на свою сторону.

- Заверьте господина председателя Шрамека, что свой народ я не предам! - заявил я решительно и твердо.

Мой ответ не обрадовал господина Гала. (Не требовалось обладать большой проницательностью, чтобы заметить это.) Я очень быстро раскусил смысл его намеков, и он также понял меня.

- Благодарю вас, - чуть слышно сказал Гала, потупив взор. Он не выразил желания продолжить разговор.

Члены делегации эмигрантского правительства имели полную возможность и непосредственно, и в бинокль наблюдать

за тем, как сражаются воины чехословацкого корпуса. Делегация приехала, уверенная, что переход границы будет простым и легким.

В действительности же наступать нам было ничуть не легче, чем раньше. Правда, на нашем пути уже не встречались такие препятствия, как, например, высота 534 или Гирова гора. Самые трудные вершины Карпатских гор были позади. Там навсегда остались тысячи советских и чехословацких воинов. Впереди государственная граница Чехословакии, а перед ней на всех многочисленных высотах - укрепления врага, сопротивляющегося с отчаянием обреченного.

Корпусу предстояло овладеть деревнями Зындранова и Барвинек, последними польскими населенными пунктами, расположенными в непосредственной близости от границы Чехословакии, на пороге нашей родины, где нас ждал чехословацкий народ.

В ночь на 30 сентября части корпуса заняли исходное положение для наступления. Роты 2-го батальона 1-й бригады расположились по обе стороны костела в населенном пункте Зындранова. В предыдущих боях этот батальон понес значительные потери. Он получил пополнение - около 30 подпоручиков, прошедших кратковременное обучение в советском училище. Ротами и взводами снова командовали офицеры.

Утром 30 сентября 1944 года Карпаты были затянуты плотным туманом. Около 8 часов началась сорокаминутная артиллерийская подготовка, после которой наши воины поднялись в атаку. Враг оказывал упорнейшее сопротивление. Наше наступление развивалось медленно. Особенно ожесточенно гитлеровцы обороняли безымянную высоту, на которую наступала рота под командованием поручика Арношта Штейнера.

Выйти на территорию Чехословакии в начале октября корпусу не удалось. Последние километры польской земли, которые пришлось преодолевать с тяжелыми боями, стоили нам и советским войскам немало крови. Чувствительные потери понесли наши танкисты. 30 сентября фашисты вывели из строя пять танков. В одном из них был ранен осколком в ногу бывший автоматчик, а теперь замечательный танкист, командир танковой роты подпоручик Черны. Советским врачам удалось сохранить ему ногу, но участвовать в боях герой Черны больше не смог. На следующий день, 1 октября, мы потеряли семь машин.

В те дни противник сопротивлялся особенно ожесточенно. Там, где нам удавалось продвинуться вперед, гитлеровцы яростно контратаковали и вынуждали нас отходить.

С целью улучшения своих позиций перед решительным штурмом Дукельского перевала мы провели частное наступление и овладели высотами, которые стояли на пути корпуса как последние преграды у порога родины. Много недель укрепляли фашисты эти высоты, теперь их укрепления служили нам.

Я думаю про себя: "Смотрите хорошенько, внимательно наблюдайте, господин министр Немец, и вы, господин депутат Гала, да и вы, господин генерал Гасал! Вы смотрите? Отлично! Теперь вы видите, во что обходится нам каждый метр карпатской земли! И, может быть, вы поймете, почему нашим и советским солдатам приходится проливать здесь столько крови. Если бы нам позволили в 1938 году защищать Республику, наш народ сражался бы с не меньшим мужеством".

Невольно всматриваюсь в лица воинов и по их глазам вижу, что они невероятно устали и идут в бой, напрягая последние силы. Но их горячее стремление победить врага и ступить на родную чехословацкую землю - это тот чудотворный эликсир, который восстанавливает силы и вдохновляет на ратные подвиги.

В то время нашим общим девизом было: "Преодолеть все трудности! Наступать, громить, уничтожать врага! Смело идти вперед, несмотря на его ожесточенное сопротивление! Вперед, и только вперед!"

Этот единый порыв охватил всех людей; теперь не приходилось призывать идти в наступление. Не то, что в первые дни Карпатско-Дуклинской операции, когда мы, преодолевая мощную оборону гитлеровцев, понесли большие потери. Все это осталось позади, мы стоим у порога родины. Солдатам, унтер-офицерам и офицерам не терпелось ступить на родную землю, узнать, что творится в стране, которую они в свое время вынуждены были оставить. Таково было желание каждого воина. Но не все дожили до этих радостных дней. В каких-нибудь ста метрах от границы героически погиб в горящем танке мужественный танкист поручик Ясиок. Его место занял капитан Врана, добровольно приехавший к нам из Англии перед самым началом Карпатско-Дуклинской операции. В день гибели Ясиока, едва успев принять командование танковым батальоном, погиб и он.

Мы продвигаемся медленно, но продвигаемся. Расстояние до границы сокращается и сокращается. Нам то и дело приходится отбивать контратаки врага, вступать в рукопашные схватки.

5 октября 1944 года.

Разведка привела "языка". Пленный гитлеровец сказал немного, но и эти его показания содержали весьма ценные сведения. Он сообщил, в частности, что немецкие войска,

находящиеся за перевалом, изнурены до предела. Некоторые части противника начали отходить. Мы решили воспользоваться этим. Я приказал немедленно выслать разведку, чтобы проверить показания пленного. Если противник действительно начал отход, надо своевременно перейти к преследованию. Наших воинов охватило радостное, приподнятое настроение. В это время 1-я бригада находилась в польском селе Зындранова.

- Эй, ребята, поднимайтесь! - будил уснувших в крестьянской хате автоматчиков четарж Хмелик из роты подпоручика Билея.

Воины проснулись.

- Этой ночью от каждого батальона пойдет в разведку по одной группе, быстро говорил Хмелик. - Надо собрать группу, которая разведает путь для вступления в Чехословакию. Кто желает?

Сразу взметнулось несколько рук - десятник Тырек, четарж Небеляк, десятник Почил, рядовые Кучеравы, Терегани, Гейда, Гоубела, Немрих, Мазур и другие.

- Э, довольно, довольно, ребята, - махнул рукой Хмелик. - Кое-кто сходит в следующий раз.

Группа разведчиков, возглавляемая четаржем Небеляком, вышла 6 октября в два часа ночи. До пограничного столба на Дукельском перевале оставалось около двух километров. Расстояние небольшое, но пройти в сплошной темени два километра, когда в любой момент можно подорваться на мине, не так легко. Разведчики шли осторожно. Они миновали вражеские дзоты, которые, к счастью, оказались заброшенными. И вдруг в стороне раздались выстрелы. Разведчики легли на раскисшую землю. Фашистский автоматчик продолжал строчить, но все обошлось благополучно. Только одна пуля раздробила древко государственного флага Чехословацкой Республики, который разведчики несли с собой.

Наступил рассвет. В мутной серой мгле вправо виднелось асфальтированное шоссе, а впереди, у проселочной дороги, - полосатый пограничный столб. Сердца воинов забились учащенно и радостно: за столбом начинается родина.

Разведчики внимательно осмотрели окружающую местность. Как бы не напороться на мину, когда до родной земли осталось всего несколько шагов. Совсем недавно гитлеровцы установили на дороге множество мин. Воины сразу же обратили внимание на небольшие холмики свежевырытой земли и поняли, что это мины, целое минное поле. Благополучно миновав его, разведчики вступили на родную землю Чехословацкой Республики. Затем они послали к четаржу Хмелику и командиру роты Билею связного с донесением, в котором докладывали, что в 6.00 вышли к государственной границе и продвигаются по территории Чехословацкой Республики.

Несколько позже к границе вышли и другие разведывательные группы.

Радостный, долгожданный день наступил.

Преодолев сопротивление отдельных групп, оставленных противником для обороны Дукельского перевала и прикрытия отхода своих войск, части 1-го Чехословацкого армейского корпуса около 8.00 пересекли чехословацкую государственную границу и перешли к преследованию отступающего противника. К полудню того же дня была освобождена первая словацкая деревня - Вышний Комарник, а вскоре и Нижний Комарник.

Ворота в Чехословакию были открыты. Советские войска, а вместе с ними наш армейский корпус принесли через Дукельский

перевал желанную свободу чехословацкому народу.

Это знаменательное событие произошло 6 октября 1944 года.

Я медленно подошел к тому месту, где рядом с пограничным столбом развевался чехословацкий Государственный флаг. Один из наших пограничников целовал его. Все бойцы и офицеры чувствовали себя в этот момент самыми счастливыми людьми в мире. Мы с гордостью наблюдали за войсками, проходящими через нашу границу. Они шагали так легко и бодро, как будто это не они целый месяц вели труднейшие бои в поросших лесами Карпатских горах. С какой гордостью и радостью отдавали они сейчас честь Государственному флагу Чехословацкой Республики.

Мы гордились теми, кто ушел вперед и в нескольких километрах от границы выбивал гитлеровцев с территории нашей страны. Мы гордились и теми, кто не дожил до этой счастливой минуты. И все мы чувствовали и чувствуем ныне безмерную признательность к советскому народу, к советским воинам, без чьей помощи нам никогда не удалось бы вернуться на родину.

Я подошел к Государственному флагу и поцеловал его. Меня охватило невыразимое чувство глубокого счастья. Об этом дне я мечтал и ждал его долгие годы.

Затем я пошел отдать последний долг воинам корпуса, павшим в первые часы боев на нашей территории, на первых метрах родной земли. Их принесли и положили неподалеку от пограничного столба, где реял Государственный флаг Чехословацкой Республики. Среди погибших был командир 1-й бригады генерал Сазавский. Вместе с первым эшелоном перешел он границу, водрузил Государственный флаг, поцеловал его, от имени своих боевых друзей отдал ему честь и поспешил вперед, чтобы продолжать руководить боевыми действиями бригады. Но в нескольких метрах от границы, уже на нашей земле, его машина подорвалась на противотанковой мине. В лице генерала Сазавского мы потеряли мужественного и прекрасного командира. Недолго, но хорошо командовал он бригадой.

Знамя свободы, которое генерал Сазавский водрузил у пограничного столба на Дукле, его бойцы донесли до освобожденной Праги. И в последующих боях они отомстили за смерть своего командира, за смерть тех, кто погиб еще у Соколово, Киева, Фастова, Руды, Белой Церкви, Жашкова, в Карпатах.

- Какие чувства испытываете вы, товарищ генерал, в этот памятный день? - обратился ко мне с вопросом корреспондент газеты "Красная Звезда" товарищ Шипов. Я ответил. А 15 лет спустя мне стала известна причина того, почему в советских газетах не появилось сообщение об этой беседе. В 1959 году

полковник Шипов прислал в Чехословакию письмо, в котором писал:

"На рассвете 6 октября мне довелось стоять рядом с чехословацкими друзьями у восстановленного пограничного столба с гербом Чехословацкой Республики под аркой со словами: "Спасибо вам, братья-красноармейцы! Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей!"

В тот же день я получил интервью у генерала Л. Свободы. Текст интервью на русском языке был передан в "Красную Звезду" военным телеграфом, а подлинник - на чешском языке - я вручил одному летчику, державшему путь на Москву. Но в этот раз мне сильно не повезло. Спустя сутки с лишним мне принесли телеграмму, в которой говорилось: "Из Олень. Орден. Корреспонденту Красной Звезды ч/Комету. Ваш НР 104 в Москву еще не передана за неимением связи с Флейтой. ДС Олень. Прд Журавский". Это еще не все. Как выяснилось впоследствии, самолет, с которым я отправил подлинник интервью, сделал вынужденную посадку...

Пришло интервью в Москву с большим опозданием и по этой причине уже не было опубликовано в газете.

Было оно положено в мою корреспондентскую папку и хранилось в ней до сих пор. А сейчас, перебирая свой архив, я увидел этот документ и подумал: а ведь он может представлять интерес для наших чехословацких товарищей..."

Вместе с этим письмом пришел и текст моего ответа на вопрос товарища Шипова:

"Мне трудно найти слова, чтобы выразить Вам то, что у меня сейчас на душе.

Прежде всего это беспредельная радость. Ведь мы пережили день, которого ждали пять лет, ради которого пять лет не жалели сил и который пять лет старались себе представить. Но наша фантазия не могла сделать этот день лучше действительности. Мы невыразимо счастливы, что не ждали сложа руки, пока нас освободят другие, а сами боролись за свою свободу! На нашу долю выпало счастье завоевать возможность вернуться домой. Тем сильнее мы будем ощущать заслуженный дар свободы.

Я уверен, что каждый солдат 1-го Чехословацкого корпуса чувствует то же самое, что и я.

Другое чувство, которое охватило нас всех, - благодарность. Благодарность за все то, что для нас сделал наш самый верный и самый могущественный союзник - Советский Союз. После первых шагов по родной земле, после первых вдохов воздуха отчизны мы обращали свои взоры к братской державе, откуда мы начали свой долгий, тяжелый, но и победоносный путь. И я, как командир

чехословацких воинов, хотел бы выразить чувства, охватившие их, когда они смотрели на восток: мы уходим, но не расстаемся. Граница, путь к которой проложили в тяжелых боях со смертельным врагом лучшие сыны советского и чехословацкого народов, не разделяет, а, наоборот, объединяет нас на вечные времена!

Мы видели, как наши братья, воины Красной Армии, героически сражались в боях за Харьков, Киев, Белую Церковь, на реке Горный Тикич, на Чешской Волыни. Мы всегда понимали, что они борются не только за свою родину, но и за все угнетенные народы Европы и за Чехословакию. Сейчас, когда советские воины, очистив от врага родную землю, проливают кровь на земле Чехословакии, наша любовь к ним стала еще сильнее. Советские воины сражаются за Чехословакию так, как сражались они за Москву, за советские города и села. Мы никогда не забудем этого, и наш народ вечно будет признателен своим освободителям за бескорыстную братскую помощь нам.

Будьте уверены, что наша дружба с вами будет вечной. Это чувствуют, это думают все солдаты корпуса.

Мы сердечно приветствуем наших братьев, генералов, офицеров, сержантов и солдат Красной Армии, вступивших на землю нашей родины. Наш народ с воодушевлением и любовью встречает Красную Армию - освободительницу, которая идет на помощь борющимся словацким патриотам, которая помогает нам изгнать оккупантов и создать новую демократическую, прогрессивную Чехословацкую Республику".

В родной стране

Настало время создать нашу новую армию, армию плоть от плоти народа, близкую ему потому, что она является вооруженным народом.

(Из корпусной газеты "За свободне Ческословенско")

1. Первые бои в Восточной Словакии

После овладения Дукельским перевалом советские и чехословацкие войска погнали врага с территории нашей родины. И снова, как в предгорьях Карпат, нам пришлось действовать в горно-лесистой местности, штурмовать сильно укрепленные позиции врага, прикрытые минными и другими заграждениями. Получив приказ преградить путь наступающим советским и чехословацким войскам и не дать им возможности пройти через Карпаты в Словакию, гитлеровские артиллеристы оборудовали на командных высотах наблюдательные пункты, заблаговременно подготовили исходные данные для стрельбы и пристреляли многие ориентиры.

В районе Дукельского перевала многие высоты названий не

имели, а обозначены цифрами: 562, 576, 532, 541, 517, 433, 536, 481, 332, 471, 627, 518... Сами по себе это всего лишь трехзначные числа, которые показывают, что одна высота больше или меньше другой. Но за каждую из них в октябре ноябре 1944 года разгорелись жаркие бои, и эти высоты стали немыми свидетелями мужества и отваги воинов 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Мины были всюду, где, по предположениям врага, должны были пройти наступающие войска, во всех населенных пунктах: вокруг зданий, под порогами домов, в сараях, у колодцев, в постелях, в столах, сундуках. При разминировании погибло много наших саперов, в том числе подпоручик Фиачан.

Поредевшие части корпуса нуждались в пополнении. Численность бригад не превышала численности батальонов, а роты по количеству активных бойцов можно было приравнять к взводам. Но зато наши солдаты и офицеры были теперь опытными, закаленными в боях воинами. Они прониклись единым стремлением быстрее разгромить ненавистного врага и вместе с Советской Армией освободить свою родину от оккупантов.

Вот автоматчик четарж Димитрий Хегедюш из подразделения Сохора, скромный парень с Закарпатской Украины. Внешне он ничем не выделялся, среднего роста, худощавый, но мало кто мог сравниться с ним в храбрости. Он совершил не один подвиг и был награжден одиннадцатью орденами и медалями, включая советский орден Красного Знамени.

В бою под Белой Церковью Хегедюш был тяжело ранен. Осколок попал ему в лицо. Он потерял десять зубов к глаз. Врачи не могли удержать его в госпитале. Немного окрепнув, Хегедюш добился, чтобы его направили в часть. Он прибыл в наш запасной полк, в город Каменец-Подольский. Однажды, приехав туда, я встретился с Хегедюшем.

- Отдохни, сынок, ты сделал достаточно, - ответил я на просьбу воина разрешить ему вернуться в корпус.

Но он настаивал на своем и доказывал, что и с одним глазом сможет воевать. Я не мог отказать и приписал к медицинскому заключению Хегедюша разрешение ему нести службу в тыловых подразделениях. Но Хегедюш тут же перебрался к своим автоматчикам.

Узнав об этом, я вызвал его, чтобы поговорить по душам.

Во время этой беседы Хегедюш сказал:

- Прошу вас, переведите меня в боевое подразделение. У меня здоровые руки и ноги, я могу воевать.

Хегедюш ни за что не хотел оставаться в тылу, и это было не

честолюбие, а искреннее стремление участвовать в боях вместе с боевыми друзьями автоматчиками. За Хегедюша ходатайствовал его командир Сохор. Короче, Хегедюш снова стал автоматчиком.

На пятый день боев за Дукельский перевал он опять был ранен и отправлен в госпиталь. Но через несколько дней он упросил начальника советского госпиталя в Перемышле не эвакуировать его в тыл, а послать на лечение в наш полевой госпиталь. Оттуда Хегедюш снова направился прямо в свое подразделение и опять ходил в разведку.

Хегедюш как-то свыкся с этим опасным делом. Известно, что быть разведчиком может не каждый. Разведчик должен обладать особой смекалкой, быть смелым, решительным. Но случилось так, что и ему, "старому волку", пришлось пережить минуты страха.

Однажды Хегедюш вместе с разведчиками Дзамеком и Хименецем пошел за "языком". Как он сам позже признавал, у него было предчувствие чего-то нехорошего. Такое состояние иногда бывает у фронтовика, и чем раньше от него избавишься, тем лучше. Хегедюш подавил в себе это неприятное чувство. Когда они были уже во вражеском тылу, один из разведчиков услышал впереди шум. Товарищи решили, что там полевая кухня и гитлеровцы гремят котелками, а может быть, вражеские солдаты котелками черпают воду из какого-нибудь родника поблизости. Они пошли в направлении шума и, действительно, скоро вышли к воде. Разведчики осторожно отползли в сторону, залегли и стали ждать. Прождали час или даже больше, но никто не появлялся. Нашим ребятам было невдомек, что лежат они на вражеском блиндаже. Как только они поняли это, Хегедюш не растерялся. В темноте он нашел вход в блиндаж, осторожно приподнял плащ-палатку, закрывавшую его, и бросил внутрь противотанковую гранату. Раздался оглушительный взрыв, воздушная волна отбросила Хегедюша метра на четыре. Он быстро поднялся и с помощью своих товарищей вытащил из блиндажа двух вражеских солдат. Прежде чем остальные гитлеровцы опомнились, отважные разведчики были уже далеко.

Такими были Хегедюш и его боевые друзья: Петрас, Корима и Бражина, такими были Гроуда, Баланда, Жирош, Билей...

Вот и посудите сами, мог ли Хегедюш оставаться в госпитале. Он прошел через сотни советских сел, полностью уничтоженных, он видел трупы детей, брошенных в колодец или посаженных на остроконечные металлические изгороди. Мог ли этот человек долго находиться в госпитале, когда он видел, что ему, чехословацкому солдату, оказывают медицинскую помощь раньше, чем советским бойцам, если на него расходуют ценнейшие медикаменты, в то время как их не хватало для

Красной Армии? Спрашивается, мог ли такой человек спокойно лежать в госпитале, если из его памяти не выходила одна украинская колхозница, которая ухаживала за ним, когда его ранило в первый раз? Фашисты сожгли все имущество этой женщины. Несмотря на то что она и ее двенадцатилетняя дочь голодали, колхозница, раздобыв немного муки, испекла Хегедюшу лепешки. Она делала все возможное, чтобы он побыстрее выздоровел и встал в строй, чтобы он мог мстить гитлеровцам за их злодеяния.

Этот воин не мог длительное время оставаться в госпитале еще и потому, что хорошо знал о намерении господ из лондонского эмигрантского правительства снова хозяйничать в Чехословакии. Среди этих господ был и генерал Ингр. В свое время Ингр хотел предать полевому суду свободника Игнаца Шпигла лишь за то, что тот осмелился настаивать на признании его, Шпигла, офицерского звания, которое ему было присвоено в Интернациональной бригаде в Испании. Или такой, как генерал Пика, который грубо выгнал тяжело раненного Хегедюша из своей канцелярии, не посчитавшись даже с тем, что руки и голова того были еще забинтованы.

Уже первые дни боев на территории Чехословакии не оставили сомнений ни у солдат, ни у командиров, что дальнейшее продвижение через Карпаты на запад будет нелегким. Все наши попытки продвинуться вперед наталкивались на бешеное сопротивление противника. Едва наши войска поднимались в атаку, фашисты открывали ураганный огонь с горы Обшар и высоты 531, западнее Нижнего Комарника. Мы делали все, чтобы изменить обстановку в свою пользу, но добиться желаемых результатов пока не могли. Выгодное положение противника, расположившего многочисленные огневые точки на северо-западных скатах господствующей горы Обшар, давало ему возможность контролировать всю долину у Нижнего Комарника. Убедившись, что наши попытки улучшить позиции успеха не приносят и ведут только к излишним потерям, мы временно прекратили наступательные действия.

В те дни когда мы стремились пробиться через ущелье у горы Обшар, командование армии приняло решение: создать ударные группы и под прикрытием артиллерийского и минометного огня направить их по лесным тропам в тыл врага. Эти группы должны были атаковать противника с тыла и таким образом облегчить наступление главных сил.

В течение четырех дней, с 14 по 17 октября 1944 года, ударные группы несколько раз пытались проникнуть во вражеский тыл, однако безуспешно.

Наши потери в живой силе росли. Серьезные неприятности причиняли нам мины, немало воинов подорвалось на них. Саперы старались изо всех сил, но не могли обезвредить все мины.

Много работы выпало на долю врачей, особенно хирургов. Главный хирург самоотверженный и неутомимый доктор Шкваржил - оперировал днем и ночью. Так он воевал со смертью, возвращая жизнь десяткам воинов. Бывали дни, и немало, когда ему приходилось делать до пятидесяти операций. В те дни врачи и санитары, как никогда, ощутили всю тяжесть войны, но дело касалось жизни людей, и наши медицинские работники, как и воины на переднем крае, научились подавлять усталость.

Бои в октябре были ничуть не легче сентябрьских. До этого корпус действовал на направлении главного удара 38-й армии. Теперь же, согласно принятому решению, основные усилия переносились вправо. Но, так как наш корпус по-прежнему должен был наступать на направлении главного удара, мы получили приказ в течение 18 октября сменить советскую 359-ю дивизию в районе Медведзне и Вишня Писана.

Перед нами снова горы: Явира и влево от нее гора Грабов. Как и прежде, фашистские войска фанатично сопротивлялись. Пленный гитлеровский солдат рассказал, что его части приказано обороняться до последнего человека.

Но мы во что бы то ни стало должны прорваться вперед! Каждый шаг стоил невероятных усилий и больших жертв. Неоднократно случалось так, что подразделения, уже продвинувшиеся на несколько сот метров; противник останавливал ураганным огнем и вынуждал отходить на исходные позиции. Бои не прекращались ни днем ни ночью. Пехотинцы, саперы, связисты, артиллеристы, танкисты, медицинские работники и повара - все действовали самоотверженно. Вот несколько примеров.

Свободник Ян Носко под огнем противника вынес с поля боя 38 раненых. Группа саперов из четырех человек, возглавляемая свободником Градеком, в течение двух часов обезвредила 505 противопехотных мин. Другая группа, в составе семи человек, руководимая Дзямко, за такое же время ночью убрала 850 мин. Телефонисту свободнику Луцуку в одном из боев пришлось тридцать три раза устранять повреждения линий связи. Повар Мищани носил горячую пищу на передовую, и если в это время противник предпринимал контратаки, то он брал винтовку и вел по врагу огонь.

Немецкая оборона, основу которой составляли опорные пункты на горах Явира и Грабов, была очень мощной, и прорвать ее фронтальным ударом не удалось. Наши многочисленные атаки

успеха не принесли. Тогда приняли решение перегруппировать силы. 2-й батальон 1-й бригады был направлен на гору Явира, где вели бои с переменным успехом 1-й и 3-й батальоны. Главные усилия трех батальонов сосредоточились на овладении горой Явира: 1-й и 2-й батальоны наступали с фронта, 3-й батальон совместно с приданной корпусу советской частью полковника Щадрина должен был обходить высоту с запада. И снова, как и в предыдущие дни, атака - контратака! Атака - контратака!

Во время одной из наших многочисленных атак погиб герой дуклинских боев командир роты автоматчиков поручик Билей, прошедший путь от Бузулука до чехословацкой границы.

Овладев в результате тяжелых боев горами Явира и Грабов, мы начали готовиться к штурму следующих рубежей. Предстояло выбить гитлеровцев с высот 481 и 471. Подходы к этим высотам, равно как и их скаты, были заминированы. На самих высотах враг расположил многочисленные огневые точки. Гитлеровцы тешили себя надеждой, что их позиции неприступны.

В первые дни ноября продолжались ожесточенные бои. Все усилия наших поредевших частей были направлены на овладение высотами 481 и 471.

В боях за высоту 481 отличилось много наших воинов. Изумительное мужество и находчивость проявил десятник Жирош. Ничто не могло остановить этого беспредельно смелого парня, он сражался как лев. Он ползал среди раненых и убитых, брал у них гранаты и буквально сеял смерть в окопах фашистов. В разгар боя по наступающим внезапно открыл огонь вражеский пулемет. Жирош быстро сориентировался в обстановке и по-пластунски пополз к нему. Приблизившись к пулемету, он резко приподнялся и бросил в него гранату, вторую. Раздались взрывы - пулемет умолк. В этом бою десятник Жирош погиб. В честь славного чехословацкого воина его боевые товарищи назвали высоту 481 именем Жироша.

Овладение горами Явира, Грабов и высотой 481 стоило нам больших жертв. В список погибших было внесено имя замечательного офицера - поручика Венделина Опатрны, командира пулеметной роты 1-го батальона 1-й бригады. Он пришел к нам в Бузулук с боевым опытом, приобретенным в Испании, с сердцем, горящим ненавистью к фашизму. С его именем связано создание партийной организации в нашей части. И он так же мужественно воевал на советско-германском фронте, как и на фронтах гражданской войны в Испании. Погиб и товарищ Старек, тоже командир роты. Он прошел с нами боевой путь от Соколово через Белую Церковь и Жашков до Карпат. Погибло много других солдат и офицеров.

Были дни, когда численность наших батальонов не превышала сорока шестидесяти активных бойцов. Трижды пытались мы дать возможность командиру роты Арношту Штейнеру, который постоянно находился в боях, немного отдохнуть. Трижды назначали вместо него офицеров, и тем не менее он вынужден был оставаться на передовой, так как эти офицеры, кто в пути, а кто только что приняв командование, выходили из строя. Так и оставался Штейнер на своем посту. С поля боя не уходили даже раненые, они находили в себе силы стрелять по врагу.

Напряжение боев не ослабевало. Разведка доложила, что на южных скатах высоты Жироша, а также на западных и южных скатах высот 471 и 332 сосредоточены значительные силы противника, подступы к высотам прикрыты минными полями и проволочными заграждениями, на высотах и скатах расположены десятки долговременных огневых сооружений.

Начались попытки взломать вражескую оборону. Несколько раз чехословацкая и советская пехота поднималась в атаку, но далеко продвинуться не удавалось. Потери по сравнению с достигаемыми успехами были слишком большими.

Тогда генерал Москаленко решил снова перегруппировать силы, чтобы прорвать вражескую оборону по обе стороны Дукельской дороги, нанося главный удар на гору Обшар, как раз там, где после перехода границы нам не удалось сломить вражеское сопротивление.

Перегруппировка проводилась скрытно, в ночное время. 14 ноября войска начали перемещение, они получили на это всего четыре дня. Чтобы ввести противника в заблуждение, оставшиеся на вспомогательных направлениях части должны были вести активные боевые действия, каждая на своем участке.

Прорыв вражеской обороны командующий армией поручил соединениям 67-го корпуса - 305-й и 241-й дивизиям. Нашему корпусу была поставлена задача наступать за левым флангом советских войск. Я приказал 2-му батальону 1-й бригады наступать на высоту 551, юго-восточнее горы Обшар, и 5-му батальону 3-й бригады - в направлении населенного пункта Прикра.

Вплоть до 18 ноября фашисты считали, что нет такой силы, которая заставила бы их уйти из последнего Дукельского ущелья, образованного горой Обшар и высотой 551. Но если раньше ущелье казалось неприступным, то после 18 ноября все предстало в ином свете.

Советские и наши артиллеристы немало облегчили задачу пехоте. На узком пространстве на направлении главного удара

были сосредоточены сотни орудий разных калибров. В течение восьмидесяти минут артиллеристы массированным огнем обрабатывали вражеские позиции. О мощи артиллерийской подготовки можно судить по тому, что только чехословацкие артиллеристы выпустили в первый день три тысячи триста девяносто девять снарядов и мин. После артиллерийской подготовки перед полуднем в атаку поднялись стрелковые соединения 67-го корпуса, а через некоторое время в наступление пошла и чехословацкая пехота.

Вначале все шло хорошо. Советские войска быстро овладели склонами горы Обшар, наши воины прорвались к высоте 551 и после короткой схватки овладели первой траншеей противника. Но вскоре разгорелся жестокий бой. Гитлеровцы сознавали, что означала для них потеря высот, и всеми силами пытались удержаться. Они ожесточенно контратаковали, буквально засыпали обе высоты снарядами и минами. Наши артиллеристы отвечали не менее мощным огнем; артиллерийская дуэль продолжалась весь день и всю ночь.

В 23.00 после короткого, но мощного артиллерийского налета наш 2-й батальон пошел на штурм высоты 551. Напряжение артиллерийской перестрелки достигло предела, громовые раскаты канонады гулко отдавались в соседних горах и долинах. В темноте мелькали фигуры наших воинов, короткими перебежками продвигающихся по скатам высоты. Треск немецких пулеметов и автоматов заглушал выстрелы наших орудий и минометов. Передовые подразделения заняли первую траншею гитлеровцев, но сбросить их с высоты не смогли. Командир 1-й бригады приказал 2-му батальону окопаться и быть готовым к отражению вражеских контратак.

- Удержать высоту! Во что бы то ни стало удержать! - приказал я командиру бригады.

Но, конечно, приказ отдать куда легче, чем выполнить. Воины устали, ряды батальонов, уже понесших большие потери, поредели. Но приказ есть приказ, и он должен быть выполнен. Я знал, что воинам не придется отдыхать, что утром, прогнав сон и усталость, они снова пойдут в атаку. Нам эти высоты обошлись очень дорого, и их нужно было удержать во что бы то ни стало!

Утром бой разгорелся с новой силой. Едва забрезжил рассвет, озверевшие гитлеровцы предприняли яростную контратаку боевых порядков ослабевших 2-го и 5-го батальонов. Однако вытеснить наши и советские подразделения из ущелья и с горы Обшар им никак не удавалось. Огонь советских и чехословацких воинов уничтожил десятки фашистских солдат и офицеров.

На третий день боев, утром 20 ноября 1944 года, создалось

весьма критическое положение. 2-й батальон оказался под угрозой окружения. Резервы иссякли, а оставлять без помощи батальон, попавший в трудное положение, было нельзя. Мне пришлось прибегнуть к последнему средству: приказать создать штурмовую группу из саперов, связистов, воинов учебной роты и тыловых подразделений.

Ко мне подошел коммунист Владимир Брабец, один из старейших воинов корпуса. Ему было уже около шестидесяти лет. Вместе с женой и дочерью Лидией, отважной санитаркой, он прошел с нами путь от самого Бузулука. Брабец принимал участие еще в первой мировой войне, он бежал из легиона, вступил в Красную Армию и на стороне русских большевиков воевал за дело революции. Сколько интересного рассказывал он мне о совместной работе с Яном Сыноком, Алоисом Скотаком и Ярославом Гашеком. С какой любовью вспоминал о встречах и беседах с Буденным, Чапаевым, с комиссаром Фурмановым и славной пулеметчицей Анкой. Встречался он и с Лениным 5 июня 1918 года в кремлевском кабинете великого вождя.

...Брабец горячо просил меня включить его в штурмовую группу. Я не стал чинить ему препятствия.

Штурмовая группа в составе 50 человек под командованием капитана Кунцла, из оперативного отдела штаба корпуса, получила задание - прорваться на помощь 2-му батальону. Когда группа выполнила эту задачу, был разработан план овладения высотой 551. По этому плану получивший подкрепление 2-й батальон должен был атаковать высоту с фронта, взвод автоматчиков подпоручика Гунды - обходить ее справа, а 5-й батальон - наносить удар слева.

При поддержке артиллерии наши воины стремительно ринулись в атаку. Смелый замысел удался, высота должна пасть.

Наблюдая за ходом боя, мы видели поднимающуюся слева на высоту группу воинов 5-го батальона. Их осталась небольшая горстка, но они упорно продвигались. Возглавлял группу ротмистр Баланда, справа от них наступала ударная группа 2-го батальона под командованием офицера разведки подпоручика Гроуды. Метр за метром воины приближались к цели. Огонь противника становился все сильнее, но чувство долга и ответственности, стремление во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу вселяло в воинов мужество и отвагу.

С гребня высоты застрочил пулемет. Наши пехотинцы залегли. К извергающему смерть пулемету пополз Гроуда. В течение нескольких минут сантиметр за сантиметром он медленно приближался к огневой точке. Видимо, фашистский пулеметчик пока ничего не подозревал. Гроуда упорно полз

вверх. Внезапно фашист дал в его сторону очередь: наверное, заметил. Грода слился с землей - пули пролетели мимо. Приблизившись к дзоту, он отдышался и, немного приподнявшись, бросил в амбразуру гранату. Взрыв, и пулемет умолк. Воины Грода поднялись во весь рост и ринулись в атаку. С громовым "ура" они ворвались в траншею противника на гребне высоты и теперь в рукопашной схватке мстили врагу за своих товарищей, погибших в бою за эту высоту. Они мстили и за своего командира, который только что вел их в бой, но перед самой траншеей подорвался на мине.

Высота 551 была занята объединенными усилиями 2-го и 5-го батальонов с помощью штурмовой группы. В память подпоручика Грода, который особенно отличился в этом бою, высоту 551 мы назвали Гродовой.

К нам поступали сообщения о кровавых бесчинствах гитлеровцев в Словакии. Это происходило недалеко от нас, именно там, где мы наносили главный удар. 19 ноября 1944 года, в то самое время, когда мы вели напряженные бои за гору Обшар и прилегающие к ней высоты, около двух тысяч гитлеровцев окружили деревню Токаик в Стропковском районе. В половине седьмого утра они ворвались в деревню и согнали всех мужчин к костелу. Всего тридцать четыре человека, из которых старшему было семьдесят два года, а младшему - семнадцать лет. Фашисты приказали их женам и матерям принести продовольствия на три дня, заявив, что отправляют мужчин на оборонительные работы.

Около четырехсот вооруженных до зубов гитлеровцев отвели мужчин метров на двести от деревни, и тут фашистский офицер прочел им приказ, в котором говорилось, что крестьяне Токаика приговорены к смертной казни за помощь партизанам. После этого все тридцать четыре человека были расстреляны. Вернувшись в Токаик, гитлеровцы выгнали из домов женщин и детей и сожгли деревню.

Двое из тридцати четырех все же пережили эту варварскую расправу Андрей Стропковский и Михаил Медведь. Они были ранены, и гитлеровские бандиты не заметили этого. Подошедшие вскоре советские воины спасли жизнь Стропковскому и Медведю.

Напряженные бои продолжались до 24 ноября 1944 года. Не считаясь с большими потерями, противник ожесточенно контратаковал, он хотел вернуть Гродову высоту. Один раз гитлеровцам удалось выбить нас, но ненадолго. Поддержанные артиллерией, наши пехотинцы решительной контратакой смяли противника и окончательно овладели Гродовой высотой.

В этом бою отличился ротмистр Баланда. Несмотря на ранение, он с горсткой воинов из 5-го батальона прорвался на

гребень высоты и выбил оттуда гитлеровцев. За проявленное мужество Баланде на следующий день было присвоено звание подпоручика, командование представило его к награде.

25 ноября 1944 года соединения 38-й армии, а с ними и наш корпус окончательно овладели горой Обшар и прилегающими к ней высотами. Через день войска 4-го Украинского фронта перешли восточную границу Словакии и освободили восточнословацкие города Гуменне, Михаловце и Медзилаборце. Чтобы избежать полного разгрома своих войск в Карпатах, противник начал спешно отводить остатки потрепанных дивизий на заблаговременно подготовленные оборонительные позиции на западном берегу реки Ондавы. Советские и чехословацкие войска неотступно преследовали отступающего врага, нанося ему большие потери. Но полностью разгромить противника нам не удалось. После трехдневного преследования мы остановились на восточном берегу Ондавы и временно перешли к обороне.

2. Эмигранты в Лондоне снова интригуют

Итак, Карпаты мы прошли, но не за пять дней, как намечалось вначале. Бои продолжались почти три месяца. Это были самые тяжелые бои из всех тех, в которых принимали участие чехословацкие части. Как уже говорилось, первая чехословацкая часть в Советском Союзе была сформирована в 1942 году и направилась на фронт, чтобы оказать помощь советскому народу в его борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и принять участие в освобождении чехословацкого народа.

Карпатско-Дуклинская операция для чехословацких воинских частей, сформированных в СССР, явилась вершиной их боевого пути. В этой операции все силы и опыт наших воинов подверглись тяжелому испытанию, в ней блестяще проявились высокие боевые качества чехословацких солдат и офицеров. Своим высоким моральным духом, упорством и настойчивостью, самоотверженностью и боевым мастерством они победили жестокого и коварного врага.

В ходе всей операции, во время непрерывных напряженных боев огромную роль в деле духовной и физической закалки личного состава корпуса играли коммунисты. Солдаты, командиры, офицеры-просветители, они были образцом бесстрашия и мужества, всегда и везде находились в первых рядах. Если требовалось выполнить какое-нибудь ответственное и трудное задание, связанное с риском для жизни, коммунисты шли на него без колебаний. Именно о таких коммунистах Ю. Фучик писал, что они отдают все во имя счастливого будущего человеческого общества.

Коммунисты и органы просвещения корпуса, которыми они руководили, сразу же после вступления на родную землю стали помогать населению освобожденных районов создавать национальные комитеты. Это была почетная работа - учить трудящихся Восточной Словакии самим управлять в своих селах и городах, без старост и районных военных начальников (гетманов). К этому наши коммунисты начали готовиться еще в Черновицах.

Площадь освобождаемой территории увеличивалась, и наш политический аппарат не в состоянии был охватить все население. Поэтому требовалось наладить выпуск листовок и специальной газеты. Первое время в нашей печати помещались обращения к народу. В листовках и газете "Нова свобода" давались советы молодым национальным комитетам, как вести дела в деревнях, какие вопросы решать в первую очередь. Позже "Нова свобода" стала трибуной не только армии, но и всего народа. Через эту газету население узнавало о политических событиях, о важнейших новостях, о нашей Народной армии, пришедшей с востока, - армии, новой по своим задачам и характеру, близкой народу, ибо это армия трудового народа.

Население освобожденной территории терпело в то время огромные лишения. Фашистские грабители полностью смели с лица земли многие населенные пункты, и люди, возвращавшиеся из лесов и гор, где они скрывались от гитлеровцев, часто не находили своих жилищ. В одном лишь небольшом Стропковском районе гитлеровцы уничтожили при отступлении 50 деревень и хуторов. Народ голодал. Чтобы облегчить положение населения, мы обратились к советскому командованию с просьбой оказать местным жителям помощь продовольствием. О нашей просьбе немедленно сообщили в Москву, и через два дня мы узнали, что Советское правительство предоставляет нам в качестве дара 500 тыс. килограммов муки. Теперь наши полевые пекарни могли снабжать хлебом население освобожденной территории Восточной Словакии.

Освобождая страну от гитлеровских оккупантов, части корпуса вышли к реке Ондаве. Карпаты были позади. В горах остались сотни могил советских и чехословацких воинов. Мы понесли большие потери, но потери гитлеровцев были значительно больше. Если учесть, что противник оборонялся на заблаговременно подготовленных рубежах, что он, стянув сюда значительное количество войск с других участков, насытил свою оборону многочисленными огневыми средствами, то можно с гордостью сказать, что воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса сражались превосходно.

Тот факт, что мы понесли в Карпатах значительные потери, эмигрантское правительство в Лондоне решило использовать как повод для расформирования корпуса. Буржуазные правящие круги боялись, что корпус помешает осуществлению их корыстных планов на освобожденной территории, они не желали, чтобы в Чехословакии были проведены в жизнь те идеи, за которые сражались и погибали наши воины.

Но прежде чем рассказывать о том, каким путем они намеревались ликвидировать корпус, мне хочется упомянуть об одном эпизоде. Он произошел во время моей встречи с президентом Бенешем в Кошице. В первые же минуты президент сердито отчитал меня за потери, понесенные в боях на Дукельском перевале.

- Господин коллега, наши потери на Дукле огромны! Они просто ужасны! сказал Бенеш с упреком.

- Господин президент, вы не точно информированы, - ответил я.

- Господин коллега, эти потери просто ужасны! - настаивал он.

На второй или третий день после встречи с Бенешем со мной заговорил канцлер Смутны.

- Послушай-ка, Свобода, мне не следовало бы говорить об этом, но знай, старик (Бенеш. - Л. С.) не может простить тебе те огромные потери, которые понес корпус на Дукле.

Это было чересчур. Возмущенный, я отрезал:

- Приходилось ли господину президенту когда-нибудь наблюдать настоящий бой? Можете ли вы, господин канцлер, представить себе те бои, которые мы вели на Дукле, чтобы говорить о них и критиковать наши действия?

- Нет, не могу, - признался Смутны.

- Тогда поезжайте и посмотрите места боев. Передайте господину президенту, что я приглашаю его с членами правительства побывать на Дукельском перевале и посмотреть места боев.

На следующий день я был приглашен к президенту. Бенеш принял меня сухо. Он сказал:

- Господин коллега, благодарю за приглашение побывать на Дукле. Я принимаю его.

Спустя некоторое время состоялась поездка в горы президента и министров. В районе Дукельского перевала Бенеш и члены правительства увидели сплошь изрытую землю, бесформенные груды исковерканной, обгоревшей техники, лес, похожий на ржаное поле, побитое градом. Почти все деревни были сожжены, жители ютились в землянках, шалашах или в

дотах и блиндажах.

Я водил президента и членов правительства по местам боев и рассказывал о действиях чехословацких частей. Вполне понятно, что я даже приблизительно не мог описать все те трудности и испытания, которые преодолели наши воины. Нетрудно было заметить, что панорама окружающей местности, по которой чудовищным катком проехала военная машина, а также мой рассказ произвели сильное впечатление на Бенеша и его свиту.

Когда мы подошли к Вышнему Комарнику, президента начало лихорадить. Он попросил стакан горячего чаю. После короткого отдыха я пригласил его осмотреть район Нижнего Комарника, где следы недавних боев выглядели еще страшнее.

- Нет, благодарю, господин коллега, - сказал он дрожащим голосом. Дальше я не пойду. Того, что я увидел, для меня вполне достаточно, чтобы составить представление о боях на Дукле.

Бенеш уехал.

Закончив осмотр района боев, мы с оставшимися министрами возвратились в Кошице. Я не мог отказать себе в удовольствии и при первом же удобном случае спросил канцлера Смутны, что говорил президент об этой поездке и не изменил ли он свое мнение о наших действиях на Дукле.

- Видимо, там, на Дукле, действительно было страшно, - уклончиво ответил канцлер.

- Да, бои на Дукле потрясающи, и потеряли мы там немало. Но в концентрационных лагерях наш народ потерял во много раз больше.

Наши части, сформированные в СССР, за два с половиной года потеряли около 4000 человек, но мы помогли освободить десятки городов и тысячи деревень на территории Советского Союза, Польши, с боями овладели Дуклей и совместно с советскими войсками открыли ворота свободы на свою родину. За это же время в концентрационных лагерях погибло свыше 300 тыс. наших соотечественников. Если бы господину президенту был задан вопрос, кто же несет ответственность за эти жертвы, то неизвестно, что бы он ответил.

Помимо упорных боев с фашистскими войсками, нашему корпусу на территории Чехословакии пришлось вести борьбу за свое существование.

В военном архиве хранится следующий документ:

"На основе Вашего донесения полагаем, что из остатков наших частей можно сформировать три - четыре пехотных батальона, сведя их в отдельную бригаду... Артиллерийский полк считаем целесообразным расформировать. Танковую бригаду также необходимо расформировать, а ее личный состав

использовать для пополнения пехоты.

Парашютно-десантную бригаду при реорганизации не берите в расчет. Сообщите предложения с учетом известного Вам количественного состава и обстановку относительно характера организации, которая бы отвечала этому замыслу. Ингр".

Это письмо было направлено 28 октября 1944 года министром национальной обороны Ингром генералу Пике.

Такое же распоряжение получил и я. Из него следовало, что артиллерийские и саперные части, равно как и танковая бригада, пополняться не будут. Так относилось к нашему корпусу эмигрантское буржуазное правительство. Вместо того чтобы оказать нам помощь в пополнении корпуса, оно запрещало производить доукомплектование его частей.

Эмигрантские деятели приказывали нам из Лондона не вмешиваться в организационные и мобилизационные дела в своей стране, не создавать школ и училищ для офицеров, не обращаться к советскому командованию без ведома генерала Пики. Приказы подобного рода для нас уже не являлись чем-то необычным. Мы их просто не принимали во внимание, потому что обстановка требовала как раз обратного. Требовала роста и укрепления нашего армейского корпуса, чтобы он смог принять активное участие и в последующих боях.

Лондонская реакционная военная клика во главе с Ингром прилагала все усилия к тому, чтобы в духе домюнхенских порядков навязать нашим воинским частям в СССР французскую организацию снабжения и реакционный порядок выплаты денежного содержания личному составу. Но как они ни старались, мы, вопреки всем их распоряжениям и приказам, и в дальнейшем обеспечивали снабжение корпуса, опираясь на советский опыт, на принцип организации советского тыла. Не пошли мы и на предложение об изменении порядка выплаты денежного содержания. Мы сумели подсчитать, куда ведет их "добродетель" и кому это обойдется дороже всего: ведь у нас в корпусе было не менее 600 унтер-офицеров, занимающих офицерские должности. Коснулось бы это, разумеется, и многих офицеров. С помощью командования 4-го Украинского фронта, в подчинении которого находился наш корпус, мы отбили подлый маневр Ингра.

Пока буржуазные правящие круги старались превратить корпус в пехотную бригаду, генерал Гасал с группой реакционных офицеров, прибывших с ним с Запада, пытался создать на территории Закарпатской Украины тыловую армию. Это грубо нарушало советско-чехословацкое соглашение, и советские представители категорически опротестовали действия Гасала.

Генерал Гасал, а вместе с ним и подготовленные в Англии районные начальники вынуждены были убраться с Закарпатской Украины не солоно хлебавши.

Так бесславно закончились новые попытки правящих эмигрантских кругов в Лондоне ликвидировать или ослабить чехословацкий корпус, созданный на территории Советского Союза. Иначе и быть не могло.

В борьбе с лондонской кликой мы встречали полное понимание и поддержку со стороны советских органов. В связи с этим можно было бы рассказать о многом, но приведу лишь один пример.

Еще до начала боев в Карпатах господа из Лондона требовали, чтобы мы вступили на территорию Чехословакии в английской военной форме. Когда мне стало об этом известно, я послал в Москву начальника тыла корпуса штабс-капитана Слабого с тем, чтобы он договорился о поставке нам советского обмундирования. (Нам нужно было около 300 тыс. комплектов.) Переговоры длились недолго. Советские товарищи, как и всегда, готовы были пойти нам навстречу.

- А почему вы, товарищ штабс-капитан, просите наше обмундирование? неожиданно спросил Слабого один из советских представителей. - Ведь вы чехословацкая часть и могли бы носить свою форму. Доложите командиру корпуса, что мы можем пошить вам обмундирование по вашим образцам.

По возвращении начальника тыла корпуса из Москвы мы быстро изготовили образцы чехословацкой военной формы, и штабс-капитан Слабый повез их в Москву. Вскоре несколько подмосковных фабрик начали шить для нас обмундирование. Первую партию (50 тыс. комплектов) корпус получил к осени 1944 года.

В дни, когда первая партия обмундирования была готова к отправке из Москвы, к нам приехал кто-то от генерала Гасала явно для того, чтобы помешать осуществлению нашего замысла. Тогда я специальным самолетом снова послал в Москву товарища Слабого с заданием ускорить доставку груза. Наши друзья - советские товарищи - опять пошли нам навстречу. Эшелону с чехословацким обмундированием была дана серия "99". Такую серию во время войны получали эшелоны только с войсками, оружием и боеприпасами, им предоставлялась "зеленая улица". Эшелон с 50 тыс. комплектов обмундирования без задержки прибыл к нам в Кросно.

3. Западно-Карпатскай операций

В конце предпоследнего военного года советско-германский фронт на всем протяжении от Карпат до Балтийского моря

стабилизировался. Советское Верховное Главнокомандование готовило крупное зимнее наступление, целью которого был разгром еще довольно мощных по численности фашистских армий, а также вступление на территорию Германии и победоносное завершение войны.

Наш участок фронта вдоль реки Ондавы полтора месяца оставался стабильным. Время от времени полоса обороны корпуса расширялась и после перемещения 38-й армии достигла ширины без малого 40 километров. Теперь обороняться стало значительно труднее. При решении сложных задач обороны в непривычных условиях и на очень широком фронте мы, разумеется, не могли глубоко эшелонировать боевые порядки наших поредевших частей. Ведь не хватало сил даже на то, чтобы занять первую позицию. Мы не могли создать, как это было принято, ни ротных опорных пунктов, ни батальонных районов обороны. Вся оборона состояла из очагов сопротивления, занимаемых отделениями (до пополнения их численность не превышала 4-5 человек). Расстояние между очагами сопротивления было не менее 300 метров, а где позволяла местность, часто и больше. В промежутках между ними находились только дозоры. Конечно, нелегко было контролировать всю местность в полосе обороны. Поэтому разведке противника не составляло большого труда, выбрав подходящий момент, незамеченной проникнуть через наши боевые порядки. Но даже и в таких условиях наша оборона была активной. Используя огонь всех видов оружия и часто атакуя противника, мы стремились нанести ему максимальные потери. Активно действовала разведка.

Противник в то время не предпринимал каких-либо значительных наступательных действий, ограничиваясь ведением разведки и частыми артиллерийскими налетами.

На противоположном берегу реки вместе с немецкими войсками оборону занимали венгерские части. Нам было известно, что основная масса венгерских солдат, освободившаяся от угара хортистской пропаганды, настроена против участия в войне на стороне немецко-фашистской армии.

Как-то раз к командному пункту 2-го батальона подошли три венгерских солдата. Шел густой снег, и они просто заблудились. Наткнувшись на наш КП, они без боя охотно сдались в плен.

На допросе венгры не скрывали своей радости по поводу того, что хотя и случайно, но им удалось уйти от немцев. Пленные сообщили, что гитлеровцы им больше не верят, что в каждой венгерской роте находится немецкий фельдфебель и что венгерские части действуют теперь не самостоятельно, а в составе немецких соединений. Один из пленных даже утверждал, что его

ротный командир перешел бы к нам со всей ротой. Но он не делает этого из-за установленных нами минных полей, на которых погибло уже много саперов. Но если бы рота знала, где безопасный проход, она охотно бы целиком сдалась в плен. И пленный вызвался возвратиться назад и привести всю роту. Венгр говорил это так искренне, что начальник штаба батальона Квапил решил отпустить его.

Венгерский солдат действительно возвратился и привел всю роту вместе с командиром.

Период сравнительного затишья на нашем участке фронта мы использовали для подготовки командных кадров, главным образом для обучения непосредственно в полосе обороны корпуса прибывавшего пополнения. Ежедневно из госпиталей возвращались поправившиеся после ранения воины, приходили и партизаны, которые к тому времени прошли солидную школу борьбы с оккупантами и научились бить ненавистного врага. Кроме того, каждый день с освобожденной территории к нам прибывали сотни добровольцев-словаков. Несмотря на многочисленные интриги Ингра, Пики, Гасала и других, постепенно удалось пополнить части корпуса. Численный состав их хотя и медленно, но все же рос.

В это время корпус был выведен из состава войск 38-й армии, с которой мы прошли через Карпатские горы, и передан в подчинение 1-й гвардейской армии, которой командовал товарищ А. А. Гречко, ныне Маршал Советского Союза.

18 декабря 1944 года в штаб корпуса поступил приказ: сосредоточить артиллерию корпуса в районе юго-восточнее Ясло для поддержки войск 38-й армии. Армия готовилась к участию в крупном зимнем наступлении 1-го Украинского фронта. В приказе особенно подчеркивалось, что перемещение чехословацкой артиллерии должно быть скрытным. Это было важно по двум соображениям: во-первых, чтобы скрыть от противника готовящееся наступление советских войск; во-вторых, чтобы врагу не было известно о перемещении артиллерии с нашего участка фронта.

Но как сделать, чтобы противник не узнал, что корпус на некоторое время останется без артиллерии? Ведь, кроме нескольких противотанковых пушек и одной 122-мм гаубицы, у нас на обе бригады оставалось всего несколько минометов. На совещании в штабе было решено - для введения противника в заблуждение оборудовать ложные артиллерийские позиции.

Перед нашими саперами встала сложная задача - изготовить большое количество макетов артиллерийских орудий и танков. Подобное мероприятие они еще не проводили. И все же с этой

нелегкой задачей наши саперы справились. Прежде всего они немедленно приступили к изготовлению макетов и сделали их так искусно, что на расстоянии макеты действительно трудно было отличить от настоящих танков и орудий. Только один саперный батальон корпуса (командир батальона штабс-капитан Ильм) в сравнительно короткий срок изготовил 130 макетов орудий и 50 макетов танков.

Макеты мы расставили с таким расчетом, что, если бы немцы начали обстрел ложных позиций, они не причинили бы нам значительного вреда. Эти макеты должны были не только убедить противника, что наша оборона насыщена достаточным количеством артиллерии и танков. Мы хотели, чтобы на том берегу сложилось впечатление, будто у нас идет непрерывное сосредоточение войск, подготовка к новому наступлению. Для этого наши саперы применяли и другие способы. Как-то раз они пустили по течению реки опилки. Это должно было убедить гитлеровцев в том, что, готовясь к наступлению, мы собираемся навести через реку мост.

После переброски в район Ясло всех пяти артиллерийских полков основная задача оставшихся артиллеристов заключалась в том, чтобы создать у противника впечатление, что на ложных огневых позициях находятся настоящие орудия. И эта задача была нелегкая. Например, в 3-й бригада, оборонявшейся на фронте протяженностью свыше 13 километров, осталось лишь шесть 76-мм орудии, одна 122-мм гаубица и один 120-мм миномет. Так лее примерно обстояло дело и в 1-й бригаде. Используя имеющиеся орудия и минометы как кочующие, наши артиллеристы успешно справились с задачей. Частой сменой огневых позиций мы вводили противника в заблуждение относительно действительного количества артиллерии в полосе нашего корпуса, и это причинило гитлеровцам много беспокойства. Так, после переброски артиллерии 1-й бригады в район Ясло противник выпустил по обороне бригады в 15 раз больше снарядов и мин, чем в то время, когда там находилась вся артиллерия.

Для введения врага в заблуждение в ночное время из глубины наших боевых порядков к переднему краю передвигались автомашины лишь с частично затемненными фарами. Возвращались же они, соблюдая светомаскировку. Так же мы использовали имевшиеся у нас несколько танков; ночью они с шумом подходили к переднему краю, имитируя большое скопление танков. Мероприятия, проводимые с целью ввести противника в заблуждение, занимали все наше внимание вплоть до 17 января 1945 года. Наш замысел вполне удался, и прежде

всего благодаря находчивости и изобретательности саперов, артиллеристов и танкистов. Разумеется, свою долю, и немалую, вложили в это и пехотинцы, особенно наши отважные и неутомимые разведчики.

Имитация подготовки наступления дала свои результаты: противник не заметил переброски нашей артиллерии с Ондавы в район Ясло. Мало того, 1-й Чехословацкий армейский корпус, несмотря на то что был ослаблен из-за отсутствия артиллерии, вынудил введенного в заблуждение противника перебросить из-под Ясло горно-стрелковую дивизию для усиления своей обороны на реке Ондаве.

В остальном дни проходили без каких-либо примечательных событий. Людям, уже привыкшим к жестким законам войны, и прежде всего тем, кто воевал не первый год, казалось, что фронт, проходивший вдоль Ондавы от Стропкова через Свидник на Гуту Полянскую, будто застыл. Разумеется, это только казалось.

На Ондаве - в окопах, в блиндажах, на наблюдательных пунктах и на огневых позициях - воины нашего корпуса впервые за войну встречали рождество на родной земле, на земле Республики. Уже всем было ясно, что это последнее военное рождество, что в следующем году рождественский праздник будет веселее. Впрочем, об этом мы говорили на фронте каждый год: еще один - и будем дома, среди своих, в тепле родного очага, с праздничным пуншем, с рождественским карпом на столе и иными вкусными яствами.

Это последнее военное рождество в окопах на берегу реки Ондавы, этот последний фронтовой рождественский праздник проходил в непривычной тишине. Однако произошел случай, который мог окончиться весьма печально, и о нем стоит рассказать.

Последнее рождество на фронте. Настроение приподнятое. Разве только в землянках и окопах нет свежесрубленных елок или хотя бы хвойных лапок, увитых бумажными украшениями. На сочельник подморозило и выпал обильный снег. На фронте спокойно. Все свидетельствовало о том, что противник не собирается вести в праздник какие-либо активные боевые действия.

"Да и почему бы им не отметить рождество?" - думали наши ребята. Они были убеждены, что на другом берегу реки немцы будут украшать рождественские елки, петь свою "Heilige Nacht" и на праздник оставят нас в покое. Поэтому не удивительно, что в некоторых ротах появились напитки "для поднятия настроения", а в основном "для сугреву".

В 1-й роте 2-го батальона 3-й бригады горячительного было

достаточно. Даже многовато. Солдатам хотелось встретить рождество весело. Как говорили они своему командиру роты Василу Свиде, встретить так, чтобы потом вспоминать об этом. Автоматчики даже предложили командиру послать одного из них в ближайшую деревню к шинкарю и прихватить там чего-нибудь в дополнение к запасу, и без того уже изрядному. Командир роты не одобрил их "инициативу". Свида хорошо знал, что такое война. Опыт подсказывал ему, что этого делать нельзя. И, желая оградить роту от всяких случайностей, он распорядился все запасы "горячительного" - официальные и неофициальные сдать на склад. К бутылкам, флягам с водкой и другими спиртными напитками он поставил часового, которому строго приказал: "Никому - ни капли". А затем распорядился усилить посты.

Многие солдаты не поняли причину такого решения командира и возмутились: как это, любимый командир не дает встретить рождество. Многие выражали свое неудовольствие открыто. Нашлись и такие, кто утверждал, что командир, прибегнув к излишне крутым мерам, умышленно хочет испортить последнее рождество на фронте.

Ночь перед рождеством проходила спокойно. Когда Свида обходил позиции своей роты, кое-кто говорил ему прямо, а иные намекали, что он, мол, все видит в черном свете.

"Неужели я поступил неправильно?" - спрашивал себя командир роты.

Перевалило за полночь, когда Васил Свида прилег. Он хотел немного отдохнуть. Утомление взяло свое, и Свида заснул. Однако спал он недолго. Недалеко от его блиндажа упал первый снаряд. За первым - второй, третий - и пошло... В утренней мгле заплясали багровые вспышки разрывов. После десятиминутного артиллерийского налета в атаку двинулась вражеская пехота.

Светало. В расплывающемся утреннем тумане воины роты Свиды увидели фашистов в серо-зеленых шинелях. Немцы пошатывались. Их беспорядочная атака, крики и неистовая стрельба не оставляли никакого сомнения: они были пьяны.

Командир роты приказал подпустить гитлеровцев как можно ближе. Только когда фашисты подошли совсем близко, на них обрушился плотный огонь стрелкового оружия роты. Пьяные гитлеровцы, не ожидавшие такой встречи, в панике бежали, оставив перед передним краем убитых и раненых. Да, не прояви Свида тогда твердости, противник застал бы роту врасплох.

В роте оказалось трое раненых. За это бойцы должны были благодарить только своего командира. И больше других Свиде были благодарны те, кто обвинил его в бездушии, когда он помешал солдатам "весело" отпраздновать рождество.

С 19 по 22 декабря 1944 года все пять артиллерийских полков корпуса оставили огневые позиции. С ними ушел и 1-й танковый батальон.

Организованно совершив марш по горным дорогам, наши артиллеристы своевременно прибыли в указанный район сосредоточения и сразу же приступили к оборудованию огневых позиций. Земля, промерзшая на глубину до 40 сантиметров и превратившаяся в камень, поддавалась с трудом. К утру воины отрыли и замаскировали окопы для орудий, оборудовали наблюдательные пункты батарей. С рассветом они закончили работу. Оборудование запасных огневых позиций, укрытий для расчетов, ходов сообщений и ниш для боеприпасов можно было начать лишь с наступлением темноты. На день все замирало.

Даже малоопытные солдаты, только что прибывшие на фронт, понимали, что на этом участке готовится что-то значительное. Но что и в каком масштабе, никто не знал. Один тот факт, что направо и налево от чехословацких артиллеристов, впереди и сзади - всюду, куда ни бросишь взгляд, виднелись только орудия, минометы и катюши, не оставлял у необстрелянных бойцов сомнения, что скоро они станут участниками грандиозной операции. Но пока это была утомительная будничная работа, во время которой не происходило ничего примечательного.

На рождество в 200 или 300 метрах от огневых позиций батарей минометного дивизиона 3-го артиллерийского полка совершил вынужденную посадку советский самолет. Местность хорошо просматривалась противником, и через несколько минут около самолета начали рваться вражеские снаряды. Раненый советский летчик дополз до огневой позиции дивизиона. Он сказал нашим, что в самолете остался тяжело раненный штурман. Сам летчик был очень слаб и не мог помочь ему.

- Кто хочет пойти за раненым советским товарищем? - спросил командир дивизиона Бучек.

Добровольцев оказалось больше, чем требовалось.

Семеро минометчиков быстро поползли к самолету с красной звездой, окутанному дымом разрывов. Им удалось вытащить из самолета штурмана и перенести в безопасное место. Жизнь советского друга была спасена. Из минометчиков двое получили ранения.

В оставшиеся до начала операции дни и ночи наши артиллеристы провели большую работу. Командиры уточняли на картах будущие задачи, пристреливали репера, орудийные расчеты занимались огневой службой, добиваясь максимальной согласованности действий и взаимозаменяемости, штабы отрабатывали документацию, связисты прокладывали связь,

шоферы доставляли боеприпасы. Офицеры-просветители вместе с советскими политработниками организовали встречи-беседы, чтобы ближе познакомить наших артиллеристов с теми, кого они будут поддерживать своим огнем, - с советскими пехотинцами.

Подготовка советских войск к зимнему наступлению шла полным ходом. Начало наступления, как известно, намечалось на 20 января 1945 года.

Каково было в то время положение на Западном фронте?

Почему англо-американские войска топтались тогда на месте перед линией Зигфрида в Арденнах? Если смотреть правде в глаза, картина вырисовывалась неприглядная.

Союзническое командование во главе с генералом Эйзенхауэром объясняло положение, в котором находились англо-американские войска в сентябре 1944 года, недостаточно развитой сетью коммуникаций, плохой погодой, сильной обороной противника и ограниченными возможностями для маневрирования резервами.

Это формальная причина их бездействия, а по существу дело обстояло иначе.

Теперь известно: на Западе рассчитывали, что гитлеровскому вермахту удастся задержать советские войска на Одере и на других водных рубежах, которые считались непреодолимыми. Но это свидетельствует лишь о том, как мало уроков извлекли стратеги Запада из изумительной операции по форсированию Днепра, проведенной советскими гвардейцами. На Западе рассчитывали на недоступность восточнопрусского вала с массой мощных железобетонных укреплений, прикрытых противотанковыми заграждениями. Там еще верили хвастливой пропаганде Геббельса, что варшавский оборонительный рубеж на Висле непреодолим. Этими и подобными вымыслами гитлеровское командование пыталось поднять моральный дух своих войск.

В поисках выхода из необычайно трудного положения, в котором оказалась фашистская Германия к концу 1944 года, гитлеровское командование приняло решение провести наступление на Западном фронте, в районе Арденн. Планом этого наступления предусматривался прорыв обороны американо-английских войск в наиболее слабом месте, форсирование реки Маас и дальнейшее развитие наступления в направлении на Антверпен. Предполагалось отрезать американо-английские войска в Бельгии и Голландии и уничтожить их. Успех операции рассматривался как фактор, который решительно улучшил бы положение немецко-фашистских войск на Западе и создал более выгодные условия для ведения вооруженной борьбы против

Советской Армии. Этим наступлением руководство фашистской Германии рассчитывало изменить неблагоприятную для Германии обстановку на советско-германском фронте, заставить Англию и США пойти тайно от Советского Союза на переговоры о заключении сепаратного мира и добиться в ходе этих переговоров уступок со стороны западных союзников.

Удар немецких танковых и других наземных соединений в Арденнах удался. В обороне американских войск образовалась брешь. К 23 декабря 1944 года немецкие танковые дивизии расширили прорыв до 100 километров по фронту и почти на столько же в глубину. Союзники понесли значительные потери. Одна 1-я американская армия потеряла в этих боях свыше ста тысяч человек. Все попытки англо-американских войск нанести контрудар по немецко-фашистским войскам и перехватить инициативу успеха не имели. В начале января 1945 года гитлеровцы начали подготовку к новому наступлению. И союзникам, при всей их самоуверенности, стало ясно, что игнорировать эту угрозу нельзя.

13 января 1945 года состоялось совещание партийного актива 38-й армии. От чехословацких артиллерийских частей на актив был приглашен офицер-просветитель 1-го артиллерийского полка товарищ Р. Бейковский.

"Мы сидим в маленькой польской школе, - рассказывал нам Бейковский. - В класс входит командующий 38-й армией генерал-полковник Москаленко, подтянутый, живой. На кителе цвета хаки орденские ленточки. В руке генерал держит бумагу. Говорит как-то взволнованно:

- У меня есть важное сообщение. Я прибыл из Москвы. В Ставке нам было зачитано письмо, с содержанием которого я вас сейчас ознакомлю.

Генерал Москаленко читает присутствующим копию письма английского премьера У. Черчилля И. В. Сталину от 6 января 1945 года.

"На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любое другое

время... Я считаю дело срочным".

Так устами Уинстона Черчилля западные союзники настойчиво просили Советский Союз начать наступление, которое облегчило бы и спасло их положение.

... - Три года обещали они открыть второй фронт, - говорит генерал Москаленко. - А теперь, когда, наконец, открыли, не знают, что делать. Мы должны дойти до Берлина первыми, - подчеркнул товарищ Москаленко и продолжал: - Мы хотели выждать еще некоторое время, подтянуть резервы и транспортные средства. Но теперь обстановка изменилась. Через несколько часов начнется наступление на всем фронте. От его успеха зависит исход войны, а также полное освобождение братских народов Польши и Чехословакии. Знамя, которое мы несем от Волги, мы победно водрузим в Берлине!"

Перед наступлением командующий артиллерией 1-го Чехословацкого армейского корпуса полковник Савицкий издал специальный приказ, в нем говорилось:

"Нашей артиллерии выпала честь участвовать в наступлении славной армии народов СССР. От его успеха зависит исход войны. Это наступление приближает час встречи с нашими родными. Разрушения и жертвы, которыми еще придется заплатить за окончательную победу, будут меньшими, если мы безупречно выполним свою задачу.

Самоотверженно помогайте армии нашего могучего союзника, который несет нам свободу и независимость. Нашим высшим долгом сейчас является, чтобы каждый из нас - командиры, штабы и рядовые воины - исполняли свои обязанности точно, добросовестно и были неутомимы до полной победы. Вспомните злодеяния врага, страдания наших близких на родине и все то горе, которое фашисты принесли миру. Бейте и уничтожайте врага метким огнем... От каждого из вас в равной степени зависит успех. Призываю вас всех в бой за быстрое освобождение Чехословацкой Республики и ее народа. Призываю вас всех не жалеть сил для того, чтобы уменьшить потери пехоты поддерживаемых вами советских дивизий и тем самым подтвердить честь и доброе имя чехословацких артиллеристов.

В бой!"

Ответ на свое письмо английский премьер-министр получил 7 января.

"...Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие

наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам".

Советское правительство и Верховное Главнокомандование решили начать наступление на восемь дней раньше намеченного срока. Москва приняла это решение, несмотря на то что погода не благоприятствовала ни авиации, ни артиллерии.

Советское наступление началось 12 января 1945 года. С сандомирского плацдарма на левом берегу Вислы двинулись войска 1-го Украинского фронта. На следующий день южнее Варшавы перешли в наступление армии 1-го Белорусского фронта. 14 января войска 3-го, а 15 января войска 2-го Белорусских фронтов начали наступление в Восточной Пруссии. Под мощными ударами советских войск немецкая оборона начала рушиться.

Действовавшая в составе войск 1-го Украинского фронта 38-я армия, которой были приданы пять артиллерийских полков и танковый батальон 1-го Чехословацкого корпуса, перешла в наступление 15 января.

В ночь на 15 января 1945 года никто из чехословацких артиллеристов не сомкнул глаз. Не до сна было. После полуночи на огневые позиции выехали "катюши" - несомненный признак окончания напряженной трехнедельной подготовки к наступлению. Приближалось начало Западно-Карпатской операции. Все было готово. Расчеты находились у орудий, командиры батарей и дивизионов - на наблюдательных пунктах, связисты - у своих аппаратов.

На каждый километр фронта тогда приходилось по 200 артиллерийских стволов. Если все они откроют огонь, вражеские укрепления превратятся в дым и пепел. Если кто из гитлеровцев переживет эти 65 минут непрерывного огня тысяч орудий, минометов и "катюш", он никогда не забудет их. И это очень хорошо!

Последний метеорологический бюллетень поступил к 8.00. Артиллеристы еще раз уточнили данные для стрельбы, внесли окончательные поправки.

В 8.44 в небо взлетели зеленые ракеты, в 8.45 воздух прорезал характерный скрежет залпов "катюш". К "катюшам" присоединились все советские и чехословацкие батареи. В течение двух минут противник отвечал редкими выстрелами, потом смолк. Превосходство советской и чехословацкой артиллерии над вражеской было абсолютным. В районе Ясло на

позиции гитлеровцев обрушился неистовый смерч огня и металла.

В артподготовке участвовала 3-я батарея 1-го дивизиона 3-го Чехословацкого артиллерийского полка, которой командовал поручик Войтех Горак. Согласно официальному уведомлению, полученному его родителями от словацких властей, он погиб на фронте. Но Войтех Горак был жив и принимал участие в боях под Ясло.

9 апреля 1944 года Войтех Горак еще командовал словацкой батареей, но, поняв предательскую роль командования словацкой армии, он со своими солдатами перешел на сторону советских войск. Произошло это так. 9 апреля Горак зашел к немецкому капитану и доложил, что с группой своих артиллеристов решил атаковать деревню, которую занимало одно из подразделений дивизии советского генерала Казакова. Немецкий капитан, не зная, что скрывается за "усердием" словацкого офицера, предложил Гораку взять с собой пулеметный взвод. От людей Горак вежливо отказался, но немецкие пулеметы взял. А утром 10 апреля, как это было заранее условлено с советскими офицерами, он "атаковал" деревню. После этого фашисты объявили о его гибели.

За шестьдесят пять минут артиллерийской подготовки 1-й Чехословацкий артиллерийский полк выпустил 1857 снарядов, 2-й полк - 1699. В конце артподготовки над позициями гитлеровцев появилась советская авиация. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки, в результате которой вражеская оборона была буквально взорвана, в наступление пошли танки, за ними поднялась пехота.

В полдень 15 января советские войска овладели городом Ясло, а через четыре дня был освобожден Краков.

Бои под Ясло прошли успешно, и этому (пусть, быть может, не столь значительно) способствовали чехословацкие артиллеристы. Их действия получили высокую оценку в специальном приказе Советского Верховного Главнокомандующего. Трем из пяти наших артиллерийских полков - 2, 4, 5-му было присвоено наименование Ясельских. Когда в Москве 19 января 1945 года 224 советских орудия салютовали в честь славной победы советских войск, они салютовали также и чехословацким артиллеристам. Участие артиллеристов 1-го Чехословацкого армейского корпуса в наступлении 38-й армии заложило основы боевых традиций артиллеристов нашей новой Народной армии.

Во время зимнего наступления, начавшегося на 1200-километровом фронте от Балтики до Карпат, советские войска

взломали вражескую оборону и начали:продвижение на запад. Гитлеровская армия потеряла около восьмисот тысяч человек убитыми и свыше трехсот тысяч пленными. Боевые действия были перенесены на территорию фашистской Германии.

4. С парашютно-десантной бригадой в Словацкие горы

Прежде чем рассказать о наступлении корпуса с рубежа Ондавы в глубь Словакии, мне хотелось бы осветить боевой путь 2-й Чехословацкой парашютно-десантной бригады. Боевое крещение бригада, входившая тогда в состав войск левого крыла 38-й армии, получила в оборонительных боях в Карпатах. После 15 сентября 1944 года она пять дней участвовала в наступлении, своими действиями ее воины заслужили похвалу маршала Конева. Поздним вечером 19 сентября 1944 года бригада заняла деревню Пулаву. В следующую ночь ее сменила советская часть, и бригада была отведена в тыл.

Сражающаяся с оккупантами Словакия остро нуждалась в помощи. Когда стало ясно, что наше продвижение через Карпаты не будет быстрым, советское командование решило перебросить транспортными самолетами 2-ю Чехословацкую парашютно-десантную бригаду, специально обученную для ведения боев в тылу врага, на помощь словацким повстанцам.

Бригада сосредоточилась вблизи города Кросно. Оттуда ее предполагалось в кратчайший срок перебросить через Карпаты и Татры и высадить на аэродроме повстанцев Три Дуба или у Брезно над Гроном.

Первый приказ о вылете десантники получили 22 сентября. В тот же день в воздух должны были подняться две их группы. Но Карпаты покрыл плотный густой туман, пошел дождь, вершины Высоких и Низких Татр затянуло облаками. Вылет не состоялся. И на следующий день метеорологи не обещали ничего утешительного. Ненастье продолжалось.

Две тысячи сто сорок четыре десантника с нетерпением ждали, когда же, наконец, они поднимутся в воздух. Каждый знал, что в восставшей Словакии ему предстоят тяжелые бои с оккупантами, и это усиливало нетерпение, вызывало боевой порыв и энтузиазм. К погрузке в самолеты было подготовлено и оружие: 1518 винтовок, 1237 автоматов, 96 противотанковых ружей, 92 ручных и 42 станковых пулемета, 41 миномет, 36 снайперских винтовок, шестнадцать 45-мм противотанковых пушек, двенадцать 76-мм орудий, 4 зенитные пушки и 3 боекомплекта боеприпасов для всех видов оружия. Часть этого оружия предназначалась для повстанцев.

Только 26 сентября 1944 года первые 33 самолета поднялись в воздух с аэродрома возле города Кросно и взяли курс на

Словакию. Произвести посадку удалось лишь четырнадцати самолетам в ночь на 27 сентября. Остальные, несмотря на то что их вели опытные и смелые советские летчики, после бесплодных попыток пробиться через густую облачность, окутавшую аэродром повстанцев, вынуждены были возвратиться обратно.

И только 6 октября 1944 года вечером, в тот самый день, когда наш корпус перешел Дукельский перевал и вступил на территорию своей родины, закончилась переброска остальных подразделений парашютно-десантной бригады. Вместо запланированных трех дней переброска бригады растянулась на четыре недели.

Когда первые две группы десантников прибыли в Словакию, положение повстанцев было довольно тяжелым. Под натиском 8 гитлеровских дивизий (преимущественно эсэсовских) они кое-где отошли, и площадь освобожденной территории сократилась. Командование повстанческих войск, во главе которых эмигрантское правительство в Лондоне поставило генерала Виеста, осуществляло тактику обороны. Эта тактика, примененная на ограниченной территории, давала фашистским войскам возможность сосредоточивать свои силы на нужном им направлении. Используя свое преимущество в танках и артиллерии, они наносили чувствительные удары повстанцам. О ведении же наступательных боевых действий повстанческое командование и не помышляло. Между тем в тех условиях это была бы единственно правильная тактика. И ее успешно применяли партизаны; часто нападая на противника, они распыляли силы гитлеровцев и уничтожали их мелкие группы. Но командование словацких повстанцев тактика партизан не устраивала. С самого начала восстания оно пыталось подчинить себе партизанские отряды и бригады.

Чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне и его военные представители в Словакии, возглавляемые Голяном, а позже Виестом, в ходе восстания стремились осуществлять свои планы. Однако ход событий развивался не так, как им хотелось. В освободительную борьбу втягивались огромные массы народа, возглавляемые Коммунистической партией Чехословакии. Восстание день ото дня приобретало всенародный характер, трудящиеся все более проникались революционными идеями. Этого-то как раз и опасались представители буржуазии; они боялись дать оружие и власть в руки народа, боялись, что он, борясь с оккупантами, расправится заодно с собственными предателями. И они сдерживали стремление воинов повстанческой армии перейти к решительным действиям, а это приводило к пагубным последствиям.

Вечером 7 октября 1944 года командира парашютно-десантной бригады полковника Пржнкрыла вызвали в штаб повстанческой армии. Городу Зволен грозила опасность, и было решено часть бригады, уже прибывшей в Словакию, немедленно перебросить в район Тырновой Горы, где в это время шли упорные бои. К утру 8 октября 2-я и 3-я роты 2-го парашютно-десантного батальона направились в указанный район с задачей овладеть населенным пунктом Ялна и остановить продвижение фашистов по долине реки Грон.

В ходе трехдневных напряженных боев десантники, действуя смело и инициативно, достигли первых успехов. Враг, наступавший вдоль реки Грон, был остановлен. Стойко выдержав натиск гитлеровцев, десантники решительно контратаковали и отбросили врага на Ялну. В этом бою участвовали и повстанцы. Подтянув свежие силы, фашисты попытались прорваться к городу Зволен другим путем, со стороны Банской Штявницы, но и здесь ничего не добились.

Бригада действовала не в полном составе. Роты включались в боевые действия по мере прибытия в Словакию. Так, роты 1-го батальона были направлены для усиления обороны повстанцев в районе Банской Штявницы и Банской Белы. Получив задачу, они немедленно выслали вперед разведывательные группы, одну из которых возглавил поручик Рыс. Противнику удалось окружить группу наших десантников - восемь чехословацких разведчиков попали в критическое положение. Заняв один из дворов хутора, чехословацкие воины решили сражаться до последнего. Гитлеровцы, видимо, считали, что судьба десантников решена, и предложили им сдаться. Получив отказ, они подожгли постройку. Восемь десантников дружно атаковали и вырвались из окружения, при этом они убили четырех вражеских солдат.

В те дни в этом районе действовали и летчики 1-го Чехословацкого истребительного авиационного полка, сформированного в СССР. Полк прибыл в Словакию 17 сентября по приказу командующего 2-й воздушной армией генерал-полковника С. А. Красовского.

Подразделения парашютно-десантной бригады, действовавшие в разных районах Словакии, собрались вместе лишь 18 октября. Бригада получила восемь суток для пополнения и отдыха. К этому времени, согласно неполным архивным данным, в Словакию из Советского Союза было направлено: 2082 автомата, 630 винтовок, 467 ручных, 90 станковых и 23 зенитных пулемета, 256 противотанковых ружей и 5 минометов. Перед началом восстания в Словакию из Советского Союза было заброшено 24 группы парашютистов (404 человека), не говоря уже

о том, что из Польши и Украины на нашу территорию перешло несколько партизанских отрядов. Только из этих данных видно, какую большую помощь оказал повстанцам Советский Союз.

Обстановка в Словакии усложнялась с каждым днем. Много струсивших и предавших повстанческую армию офицеров, оставив свои подразделения и части, бежали с поля боя. Армия разлагалась. Воспользовавшись этим, гитлеровцы предприняли наступление через Крупину на Зволен. Угроза нависла и над Брезно. Вся надежда была на парашютно-десантную бригаду.

21 сентября, прервав отдых, бригада направилась в район Брезно, которому враг угрожал больше всего и где боеспособные войска были особенно необходимы. Здесь стало ясно, что при повсеместном отходе повстанческих войск под натиском эсэсовцев парашютно-десантная бригада, как бы мужественно она ни сражалась, не сможет остановить наступающего врага.

Бригадная газета "Пламя свободы" в те дни обратилась к воинам: "...Чехословацкий солдат, ты защитишь себя, свой народ и свою родину лишь непоколебимой стойкостью в самом упорном бою. Приказ: Ни шагу назад! Действовать только наступательно! Отступая, мы помогаем немцам. Наступлением мы не даем уничтожить себя. Воины, решительно пресекайте трусость!"

25 октября пал город Брезно. В тот же день единственный аэродром повстанцев Три Дуба оказался под угрозой захвата противником. 1-й Чехословацкий истребительный авиационный полк вынужден был вернуться в Советский Союз. За время своей боевой деятельности - с 17 сентября до 25 октября 1944 года - летчики полка совершили пятьсот семьдесят три боевых вылета, находясь в воздухе в общей сложности 376 часов. В 18 воздушных боях они сбили 9 и уничтожили на аэродромах 20 самолетов противника. Кроме того, летчики уничтожили 186 автомашин, 9 танков, 3 бронетранспортера, бронепоезд, 15 артиллерийских и минометных батарей, 5 складов с боеприпасами и несколько огневых точек врага. За боевые заслуги 1-му Чехословацкому истребительному авиационному полку было присвоено наименование "Зволенский".

Умело сражалась с врагом и смешанная эскадрилья, укомплектованная словацкими летчиками. Несмотря на то что в ней были преимущественно учебные самолеты или самолеты времен первой республики, словацкие летчики воевали великолепно. Так, на самолете Ш-328 один словацкий летчик сбил новейший немецкий самолет ФВ-189. Ш-328, этот наш ноев ковчег, уже тогда считавшийся музейным экспонатом, вышел победителем из схватки с вполне современным двухфюзеляжным разведывательным самолетом. Ротмистр Луптак 4 сентября 1944

года на попрадском аэродроме уничтожил 3 "Юнкерса-87", 8 истребителей "Фокке-Вульф-190" и "Мессершмитт-109".

Смешанная эскадрилья за шесть недель сделала триста пятьдесят боевых вылетов, сбив при этом 7 самолетов противника и 3 уничтожив на земле. Она истребила 5 вражеских танков, 33 артиллерийские и минометные батареи, 30 пулеметных гнезд и 800 гитлеровцев.

Наши летчики одержали бы во время Словацкого народного восстания еще более значительные успехи, если бы у них было больше горючего. Англо-американские бомбардировщики за несколько дней до восстания преднамеренно уничтожили нефтеочистительные заводы и запасы горючего в Дубове и Подбрезове, несмотря на то что подпольная радиостанция "Ото" еще 26 июня 1944 года обратилась к нашему министерству национальной обороны в Лондоне с просьбой сохранить важные объекты.

Но вернемся ко 2-й парашютно-десантной бригаде.

После падения городов Брезно и Зволен создалась непосредственная угроза центру и колыбели Словацкого восстания - Банской Бистрице. Однако боевые действия можно было бы продолжать и в тех трудных условиях. Главный штаб партизанского движения в Словакии несколько раз призывал Виеста и Голиана готовить части повстанческой армии к действиям в горах. Лишь таким путем можно было сохранить тысячи патриотов для дальнейшей борьбы. Однако командование словацкой армии упрямо отклоняло эти предложения.

Предательство командования завершилось приказом № 25843 от 27 октября. В этом равнозначном капитуляции приказе Виест и Голиан требовали прекратить организованное сопротивление и распустить армию. Правда, в нем говорилось, что желающие перейти к партизанским действиям могут уйти в горы, но вместе с тем даже не упоминалось о партизанских базах, а перед желающими продолжать борьбу не ставилось никаких задач. Кстати, в приказе указывалось, что в горы должны уходить лишь люди физически крепкие и выносливые.

Во время отступления повстанческих сил в горы самолеты сбрасывали листовки, подписанные Тиссо, который призывал словацких солдат сложить оружие, обещал за это сохранить им жизнь. Те, кто последовали призывам Тиссо, попали в фашистские концлагеря, многих из них гитлеровцы расстреляли на месте. Находились и такие, кто во время отступления словацкой армии дезертировал.

За два с половиной месяца боев со времени начала восстания не было столько жертв и потерь, сколько за последнюю неделю

октября, во время неорганизованного отхода повстанцев в горы. Так распалась повстанческая армия.

Несмотря на то что генералы Виест и Голиан предали народ и повстанческую армию, бои с оккупантами не прекратились, они продолжались в горах. В Словацкие горы шли партизанские отряды и бригады, шли честные патриоты, и среди них много женщин, - врачей, радисток, медицинских сестер. Туда ушли и воины 2-й парашютно-десантной бригады и с ними подпоручик коммунист Бедржих Штейнер. В бою под Соколовой он был ранен, и ему ампутировали руку. Тем не менее Штейнер вернулся на фронт. Его назначили заместителем начальника снабжения парашютно-десантной бригады, одновременно он возглавил в бригаде партийную организацию. Ушла в горы и его жена Маруся, отличная санитарка. Жена Штейнера помогла многим раненым. У нее было специальное образование, она окончила советскую медицинскую школу. Война не дала Марусе, как и многим тысячам мужчин и женщин, окончить институт.

К вечеру 29 октября подразделения бригады прибыли в район высоты 1648, где находился лагерь партизанского отряда Героя Советского Союза Егорова. Туда же прибыл и штаб полковника Асмолова и вместе с ним - выдающийся деятель чехословацкого рабочего движения, национальный герой Чехословакии товарищ Ян Шверма. Во время Словацкого народного восстания московское руководство КПЧ направило его в Словакию с важным поручением. Выполнив задание, он не возвратился обратно в Москву, а добровольно ушел с партизанами в горы. В тот же вечер в землянке штаба состоялось совещание партийного и военного руководства. Было решено продолжать борьбу, изменив лишь ее форму в соответствии с обстановкой.

На следующий день перед десантниками выступил вновь назначенный комиссар бригады, опытный советский партизан капитан Михаил Глидер.

- Партизанская война должна быть маневренной, стремительной и полной неожиданностей для врага, - говорил он. - В этой войне надо уметь быстро наносить удары и быстро уходить, по возможности без потерь. Что от вас требуется? Чтобы каждый действовал смело и инициативно. Кто не хочет воевать, пусть уходит. Не скрою, борьба будет трудной и не обойдется без жертв. Но мы победим! Победим потому, что с нами весь народ, потому что к нам идет Советская Армия. Кто не боится трудностей, кто готов отдать за родину жизнь, кто не хочет стать предателем в глазах своего народа, пусть остается с нами.

Все десантники, разумеется, остались с партизанами. В конце октября к расположению партизанского лагеря подошли

гитлеровцы, и партизаны, оставив этот район, направились в Низкие Татры, к Хабенцу.

В Солисках, над Крижианским горным потоком неподалеку от Магурки, колонна партизан и десантников остановилась на несколько дней для отдыха. Партизанский штаб обсуждал боевые планы. Выяснилось, что кое-кто против продолжения активных боевых действий. С решительным отпором таким настроениям выступил Ян Шверма.

- Мы ушли в горы не для того, - говорил он, - чтобы скрываться. Мы должны воевать. И мы не одни. С нами Советская Армия, с нами словацкий народ. Мы должны бить врага по примеру советских друзей. Бить, пока не победим.

Так говорил Ян Шверма на совещании командиров. То же самое он говорил, беседуя с партийными работниками, партизанами и десантниками. Он не скрывал, что жизнь в горах будет нелегкой, борьба - жестокой и изнурительной. Ян Шверма был одним из тех, кто предпочитал честно встретить смерть в бою, чем стать на колени перед врагом.

- Сколько пламенной веры в победу было в его словах, - вспоминает участник этих боев офицер-просветитель 2-й бригады товарищ Гайдош. - Он всеми силами стремился поднять боевой дух людей.

Таким был Ян Шверма и в Мадриде, на Арагонском фронте, на Каталонском побережье, в окопах под Бельхитом и в Эскуриале. Товарищ Ян Шверма не пропускал ни одного случая, чтобы морально поддержать дух партизан. Он был душой большой партизанской семьи.

В Солисках партизаны встретили 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Противник приближался. Партизанское охранение уже вступило в бой с врагом, вооруженным станковыми пулеметами, минометами и легкими горными орудиями. Дольше оставаться в Солисках было нельзя - лагерь пришлось оставить. Отход партизан через Хабенец прикрывал взвод подпоручика Ивана Дзамека из 1-го батальона 2-й бригады, которым командовал капитан Ухитил.

Тяжелый это был переход. Сильный мороз, вьюга, глубокий снег. Десятки бойцов погибли тогда. Одни замерзли в пути, другие, поскользнувшись на горных тропах, упали в пропасть.

Во время этого изнурительного, крайне тяжелого перехода пал смертью храбрых член главного партизанского штаба в Словакии, депутат парламента от Коммунистической партии Чехословакии товарищ Ян Шверма. Его похоронили в Ломницкой долине под Хабенцем. В 1945 году прах народного героя был

перевезен на его родину, в Мнихово-Градиште.

В Солисках фашисты разгромили партизанский лагерь, где оставалось несколько тяжелораненых. Среди них находились командир 2-й роты надпоручик Обджалек и командир 2-го взвода этой же роты, депутат парламента от КПЧ Ян Гарус. Сохранились некоторые записи Гаруса, из которых можно узнать, как удалось вылечить раненого надпоручика Обджалека.

"У него была прострелена нога у щиколотки. Состояние раненого с каждым днем ухудшалось. Было крайне необходимо предпринять эффективное лечение, иначе пришлось бы ампутировать ногу. Мы послали наших людей в город Ружомберок выяснить, есть ли возможность перевести Обджалека в немецкий военный госпиталь в Ружомбероке. Ответ был положительным.

Было решено, что словацкие патриоты - служащие этого госпиталя пришлют за Обджалеком санитарную машину в условленное место и доставят его в госпиталь. У нотариуса в Липтовске Лужне был взят документ, который свидетельствовал о том, что он, Обджалек, - рабочий с каменного карьера, при взрыве скалы ему раздробило ногу.

Санитарная машина увезла Обджалека. В госпиталь его поместили без особых затруднений, первый осмотр врача также прошел благополучно. Только немецкому главному врачу и начальнику госпиталя рана показалась подозрительной. Отметив, что рана очень похожа на огнестрельную, они, тем не менее, оставили Обджалека в покое. Положение раненого осложнилось, когда один из служащих госпиталя пронюхал его имя и место рождения. Он заявил, что лично знает всех в Лужне и не один из них не похож на раненого. Тотчас в Лужню были направлены два тиссовских солдата. Мы получили об этом своевременную информацию и в свою очередь выслали туда своих людей, чтобы перехватить этих агентов и выяснить, что случилось. Обджалека тем временем перенесли из госпиталя в один из домов на окраине города, в котором он и дождался прихода нашей армии".

Ни фашистским отборным дивизиям СС, ни местным предателям не удалось полностью подавить Словацкое народное восстание. Это еще раз доказало, что нельзя победить народ, стремящийся к свободе! А партизаны были тесно связаны с народом, они являлись его войском, получали от него всевозможную помощь и поддержку, и в этом заключалась причина их силы и непобедимости.

Находившиеся в горах партизаны, а вместе с ними воины 2-й парашютно-десантной бригады не только выдержали натиск превосходящих сил врага, но день ото дня укрепляли и множили

свои ряды. В боях они наносили фашистам тяжелые потери. Если во время обороны освобожденной территории совместными усилиями партизан и повстанческой армии было уничтожено 10 тыс. гитлеровцев, то после развала повстанческой армии партизаны и воины парашютно-десантной бригады уничтожили около 40 тыс. вражеских солдат и офицеров, взорвали более 150 железнодорожных и шоссейных мостов, пустили под откос около 300 эшелонов с военными грузами.

Словацкие партизаны, руководимые Коммунистической партией Чехословакии, с помощью советских партизан отвлекли на себя значительные силы фашистов. Этим оказали помощь советским войскам и чехословацким частям, действующим на фронте. Борьба народа за изгнание оккупантов велась до тех пор, пока над Словакией не взвилось победное Знамя свободы, которое принесли советские войска и 1-й Чехословацкий армейский корпус.

5. Чехословацкий Маресьев

После поражения Словацкого восстания 2-я парашютно-десантная бригада ушла далеко в горы. В составе бригады находился товарищ Александр Тимко.

10 декабря 1944 года Александр находился в разведке. В этот день он был ранен в левую руку. Несмотря на ранение, в ночь на 12 декабря Тимко отправился на новое задание: ему предстояло разведать расположение и силы противника в районе деревни Шайба. Разведчики собирались встретиться с одним местным жителем, сотрудничавшим с партизанами.

Группа воинов в составе 13 человек, возглавляемая свободником Тимко, морозной ночью отправилась в путь. После трехчасового перехода по крутым горным тропам она вышла к мосту. Мост через речку, по которому проходила дорога к деревне Шайба, охранялся четырьмя фашистами. Разведчики быстро уничтожили охрану и вошли в деревню. В дом, где должна была состояться встреча, отправился Тимко. Его ждали. Получив необходимые для партизан сведения и условившись о дальнейших связях, Тимко хотел уйти. Но в это время фашисты обнаружили исчезновение охраны на мосту и подняли тревогу.

"В доме мне оставаться было нельзя, - рассказывает Тимко, - потому что, если бы гитлеровцы меня обнаружили, они уничтожили бы всю семью. Я решил побыстрее уйти. Стрельба усилилась, фашисты приближались. Открыв окно, я выпрыгнул на улицу. Но, прежде чем я приземлился, мои ноги прошило пулеметной очередью. От боли я потерял сознание".

О том, что произошло дальше, товарищ Тимко вспоминает неохотно. Да это и не удивительно. Ему многое пришлось

пережить.

Спустя четыре часа в деревню ворвались советские партизаны. Они нашли Александра Тимко в тяжелом состоянии. Чтобы спасти жизнь молодого воина, ему ампутировали обе ноги.

Ночью партизана перевезли в село Медведево возле Черного Балога. Там его укрыла у себя на чердаке семья Доноваловых. Доноваловы добросовестно ухаживали за Александром, несмотря на большой риск. Они и доктор Флашкар оказали Тимко медицинскую помощь. Придя в сознание, Александр увидел, что у его постели сидит один из боевых товарищей.

- Я принес тебе поздравление из штаба, - начал товарищ.

Покрасневшие глаза раненого Тимко остановились на погонах подпоручика чехословацкой армии, на гимнастерке, украшенной орденом "Чехословацкий Военный крест" и медалью "За храбрость".

"Мне очень хотелось обнять его, - вспоминает Тимко, - но едва я приподнялся, он поспешно уложил меня. Я почувствовал острую боль и понял, что остался без ног".

Таким было первое пробуждение Тимко после тяжелого ранения.

У него, здорового 23-летнего мужчины, было много планов на будущее, но тут он впал в уныние. И в те трудные минуты горьких раздумий о своей жизни его поддержала семья Доноваловых, доктор Флашкар и боевые товарищи-партизаны. По мере того как заживали раны на ногах, в голове подпоручика Тимко рождались новые мысли, уже не такие мрачные, как в первые дни после ранения. До февраля 1945 года он жил в Черном Балоге в семье душевных и мужественных людей. К счастью, фашистам не удалось обнаружить бесстрашного партизана. 26 февраля Балог был освобожден от оккупантов. Фронт переместился дальше на запад. Александра Тимко перевезли в больницу в Кошице.

- Вы хотите ходить? - спросил у Тимко главный врач Штейнер при утреннем обходе. - Это вполне возможно. Нужно только приспособить протезы, предварительно сделав дополнительную операцию.

Тимко принял предложение главного врача. Ему очень хотелось ходить!

Три с половиной часа продолжалась операция. Главному врачу помогала медсестра Лидия Дамова, которая позже стала женой Александра Тимко.

Подпоручик Тимко находился в больнице с февраля по октябрь 1945 года. В октябре ему принесли протезы, и он начал учиться ходить. Вначале это было очень трудно, открылись раны, движения вызывали острую боль, но Тимко добивался своего, при

этом он сильно переутомлялся.

- Все нужно делать в меру, подпоручик, иначе я отберу у вас протезы и спрячу, - пригрозил ему главный врач Штейнер.

Тимко научился ходить. Больше того - он научился танцевать на протезах.

Ныне полковник Александр Тимко - это наш чехословацкий Маресьев.

6. В разведку, в тыл врага

Это нелегкая задача - пройти по ничейной земле, незаметно проскользнуть через вражеский передний край, а затем двигаться в тылу врага, где опасность подстерегает на каждом шагу, выяснить там силы и расположение войск противника и, наконец, наладить радиосвязь, передавать своим частям собранные данные. Да, нелегкая! Вести разведку в глубоком тылу врага... Для такого опасного и в то же время очень нужного, имеющего для войск огромное значение дела подойдет не каждый. В нашем корпусе героями, способными на это, были разведчик-сапер Михаил Кобал, испытанный разведчик ротмистр Розина и другие.

Особенно выделялся капитан Александр Ковач, опытный и отважный офицер. С ним всякий без малейшего опасения мог пойти на любое ответственное задание в глубокий тыл врага.

Ковач пришел к нам из соединения легендарного партизанского командира, дважды Героя Советского Союза генерала Ковпака. Со славными партизанами Ковпака воевал Александр в Брянских и Гомельских лесах. Там познал он тактику партизанской войны, жизнь в землянках. У ковпаковских партизан научился действовать во вражеском тылу, запоминать все, что видел во время выполнения заданий, быстро принимать решения в любой обстановке. Ковач всегда знал, как перехитрить врага.

С этим необычайно ценным боевым опытом он пришел к нам. Ковач прошел не только партизанскую школу борьбы во вражеском тылу, но и двухмесячную подготовку в политической школе в Красногорске под Москвой. Оттуда и направили его к нам в качестве начальника штаба нашего 1-го батальона.

С Александром Ковачем, коммунистом с 1932 года, я близко познакомился только в начале последнего военного года. Ему первому из 2-й парашютно-десантной бригады удалось спуститься с гор, пробраться через линию фронта и прийти в наш корпус.

Когда мне представили капитана Ковача, мы с ним долго беседовали. От него я узнал о мужественной борьбе личного состава парашютно-десантной бригады после ее ухода в горы, о тяготах жизни и о боях в горах. О себе он много не говорил, рассказывал главным образом о других. Не поведал он мне и то,

как вместе со своим 19-летним братом Ладиславом, четаржем Мазурой и подпоручиком Иваном Дзамеком три недели ел мясо убитой лошади, без соли и хлеба. Об этом я узнал значительно позднее, от других.

Я предложил капитану Ковачу попытаться добраться до бригады и доставить ребятам консервы, табак, медикаменты. Он согласился. Взял с собой несколько человек и ушел. Задание он выполнил. С той поры действия в тылу врага стали специальностью Ковача. Он был назначен начальником дальней разведки корпуса.

Как-то раз Ковач получил задание установить связь с 4-й партизанской бригадой, действовавшей в Низких Татрах, договориться с ее командованием о совместных боях за Липтовский Микулаш, а главное, - выяснить, не производит ли противник смену своих частей под Микулашем. До нас доходили некоторые сведения о том, что противник готовится сделать это, но их нужно было проверить. Это было крайне важно.

Капитан Ковач отобрал 14 самых смелых разведчиков. После трехдневной подготовки ночью 23 февраля 1945 года разведчики незаметно перешли линию фронта южнее Микулаша. Нелегко было найти в густых лесах хорошо укрытых партизан. Они отыскали штаб 4-й партизанской бригады только через несколько дней.

Их второе задание было еще сложнее. Несколько дней разведчики безуспешно старались достать "языка". Когда они уже начали подумывать, что задание выполнить не удастся, увидели несколько телефонных проводов, ведущих к деревне Лупче. Конечно, там должен быть штаб гитлеровцев.

Капитан Ковач решил устроить засаду. Его замысел был очень прост: в нескольких местах повредить кабель. Гитлеровцы пошлют для устранения повреждения связистов, и их можно будет захватить. Связисты обычно хорошо информированы, а ведь только достаточно информированный пленный может представлять известную ценность.

Разведчики Ковача не стали перерезать кабель, а просто переломили его в четырех местах, сделав так называемые внутренние порывы. За тем, кто переламывал провод, двое других тянули сани, нагруженные бревнами. Этим создавалось впечатление, будто повреждения случайные.

Еще до рассвета разведчики залегли по обеим сторонам телефонной линии на порядочном расстоянии от дома, где, по предположению Ковача, располагался штаб врага. В своих белых маскхалатах они слились со снегом и были незаметны. Смельчаки не чувствовали мороза в ожидании "языка". И они его дождались.

Рано утром из Лупчи вышли четыре фашиста. Разведчики затаили дыхание. Они видели, как двое устраняют первое повреждение, а двое других с пулеметом охраняют их. Немного дальше провод также был разорван. Фашисты устранили и это повреждение, а вскоре и третье. Они явно не подозревали о грозящей им опасности. Наконец гитлеровцы подошли к месту, где было последнее повреждение. Они склонились над проводом, и в этот миг на них накинулись разведчики. Стрелять не пришлось. Все было проделано тихо. Перепуганных гитлеровцев с кляпами во рту оттащили в ближайший лес.

У фельдфебеля, старшего группы связистов, разведчики обнаружили документы, содержащие важные данные. При допросе фельдфебель сообщил и другие довольно ценные сведения.

.Пока капитан Ковач допрашивал пленных, наш радист развернул радиостанцию.

- Романенко, Романенко, Романенко... Я Павел, я Павел. Как меня слышите? Прием...

- Павел, Павел, Павел... Слышу вас хорошо. Романенко сейчас придет. Прием, - отвечал радист штаба нашего корпуса.

Я подошел к радиостанции.

- Павел, Павел, Павел... Я Романенко, я Романенко, отвечайте. Прием.

В наушниках послышался знакомый голос капитана Ковача.

- Я Павел, сообщение для Романенко... Против вас действует 320-я гренадерская дивизия. В дивизии три пехотных полка двухбатальонного состава каждый. В батальонах по три роты, в ротах по 50-60 человек. В дивизии пять артиллерийских дивизионов. Дивизия усилена 582-м и 980-м батальонами по четыре роты в каждом.

В то время эти сведения имели для нас неоценимое значение.

Разведгруппа под командованием капитана Ковача действовала в тылу врага до конца апреля 1945 года. Она принимала участие в боевых действиях партизан, разведывала расположение и силы войск противника, сообщала нам данные о расположении огневых позиций вражеской артиллерии.

Нелегко было нашим разведчикам. На каждом шагу, в полном смысле слова, их подстерегала смерть. Порой положение спасали только находчивость и быстрая реакция. Так было, например, под вечер 10 апреля 1945 года. Незадолго до этого наши разведчики получили задание выяснить, готовятся ли гитлеровцы оборонять город Мартин. Выполняя его, наши разведчики неожиданно наткнулись на группу вражеских солдат.

- Кто идет? - спросил один из них.

- Власовцы, - не задумываясь ответил ротмистр Кришфалуши.

Немцы поверили.

- Уходить не собираетесь? - смело схитрил Кришфалуши.

Фашисты уныло поглядели на восток, откуда доносились отзвуки артиллерийской стрельбы - верный признак быстрого приближения фронта. Не догадываясь, кто в действительности стоит перед ними, немец со вздохом сказал, что к утру они уйдут из города.

Разведчики немедленно сообщили об этом в штаб корпуса. Достоверность их сообщения подтверждалась данными разведки наших бригад. Было решено: утром 11 апреля 1945 года без артподготовки начать наступление на город. Освободив Мартин, наши части начали преследование отходящего врага.

Много ценных сведений получил наш корпус от разведывательной группы, возглавляемой капитаном Ковачем. За смелые действия во вражеском тылу капитан Ковач был награжден советским орденом Красной Звезды, а также орденом "Чехословацкий военный крест" и медалью "За храбрость".

7. От Ондавы к Липтовскому Микулашу

В середине января 1945 года Советская Армия начала мощное наступление севернее Карпат. Гитлеровцы были вынуждены оставить территорию Восточной Словакии. 1-й Чехословацкий армейский корпус, занимавший оборону на рубеже реки Ондавы, в шесть утра 18 января перешел к преследованию отступающего противника. Наша 1-я бригада получила задачу овладеть городом Зборов, 3-я бригада - городом Бардеев. Воины обеих бригад рвались в бой.

Преследование велось днем и ночью. За два дня были освобождены 43 населенных пункта, в том числе города Бардеев и Зборов. Это в значительной степени способствовало освобождению городов Прешов и Кошице. Отступая, противник понес большие потери, в то время как мы потеряли двух человек убитыми, трех пропавшими без вести и 44 ранеными. Наша 3-я бригада настолько внезапно и стремительно атаковала город Бардеев, что гитлеровцы успели взорвать всего лишь один мост в городе; в Бардееве противник оставил много военной техники. 1-я бригада под командованием генерала Саторие овладела в ночном бою городом Зборов. Приказом Советского Верховного Главнокомандующего № 234 за доблесть, проявленную в этих боях, обеим нашим бригадам были присвоены наименования "Прешовских".

От Зборова и Бардеева наш корпус переместился ближе к Прешову и продолжал преследовать противника в направлении Левоча, Липтовский Микулаш, Ружомберок.

Утром 27 января 1945 года наш корпус, наступая в составе войск 18-й армии, освободил город Левоча. В боях за город отличилась 3-я бригада, она была отмечена в приказе Советского Верховного Главнокомандующего.

После освобождения города Левоча 1-я бригада получила задачу: в ночь на 28 января овладеть городом Кежмарок. Бригада блестяще выполнила и эту задачу: уже в полночь гитлеровцы были выбиты из города.

Одним из первых в Кежмарок вступил начальник разведки 2-го батальона неуязвимый надпоручик Арношт Штейнер. В Кежмароке он едва не погиб.

Вконец усталый, Штейнер вошел в первый же дом и попросил у хозяйки горячего чая. Женщина ничуть не обрадовалась его приходу и не торопилась с угощением. Была очень взволнована. Она то и дело отходила от плиты, на которую поставила чайник, в спальню. Через пять минут, в течение которых хозяйка побывала в спальне несколько раз, Штейнер не поленился и тоже прошел туда. Открыл шкаф - ничего.

- Идите, господин офицер, - взволиоваиным голосом хозяйка позвала гостя из кухни. - Чай та столе. Пейте, пока горячий, а то вы, видно, сильно промерзли.

Штейнер, не обращая внимания на приглашение, продолжал осматривать комнату.

- Идите, идите, господин, - снова позвала хозяйка незваного гостя.

Подобных комедий Штейнер не любил.

- А почему вы так нервничаете?

Женщина не ответила. И Штейнер понял, что в этом доме не все в порядке. Словацкий народ повсюду радостно встречал, приветствовал и угощал наших и советских воинов - своих освободителей. А тут - на тебе.

Осмотрев все углы комнаты, надпоручик Штейнер остановился возле кровати со взбитыми перинами. Отогнул один угол нижней перины и увидел начищенные до блеска сапоги. Штейнер покосился в открытую дверь на женщину - та крестилась.

- Чай остынет, господин, - вновь попыталась хозяйка отвлечь внимание Штейнера от постели. Она-то хорошо знала, для чего это делала.

Надпоручик Арношт Штейнер вытянул из-под перины... эсэсовца. Сделал он это так мастерски и быстро, что фашист не успел выстрелить из своих пистолетов, которые держал в обеих руках.

Как только жители Кежмарока увидели пойманного фашиста, они хотели убить его на месте. Слишком свежи были в их памяти злодеяния гитлеровцев во время Словацкого восстания и особенно после временного подавления восстания. На счету у этого эсэсовца было много невинных жертв, и ему не удалось избежать справедливого суда.

В боях за город Левоча отличилась рота поручика Тырихтра.

Гитлеровцы подготовили к взрыву мост через реку на подступах к городу. Поручик Тырихтр, всегда находившийся в первых рядах своих солдат, отобрал группу автоматчиков и повел ее в атаку на мост. Действуя решительно и смело, группа уничтожила охрану, расчеты двух вражеских пулеметов и спасла мост от разрушения. Сам поручик Тырихтр спустя несколько дней погиб в одном из боев. Мужественный командир был посмертно награжден орденом "Чехословацкий военный крест", медалью "За храбрость", ему было присвоено звание надпоручика.

18 января 1945 года корпус освободил город Попрад. Несколько позже здесь состоялся первый концерт армейского художественного ансамбля, посвященный памяти организатора этого коллектива поручика Вита Неедлы. Жители города Попрад тепло приветствовали выступление ансамбля. Впервые за долгие годы наш оркестр свободно и открыто исполнил на родной земле

государственный гимн Чехословакии, вызвавший столько волнения и радости.

В последние дни января 3-я бригада очищала от противника район Высоких Татр и Спишска. Противник здесь уже не оказывал сопротивления, но нашим воинам все же было нелегко: заснеженная горная местность, непроходимые дороги и тропы затрудняли их действия. Тем не менее 3-я бригада поставленную задачу выполнила успешно.

Наступая в направлении на город Липтовский Микулаш, 1-я бригада встретила упорное сопротивление противника в районе населенного пункта Важец, превращенного гитлеровцами в опорный пункт. Преодолеть сопротивление врага сходу не удалось. Тогда командир бригады приказал 3-му батальону атаковать Важец ночью. Учитывая серьезность сложившейся обстановки, я выехал "а передний край, чтобы лично проверить подготовку к ночному бою. Убедившись, что батальон к ведению ночных боевых действий готов, я вернулся на командный пункт. В ночь на 29 января подразделения 3-го батальона дружно поднялись в атаку, но были остановлены массированным огнем противника. Атака захлебнулась. Однако к утру мне доложили, что ночью Важец освобожден. Произошло это так.

Командир 3-го батальона выслал в тыл противника роту автоматчиков под командованием подпоручика Гунды, усиленную стрелковым взводом и отделением противотанковых ружей, с задачей - по сигналу командира батальона атаковать неприятеля с тыла. Рота подпоручика Гунды вышла в указанное место и залегла в ожидании условного сигнала. Прошло порядочно времени, а сигнала не было. Тогда подпоручик Гунда решил действовать самостоятельно.

Высланная Гундой разведка доложила, что западная окраина населенного пункта противником не занята. Ровно в полночь автоматчики бесшумно перешли по льду заросшую кустарником небольшую речушку и быстро сосредоточились на окраине Важеца. По сигналу подпоручика Гунды воины внезапно ворвались в населенный пункт, расстреливая перепуганных фашистов. Не ожидавшие атаки с тыла, гитлеровцы, не сделав ни одного выстрела, побросав пулеметы, орудия и минометы, в панике бежали. Но уйти удалось лишь нескольким танкам, они ускользнули вдоль железнодорожного полотна. Подпоручик Гуида немедленно организовал оборону и выслал к нам связных. Так был освобожден Важец. Утром я наградил мужественных воинов роты, ее молодому командиру Гуиде присвоил звание поручика и вручил награду.

После освобождения Важеца 1-й бригаде предстояло

преодолеть заблаговременно подготовленную оборону противника и овладеть городом Липтовский Градек. 1-й батальон, наступавший на город с фронта, продвигался медленно, отставал от правого соседа. Я направился туда, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой и помочь командиру батальона организовать наступление.

Через некоторое время в результате решительной атаки, поддержанной огнем партизан с гор, 1-му батальону удалось ворваться в город и очистить его от противника. Гитлеровцы оставили Липтовский Градек настолько поспешно, что даже не успели уничтожить железнодорожный мост, подготовленный к взрыву.

...В сопровождении шести автоматчиков я возвращался на командный пункт корпуса. Шоссейная дорога Липтовский Градек - Гибе простреливалась противником, поэтому мы шли лесом вдоль дороги. До поворота дороги, где нас ожидала машина, предстояло пройти около 250 метров лесом. Шли по одному. Я впереди. До переднего края было около полутора километров. Я всегда носил с собой пистолет, но на этот раз, кроме палки, никакого оружия у меня не было.

Шли по крутому склону. Идти по глубокому снегу при сильном встречном ветре очень тяжело. Вьюга слепила глаза. Видимость была плохая. Я торопился поскорее попасть на КП. Не знаю, почему я тогда ни разу не оглянулся.

Вдруг я увидел в двух - трех метрах от себя человек 30 в белых маскхалатах с капюшонами. Они лежали заметенные снегом, спиной к противнику. В первое мгновение я подумал, что это наши, и хотел было спросить, что они тут делают и почему повернулись спиной к противнику. К счастью, я вовремя заметил козырек немецкой фуражки и тотчас же увидел фашистские пулеметы, автоматы и сапоги. Все это произошло в течение нескольких секунд.

Гитлеровцы меня не заметили. Из-за сильного ветра, шумевшего между деревьями, они не слышали моих шагов по рыхлому снегу.

Я обернулся, сопровождающие меня автоматчики шли чуть поодаль. Потихоньку я начал отходить, не спуская глаз с гитлеровцев. Знаками приказал автоматчикам захватить врагов без шума. Мы тихо начали подходить к немцам. Когда до них осталось несколько шагов, кто-то из наших неосторожно выстрелил. Мы мгновенно бросились на гитлеровцев и взяли в плен тех, кому не удалось удрать. Я сам захватил двух - пулеметный расчет. Пленные были очень напуганы. Они думали, что их будут мучить, а затем расстреляют. Это вдолбили им в

голову офицеры, чтобы заставить драться до последнего дыхания.

В начале февраля 1945 года мы натолкнулись на такое упорное сопротивление противника, какого корпус не встречал от самой реки Ондавы. Перед нами были уже не те слабые силы, которые прикрывали отход своих войск, а полнокровные части вермахта, обороняющиеся на заблаговременно подготовленных рубежах на подступах к Липтовскому Микулашу. Оборона противника здесь опиралась на горные массивы, система артиллерийского, минометного и пулеметного огня была построена с учетом характера местности и сочеталась с системой заграждений. Наблюдательные пункты врага располагались на командных высотах, откуда хорошо просматривались позиции частей нашего корпуса.

3 февраля мы предприняли первую попытку овладеть Липтовским Микулашем, но успеха не имели. 5 февраля попытку повторили - вновь безуспешно; 12 февраля - то же самое; 13 февраля, после длительной артиллерийской подготовки, в ходе которой по врагу было выпущено 11333 снаряда и мины, части корпуса снова предприняли наступление, однако безрезультатно. В полосе наступления корпуса оборонялась 320-я немецкая пехотная дивизия, усиленная танками и самоходными орудиями, и три венгерских полка. На каждую нашу атаку противник отвечал бешеными контратаками и массированным артиллерийским и минометным огнем. Было решено наступление прекратить и возобновить его только после основательной подготовки. Я распорядился произвести тщательную разведку обороны противника и подтянуть нашу артиллерию.

Насколько тяжелыми были условия для действий разведки, свидетельствует тот факт, что из 37 разведывательных поисков, проведенных нами с 19 по 28 февраля, лишь один, последний, увенчался успехом: группа разведчиков в составе девяти человек, руководимая командиром разведывательного взвода 6-го батальона 3-й бригады подпоручиком Фулером, захватила 12 пленных.

Вдобавок к этим 12 пленным к нам перебежало несколько десятков венгерских солдат и три офицера. Одного из офицеров я послал с личным письмом к командиру венгерской дивизии. В письме я обрисовал обстановку на фронтах и предложил в течение 48 часов прекратить сопротивление и перейти со всем личным составом на нашу сторону. Мы знали о нежелании венгерских солдат продолжать войну. Мероприятие наверняка удалось бы, если бы немцы не опередили нас: они не доверяли венграм и отвели эту дивизию в тыл. Ее место заняли немецкие части.

Новое наступление с целью овладения сильно укрепленным городом Липтовский Микулаш было назначено на 3 марта 1945 года. Основную тяжесть боев предстояло вынести войскам 18-й армии, которой командовал генерал Гастилович, особенно 24-й гвардейской дивизии. В результате очень напряженного боя советским гвардейцам удалось ворваться в город и очистить его от врага.

Нашим частям в первый период боев не везло. Правда, 2-му батальону, которым командовал штабс-капитан Черженский, и 3-му батальону под командованием штабс-капитана Яна Свободы совместными усилиями удалось сбросить противника с высоты 768, имевшей важное тактическое значение. Это был, пожалуй, наш единственный успех. Не выдержав натиска контратаковавшего врага, мы были вынуждены немного отойти.

Стремясь во что бы то ни стало вернуть господствующую высоту 768, противник бросил в бой свежие резервы. Однако яростные контратаки неприятеля были отбиты с большими для него потерями. Враг предпринял несколько контратак ночью, но также безуспешно. На рассвете следующего дня части 320-й пехотной дивизии противника снова попытались вернуть высоту 768 и безымянную высоту юго-западнее Смерчан. О напряженности этого боя свидетельствует хотя бы то, что менее чем за два часа гитлеровцы четыре раза контратаковали наши подразделения на высоте 768 и каждый раз безуспешно. И только подтянув два свежих батальона, противник в результате трехчасового боя заставил наши поредевшие подразделения отойти с высоты 748. Безымянная высота, за которую вел бой 2-й батальон, четыре раза переходила из рук в руки.

Не менее упорные бои развернулись и за высоты 706 и 768. Враг четыре раза контратаковал батальоны 3-й бригады, занявшие эти высоты, и четыре раза, понеся большие потери, откатывался назад. Лишь в результате пятой контратаки, поддержанной массированным минометно-артиллерийский огнем, врагу удалось потеснить нашу пехоту с этих важных в тактическом отношении высот.

Потеря господствующих высот ставила под угрозу советскую 24-ю стрелковую дивизию. Поэтому я приказал частям корпуса в течение ночи вновь овладеть высотами.

Батальоны 1-й бригады, после часового ночного боя, сбросили противника с безымянной высоты. Нелегко пришлось подразделениям 3-й бригады - 5-му и 6-му батальонам, батальону автоматчиков, разведывательной роте и саперному взводу. Им потребовалось четыре часа, чтобы снова овладеть высотой 768.

Трудно сказать, кто в те дни отличился больше всех. И все же

будет справедливо, если из длинного списка чехословацких солдат и офицеров, которых мы после боев отметили, я назову хотя бы нескольких.

Этого в полной мере заслужил командир 5-го батальона штабс-капитан Пероутка, который руководил боем батальона, несмотря на то что был серьезно болен. Вскоре его ранило, и командование батальоном принял капитан Живчак, который тоже был тяжело ранен. Узнав об этом, штабс-капитан Пероутка на следующий день ушел из санчасти, вернулся в строй и руководил ночным боем своего батальона. Так же поступил командир 6-го батальона штабс-капитан Моравец. Осколок снаряда попал ему в лицо, но он не покинул поле боя, пока батальон не отстоял высоту 768.

Мужество и отвага этих командиров были образцом для других. Когда во время одной из очередных вражеских контратак вышел из строя расчет станкового пулемета, к осиротевшему максиму бросился десятник Богатый. Раненный в ладонь осколком мины, он продолжал вести огонь по контратакующим гитлеровцам. Хорошо действовал просветитель 6-го батальона четарж Кревцун. В рукопашном бою отличились десятник Шницер, ротмистр Михал Кобал, Валента, Богуслав Свитек из роты Гунды, ротный Климент, Микулаш Меншик, пулеметчики Цинерт и Кузьма, подпоручик Новак, четарж Сопко, санитар Маржик, минометчик Тот, радист Коларж, Баланда, Пушкин, подпоручик Грегор... Да, в те дни мы были свидетелями многих славных подвигов.

Гитлеровцы упорно оборонялись под Микулашем и часто безрассудно контратаковали. Поэтому в течение трех дней противник понес вдвое большие потери, чем мы.

Упорные бои развернулись также на улицах города Липтовский Микулаш, особенно в районе вокзала и возле казарм. В ночь на 8 марта 1945 года тут предприняла контратаку гитлеровская пехота, поддержанная несколькими танками и самоходными орудиями. Совместными усилиями советских и чехословацких воинов вражеская контратака была отбита. Перегруппировавшись, противник повторил контратаку еще большими силами. И эта контратака была отбита. В течение дня противник контратаковал еще несколько раз. Чехословацкие воины и советские гвардейцы сдержали его натиск. Вместе с советскими артиллеристами борьбу с вражескими танками вели и наши артиллеристы.

Напряженные бои за Липтовский Микулаш и высоты близ него продолжались девять дней. Насколько важное значение противник придавал данному району, видно из того, что в

течение девяти суток он предпринял 64 контратаки. В этих боях фашисты использовали и части так называемого "фольксштурма" и подразделения фашистской молодежной организации "Гитлерюгенд".

Под давлением превосходящих сил противника мы вынуждены были на несколько дней оставить город и перейти к обороне.

В последующие дни в корпус влилась 4-я бригада, которая была сформирована в Левоча, а 1-я и 3-я бригады получили пополнение. Мы начали готовиться к новому наступлению. Подготовка проводилась скрытно. Чтобы ввести противника в заблуждение, мы сосредоточили южнее шоссейной дороги и железнодорожной магистрали, идущей на Липтовский Микулаш, значительные силы пехоты, поставили там макеты танков и орудий, построили ложные наблюдательные пункты.

Ночью 30 марта 1945 года части корпуса заняли исходные позиции для наступления. Атака началась в 4.00. Напряженные бои затянулись на несколько дней. Гитлеровская 320-я дивизия, усиленная танками, понесла большие потери и отступила под мощным натиском наших и советских войск, наступающих по долине реки Оравы.

В ночь на 3 апреля мы услышали сильные взрывы. Разведка доложила, что вражеские саперы перед отступлением взрывают мосты западнее Липтовского Микулаша, на направлении нашего наступления в узкой долине реки Ваг. Пришло время для решающего удара. Вначале многим казалось, что Липтовский Микулаш мы займем без боя. Но события развернулись иначе.

4 апреля в шесть часов утра 1-й Чехословацкий армейский корпус, совместно с советской 24-й гвардейской дивизией, перешел в наступление. Наша пехота встретила упорное сопротивление гитлеровцев, оставленных в городе для прикрытия отхода своих войск. Пытаясь отсрочить момент своего полного поражения, фашисты контратаковали часто и ожесточенно.

Утром 4 апреля 1945 года наши и советские войска ворвались в Липтовский Микулаш и освободили его от оккупантов.

Бои в городе часто принимали характер рукопашных схваток. Наши воины замечательно проявили себя в самой трудной и самой сложной обстановке.

Так, когда подразделения 3-й бригады ворвались в деревню Яловце, фашисты бросили против них два батальона автоматчиков, поддержанных тремя самоходными установками, двумя танками, батареей тяжелых минометов и батареей 155-мм орудий. Положение 3-й бригады осложнилось. Генерал Клапалек в начале наступления был ранен в голову. Командование

бригадой принял полковник Брож. В такой обстановке было особенно необходимо поддерживать бесперебойную связь командира с наступающими батальонами. Коммутатор узла связи, располагавшегося в небольшом домике, был поврежден, соседние постройки горели. У коммутатора несла службу свободник Гиршова. Отважная женщина не оставила своего поста, несмотря на ранения в руку и ногу. Подключив 12 линий к запасным телефонным аппаратам, она до конца боя обеспечивала связь со штабом корпуса и подразделениями бригады. За проявленные мужество и отвагу Гиршова была награждена "Чехословацким военным крестом".

Подвигу четаржа Левко был посвящен специальный боевой листок под заголовком: "Слава герою 1-го батальона четаржу Левко!" В боевом листке сообщалось: "Вчера немцы предприняли контратаку. Воины роты вынуждены были отступить, подпоручик Релявский и четарж Левко остались на месте. Релявский погиб, а четарж Левко из 2-й роты подбежал к станковому пулемету и открыл огонь по врагу. 15 гитлеровцев он убил, остальные бежали. Он вел огонь до тех пор, пока не кончились патроны".

Во время уличных боев в Липтовском Микулаше отличился 18-летний командир саперного взвода подпоручик Вацлав Линга. Когда саперы минировали участок, их внезапно атаковали гитлеровцы. Подпоручик Линга не растерялся: гранатами и огнем из автомата он отогнал врагов.

На франте часто бывают любопытные встречи, которые запоминаются на долгие годы. Во время боя под Липтовским Микулашем в штаб корпуса, располагавшийся в населенном пункте Святой Петр, прибыл подполковник Советской Армии. Он попросил помочь ему добраться до командного пункта в Ветерне Порубу, в восьми километрах от штаба. На КП его отправили машиной. Я проводил совещание, когда в наш домик вошел советский офицер, с головы до ног запорошенный снегом.

- Здравствуйте, товарищи, - приветствовал он нас.

Вначале я не узнал его, но, когда он снял башлык и шапку, увидел нашего старого знакомого - Константина Симонова, известного советского писателя. Мы знали его лично, многим его имя было известно из печати. Он был тогда военным корреспондентом. Его посещение доставило нам большую радость. Мы знали, что Симонов сражался и пером и оружием под Москвой, под Одессой, на Кавказе, на Волге, на Северном фронте.

Советские писатели, военные корреспонденты находились там, где развертывались решающие события в войне с фашистской Германией. Они часто появлялись на переднем крае и нередко участвовали в атаках.

8. Через Большую и Малую Фатру на Мораву

После напряженных двухмесячных боев под Липтовским Микулашем 1-й Чехословацкий армейский корпус начал продвижение вдоль долины реки Ваг к предгорьям Большой Фатры.

5 апреля 1945 года 3-я и 4-я бригады освободили Ружомберок. В этот день мы радовались вдвойне, так как накануне Советская Армия принесла свободу жителям Братиславы.

5 апреля я официально приступил к исполнению обязанностей министра национальной обороны Чехословацкой Республики. Командиром корпуса по моему представлению был назначен генерал Клапалек, который до этого командовал 3-й бригадой. Приняв бригаду перед началом Карпатско-Дуклинской операции, он успешно руководил ее действиями во всех последующих боях.

Наш удар по противнику, оборонявшемуся в Ружомбероке, был настолько внезапным и неожиданным, что фашисты не успели разрушить подготовленные ими к взрыву важные объекты города. Действия частей корпуса были высоко оценены советским командованием. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечались успешные действия чехословацкого корпуса, а некоторые наши части Президиумом Верховного Совета СССР были награждены советскими орденами.

На всем пути наступления были видны следы хозяйничанья гитлеровцев: мосты через реку Ваг были взорваны, железнодорожные линии разрушены, шоссейные и проселочные дороги заминированы. На заранее подготовленных рубежах оборонялись немецкая 320-я дивизия, подразделения СС и два полка хортистской пехоты.

Темпы преследования противника в значительной степени зависели от самоотверженной работы наших саперов. Но одним им трудно было бы обезвредить огромное количество мин, расчистить многочисленные завалы. Большую помощь саперам оказывало население Словакии. Когда наши саперы вместе с передовыми частями подходили к разрушенному мосту или заваленной дороге, свою помощь предлагало столько людей, что использовать всех не было никакой возможности. Нередки были случаи (товарищи Коваржик, Ильма, Машек и многие другие не раз были тому свидетелями), когда мужественные и бесстрашные словаки почти на глазах у отступающих под натиском наших войск гитлеровцев разбрасывали завалы на дорогах и принимались за восстановление разрушенных мостов, чтобы ускорить наше продвижение вперед.

На пути нашего наступления был не только сильный враг, который стремился не пропустить нас через горный массив в глубь страны. Серьезными преградами явились разлившиеся реки Орава и Ваг, к тому же мосты через них были уничтожены. Особенно много пришлось потрудиться нашим саперам у слияния рек Оравы и Ваг под Кральованами. Там был взорван железнодорожный мост через Ораву и шоссейный - через Ваг.

Штаб корпуса сосредоточил здесь почти все свои саперные подразделения, которые сразу же приступили к работе. Это была трудная борьба со временем. И из нее победителями вышли чехословацкие саперы.

Саперному батальону корпуса в течение ночи удалось навести понтонный мост. Спустя непродолжительное время немного дальше построил деревянный мост советский 135-й отдельный саперный батальон, приданный корпусу. Таким образом, благодаря самоотверженной работе саперов в рекордно короткие сроки были созданы условия для дальнейшего наступления пехоты, которой в Кральованском ущелье пришлось преодолевать упорное сопротивление врага.

Неправильно было бы думать, что в то время, когда чехословацкие и советские саперы наводили мосты, пехота и противотанковая артиллерия бездействовала. Не дожидаясь, пока саперы наведут переправы, некоторые пехотные подразделения перешли реку вброд. А артиллеристы? Кто-то из них посоветовал переправить орудия по дну реки. Идея эта понравилась - от слов перешли к делу. Стволы забили пыжами, механизмы орудий густо смазали пушсалом. Машины с лебедками перетащили пушки под водой на другой берег.

7 апреля начался переход через Большую Фатру, изобилующую глубокими ущельями и узкими долинами. Например, Кральованское ущелье на протяжении десяти километров лишь в одном месте едва достигает ширины в 1000 метров. Это создавало гитлеровцам благоприятные условия для обороны.

Для ведения боев в горах были выделены 1, 3 и 4-я бригады, усиленные артиллерией и саперами. Им предстояло овладеть горами Магура (1061 м), Клак (1395 м), Копа (1181 м), высотами 992, 988, 932 и рядом других высот, обороняемых противником. И с этой задачей бригады справились успешно.

10 апреля группа чехословацких разведчиков проникла с запада в деревню Туран, откуда стреляло фашистское самоходное орудие. Незаметно приблизившись к нему, разведчики увидели, что его расчет разлегся на траве и спокойно покуривает. Быстро уничтожив расчет, наши разведчики захватили самоходное

орудие и направились по дороге на запад. По пути они расстреливали из захваченного орудия огневые точки противника. Обалдевшие от неожиданности гитлеровцы никак не могли понять, что происходит, почему "фердинанд" ведет огонь по своим. Когда они поняли, в чем дело, наши были уже далеко.

Утром 11 апреля 1945 года были освобождены города Врутки и Турчанский Мартин; в последнем мы встретились с наступающей вместе с советскими войсками 18-й румынской дивизией. На этом бои в горном массиве Большая Фатра, можно сказать, завершились. За семь дней боев в горах мы потеряли 54 человека убитыми и 279 человек ранеными. Общие потери противника, оборонявшегося в полосе наступления корпуса, составили свыше 1400 человек.

Не менее тяжелые бои 1-му Чехословацкому корпусу пришлось вести на непроходимых горных скатах Малой Фатры, где противник создал сложную систему обороны. После неудачной попытки пробиться через Стречнянское ущелье командир корпуса генерал Клапалек решил нанести удар через гордые хребты. Наиболее трудная задача была возложена на 1-ю и 3-ю бригады. Им предстояло преодолеть оборону противника, опиравшуюся на горы Минчол (1364 м), Уплаз (1304 м), Груне (1116 м) и Полом (1069 м). 4-я бригада наступала через гору Крыжну (1293 м) в направлении на Кунерад.

Кому доводилось бывать в этом районе летом, тот хорошо знает, насколько там труднопроходима местность. А нашим воинам пришлось проходить эти места с боями, в мороз, по глубокому снегу. Гитлеровцы, готовясь к длительной обороне, установили на высотах орудия, минометы и пулеметы. В каменоломнях у Дубне Скале огневых точек было особенно много, в скалах почти отвесной горы Полом фашисты создали искусственные пещеры, связанные подземными ходами сообщения. Можно представить себе, насколько трудно было выбивать противника из этих убежищ.

Бои в горах Малой Фатры явились продолжением суровых и тяжелых испытаний, которые на исходе второй мировой войны уготовили нашим бойцам фашисты. Все свои заблаговременно подготовленные позиции враг оборонял необычайно упорно.

Батальон майора Яна Свободы долго и безуспешно пытался преодолеть вражеское сопротивление в районе каменоломни и железнодорожного полустанка Дубна Скала. Едва только пехота поднималась в атаку, как ее тут же прижимал к земле огонь шести вражеских станковых пулеметов. Огонь нашей артиллерии с закрытых позиций не мог подавить пулеметы противника, укрытые в прочных дотах. Тогда командир батальона предложил

выкатить на передний край гаубицу для стрельбы по вражеским огневым точкам прямой наводкой. Подполковник Бочек, командир 5-го артиллерийского полка, поручил эту задачу орудийному расчету четаржа Влчака из 3-й батареи. Об этом расчете ходила добрая слава. Говорили, что ребята Влчака из своей гаубицы могут попасть, куда угодно. И действительно, несколькими выстрелами расчет Влчака уничтожил вражеские пулеметы и проложил дорогу нашей пехоте.

Четарж Влчак был награжден орденом "Чехословацкий военный крест", а его наводчик свободник Мартыш - медалью "За храбрость".

Больше всего сил и, к сожалению, крови стоило овладение сильным опорным пунктом - горой Полом. После взятия горы Полом воины корпуса вновь стали свидетелями зверств и варварства фашистов. На горе было найдено 24 трупа наших товарищей, замученных гитлеровскими палачами. Некоторых эсэсовцы повесили на деревьях головами вниз, некоторых прибили деревянными кольями к земле, других связали, облили бензином и сожгли заживо. Таково звериное лицо фашистов.

Над телами злодейски убитых товарищей чехословацкие воины поклялись отомстить гитлеровцам. В открытом бою они не щадили врагов и уничтожали каждого, кто оказывал сопротивление с оружием в руках. Но тех, кто бросал оружие и поднимал руки, они щадили. Таковы чехословацкие воины!

Не удержались гитлеровцы и на горе Груне, где их оборона была насыщена многочисленными долговременными огневыми сооружениями. В коротком, но ожесточенном бою гитлеровцы были смяты и сброшены с горы.

После овладения высотами нашим воинам предстояло поднять туда орудия и обеспечить поддержку наступающей пехоте. Это пришлось делать с помощью волов. (В тех местах крестьяне вместо лошадей держали, как правило, волов.) Для того чтобы затащить орудия на высоту, мы ставили шесть, а иногда и девять пар волов. Волы не особенно пугались разрывов мин и снарядов.

Наши воины-артиллеристы немало потрудились: пришлось проделывать проходы в снежных заносах, достигавших трехметровой глубины, расчищать площадки для огневых позиций. Большого труда потребовала и доставка на высоты боеприпасов для орудий и минометов. Артиллеристам помогали саперы, связисты и пехотинцы, а также словацкие граждане из окрестных сел. Они доставляли на горы не только снаряды, но и носили на своих плечах еду для воинов. Тысячи словацких мужчин помогали нам строить и ремонтировать дороги, сотни

женщин стирали воинам белье, пекли хлеб. Словацкие партизаны, лесники и местные проводники немало способствовали нашим боевым успехам, помогая разведчикам во время их действий в тылу гитлеровцев.

"Никогда прежде я не знал такого тесного сотрудничества гражданского населения и армии, - вспоминает командир корпуса генерал Клапалек. Незнакомые люди, стоя по колено в снегу, трудились до упаду. На скорую руку они съедали то, что приносили с собой в карманах, и опять тащили бревна, поднимали камни, рыли окопы, откидывали лопатами тяжелую мокрую глину, и все это делали быстро и охотно. Когда место работы передвигалось дальше, многие из них не возвращались домой на ночь. Они оставались вместе с нашими воинами. Их помощь выражалась и в том, что они участвовали в эвакуации раненых. Трудно представить, как бы сложилась для нас обстановка в горах Малой Фатры, если бы нам не помогало местное население".

С 13 до 25 апреля "а склонах Мартинских гор велись бои, которые по трудности можно сравнить с боями на Дукельском перевале.

25 апреля советские войска завершили окружение Берлина, а 26 апреля был освобожден город Врио. Казалось, в этой обстановке сопротивление противника в горах Словакии бессмысленно. Но гитлеровцы проявляли упорство. Только позднее нам стала известна причина их безрассудных действий.

Разведке 1-го Чехословацкого корпуса удалось захватить специальный приказ Гитлера, в котором фюрер требовал без колебаний расстреливать каждого, кто осмелится отступить без приказа. Этот приказ был объявлен под расписку всем офицерам от командира взвода и выше. Характерно, что он касался исключительно фашистских войск, действовавших на Восточном фронте, и не распространялся на войска, находившиеся на Западном фронте. Об этом наши воины могли прочесть во фронтовой газете.

Газета "Наше войско в СССР" в номере от 30 марта 1945 года сообщала, что капитуляция крупного западно-германского города Маннгейма была принята по телефону. Парижское радио заявило, что "темпы наступления союзников определяются не немецким сопротивлением, которое уже те существует, а исключительно условиями коммуникаций и снабжения наступающих войск".

Гитлеровское командование перебросило тогда почти все свои войска с Западного на Восточный фронт.

Английская газета "Ивнинг Стандарт" в одной из корреспонденции с Западного фронта писала: "Более чем

подозрительно, что немцы терпят полный крах на Западе и все же перебрасывают все силы против Советской Армии. Немцы хотят внушить союзникам, что Запад их якобы не интересует..." Аналогичные сообщения поступали от военных корреспондентов и других западных стран. Один из них язвительно заметил: "Союзнические армии должны пробиваться через море белых флагов капитулирующих войск".

Такова была действительность.

В апреле 1945 года Советская Армия в основном освободила шесть оккупированных гитлеровцами государств. Против советских войск было брошено подавляющее большинство соединений германских вооруженных сил. И все же советские войска прорвались к Берлину первыми, значительно раньше армий западных союзников, хотя те на пути своего продвижения фактически не встречали сопротивления со стороны противника.

Генерал-полковник Гастилович, командующий советской 18-й армией, в составе которой действовал тогда 1-й Чехословацкий армейский корпус, вспоминает любопытный эпизод, относящийся к тому времени.

"На рассвете 20 апреля, когда мы полным ходом вели подготовку к наступлению на город Жилина, мне сообщили, что на нескольких участках гитлеровцы почти прекратили огонь и в некоторых окопах появились их знамена. "Что же происходит? Не думают ли они сложить оружие в парадной форме?" пытались разгадать намерения противника офицеры штаба. Оказалось, фашисты готовились отметить день рождения своего фюрера. Товарищи из чехословацкого корпуса предложили мне начать наступление раньше, чем это было установлено. Я согласился. Мы решили создать гитлеровцам праздничную обстановку и напомнить, что скоро праздник Первое мая..."

30 апреля 1945 года был освобожден город Жилина. В тот же день наши бригады вышли к реке Ваг между населенными пунктами Велка Битча и Поважска Тепла.

С 12 по 30 апреля в боях, которые нам пришлось вести в крайне неблагоприятных условиях, мы понесли значительные потери: 1528 человек убитыми и ранеными. Потери врага были значительно большими. Только пленными - свыше 1000 солдат и офицеров. Если же принять во внимание все обстоятельства, которые упоминались выше, то можно сделать вывод, что части нашего корпуса воевали в горах Малой Фатры храбро и умело.

Расскажу о подвиге двух чехословацких офицеров - саперов товарищей Жижалы и Колцуна. Туннель под Стречном гитлеровцы решили взорвать и для этого свезли сюда около 250 авиационных бомб разных калибров, несколько центнеров

взрывчатки и более 500 килограммов пороху. Командиру 2-й роты 1-го саперного батальона поручику Жижале и командиру 3-го взвода этой же роты подпоручику Колцуну поручили обезвредить авиабомбы и фугасы. Эту опасную работу мужественные офицеры провели блестяще - туннель был спасен от разрушения.

Навсегда останется в памяти день 30 апреля 1945 года. На куполе разрушенного рейхстага Герои Советского Союза Егоров и Кантария водрузили Красное Знамя Победы. В тот же день 1-я Чехословацкая танковая бригада вступила в город Моравску Остраву, 1-й Чехословацкий корпус вышел к левому берегу разлившейся реки Ваг, мосты через которую были уничтожены. Форсировать реку и создать на правом берегу плацдарм надо было до того, как гитлеровцы, оборонявшиеся с упорством фанатиков, успеют там закрепиться.

1 мая 1945 года части корпуса успешно форсировали реку Ваг и сразу же перешли к преследованию противника. Фашисты пытались задержать продвижение корпуса на рубеже Яворницких гор, высота которых превышает 1000 метров. Но партизаны ударом с тыла вынудили противника оставить этот рубеж. 3 мая 3-я бригада освободила Карловице и Грозенков, а 1-я и 4-я бригады продвигались к городу Всетин, где население восстало против оккупантов.

Там это произошло днем раньше, чем в Праге. Всетинцы вместе с партизанами взялись за оружие, чтобы помешать подыхающему фашистскому зверю разрушить их город. В этом бою 60 всетинцев пали смертью храбрых. Быстрый приход частей 4-й бригады и саперного подразделения 1-й бригады положил конец неравному бою плохо вооруженных жителей города с вооруженными до зубов гитлеровцами. Наши воины быстро подавили очаги сопротивления и очистили город от врага. Население Всетина восторженно приветствовало своих освободителей.

А на следующий день, в субботу 5 мая 1945 года, офицер отдела просвещения корпуса подпоручик Михал Штемр со своими помощниками четаржем Фалтысом и Мартиновским услышали по радио сообщение лондонского радио: 250 тыс. немецких солдат и офицеров 1-й и 18-й армии из состава группы армий "Г" без боя сдались английским войскам фельдмаршала Монтгомери. Нашим же войскам гитлеровцы продолжали оказывать упорное сопротивление.

Спустя несколько часов после сообщения английского радио о массовой капитуляции гитлеровских войск союзническим армиям настроенный на Прагу радиоприемник принес радостное известие: Прага восстала! Население нашей столицы вступило в

ожесточенный бой с гитлеровцами!

Сообщение о восстании в Праге молниеносно облетело наши части. Все были взволнованы и возбуждены. Усталость после изнурительных переходов и боев как рукой сняло.

Корпус наступал в направлении на Быстржице под Гостином и на Голешов. Темп наступления был очень высок, и тем не менее от столицы республики войска корпуса были еще далеко, очень далеко. На своем пути им предстояло овладеть городами Ратиборж, Гоштялков, Быстржице под Гостином, Луков, Фриштак, Голешов, Гулин, Бржест, Кромержиж...

С того момента, как в Праге вспыхнуло восстание, радисты перешли на прием. Они записывали каждое сообщение радиостанции восставшей столицы, а также каждое слово, передаваемое европейскими радиостанциями о боях чешских повстанцев в Праге. Появились и такие сообщения, которые болью отзывались в сердце каждого из нас.

"Немецкие фашисты обрушили на Прагу артиллерийский огонь, обстреливают больницу Буловку!"

"Гитлеровцы блокируют Прагу! Обращаемся ко всем союзническим армиям... Пришлите танки и самолеты!"

Боевым лозунгом чехословацких частей с момента их формирования в СССР всегда были слова "Вперед на Прагу!". Теперь этот лозунг получал свое истинное воплощение. Однако на пути к борющейся героической Праге еще стоял враг, который не складывал перед нами оружия и не поднимал белого флага, как он делал это перед американскими и английскими армиями на Западном фронте.

На помощь пражанам пришел наш верный союзник.

Советское Верховное Главнокомандование поручило танковым армиям генералов Рыбалко и Лелюшенко, принимавшим участие в Берлинской операции, немедленно оказать помощь восставшей Праге. Им было приказано пробиться туда не позднее 12 мая.

Танковым армиям предстояло преодолеть Крушне горы, водные преграды, а также сопротивление сильной группировки немецких войск фельдмаршала Шернера, имевшей в своем составе 14 пехотных, 3 горнострелковые, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии. Эти войска продолжали бешено сопротивляться даже после того, как Германия подписала безоговорочную капитуляцию. Получив приказ, советские танковые армии немедленно выступили.

6 мая наш корпус освободил город Гулин. На следующий день мы вынуждены были преодолевать сопротивление противника на подступах к городу Бржест, такое же положение

сложилось и под Простеевом.

Всех нас волновал один вопрос: что будет с нашей Прагой? Разделит ли она участь Варшавы и тысяч советских городов и сел, разрушенных гитлеровцами? Мы знали, что от Бенешова на Прагу двигаются фашистские части.

Советские танковые войска под командованием генералов Рыбалко и Лелюшенко прибыли вовремя и спасли Прагу от уничтожения, а ее жителей - от гибели. Пражские дружинники мужественно дрались на баррикадах, но они вряд ли смогли бы удержаться, если бы утром 9 мая к ним на помощь не пришли танкисты генерала Рыбалко. Насколько велика была угроза Праге, можно судить по количеству гитлеровских войск, разгромленных там Советской Армией.

Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, разгромившие банды Шернера за период с 9 по 13 мая, захватили следующие трофеи: 1245 танков и самоходных орудий, 902 бронетранспортера, почти 50 тыс. автомобилей, 4448 орудий и большое количество другого оружия и боеприпасов. Нетрудно себе представить, что могли бы сделать с почти беззащитным населением нашей столицы вооруженные этой военной техникой гитлеровцы. Было взято в плен 672 тыс. немецко-фашистских солдат и офицеров и 30 генералов.

Конец войны застал 1-й Чехословацкий армейский корпус в районе южнее города Простеева.

Война кончилась, но бои еще продолжались. В районе Босковице, Свиттавка и Летовице нам предстояло заставить капитулировать остатки вражеских частей, и лишь после этого мы могли отметить конец этой длительной, очень тяжелой, но победоносной войны.

9. 1-я Чехословацкая смешанная авиационная дивизия в боях

После возвращения из Словакии в СССР 1-го Чехословацкого авиационного полка, принимавшего участие в боях в период Словацкого народного восстания, мы приступили к реорганизации наших военно-воздушных сил. В конце октября 1944 года мы располагали уже тремя авиационными полками - 1-м и 2-м истребительными и 3-м штурмовым. Из этих авиационных частей 25 января 1945 года была создана в городе Перемышле 1-я Чехословацкая смешанная авиационная дивизия. Советское командование вооружило наших летчиков-истребителей совершенными самолетами Ла-5 и Ла-7, а летчики-штурмовики получили самолеты Ил-2, гитлеровцы их называли "черная смерть". Советское командование выделило нам авиационных специалистов и подразделения аэродромного обслуживания, которых у нас в то время не было.

После реорганизации наши авиационные части были переброшены в район города Кросно, где летный состав завершал обучение. 1-я авиационная дивизия была подчинена командованию советской 8-й воздушной армии. В начале апреля 1945 года она передислоцировалась на аэродром в Порембе, недалеко от города Катовице.

Личный состав 1-й Чехословацкой авиационной дивизии замечательно проявил себя во время боев за освобождение Моравской Остравы. Действуя совместно с соединениями советской 8-й воздушной армии, которой командовал генерал Красовский, наши летчики эффективно поддерживали наземные войска Советской Армии, и мастерски наносили удары по противнику как в воздухе, так и на земле. Эта дивизия, трижды упомянутая в приказах Советского Верховного Главнокомандующего, совершила 567 боевых вылетов, во время которых наши летчики уничтожили десятки автомашин с военными грузами, подавили несколько артиллерийских и минометных батарей. Немалые потери были нанесены противнику и в живой силе. Враг потерял около 1500 убитыми и ранеными.

Как был сбит первый вражеский самолет?

В районе польского города Ольза самолет противника Фокке-Вульф-190 атаковал наш Ил-2, экипаж которого состоял из летчика Козачека и стрелка-радиста Рихарда Гусмана. В то время стрелок-радист 1-й Чехословацкой смешанной авиационной дивизии, ныне гене* рал, Иозеф Чинчар рассказывает об этом эпизоде.

"Во время стремительного пикирования нашего Ил-2 на цель два немецких истребителя напали на него. С земли была видна почти вся картина воздушного боя. Пушки и пулемет нашего штурмовика заговорили почти одновременно. Рихард Гусман сказал несколько слов летчику, но короткая пулеметная очередь вражеского истребителя нарушила бортовую связь. Вдруг раздался громкий хлопок, словно кто-то хлестнул бичом. Это пуля, выпущенная фашистским стервятником, ударилась о броню нашего штурмовика.

Вражеский самолет дал еще несколько очередей; одной из них были повреждены руль направления в задней незащищенной части фюзеляжа, трос и вдребезги разбит кронштейн стрелкового прицела. Сотни металлических осколков вонзились в лицо, руки и ноги Рихарда. Пулемет смолк, но только "а мгновение. Он вновь заговорил и бил до тех пор, пока за вражеским самолетом не потянулся черный хвост дыма.

Летчик Козачек вел себя прекрасно. На сильно поврежденном

самолете он "дотянул" до своего аэродрома, дал возможность приземлиться всей эскадрилье, а потом, не выпуская шасси, сел сам. Во время боя он по стрекоту пулемета догадывался, что у Рихарда все в порядке".

Тяжело раненного Гусмана оперировал советский хирург. Врач особенно не обнадеживал. Но на следующий день объявил, что Гусман будет жить. Придя в сознание, Рихард принялся ругать вражеского летчика за то, что тот испортил ему парадный мундир.

Спустя несколько дней штаб нашей авиационной дивизии получил такое сообщение:

"16 апреля 1945 года во время боевого вылета 10 самолетов Ил-2, ведомых капитаном Шингловичем, над целью 513 (Ольза) были атакованы двумя истребителями противника ФВ-190. Стрелок-радист ротный Рихард Гусман сбил вражеский истребитель, зашедший штурмовику в хвост. Неприятельский самолет, охваченный пламенем, упал южнее города Ольза.

Ротный Гусман заслуживает правительственной награды. Раненный, он продолжал вести бой и сбил немецкий истребитель ФВ-190.

Начальник штаба 107-го стрелкового корпуса Красной Армии полковник Антонов"

Весьма успешный удар по обороне противника в районе Марквартице, Лудгержовице (северо-западнее Остравы) 28 апреля 1945 года нанесла группа из восьми самолетов в сопровождении шести истребителей. Командовал группой штабс-капитан Кубица, бывший начальник повстанческого аэродрома Три Дуба.

Объект атаки был обозначен как цель номер 240. Фашисты в этом районе имели сильную противовоздушную оборону, но наши штурмовики выполнили свою задачу без потерь. В результате пяти заходов позиция гитлеровских минометчиков была уничтожена, бортовыми пушками были выведены из строя две зенитные батареи и сильно повреждено самоходное орудие "фердинанд".

В районе Остравы наша авиационная дивизия понесла потери. Одной из последних жертв был храбрый летчик ротный Ярослав Гуцман. Группа самолетов штурмовала противника под Остравой. Во время пятого захода штурмовик Ярослава Гуцмана был подбит. От самолета потянулся шлейф черного дыма. Что делать? Прыгать над вражеской территорией нельзя. Гуцман направился к линии фронта. Видимо, он надеялся "дотянуть" до своей территории. Но объятый пламенем, самолет упал. Мужественный летчик, не оставив машины, погиб на боевом посту.

В одном из боев в районе города Ратиборжа летчик-истребитель Костик прикрывал штурмовиков 3-го Чехословацкого авиационного полка. Над целью наши штурмовики были атакованы двумя немецкими истребителями. Летчик Костик направил свой самолет на одного из стервятников. Последний, не желая рисковать жизнью, развернулся и начал уходить. Костик нагнал противника и дал по нему несколько очередей - фашистский самолет загорелся и врезался в землю. Отогнав и второй немецкий истребитель, Костик вскоре присоединился к своей группе. Когда самолет Костика был уже над аэродромом, летчики, ожидающие возвращения товарищей, увидели, что он слишком уж усердствует, покачивая самолет с крыла на крыло. Командир дивизии не одобрял подобного озорства и решил сделать летчику соответствующее внушение. Но когда Костик приземлился, то оказалось, что это вынужденная "акробатика". У самолета были повреждены все лопасти воздушного винта.

Боевые действия 1-й Чехословацкой смешанной авиационной дивизии закончились 6 мая 1945 года. Через четыре дня наши самолеты перебазировались на аэродром в Остраву. Замечательные итоги боевой деятельности чехословацких летчиков были бы немыслимы без щедрой и бескорыстной помощи советских авиаторов, без советских техников, которые своим самоотверженным трудом обеспечивали боевые вылеты чехословацких летчиков.

10. Танковая бригада идет в бой

После тяжелых боев на Дукле мы сосредоточили наши танковые подразделения в Кежмароке. Вопреки настоянию генерала Ингра и его помощников все же удалось сохранить 1-ю Чехословацкую танковую бригаду. Советское командование предоставило нам 65 новых средних танков.

В середине февраля 1945 года была закончена реорганизация трех батальонов танковой бригады. Наши танкисты проходили ускоренный курс обучения, стремясь как можно скорее принять участие в боях за полное освобождение своей родины от немецко-фашистских захватчиков.

Наконец пришел долгожданный приказ: танковой бригаде сосредоточиться в городе Вадовице! Предстояло пройти из Словакии через Южную Польшу в Верхнюю Силезию. От Кежмарока до Вадовице по прямой 105 километров. Но на пути Высокие Татры и Западные Бескиды. Поэтому расстояние увеличивается почти вдвое.

Танки медленно ползли по обледенелым горным дорогам. Во время этого сложного перехода механики-водители показали исключительное мастерство. Лишь с двумя машинами случилось

неладное. Один танк сполз с дороги по 400-метровому склону, и потом три других танка вытаскивали его на дорогу. Второй танк свалился с моста. Машина была в полном порядке, но один танкист и один автоматчик получили легкие травмы.

Танковая бригада совершила этот трудный переход за десять дней. Сосредоточившись в Вадовице, она продолжала занятия по боевой подготовке. Здесь было проведено большое учение. Затем бригада перешла в район, откуда намечалось нанести удар по Тешину. К батальонам были прикомандированы советские радисты. Все свидетельствовало о том, что скоро начнется общее наступление. Но радость оказалась преждевременной. Начал быстро таять снег, и весенняя распутица превратила местность на направлении предполагаемого наступления в сплошное болото.

10 марта 1945 года танковая бригада прибыла в район Барановице и вошла в состав войск советской 38-й армии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-полковник Москаленко. Это была та самая армия, которая помогла нам 6 октября 1944 года, после овладения Дукельским перевалом, вступить на родную землю.

24 марта 1945 года в 5.00 наши танкисты заняли свои места у машин. После артиллерийской подготовки они должны были атаковать железнодорожный узел Жоры, превращенный противником в мощный опорный пункт. Фашисты открыли ответный массированный огонь. Несколько их самолетов сбросили бомбы на дорогу Барановице, Жоры. У нас появились первые раненые. Во время атаки был подбит танк четаржа Пацкана. Советские пехотинцы и наши танкисты, осуществив двухсторонний охват, к концу дня освободили город.

На второй день операции танковая бригада майора Янко продвигалась по маршруту Шерока, Гоголева и Вильхва. В голове колонны шла танковая рота поручика Ондика.

В Гоголеве противник встретил наших танкистов огнем противотанковых орудий и фаустпатронов. Первым был подбит танк Т-34 подпоручика Рубинштейна. Другая машина, пытавшаяся оказать помощь этой "тридцатьчетверке", также была подбита. Два поврежденных танка загородили другим машинам дорогу, которая была расчищена советскими саперами лишь к ночи.

В Гоголеве мост через реку уцелел. Возник вопрос: заминирован он или нет. Командир бригады майор Янко и офицер-просветитель бригады Ченек Грушка, посовещавшись с командирами, решили рискнуть. Одному из танков роты, которой командовал поручик Ондик, была поставлена задача - на предельной скорости проскочить через мост. Танкисты с напряжением ждали результата. Все обошлось благополучно:

первый танк, а за ним и остальные переправились на другую сторону реки и продолжали преследование отступающего противника. Из показаний военнопленных выяснилось, что на нашем направлении действуют немецко-фашистские части, переброшенные из Италии.

1-я рота подпоручика Ондика ворвалась в деревню Вильхва, где скопилось много автомашин и повозок, противника. Многотонные танки врезались в немецкую колонну. Среди гитлеровцев поднялась паника. Раздавались выкрики, что это якобы прорвалась русская танковая армия! За деревней у моста танк командира роты был подбит. Экипаж выскочил из горящей машины и начал отстреливаться из автоматов и пистолетов. Когда кончились патроны, танкисты спрятались в скирд соломы. Там просидели до середины следующего дня - до прихода советской пехоты.

Героический экипаж получил награды. Ондику был вручен советский орден Александра Невского.

За пять дней боев 1-я Чехословацкая танковая бригада продвинулась к Остраве на 46 километров. За это время она уничтожила 970 вражеских солдат и офицеров и 367 взяла в плен. Фашисты понесли потери: 7 танков, 6 самоходных установок "фердинанд", бронетранспортер, 25 орудий, 39 пулеметов, танкисты разрушили 3 долговременных огневых сооружения.

31 марта 1945 года в бою за деревню Рогов был ранен командир танкового взвода подпоручик Ондрашик. Заменить его было некем. Тогда просветитель 2-го батальона четарж Иосиф Рейнер попросил направить его вместо Ондрашика. Незадолго перед этим он окончил советское танковое училище. В данном случае Рейнер поступил так, как ему подсказывало коммунистическое сознание и воинский долг. Когда Рейнер пробирался к танковому взводу, он был тяжело ранен осколком снаряда. На санитарном самолете его немедленно отправили в госпиталь в Краков, а оттуда в Саратов. Советским врачам удалось спасти жизнь танкисту Иосифу Рейнеру. В Прагу он возвратился лишь в феврале 1946 года. Потеряв зрение, узнав к тому же о гибели родных и близких, он, тем не менее, не впал в отчаяние. Человек изумительной воли, Иосиф Рейнер начал учиться. Он успешно закончил высшую политическую школу и вот уже несколько лет преподает на медицинском факультете Карлова университета в Праге.

Майора запаса Иосифа Рейтера - чехословацкого героя, награжденного 14 чехословацкими, советскими, польскими и румынскими орденами, - знает вся страна.

Бой за польский город Творкув, превращенный противником

в настоящую крепость, был особенно трудным. В этом бою, длившемся несколько суток, наша танковая бригада взаимодействовала с советским 226-м стрелковым полком. Противник оборонялся очень упорно и активно. Нашим и советским частям пришлось отражать его ожесточенные контратаки, поддержанные авиацией, танками и артиллерией.

В 5.55 6 апреля 1945 года во время очередного артиллерийского налета противника осколком снаряда был смертельно ранен поручик Иржи Лизалек. Перед этим он получил сообщение из дому о том, что его жена в родильном доме, и с нетерпением ждал появления ребенка.

Вечером того же дня нас постигла другая тяжелая утрата. Против 2-го танкового батальона, командование которым принял поручик Штепан Вайда, гитлеровцы бросили танки "тигры" и "пантеры" и самоходные установки. Штепан Вайда, недавно уничтоживший у Рогова два вражеских танка, самоходную установку, два противотанковых орудия, несколько минометов и пулеметов, решил лично разведать оборону противника, чтобы найти в ней наиболее уязвимые места. Гитлеровский снайпер оборвал жизнь бесстрашного патриота в тот момент, когда тот, укрывшись за деревом, вел наблюдение. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Штепану Вайде звание Героя Советского Союза.

После напряженных боев за Творкув танковая бригада сосредоточилась в районе города Погжебин, недалеко от Ратибора. Здесь советские дивизии готовились к прорыву нового оборонительного рубежа противника, преграждавшего путь на нашу родину. 15 апреля 1945 года советские войска и чехословацкие танкисты прорвали вражескую оборону и вступили на территорию Чехословакии.

11. Бои за стальное сердце республики - Моравскую Остраву

Никогда не забыть мне операцию советских войск по освобождению Моравской Остравы. В Ставке Советско" го Верховного Главнокомандования и в штабе 4-го Украинского фронта план освобождения промышленного центра республики разрабатывался в то время, когда правящие круги западных держав снова показали свое подлинное отношение к Чехословакии. В последние дни и часы войны эскадрильи англо-американской авиации методично разрушали Пльзеньскую Шкодовку, машиностроительные заводы Праги, промышленные объекты Злина, мощный завод по производству промышленного бензина в Северочешском буроугольном бассейне. От массированных налетов авиации гибло немало мирных жителей.

В то время Острава была последней крупной сталелитейной и

каменноугольной базой, которая еще питала немецко-фашистскую военную машину. Фашистская Германия уже утратила контроль над Силезией и Руром. Поэтому Гитлер приказал фельдмаршалу Шернеру удержать Моравскую Остраву во что бы то ни стало. Фельдмаршал Шернер, прославившийся карательными действиями в Прибалтике, приказал своим войскам оборонять Остраву до последнего солдата. Для обороны Моравско-Остравского бассейна Шернер стянул 18 пехотных и несколько танковых и моторизованных дивизий, в том числе дивизии СС. Шернер рассчитывал, что ему удастся остановить и уничтожить советские войска на подступах к Остраве. Севернее и восточнее города противник использовал созданную до войны чехословацкую оборонительную линию, которая включала оборонительную полосу возле Глучинска и укрепления вдоль реки Ольша. Западнее Остравы гитлеровцы располагали мощными укреплениями на подступах к Грабине, они считали их непреодолимыми. Хотя фашисты некоторое время назад сняли с дотов стальные колпаки и орудия и из всего вооружения оставили в них только крупнокалиберные пулеметы и легкие полевые орудия, все же это был крепкий орешек. Такие укрепления трудно было разрушить даже огнем тяжелых орудий и ударами бомбардировочной авиации.

Маршал Советского Союза А. И. Еременко, в то время командующий войсками, освобождавшими Остраву, описывает эпизод, очевидцем которого он был 27 апреля 1945 года.

"Советские артиллеристы сделали несколько точных попаданий по доту, где засел противник. Взрывами снарядов была сильно повреждена трехметровая железобетонная стена, но гарнизон дота продолжал оказывать упорное сопротивление. Тогда группа советских солдат вместе с младшим командиром из чехословацкого корпуса, используя непростреливаемое пространство перед напольной стенкой, подползла вплотную к доту и зажгла дымовые шашки. Едкий дым через амбразуры проник внутрь дота, и гитлеровцы были буквально выкурены".

Глубокое чувство негодования и волнения охватило наших воинов, когда они были вынуждены преодолевать эту полосу укреплений, созданных на средства чехословацкого народа и предназначенных для защиты страны от гитлеровской агрессии. Многочисленные жертвы, пролитая кровь и затраченная энергия наших воинов привели нас к глубокому историческому выводу, что наша республика, ориентировавшаяся ранее на Запад, никогда не должна допускать к власти силы, которые могут привести страну к новому Мюнхену!

15 апреля 1945 года 1-я Чехословацкая танковая бригада

вместе с советскими войсками, получив задачу выйти на рубеж автострады Острава Опава, начала наступление. 21 апреля советские войска заняли город Опава, подожженный гитлеровцами.

Нашим танкистам пришлось действовать в тяжелых условиях. Раскисший грунт затруднял движение танков вне дорог. Возле населенных пунктов Забржег, Краварже, Хабичов, Штитина гитлеровцы заблаговременно создали оборонительные позиции и теперь усилили их танками, самоходными установками, противотанковыми орудиями; в боевых порядках войск противника находились специальные команды, вооруженные фаустпатронами.

Несмотря на то что окончательное поражение фашистской Германии было не за горами, гитлеровцы не прекращали сопротивления. Они продолжали зверски расправляться с мирным населением и военнопленными, как и год-два назад. Мы были очевидцами последствий чудовищных преступлений гитлеровцев.

Возле населенного пункта Дол. Лгота несколько наших танков застряло в грязи. Чехословацкие танкисты вместе с небольшой группой воинов Советской Армии отстреливались до последнего патрона, но силы были слишком неравны. Раненых, их захватили фашисты и подвергли истязаниям и пыткам. На лбу у каждого гитлеровцы вырезали звезду, а затем выстрелом в затылок убили.

Неуклонно приближался день окончательной расплаты с врагом. 29 апреля 1945 года 1-я Чехословацкая танковая бригада получила приказ о подготовке к наступлению на Остраву. Рано утром 30 апреля 1945 года командующий 38-й армией генерал-полковник Москаленко пригласил на свой командный пункт командира нашей танковой бригады майора Янко. Генерал-полковник Москаленко и майор Янко направились на наблюдательный пункт командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии Еременко, куда к этому времени прибыли Клемент Готвальд и я.

Обращаясь к майору Янко и в его лице к личному составу 1-й танковой бригады, товарищ Готвальд сказал:

- Вам выпала большая честь - на своих стальных машинах освобождать стальное сердце республики. В этом бою вы должны быть храбры и мужественны, как никогда ранее.

Герой Советского Союза генерал армии Еременко добавил от себя:

- Пусть в Остраву первыми войдут чехословаки.

Наступило утро 30 апреля 1945 года. После артиллерийской

подготовки наша танковая бригада продвинулась к Вржесине, прошла через Порубу и, форсировав реку Одра, завязала уличный бой в поселке Забржег.

В это время рабочие остравских металлургических заводов и шахтеры читали листовки, сброшенные с самолетов 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР. Следует хотя бы частично процитировать этот интересный и малоизвестный исторический документ:

"...Рабочие! Наши заводы, труд наших рук больше никогда не должны быть обращены против нас, против нашего народа. Никогда больше не позволим никому посягнуть на богатства Чехословакии. Ее богатства должны использоваться на благо народа! Заводы, металлургические комбинаты, шахты должны быть вырваны из рук врагов - немцев и изменников - и переданы народу! Богатства нашей страны и средства защиты не должны находиться в руках геров, ларишей, герингов. Народ сам должен крепко держать в своих руках мир и счастье.

Все на помощь Красной Армии-освободительнице! Смерть врагам - немецким оккупантам и предателям! Да здравствует свободный труд на благо свободного народа демократической Чехословакии!

Воины чехословацкой армии в СССР

30 апреля 1945 года".

Вскоре наши танкисты завязали бои на улицах Остравы. Части Советской Армии вместе с нашими воинами целый день очищали город от остатков войск противника.

Около 17.00 наш танк с номером на башне "051" остановился перед мостом через реку Остравицу. Через минуту к нему подошли другие машины Т-34. На мосту маячила презренная вывеска: "Рейхсбрюкке" - "Имперский мост". Через него остатки гитлеровских войск удрали из Моравской Остравы в Силезскую Остраву.

За мостом тишина. Над его двумя массивными арками к вечеру потянулись свинцовые тучи. Ветер разносил по городу гарь пожаров. Танкисты, внимательно глядя на потемневшие стальные конструкции моста, думали: "Почему гитлеровцы оставили его невредимым? Обычно они поступали иначе". Спустя некоторое время сомнения рассеялись. Подошли двое юношей с трофейными немецкими автоматами и обратились к танкистам:

- Я Милош Сикора, а это мой друг Ольша. Мы видели, как немцы минировали мост, и проследили, куда они тянули провода...

Итак, прежде чем двинуться на другую сторону, надо разминировать мост. Подпоручик Ивасюк обратился к юношам с

просьбой, чтобы они помогли обезвредить мины.

- Я принесу вам клещи и сигнальные пистолеты, - сказал он им и полез в танк.

Через несколько минут Ивасюк объяснял юношам, что, если им удастся перерезать запальный шнур, они должны выпустить зеленую ракету, красная ракета - на случай неудачи.

- Вы пролезете под конструкциями моста, немцы вас там не заметят. Один пойдет первым, второй, в случае необходимости, будет прикрывать огнем. Постарайтесь выполнить задание. Мы ждем от вас зеленую ракету, напутствовал их Ивасюк.

Юные смельчаки ушли. Танкисты напряженно ожидали сигнала.

Прибежал запыхавшийся связной:

- Подпоручика Ивасюка вызывает командир батальона!

Возвратившись, Николай Ивасюк сообщил экипажу, что им приказано переправиться на другой берег и оказать поддержку одному из наступающих подразделений.

Механик-водитель Грох занял свое место в танке "051", радист Агепюк надел наушники, стрелок Ванек зарядил пушку. Танк заскрежетал гусеницами по булыжной мостовой. Уже подошли к мосту, а зеленой ракеты все не было. Прошло несколько минут мучительных ожиданий, и, когда танк уже подходил к середине моста, в воздух взвилась зеленая ракета. Путь открыт!

Но у самого выхода с моста один из оставшихся гитлеровцев выстрелом фаустпатрона поджег танк Ивасюка. Первым из горящего танка выскочил механик-водитель Грох, за ним стрелок Ванек, радист Агепюк был убит.

Когда Ивасюк вылезал из танка, он был ранен в руку, комбинезон на нем вспыхнул. От сильнейших ожогов танкист потерял сознание. Подпоручика Ивасюка спас свободник Александр Грох. Своей курткой он сбил с товарища пламя и перенес его через мост к своим танкистам. Отсюда раненого переправили в полевой госпиталь, а затем на лечение в Москву.

В память героического подвига экипажа танк "051" установлен та постаменте в парке имени И. К. Коменского в Моравской Остраве. Славный танк в числе других принес свободу населению Остравы. Мост через реку Остравицу назван именем юношей, которые ценой жизни спасли его от разрушения. Этих юношей убил фашистский пулеметчик, как только они показались из-под моста.

30 апреля 1945 года в 19.00 майор Янко доложил генералу Москаленко, что мост через реку Остравицу захвачен неповрежденным.

В тот же день вечером московское радио сообщило, что среди частей и соединений, которые особо отличились при освобождении этого важного промышленного центра, была и 1-я Чехословацкая танковая бригада, сформированная в СССР. За участие в боях по освобождению района, прилегающего к Остраве, бригада была пять раз отмечена в приказах Советского Верховного Главнокомандующего, ее знамя украсил орден Суворова. В боях за Моравскую Остраву наши танкисты уничтожили 50 вражеских танков, десятки орудий и сотни огневых точек, уничтожили 3000 фашистов и около 700 взяли в плен.

1 мая 1945 года наша танковая бригада продолжала наступление на юго-запад. Ей предстояло освободить сначала город Моравский Бероун, затем Либаву и, наконец, город Оломоуц. 8 мая в городе Оломоуц подполковник Янко получил приказ командующего 38-й армией: "Совместно с советской 42-й танковой бригадой сломить сопротивление противника. Преследуя его отступающие части, идти на помощь восставшей Праге".

В населенном пункте Литовель фашисты оказали организованное сопротивление. Их поддерживало несколько самоходных установок "фердинанд". В этом бою погиб полковник Гаев - командир советской 42-й танковой бригады, с которой наши танкисты прошли с труднейшими боями от польского города Жоры.

Наша танковая бригада наступала в направлении - Моравска Тржебова, Поличка и Ждирец. В Ждиреце танкистов застал конец войны. Но они еще продолжали воевать. У города Гольчув-Еников им предстояло заставить капитулировать немецкую танковую дивизию, которая имела больше боевых машин, чем наша бригада.

К тому времени нам стало известно, что Прагу освободили танкисты маршала Рыбалко. Вместе с этими воинами начали мы наш боевой путь у Соколово, принимали участие в освобождении Киева, а сейчас они у нас на родине в Злата-Праге! Мы спешили в свою столицу. Направление: Часлав, Кутна гора и далее на запад. 10 мая 1945 года первые восемь танков 1-й Чехословацкой танковой бригады вошли в освобожденную Прагу. 17 мая наши машины прошли парадной колонной по Староместской площади. Население Праги с огромной любовью и восхищением глядело на наши танки. На них были суровые шрамы войны. Эти машины, сделанные из уральской стали, проложили себе путь на родину в тяжелых боях.

12. Партизанская одиссея

Помощь, которую Советский Союз оказывал чешскому и словацкому народам в период их борьбы с фашизмом, была огромной. Без этой помощи партизанское движение в Словакии, Моравии и Чехии не могло бы развиться так успешно.

Во время второй мировой войны на территорию Чехословацкой Республики было заброшено 700 советских и чехословацких военнослужащих - прекрасных организаторов партизанского движения. Великолепные и мужественные люди, они сумели сплотить и мобилизовать на борьбу с врагом широкие народные массы и в тяжелейших условиях вражеского тыла наносили по немецко-фашистской военной машине тяжелые удары. Многие из организаторов и руководителей партизанского движения были воинами нашей воинской части, созданной в СССР. В боях против гитлеровских орд, сражаясь плечом к плечу с советскими воинами, они проявили себя как отважные бойцы.

В последние часы войны я узнал, что на Чешско-Моравской возвышенности успешно действовал партизанский полк, названный моим именем. С воинами этого полка я встретился только после войны в Праге, на чествовании участников партизанского движения, а значительно позднее, через много лет, в мои руки попали документы, свидетельствующие об их славной боевой деятельности.

Сначала отряд был назван именем Яна Козины, борца за права ходов{18}. Это была парашютно-десантная группа из 17 человек (восемь чехов и словаков воинов 1-го Чехословацкого корпуса и девять советских специалистов), подготовленных для действий в глубоком тылу врага. Командиром отряда штаб партизанского движения, находившийся в то время в Киеве, назначил поручика Василия Киша, комиссаром - ротного Яна Копчака. Начальником штаба отряда был советский майор Герой Советского Союза Григорий Мельник, награжденный многими орденами и медалями. Товарищ Мельник был опытным партизаном, он воевал в соединениях генерала Ковпака, генерала Строкача и полковника Асмолова. Кроме майора Мельника были следующие советские товарищи: лейтенант Ястренский, капитан Косинков, старший лейтенант Моряков, младший лейтенант Петросян, младший лейтенант Малышев, старший сержант Вера Мордунова, старший сержант Александра Панченкова, сержант Шамаев. Остальные члены отряда были чехословацкие товарищи: свободник Турис, десятник Гуштяк, десягник Пало, свободник Балоштик, ротмистр Галамба и десятник Тундер.

В начале октября 1944 года отряд из Святошино, где он проходил подготовку, был направлен в Киев, в распоряжение штаба партизанского движения, а 16 октября в 19.30 советский

транспортный самолет с партизанами на борту вылетел в Чехию.

Выброску парашютистов предполагалось произвести на Шумаве, неподалеку от Филиповой Гути. Над линией фронта самолет попал под сильный огонь зенитной артиллерии, в районе Моравской Остравы снова был обстрелян. Маневрируя, летчик сбился с курса.

Около 23.00 началась выброска. Парашютисты прыгали с высоты 2000 метров двумя группами. Первым приземлился Михаил Турис, связной поручика Киша, за ним - его командир. Они осмотрелись. Где же Шумавский лес? Кругом была равнина. Затянутое тучами ночное небо обшаривали лучи мощных прожекторов. Наверное, неподалеку - военный аэродром.

Вдали слышался лай собак; где-то поблизости гудели моторы автомашин, по-видимому, там проходила шоссейная дорога. Поручик Киш быстро собрал парашют: белый шелк хорошо виден даже ночью. Осмотрелся. Кто-то приземлился совсем рядом. Миша! Товарищи обнялись. Быстро собрали второй парашют и оба закопали в размокшую землю.

Карманными фонарями первая группа должна была дать сигнал для выброски второй группы, "о партизаны не сделали этого: слишком велика была опасность, что товарищи приземлятся на вражеском аэродроме.

Два парашютиста двинулись по раскисшему полю искать товарищей. В окрестных селениях было как-то подозрительно оживленно. В стороне мелькнули тени. Погоня? Неужели уже знают о них? Быстро пошли наперерез теням, потом, приготовив автоматы, залегли. На условный вопрос дали условный ответ. Это был начальник разведки Митя Малышев, с ним - Герой Советского Союза Мельник и Армен Петросян.

На радостях по русскому обычаю расцеловались и принялись разыскивать остальных товарищей. Нашли гиганта Николая Морякова, черноморца, участника героической обороны Севастополя. Моряков сильно хромал: при падении повредил ногу.

Поиски остальных парашютистов не увенчались успехом. Заморосил дождь. Хорошо! По крайней мере, скроет следы.

Шесть человек остановились передохнуть, вернее, посовещаться. Вопрос, где они находятся, сильно беспокоил. С момента выброски прошло пять долгих часов. Поручик Киш развернул карты. Но какая в них польза, если нет возможности сориентироваться по какому-нибудь населенному пункту. Куда идти? В каком направлении? Решили, что утро вечера мудренее, и с этим легли отдохнуть.

Утром, в начале седьмого, партизан разбудил резкий собачий

лай.

Держась на небольшом удалении друг от друга, цепью шли фашистские солдаты с овчарками. Впереди - офицер. В такой обстановке собака куда опаснее самого злого преследователя: человек может не заметить, пройти мимо, но выученного пса нюх не подведет.

Шесть парашютистов решили сражаться до последнего патрона. Последняя пуля себе. Это был железный закон людей, добровольно идущих на операцию в тыл врага.

Фашисты почему-то обошли то место, где укрылись разведчики. Казалось, опасность миновала. Но вдруг офицер обернулся, направил в кусты автомат и, выкрикнув "Halt!", дал очередь. Ранило майора Мельника. После короткой перестрелки парашютисты устремились в поле, унося с собой ослабевшего начальника штаба.

В поле местные жители убирали сахарную свеклу. Этим воспользовались гитлеровцы. Спрятавшись за спины женщин и детей, они вновь открыли огонь. Парашютисты были вынуждены отойти в глубь леса. Вражеские солдаты окопались и стали ждать подкрепления. Фашистам и в голову не могло прийти, что перед ними только горстка людей, у которых к тому же на исходе патроны.

На коротком совещании разведчики решили попытаться пробиться из окружения и уйти в соседний лес, расположенный примерно в трех километрах от них. Закопав продовольствие и некоторые технические материалы, оставив только оружие, оставшиеся патроны, гранаты и топографические карты, шесть храбрецов начали бой. Сначала в ход пустили гранаты. Гитлеровцы в панике отошли и открыли бесприцельный огонь. Майора Мелыника ранило во второй раз.

Впереди - младший лейтенант Петросян, за ним, помогая Мельнику, младший лейтенант Малышев и старший лейтенант Моряков Киш и Турис прикрывали группу с тыла.

Отходя, партизаны встретили мужчину, у которого узнали название ближайшей деревни.

Ползком и перебежками парашютисты достигли спасительного леса. Гитлеровцы не отважились продолжать преследование.

Первым делом партизаны сняли и выжали промокшую одежду, оказали помощь майору Мельнику. Когда первая опасность миновала, все почувствовали голод и мучительную жажду.

Фашисты получили подкрепление и 17 октября 1944 года в 15.30 начали прочесывать лес, над которым все время кружил

разведывательный самолет, выискивая парашютистов. Шесть храбрецов приготовились к смертельной схватке с врагом.

Гитлеровцы приближались. Уже слышался треск веток под их ногами, команды, отдельные фразы. Враги шли вслепую. Когда серо-зеленые шинели приблизились к партизанам на расстояние нескольких шагов, шесть советских автоматов открыли стрельбу. Фашисты ответили беспорядочным огнем.

Отважным партизанам удалось незаметно проникнуть в тыл к преследователям. Пройдя несколько километров, выбившиеся из сил смельчаки остановились. Смеркалось. Вдали еще слышалась стрельба. Теперь на стороне наших бойцов были союзники: брат - лес и сестра - ночь. Но куда идти дальше? Если они в Австрии, тогда надо двигаться на север, в Чехию. У лесной сторожки парашютисты напились дождевой воды из бочонка под крышей. Вода подбодрила их.

В ночном мраке отстал свободник Турис. Долго искали его, но безрезультатно. Вероятно, он, усталый, где-то уснул. И что с остальными, эти пятеро не знали.

Шли всю ночь. Перед рассветом улеглись в стоге соломы, а когда рассвело, увидели перед собой город с водонапорной башней, мимо которой шли поезда. Это было крайне неожиданно. Впрочем, решили воины, оно и лучше: нацисты не додумаются искать их в непосредственной близости от города. В стоге соломы пятеро провели весь день. Когда стемнело, они двинулись в обход города с востока. По дороге увидели строение. Осмотрели - ничего подозрительного. В доме нашли сушеные фрукты. Немного утолили голод.

Мельник совсем ослаб. Ему была необходима медицинская помощь. Товарищи, опасаясь за его жизнь, решили пренебречь опасностью и войти в ближайшую деревню.

Пошли Киш и Малышев. Осмотрели первый дом - телефонных проводов не было видно. Тихо постучались в окно. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из-за ставней мужской голос спросил по-чешски:

- Кто там?

С сердца упал камень. Значит, они не в Австрии!

- Прошу вас, выйдите на минутку, - сказал поручик Киш.

Мужчина что-то проворчал, но вышел. Увидев двоих вооруженных партизан, он сказал, как обухом по голове ударил:

- Что вам тут надо? Вас ищут по всему району! Хотите, чтоб нас всех перебили, как в Лидице?

"Этот не поможет", - подумал поручик Киш и лишь спросил, как называется деревня.

- Смольнице, - буркнул мужчина.

Киш и Малышев вернулись к майору Мельнику. Когда он узнал, что они в Чехии, ему как будто сразу стало легче. Развернули карты, отыскали деревню Смольнице, ставшую для них ориентиром.

Итак, они приземлились на оккупированной фашистами территории у деревни Тухоржице в Лоунском районе, в семи километрах от военного аэродрома под Жатенем, между высотами 332 и 306. Первый бой вели в лесу между населенными пунктами Тухоржице и Липио. Вырвавшись из окружения, отступили в Маркварецкие леса, где на высоте 449 вели с врагом второй бой. Затем отступали мимо деревень Выров, Пнетлуки, Грживиц и Тоуховице, откуда вышли к Лоунам. Затем миновали Цитолибы, Лиштяны, Брлог и, наконец, попали в Смольнице. Надо пробираться на юг, к Филиповой Гути.

Снова в путь, но Мельник идти не мог, да и остальные ослабли от голода. Парашютисты залезли в стог у Гржишкова.

А по всей Чехии и Моравии уже были расклеены листовки на немецком и чешском языках, о которых наши воины еще не знали.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В ночь на 17 октября 1944 года между Жатецем и Лоунами были сброшены с советского самолета советские агенты. Большинство из них во время приземления были убиты или взяты в плен. Остальные еще на свободе. Можно ожидать, что агенты обратятся к населению с просьбой укрыть их или оказать другую помощь, особенно продовольствием.

Решительно предупреждаем население не оказывать парашютистам никакой помощи. Население обязано немедленно сообщать в ближайшее полицейское управление или местным властям о появлении этих агентов либо иных подозрительных лиц. Имя донесших останется в тайне.

Кто сообщит о местопребывании агентов, получит вознаграждение в

100000 крон.

Каждый, кто окажет помощь советским агентам, спрячет их или не будет содействовать при их задержании, согласно действующему закону будет расстрелян.

Прага, 18 октября 1944 г.

Обер-группенфюрер СС Франк.

Вечером поручик Киш и младший лейтенант Малышев пробрались в Гржишков. Постучались в окно крайнего дома. Открыла им женщина. Сначала она была очень осторожна: пыталась выведать, не провокаторы ли незваные гости, не агенты ли гестапо. Поверила им только тогда, когда увидела раненого.

Позвала партизан в дом. Помогла перевязать майора и всех накормила. Фамилия хозяйки Колчавова. Несмотря на опасность, она не побоялась протянуть руку помощи парашютистам. А в это время ее муж был у старосты и подписывал обязательство, что разыскиваемым "агентам" никакой помощи не окажет.

Среди бесстрашных патриотов, которые бескорыстно помогали отряду имени Яна Козины, был крестьянин Иозеф Шедивы из Гвиждалки. У него ребята, заядлые курильщики, получили первую сигарету. Майора Мельника бинтами, сделанными из простыни, перевязывала пани Шедива. Хозяин показал парашютистам дорогу в лес. Обменявшись с партизанами крепким рукопожатием, он на прощание наказал им рассчитаться с оккупантами за все.

В лесу у деревни Боры наши воины наткнулись на родник, к нему за водой приехали двое молодых людей: Поручик Киш услышал, как один громко рассказывал другому о парашютистах. Когда Киш вышел к парням, те испугались, но, увидев чехословацкую форму, а потом и красноармейскую форму, обрадовались. Один из них, которого звали Черны, сообщил нашим следующее.

У Лоун гитлеровцы убили трех партизан, в том числе женщину с санитарной сумкой. Все трое отбивались до последнего патрона. Это была Вера Мордунова, перед самым прыжком ей дали медикаменты и бинты. Но кто те двое? Парни у родника этого не знали. С воодушевлением рассказывали они о бое советских парашютистов, которые не сдались врагу.

Группа Киша тяжело переживала гибель боевых друзей. А как радовало, что народ на стороне партизан!

Дальше партизаны нашли приют близ высоты 471, севернее деревни Бдин. Через день в деревне все успокоилось, однако на противоположной стороне леса еще стреляли. Ночью парашютисты пошли в деревню, и население опять помогло им. Партизан накормили и устроили на ночлег в сарае. После стольких ночевок под открытым небом в холод, в дождь они вновь увидели над головой крышу и почувствовали тепло мягкого одеяла.

За деревней Тржтице парашютисты вышли на государственную шоссейную дорогу. Они выработали рискованный план: напасть на какую-нибудь военную автомашину, перебить фашистов, переодеться в их форму и на машине пробираться на Шумаву. Но осуществить этот план им не удалось.

Немало препятствий и трудностей пришлось преодолеть небольшой группе отважных людей, прежде чем им удалось

добраться до Чешско-Моравской возвышенности.

Были случаи, когда кое-кто из местных жителей отказывался помогать нашим воинам. Таких единицы. Большинство чехословацких граждан, с которыми доводилось встречаться людям из отряда имени Яна Козины, действовали как настоящие патриоты. Честь им и слава! Они помогали партизанам бороться с ненавистными оккупантами. Позднее эти люди под руководством поручика Киша развернули ожесточенную борьбу с гитлеровцами.

Поручик Киш, майор Мельник, старший лейтенант Моряков и младшие лейтенанты Малышев и Петросян прошли от Тухоржице до Чешско-Моравской возвышенности 420 километров. Это было тяжелейшее испытание. На Чешско-Моравской возвышенности они основали партизанский отряд имени Яна Жижки, а 28 ноября 1944 года он был преобразован в полк имени Людвика Свободы. В конце войны этот полк, которым командовал Василий Киш, в то время уже капитан, насчитывал 604 бойца.

Вот итог боевого пути полка: 111 повреждений телефонной и телеграфной связи, 31 взрыв на железнодорожных путях, 3 пущенных под откос поезда, повреждение бронепоезда; взорваны 3 моста и 2 склада боеприпасов, сожжены 16 цистерн и 3 склада с горючим, уничтожено 20 прожекторов. На длительное время выведен из строя завод боеприпасов в Семтине. В непосредственных боях с врагом полк уничтожил 1113 фашистских солдат и офицеров, 3053 - взял в плен. Захватил у противника: 109 грузовых и 12 санитарных автомашин, 51 мотоцикл, 3 бронемашины, 1 радиостанцию, 14 самолетов, 2 орудия, 405 лошадей, много оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов.

Партизанский полк под командованием чехословацкого офицера капитана Киша доказал, что можно успешно вести партизанскую войну и в холмистой западной части Высочины и даже на сравнительно равнинной местности - в районах городов Хрудима и Семтина. Весь личный состав полка сражался героически.

13. Парад на Староместской площади

Это было 17 мая 1945 года. Через историческую Староместскую площадь с боевыми знаменами проходили части 1-го Чехословацкого армейского корпуса, начавшего свой боевой путь в Советском Союзе.

Я стоял на почетной трибуне и с волнением вспоминал... Оккупация угнетение - тюрьмы - концентрационные лагеря... Суровые испытания на полях сражений, убитые и раненые, дни и ночи в окопах в дождь и мороз... Все это преодолели за прошедшие военные годы наши воины на фронте и наш народ на

родине.

На их долю выпало столько, сколько многим поколениям не пережить за всю жизнь.

Нас была небольшая горстка, когда мы начинали свой путь от Бузулука. А воины, которые сейчас проходят по площади, уже представляют собой 60-тысячное войско! Эта армия вооружена замечательными советскими автоматами, орудиями, минометами, имеет танки, самолеты! Это войско - основа новой, Народной армии Чехословакии.

Многие из наших боевых друзей не дожили до этого счастливого дня. Свыше 4000 чехословацких воинов пало за свободу Родины.

Я никогда не забуду не только об этих тяжелых, невосполнимых потерях, то и о сотнях тысяч чехов и словаков, замученных в концентрационных лагерях, расстрелянных гестаповцами или казненных на эшафотах. Среди них были молодые люди, дети и младенцы. Фашисты дорого заплатили за это. За 26 месяцев боев мы уничтожили 24 600 солдат и офицеров противника. Уже одни эти цифры показывают, что мы воевали неплохо.

Кого же отметить из длинного ряда наших героев? Их имена вам уже известны.

Отакар Ярош - первый иностранец, удостоенный звания Героя Советского Союза. Этого гордого и почетного звания удостоены также Сохор, Налепка, Вайда и Тесаржик.

Мужественно воевали Курт Вольф, Фрешл, Редиш, Ворач, автоматчики Петрас, Черны, Швайк, Штейнер, Билей, Бражина и Гунда, танкисты Недвидек, Гехт, Ясиок, Писарскы, Врана, Ваврa и Рейнер, пулеметчики Лом, Шпигл, боец Интернациональной бригады в Испании Венделин Опатрны, Франк и Крал, общий любимец поручик Вит Неедлы. Прекрасно сражались танкисты Янко, артиллеристы Рытиржа и Дрнека, парашютист Тимко, минометчики Бедржиха, связисты Шмолдаса, саперы Коваржика, Згора, наши фронтовые врачи Энгель, Шкваржил, Зингер, Родовский, Широкий, Энглова, Либал, Дуфек и другие. Замечательно проявили себя наши летчики-истребители и летчики-штурмовики, противотанковый артиллерист Перны, мужественный командир батальона Кгол и сотни других известных и тысячи неизвестных героев, мужчин и славных женщин, которые спустя 500 лет со времени Яна Жижки снова сражались вместе с мужьями.

Это Петранкова, Браунова, Новакова, Мальвина, Фантова, Бужакерова, Птачкова, Галбава Дандта Дрнкова, сестры Пишловы, Власта Павланова...

Нельзя не сказать о важной роли и замечательной организаторской деятельности начальника штаба корпуса товарища Ломского и его помощников. Не могу не вспомнить коммуниста товарища Прохазку и его боевых друзей Достала, Бенедикта, Фейнера, Ковала, Туряницу, Ваша, Маркуса Кополда, Острыха и других, которые вели в частях политико-просветительную работу. А самоотверженные работники тыла, возглавляемые товарищем Слабым!

Я вспоминаю о заботе, проявленной о нас московским руководством Коммунистической партии Чехословакии - Клементом Готвальдом, Яном Швермой, Вацлавом Копецким, Иосифом Кроснаржем, Зденеком Неедлы и доктором Богуславом Врбенским. Коммунист доктор Ярослав Прохазка руководил в наших частях политико-просветительной работой. Депутаты парламента - коммунисты Ченек Грушка, Иосиф Штетка, Иоси,ф Юран, Я" Гарус - воевали и работали в составе 1-го Чехословацкого корпуса, сформированного в СССР. Если в Бузулуке у нас было всего около 35 членов партии, то уже в апреле 1945 года в корпусе насчитывалось 605 членов КПЧ. Многие из коммунистов не дожили до радостного дня победы. Только в боях на Дукле погибло и было ранено 107 коммунистов, в Словакии партия потеряла свыше 70 убитыми и 130 ранеными своих лучших сынов.

И особенно следует отметить подлинно братскую бескорыстную, безграничную помощь великого советского народа и его славных Вооруженных Сил! На фронтах Великой Отечественной войны выковалась вечная дружба нашего и советского народов. Дружба, которая так замечательно выражает глубокое убеждение чехословаков: "С Советским Союзом "а вечные времена и никогда иначе!"

Страшно подумать, что бы случилось с нами, если бы Советская Армия не разгромила гитлеровские войска и не принесла нам свободу!

В настоящее время перед нами вырисовывается замечательное будущее. Мы верим, что войны исчезнут навсегда, что для народов всего мира настанет счастливая жизнь, что социализм и коммунизм победят.

Юноши и девушки! Ваши отцы и матери помогли завоевать свободу. Это была подлинно историческая миссия. Свершилось это во время величественной и героической деятельности нашего народа. Но вы, молодежь, никогда не забывайте, как легко мы потеряли свободу и с каким трудом, ценой какого огромного усилия и великих жертв нашего и особенно советского народа мы обрели ее вновь. Если бы не было Советского Союза, мы не

смогли бы вернуть себе свободу.

В заключение своего повествования мне хотелось бы привести (особенно для вас, молодежь, - надежда нашего народа) замечательные слова советского поэта Степана Щипачева:

За селом синел далекий лес.
Рожь качалась; колос созревал.
Молодой буденовский боец
У межи девчонку целовал.
Был у парня залихватский чуб,
На губе мальчишеский пушок.
Звал горнист. Но парню хорошо,
И девчонке этот парень люб.
Целовал он в жизни первый раз.
В поле - синь да рожь со всех сторон.
Он ушел... И полем через час
Поскакал в атаку эскадрон.
Полушалок от росы промок.
У девчонки в горле слез комок.
Парень пулей срезан наповал.
Рожь качалась; колос созревал.
Шли года.
Подумай над строкой,
Незнакомый друг мой дорогой.
Может быть, тебе семнадцать лет,
И в стране тебя счастливей нет.
Светят звезды, город сном повит,
Ты влюблен, ты обо всем забыл...
А быть может, счастлив ты в любви
Потому, что он недолюбил.

Примечания

{1} "Правда", 1 февраля 1957 г.

{2} Приветствия XXII съезду КПСС. М., Госполитиздат, 1961.

{3} "Правда", 3 июля 1958 г.

{4} "Правда", 13 июня 1954 г.

{5} Польский легион - добровольческий отряд, созданный во время разбойничьего нападения гитлеровской Германии на Польшу находившимися там чехословацкими эмигрантами-военнослужащими. - Прим. ред.

{6} Где фрау Свободова? (нем.)

{7} Гейдрих - гитлеровский наместник в протекторате Чехии и Моравии. Под его руководством нацисты чинили кровавую расправу над мирным населением. В мае 1942 года убит чехословацкими патриотами. - Прим. ред.

{8} До скорого свидания (нем.).

{9} Лидице - чехословацкая деревня. Гитлеровцы и их пособники совершили чудовищную расправу над ее жителями, обвинив их в помощи чехословацким патриотам, убившим в Праге наместника Гитлера кровавого палача Гейдриха (май 1942 года). Деревня была сожжена, все мужчины старше пятнадцати лет расстреляны на месте, остальные жители Лидице брошены в концентрационные лагеря. Такой же зверской расправе фашисты подвергли жителей другой чехословацкой деревни - Лежаки. - Прим. ред.

{10} Проклятая свинья! (нем.)

{11} Крал - по-чешски король.

{12} "Внимание, Отто-Зигфрид... Внимание... Место сбора Ia, 04.00. Место сбора la, 04.00" (нем.).

{13} Плохо, товарищ, плохо (итал.).

{14} Личный состав чехословацких частей был одет в английское-обмундирование. На пуговицах был изображен королевский герб. Прим. ред.

{15} Левее тринадцать (нем.).

{16} Руки вверх! (нем.).

{17} Национальный герой Словакии. - Прим. ред.

{18} Ходы - чешская этническая группа. - Прим. ред.